

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

REVUE d'HISTOIRE ANCIENNE

2 (181)

Апрель — Май — Июнь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН В 1937 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА · 1987

А. О. Большаков

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ДВОЙНИКЕ В ЕГИПТЕ СТАРОГО ЦАРСТВА

Одно из центральных мест во всяком мировоззрении, в том числе и в древнеегипетском, занимают представления о человеческой личности и о месте человека в мире, теснейшим образом связанные с представлениями о сущности этого мира. Поэтому изучение представлений о человеке, и в первую очередь основных категорий, в которых они выражались, является одной из насущнейших задач.

Важнейшей из категорий, характеризующих человека, был у египтян Ка (k') — понятие, не имеющее аналогий в современных языках. Несмотря на то что проблемой Ка занимались многие крупные египтологи, до сих пор все еще не ясно, что же такое Ка — часть человека (что-то вроде души) или самостоятельное существо, какова его природа, где он обитает и каким образом он связан с человеком: иными словами, проблема все еще очень далека от разрешения.

1. ИСТОРИОГРАФИЯ КА

Существуют три основные трактовки Ка, к которым в большей или меньшей степени примыкают почти все исследователи. В середине прошлого века появилось несколько небольших работ, авторы которых впервые обратили внимание на термин k'. Все они представляют в настоящее время интерес лишь для истории науки, однако уже в 1878 г. была сформулирована концепция, до сих пор считающаяся одной из наиболее солидных. Автором ее был Г. Масперо, высказавший свои основные положения на конгрессе востоковедов в Лионе¹. В 1879 г. П. Лепаж-Ренуф в своем докладе в Лондоне изложил точку зрения на проблему, сложившуюся независимо от Г. Масперо, но очень близкую к его мнению². Впоследствии Г. Масперо уточнял и развивал свою концепцию в работах 70—80-х годов³. Она заключается в том, что Ка является точной копией человека, его двойником (double), вполне материальным, однако из суб-

¹ *Maspero G.* Une formule des stèles funéraires de la XII-e dynastie.— BE, 1893, t. 1, p. 7.

² О раннем этапе исследования проблемы см.: *Maspero G.* Le Ka des Egyptiens est-il génie ou un double?— Memnon, 1913, Bd 6, S. 125—146.

³ Позднее они были собраны вместе и переизданы: *Maspero G.* Histoire des âmes dans l'Égypte ancienne.— BE, 1893, t. 1, p. 35—52; *idem.* Le double et les statues prophétiques.— Ibid., p. 77—91; *idem.* Egyptian souls and their worlds.— Ibid., p. 388—406.

станции «менее плотной» (*moins dense*), чем он сам; воплощением Ка являются статуи. Г. Масперо был поддержан рядом египтологов и отстаивал свое мнение до конца жизни, о чем свидетельствует одна из последних его статей ⁴.

Началом второго направления в изучении Ка послужила теория А. Эрмана. Он считал Ка некой жизненной силой (очевидно, нематериальной), обладание которой отличает живое от неживого ⁵. Мнение это было высказано мимоходом, похоже, что А. Эрман не слишком интересовался проблемой.

Г. Штайндорф, выступая против Г. Масперо, дал еще одно определение Ка. По Штайндорфу, Ка является гением — защитником человека (*Genius, Schutzgeist*), не имеющим отношения к гробничным статуям и изображениям ⁶. Однако эта аналогия с представлениями древних римлян выглядит как явная натяжка, а материалы, использованные исследователем, были гораздо менее значительными, чем у Г. Масперо, который подверг эту концепцию уничтожающей критике ⁷. Тем не менее она оказалась довольно живучей и имеет приверженцев и сейчас.

Тремя указанными именами — Г. Масперо, А. Эрмана и Г. Штайндорфа — ограничивается круг первичных исследователей проблемы. Их большая эрудиция и опыт не могут не привлекать внимания к этим теориям, давно устаревшим, но имеющим рациональное зерно. Однако у всех них есть общая черта, которая и предопределила в конечном счете их неуспех — невнимание к специфике египетских категорий. И «менее плотная субстанция» Г. Масперо, и «жизненная сила» А. Эрмана, и «дух-защитник» Г. Штайндорфа — понятия, которые явно отсутствовали у самих египтян. К сожалению, продолжатели первых исследователей не учли этой методологической ошибки и пользовались словами столь же легко и некритично.

Вслед за Г. Масперо шли Э. Навилль, Ф. Вире, А. Видеман, Г. Жекье ⁸; концепция А. Эрмана была поддержана А. Сотта, Ж. Вандье, Э. Моренцем ⁹. Мнения, сходные с Г. Штайндорфом, высказывали Г. Дж. Брестед ¹⁰ и особенно Г. Кеес. Последний, видя недостатки старой теории, сильно модернизировал ее, сделав только более запутанной и непонятной. Уступая в стройности прежним концепциям, концепция Г. Кееса оказалась широко распространенной благодаря тому, что была изложена в классических, неоднократно переиздававшихся работах ¹¹. Тенденция к эклектике, наметившаяся у Г. Кееса, продолжалась и нашла отражение в точке зрения Г. Боннэ, пытавшегося объединить в понятие Ка и жизненную силу, и Двойника ¹²; в настоящее время эта тенденция

⁴ *Idem.* Le Ka des Égyptiens..., p. 125—146.

⁵ *Erman A.* Die Geschichte des Schiffbrühigen.— ZAS, 1906, Bd 43, S. 14; *idem.* Die Religion der Ägypter. 2. Aufl. B., 1919, S. 102; 3. Aufl. B.—Lpz, 1934, S. 209—210.

⁶ *Steindorff G.* Раздел «Zur ägyptische Religion» в путеводителе: *Baedeker K.* Ägypten. 4. Aufl. Lpz, 1897, S. CXLIV—CXLV; *idem.* Раздел «La religion égyptienne» в путеводителе: *Baedeker K.* Égypte. 12-e ed. Lpz, 1903, p. CXVIII; *idem.* Der Ka und die Grabstatuen.— ZAS, 1911, Bd 48, S. 152—159.

⁷ *Maspero.* Le Ka des Égyptiens...

⁸ См. *Schweitzer U.* Das Wesen des Ka. Glückstadt etc., 1956, S. 14.

⁹ *Ibid.*, S. 14.

¹⁰ *Breasted J. H.* Development of Religion and Thought in Ancient Egypt. L., 1912, p. 52—55.

¹¹ *Kees H.* Der Götterglaube im alten Ägypten. 2. Aufl. B., 1956; 3. Aufl. B., 1977; 4. Aufl. B., 1980, S. 100—104; *idem.* Totenglauben und Jenseitsvorstellungen der alten Ägypter. 2. Aufl. B., 1956; 3. Aufl. B., 1977; 4. Aufl. B., 1980, S. 43—52.

¹² *Bonnet H.* Reallexikon der ägyptischen Religionsgeschichte. B., 1952, S. 357—362.

ярко проявляется, например, в совершенно расплывчатой точке зрения Х. Альтенмюллера, у которого Ка оказывается и «защитающей силой», и «жизненной силой», и «духом-защитником», и «элементом живого», оставаясь фактически неопределенным¹³.

Как реакция на несовершенство трех первоначальных теорий Ка уже очень рано начали появляться новые гипотезы, авторы которых стали широко, но, к сожалению, все так же некритически привлекать неегипетские, этнографические материалы. Появился целый ряд работ, некоторые из них очень фантастичны. Так, А. Морэ понимал Ка как египетский вариант *ману*¹⁴. Известный теоретик и историк религии Г. ван дер Леув, включившись в дискуссию, выдвинул определение Ка как «внешней души» человека¹⁵; того же мнения придерживался и Н. Томас¹⁶.

Нельзя не отметить также ряд правильных и интересных наблюдений, сделанных другими исследователями. Так, В. фон Биссинг обратил внимание на связь Ка и пищи¹⁷, Г. Якобзон связывал Ка с половой силой царя¹⁸, а Г. Франкфорт отождествлял его с плацентой царя¹⁹. К сожалению, абсолютизирование этих правильно замеченных отдельных черт Ка приводило к неправильному пониманию Ка как целого. Интересную возможность перевода Ка как «индивидуальность», «личность», который, как мы покажем, действительно отражает один из аспектов Ка, предложил А. Х. Гардинер, однако для него было естественным понимать Ка как «дух»²⁰. Невероятный разноречивый свидетельствует о том, что авторы этих теорий если и замечают правильно отдельные стороны проблемы, то дальше этого не идут. Несомненно, однако, что во всех этих работах есть чрезвычайно важные наблюдения, от которых мы никак не можем отмахнуться, ссылаясь на несовершенство самих теорий. Имеются, правда, и совершенно фантастические и бесполезные теории, пальму первенства среди которых можно отдать, пожалуй, принадлежащей С. Мерсеру²¹.

Последние работы, посвященные Ка, появились в 50-е годы²². Они подводят итог предшествующим исследованиям, но ничего нового не дают. Более 20 лет работ специально о Ка не выходит. Очевидно, проблема стала выглядеть «бесперспективной» из-за ее сложности. Когда же о Ка приходится говорить, авторы предпочитают обходить острые углы. Так поступил недавно П. Каплони, который в статье для «Лексикона египтологии» вообще не дал никакого определения Ка, что попросту противоречит самой идее и направленности «Лексикона»²³.

¹³ *Altenmüller H.* Grab und Totenreich der alten Ägypter. Hamburg, 1976, S. 30—32.

¹⁴ *Moret A.* Le Ka des Égyptiens est-il ancien totem.— RHR, 1913, t. 67, p. 181; *idem.* Mystères égyptiens. P., 1913, p. 199; 2-e ed. P., 1927, p. 202.

¹⁵ *Leeuw G. van der.* External soul, Schutzgeist und der ägyptische Ka.— ZÄS, 1918, Bd 54, S. 56—64.

¹⁶ *Thomas N. W.* What is the Ka?— JEA, 1920, v. 6, p. 265—273.

¹⁷ *Bissing F. W. von.* Versuch einer neuen Erklärung des Ka'i der alten Ägypter.— SKBAW, Jg. 1911, Abh. 5, S. 1—15.

¹⁸ *Jakobson H.* Die dogmatische Stellung des Königs in der Theologie der alten Ägypter. Glückstadt, 1939, S. 55—58.

¹⁹ *Frankfort H.* Kingship and the Gods. Chicago, 1948, p. 61—65.

²⁰ *Gardiner A. H.* Egyptian Grammar. 3-d ed. Oxf., 1956, p. 172.

²¹ *Mercer S. A. B.* The Religion of Ancient Egypt. L., 1949, p. 315—322.

²² *Greven L.* Der Ka in Theologie und Königskult des Alten Reichs. Glückstadt etc., 1954; *Schweitzer.* Op. cit.

²³ *Kaplony P.* Ka.— LÄ, 1980, Bd 3, S. 275—282.

2. ВЫБОР ИСТОЧНИКОВ

Даже этот вынужденно краткий и далеко не полный обзор показывает, насколько проблема Ка не понята современной наукой. Одна из причин этого заключается в том, что большинство исследователей пользуются наиболее эффективными, но одновременно и наиболее сложными памятниками — памятниками царского заупокойного культа. Если речь идет о Старом царстве, то это прежде всего «Тексты пирамид». В «Текстах пирамид» действительно, видимо, можно найти ответ практически на любой вопрос по мировоззрению этой эпохи, однако до сих пор во многом остаются загадочными их язык, структура, внутренняя логика, хронологическая последовательность отдельных частей — все то, без чего пользоваться ими как источником примерно то же самое, что браться за задачи высшей математики, не зная арифметики.

Анализ «Текстов пирамид» в высшей степени осложняется и тем, что нам совершенно непонятна связь используемых в них категорий с реальностью, ибо категории эти используются в них как нечто данное. «Тексты пирамид» представляют собой целый мир, живущий по своим законам, и, начиная исследование, не зная этих законов, мы вынуждены замыкаться в этом мире, не имея выхода в тот реальный мир, где жил древний египтянин, где мы можем ухватиться за что-либо реальное и пользоваться им как точкой отсчета. Говоря другими словами, следует каким-то образом связать интересующую нас категорию Ка с практической деятельностью египтян. Поскольку речь в любом случае идет о памятниках заупокойного характера (других у нас просто нет), эта практика является практикой заупокойного культа. В свое время М. Э. Матье подчеркивала связь «Текстов пирамид» с ритуалами²⁴, однако ее идея осталась без развития, и именно в силу оторванности «Текстов» от реальной жизни египтян. Очевидно, на настоящем этапе следует отказаться от анализа «Текстов пирамид» и заняться памятниками, в которых связь с культовой практикой проявляется более явственно.

Существует огромное количество таких памятников — это гробницы знати, окружающие царские пирамиды, а во второй половине Старого царства образующие крупные некрополи и в провинции. Количество связанных текстов в этих гробницах невелико, и они сводятся почти исключительно к очень стандартным заупокойным формулам и автобиографиям. Зато стены культовых помещений гробниц покрыты рельефами, изображающими практически все стороны жизни Египта. Эти рельефы являются важнейшим источником для изучения хозяйственной и социальной жизни, нравов и быта, однако самостоятельным источником по мировоззрению они до сих пор не стали и привлекаются к исследованиям в этой области лишь как дополнительный материал. Однако, поскольку в гробницах Старого царства были только совершенно реалистические по содержанию изображения, без какой-либо фантастики, их смысл и назначение выявляются достаточно однозначно; можно связать их и с определенными ритуалами, совершавшимися в гробнице. К тому же, поскольку представления о «загробной жизни» знати, отразившиеся в этих изображениях, гораздо проще и реалистичнее представлений о царе, категория Ка в частных памятниках находится в гораздо более простом контексте, что облегчает работу по ее интерпретации.

²⁴ Матье М. Э. Тексты пирамид — заупокойный ритуал. — ВДИ, 1947, № 4, с. 30—56.

3. ПСИХОЛОГИЯ ВОСПРИЯТИЯ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ КАТЕГОРИИ КА

Несомненно, что настенные изображения являются не просто украшением гробниц, что они каким-то образом, в рамках представлений египтян, служат умершему в его «загробной жизни». В связи с этим их функциональным назначением все изображения в гробнице образуют строго организованную единую систему, «работа» которой направлена на обеспечение покойного едой и питьем и прочими благами²⁵. Для того чтобы он мог этими благами пользоваться, на западной стене часовни делалась ложная дверь — изображение двери, через которую он должен выходить в часовню.

Здесь естественно возникают вопросы: 1) где, по мнению египтян, живет и каким образом выходит в часовню умерший и 2) каким образом мертвые изображения могут обеспечивать ему хоть и призрачную, загробную, но все-таки жизнь? Ответов на эти вопросы до сих пор нет, так как никто, кажется, и не пытался задать их себе, хотя ответить на них — значит понять суть староегипетской концепции человека. Когда же возникает необходимость как-то объяснить эти сложные моменты, как правило, говорят, что в силу крайней противоречивости египетских представлений в них сочеталась мысль о том, что мертвый живет в мире мертвых, на Западе²⁶, и о том, что он выходит оттуда к изображениям, оживляемым магическими действиями²⁷. Однако эти объяснения по существу ничего не объясняют. Постараемся на наших материалах показать, а затем дать свой ответ на поставленные вопросы.

1. Огромное количество текстов недвусмысленно называет местом «загробной жизни» человека (не царя) Запад. Естественно будет предположить, что Запад — это некая страна мертвых, находящаяся где-то на западе, где умирает солнце. По-видимому, такое представление действительно могло существовать на очень раннем этапе, результатом чего и является ориентация культовых помещений по оси восток — запад, расположение ложной двери на западной стене и т. д. Если это представление существовало и в период, которым мы занимаемся, ответ на наш вопрос будет очень простым: за ложной дверью находится Запад, где умерший живет и откуда выходит через ложную дверь принимать жертвы.

Однако, если мы рассмотрим планировку гробниц, то найдем особенности, которые опровергают такое предположение. Действительно, Запад может находиться западнее ложной двери лишь в том случае, если за ней нет других помещений, куда может зайти посетитель гробницы, т. е. нет ничего от мира живых. Но в мастабе Mgr-w(j)-k'(j) за ложной дверью в камере A-11 находится камера A-8, открытая для посетителей (MM, plan facing pl. II). Точно так же за ложной дверью в камере 7 мастабы Hnt(j)-k'(j)/Jhhj находится кладовая 10 (MKCI, pl. III), за ложной дверью в камере 7 мастабы царицы Nb.t располагается камера 1 царицы Hnw.t (TB, pl. LXIV). Таким образом, западнее ложной двери находится не мир мертвых, а часть мира живых. Создается впечатление, что Запад — понятие, не связанное с географическим западом, тем более что в некоторых мастабах встречается расположение ложной двери не на за-

²⁵ См.: *Большаков А. О.* Староегипетская гробница как комплекс. — ПППИКНВ, 1985, вып. 18, ч. 1, с. 97—103; *он же.* Системный анализ староегипетских гробничных комплексов. — ВДИ, 1986, № 2, с. 98—137.

²⁶ Основное староегипетское обозначение загробного мира, *jmn. t*, мы будем передавать как Запад, в отличие от запада как географического понятия.

²⁷ См., например, *Коростовцев М. А.* Религия древнего Египта. М., 1976, с. 201, 205.

падной стене (Giza, IX, Abb. 34, 35, 55; X, Abb. 50; вероятно, также S.154). Разумеется, такое расположение ложных дверей связано с невозможностью поместить их на западе по чисто техническим причинам, однако сама возможность отказа от традиционного размещения весьма красноречива.

Гораздо более интересны свидетельства провинциальных скальных гробниц, которые совершенно недвусмысленно говорят, что Запад не является каким-то «миром» и не имеет географической привязки. Если при строительстве мастаб можно было выдержать строгую ориентацию по странам света, то в скальных гробницах это было зачастую нереально. Их расположение и ориентация определялись в первую очередь ориентацией обрыва скал, пригодного для их высечения. Если обрыв параллелен Нилу, гробницу можно было сориентировать по столичному образцу²⁸ (например, Pjrpj-^cnh(.w) Hr(j)-jb в Меире²⁹, T^cwtj в Каср эс-Сайад (AAFBMR, S. 46). Однако многие гробницы высекали в скалах, расположенных под углом к Нилу, так что традиционная ориентация была невозможна, а изгибы обрыва приводили к тому, что оси соседних гробниц могли быть перпендикулярны, а гробницы --- w^chm/W^chmj и Špss-k^c.w(.j) в Завийа эль-Майитин расположены даже друг против друга и обращены друг к другу входами (AAFBMR, Abb. 16). Традиционное расположение ложной двери на западе в таких случаях старались сохранить, даже если вход в часовню был и не на востоке, как того требовал столичный образец (например, Hm(w)-r^c(w) в Дейр эль-Гебрави (RTDG, II, pl.XVII).

Наиболее интересным при этом оказывается случай, когда и вход в часовню, и ложная дверь находятся на западе. Такие гробницы есть в Шейх Саиде — Ttj-^cnh(.w) (RTShS, pl. XXVII), Mr(j)-w(j)/Bbj (RTShS, pl. XVIII), Wjw/Jjw (RTShS, pl. XXII), Mr(j)-w(j) и Hnn.t (RTShS, pl. XXII), безымянная гробница № 6 (AAFBMR, Abb. 12), в Завийа эль-Майитин — M^c(j), Jbw, Httj, H(w).t-^chr(w)-m-h^c.t, другой M^cj, N(j)-^cnh-pjrpj (AAFBMR, Abb. 16), в Косейр эль-Амарна — Pjrpj-^cnh(.w) (AAFBMR, Abb. 26), Hw(j)-n(.j)-w^ch³⁰; в эль-Хававиш — Mpw-^cnh(.w)³¹. За ложной дверью оказывается не какой-то мир мертвых, а нильская долина, самый что ни на есть мир живых, и находится он лишь за тонкой стеной.

Однако ложная дверь не обязательно должна была находиться на западной стене, в ряде гробниц ложные двери есть помимо западной и на других стенах. Наиболее удивительный случай — гробница Hnkw/J---f в Дейр эль-Гебрави, где ложные двери есть на всех четырех стенах (RTDG, II, pl. XXII). Наконец, существуют гробницы, где ложные двери находятся не на западной, а на других стенах. Мне известны два таких случая — Htp-nb(w.j) и Mr.wt в Дейр эль-Гебрави (RTDG, I, pl. XXI). Это тем более примечательно, что в обоих случаях западная стена вообще не покрыта изображениями.

Таким образом, несомненно, что западнее ложной двери этого Запада нет. Следовательно, в период, которым мы занимаемся, представления о Западе были оторваны от географического понятия запада. Теперь мы можем перейти ко второму поставленному вопросу.

²⁸ В Верхнем Египте страны света до сих пор определяют по Нилу.

²⁹ Blackman A. M. The Rock Tombs of Meir. V. IV. L., 1924, pl. I.

³⁰ Quibell J. E. Necropole de la VI-e dynastie à Koçer el-Amarna.— ASAE, 1902, t. 3, fig. 1.

³¹ Kanawati N. The Rock Tombs of El-Hawawish, the Cemetery of Akhmim. V. I. Sydney, 1980, fig. 2.

2. Если мы предполагаем, что, по представлениям египтян, гробничные изображения были живыми, возникает противоречие: с одной стороны, изображения должны быть живыми, а с другой стороны, — и это легко проверить — они мертвы. Прекрасной иллюстрацией того, что египтяне понимали, что изображения всего лишь холодный камень, но в то же время видели в них какую-то жизнь, является практика уничтожения изображений в гробницах с целью погубить умершего на том свете: поскольку эта практика существовала, «загробная жизнь» действительно как-то связывалась с изображениями, но во время работы по их уничтожению нельзя было не убедиться, что они мертвы. Принято ссылаться на некую «детскость» сознания древнего человека: дескать, как ребенок боится страшной картинки, словно она живая, так и древний человек боялся изображений чего-либо опасного для него; как ребенок привносит жизнь

мертвое для взрослого изображение, так же якобы делал и человек, чье сознание стояло на ступень ниже нашего современного, «взрослого» сознания. Однако все-таки нельзя забывать, что древнего египтянина, даже имевшего иное по сравнению с нашим сознание, нельзя сравнивать с ребенком — он имел достаточный жизненный опыт, чтобы отличить мертвое от живого; во всяком случае, в своем мире он ориентировался не хуже, чем мы в своем.

Таким образом, противоречие, к которому мы пришли, является неразрешимым; таким же неразрешимым было бы оно и для древнего египтянина, если бы его поставить перед необходимостью разрешить такую проблему. Остается предположить, что одно из двух противоречащих положений — изображения живы или изображения мертвы — вообще не существовало в представлениях египтян, и тем самым снять противоречие. Несомненно, что ошибочно первое предположение. Действительно, то, что изображения мертвы, подтверждается практикой, безразлично, современной или древней, и здесь никаких сомнений быть не может; то же, что изображения живы, — плод нашей интерпретации представлений пяти тысячелетней давности, которая, разумеется, вполне может быть ошибочной. Однако все-таки несомненно, что «загробную жизнь» египтяне каким-то образом ставили в зависимость от гробничных изображений (в противном случае невозможно объяснить, зачем их делали), хотя сами они живыми не считались. Таким образом, изображения являлись средством обеспечения «загробной жизни», тем самым «механизмом», который египтяне целенаправленно создавали, чтобы жить вечно.

Мы показали, что аргументированных ответов на оба поставленных вопроса до сих пор не существует. Казалось бы, проблема стала только более запутанной. Однако это не так. Две надписи позднего Старого царства, отразившие отношение египтян к изображениям, подводят нас непосредственно к искомому ответам. Надписи эти недавно были трактованы О. Д. Берлевым, который показал их огромное значение, что позволяет привести здесь лишь краткое изложение его выводов, необходимых для продолжения нашей работы.

В конце Старого царства в гробницах появляются надписи, в которых хозяева утверждают, что полностью оплатили труд мастеров, работавших в гробнице³². Назначение этих надписей понятно — хозяева гробниц, опасаясь возможности их узурпации в будущем, надеялись таким образом утвердить свое право на них как на законную собственность.

³² Библиографию этих надписей см.: *Берлев О. Д.* Общественные отношения в Египте эпохи Среднего царства. М., 1978, с. 19.

Авторы двух надписей, о которых идет речь, развивая эту мысль, отошли от стереотипа в построении текста и тем самым объяснили достаточно однозначно свои представления о «загробной жизни».

Первая надпись находится возле изображения заупокойного жреца Hnm.tj на притолоке из гробницы некоего J'r.tj в Саккаре³³. Надпись эта вложена в уста Hnm.tj , приносящего хозяину заупокойную жертву, и звучит следующим образом (перевод О. Д. Берлева): «Что касается документа на право собственности (= купчей), то заупокойный жрец, Hnm.tj , говорит он: „Назначил меня владыка мой заупокойным жрецом. И сотворил он дверь эту за вознаграждение (в виде) одной набедренной повязки малой, так что я вышел из нее (т. е. двери), чтобы служить заупокойным жрецом“³⁴. Документом на право собственности является в данном случае сама рассматриваемая надпись. Ключом для ее понимания оказывается слово «дверь» (sb^3). Поскольку «дверь» эта сделана специально для того, чтобы из нее выходил Hnm.tj и никто другой, это не может быть ни вход в часовню, предназначавшийся для всех посетителей, ни ложная дверь, служившая только хозяину, J'r.tj , тем более что цена (малая набедренная повязка) оказывается слишком незначительной для сооружений такого рода. В таком случае «дверью» может быть только изображение Hnm.tj ³⁵. Изображение человека, таким образом, воспринимается как «дверь», из которой выходит он сам.

Ситуация, описанная в надписи, оказывается следующей. J'r.tj заказал плиту с изображением служащего ему Hnm.tj и оплатил труд мастера по его изготовлению (малая набедренная повязка оказывается ценой лишь одной маленькой фигурки, а не всего памятника). Однако факт использования слова «дверь» по отношению к изображению означает, что J'r.tj покупал не просто изображение, а самого жреца Hnm.tj в том виде, в каком он «выходит» из этой «двери». Вышедший из изображения — «двери» Hnm.tj должен совершать для J'r.tj заупокойную службу, т. е. обеспечивать ему «загробную жизнь». С этой целью и заказывал изображение и платил за него J'r.tj ³⁶.

Разумеется, все, что мы знаем о практике назначения заупокойных жрецов, говорит о том, что покупка жреца является фикцией и при жизни он собственностью J'r.tj не был. J'r.tj покупал, конечно же, не самого жреца, а то его проявление, которое будет жить в гробнице благодаря изображению и совершать заупокойную службу вечно, пока существует изображение (а пока Hnm.tj был жив, он, не будучи собственностью J'r.tj , сам совершал службы).

Второй интересующий нас памятник — ложная дверь Jt(w)-h'h' , находящаяся в Каирском музее (№ 56 994), на притолоке и косяках которой расположены надписи³⁷. Надпись на притолоке звучит следующим образом (перевод О. Д. Берлева): «Сделал я это (= ложную дверь) для того, чтобы быть почтенным у владыки моего, заставив славить для меня бога (= благодарить меня) мастерство (= мастеров), творящее некрополь за вознаграждение соответствующее»³⁸. Надписи на косяках яв-

³³ Grdseloff B. Deux inscriptions juridiques de l'ancien Empire. — ASAE, 1943, t. 42, p. 26—38.

³⁴ Берлев. Общественные отношения..., с. 27.

³⁵ Там же, с. 24; здесь же указан еще один случай употребления слова дверь (') по отношению к изображению.

³⁶ Там же, с. 25—26.

³⁷ Bakir A. M. Slavery in pharaonic Egypt. Le Caire, 1952, p. 13—14.

³⁸ Берлев. Общественные отношения..., с. 29.

ляются пояснениями к изображенным здесь же людям, занятым приготовлением хлеба и пива, подносящим хозяину продукты и одежды, и гласят (перевод О. Д. Берлева): «Купленные люди (мои), что от особы (моей) (= собственные мои), я достал их за вознаграждение (= купил), запечатанными (= имена которых — в списке запечатанном) в грамоте, подлежащей запечатыванию, что от $h.t$ ³⁹, с тем, чтобы они приносили мне жертвы в некрополе. Заупокойные жрецы и заупокойные жрицы»⁴⁰.

В надписях этих $Jt(w)-h'h'$ сообщает, конечно, что он купил изображения людей, а не их самих, т. е. в конечном счете, как мы знаем теперь из надписи $J'g.tj$, он купил то живое, что стоит за изображениями и «выходит» из них. Ведь сперва на притолоке он заявляет, что заплатил мастеру цену изготовленного памятника, а затем на косяках доказывает право собственности — естественно, не на самих людей, а на их изображения, к которым относятся эти надписи⁴¹. Как и в надписи $J'g.tj$, подчеркивается, что изображения покупаются для того, чтобы служить умершему⁴².

Теперь становится в общих чертах понятно, как египтянин Старого царства представлял себе «загробный мир». $Jt(w)-h'h'$ недвусмысленно заявляет, что платил мастерам, «творящим $hr(j).t-ntr$ ». Можно понимать это слово буквально, как обозначение кладбища, и смысл на первый взгляд будет вполне удовлетворительным — плата кладбищенским мастерам; однако речь идет не вообще о мастерах, работающих на кладбище, а о тех, кто непосредственно был занят изготовлением данного изображения. Очевидно, здесь слово $hr(j).t-ntr$ употреблено в том значении, которое авторы берлинского словаря предлагают понимать как «загробный мир» (Wb, II, 394, 11—13). Но если мастера, создавая изображения, тем самым «творяют $hr(j).t-ntr$ », этот «загробный мир» оказывается миром изображений или миром, который теснейшим образом с изображениями связан.

Теперь, изложив выводы О. Д. Берлева, мы можем продолжать наше исследование. Полной аналогией $hr(j).t-ntr$ является и основное староегипетское обозначение загробного мира — Запад ($jmn.t$). $Jmn.t$, точно так же как и $hr(j).t-ntr$, может относиться и к кладбищу, вполне земному, реальному месту, и к воображаемому загробному миру (Wb, I, 86, 8—9). Становится ясно, почему одно и то же слово, будь то $jmn.t$ или $hr(j).t-ntr$, обозначает и кладбище, часть мира живых, и «мир мертвых», — этот «мир мертвых» помещался в гробнице, тем самым перекрываясь частично миром живых. По существу слова $jmn.t$ и $hr(j).t-ntr$ даже не двусмысленны — просто они обозначают место, принадлежащее двум мирам одновременно, и поэтому в каждом отдельном случае на передний план выступает либо один, либо другой аспект этого места.

Таким образом, «загробный мир» связан с гробничными изображениями, но не сводится к ним. Как же мертвые изображения могут содержать в себе реальность изображенного? Как обеспечивают этой реальности возможность «выходить» из изображения? Гробничные рельефы четко отвечают на этот вопрос. Практически всегда (за отдельными исключениями) композиция на стене состоит из двух основных частей: расположенных поясами изображений различных работ, происходящих в хозяйстве вельможи, и его собственного, обращенного к ним изображения, занимающего высоту всех или почти всех поясов и тем самым объединяющего все сцены

³⁹ О $h.t$ см. там же, с. 30.

⁴⁰ Там же, с. 29.

⁴¹ Там же, с. 31—32.

⁴² О более позднем, новоегипетском отношении к статуэткам-ушебти как к рабам их владельца см. там же, с. 33—34.

воедино. Изображение хозяина всегда статично; за исключением тех случаев, когда он изображен за трапезой, он просто неподвижно стоит или сидит. Практически всегда изображение его сопровождается его титулами и именем, расположенными над ним. В общем и целом никаких других надписей не требовалось, однако очень часто они все-таки имеются. Они представляют собой вертикальный столбец, идущий между изображением хозяина и всеми остальными сценами; титулы хозяина следует при этом понимать как продолжение этих надписей (существуют, кажется, только две подобные надписи, не сопровождающиеся титулами, обе в одной гробнице ⁴³). Эти надписи являются названием всей композиции на стене и всегда строятся по стандартному образцу, что позволяет назвать их формулами: слово *m*’ («смотрение») + описание объекта смотрения (сцен, находящихся перед хозяином) + описание субъекта смотрения (титулы и имя хозяина). Например: «Смотрение (на) жертвы *ph.t*, доставляемые селениями его собственными для „возглашения“ (= для заупокойной жертвы) каждый день... (следуют титулы) *S’bw*» (МАЕ, р. 144); «Смотрение (на) жертвы *nd.t-hr*, доставляемые из дворов (т. е. подразделений хозяйства) его, селений его Верховья и Низовья... (следуют титулы) *Spss-ptḥ*» ⁴⁴; «Смотрение (на) пахоту, трепку льна, жатву... (следуют титулы) *K’(j)-m-nfr.t*» (МАЕ, р. 246) и т. д. Единственное известное мне отклонение от такого построения «формул смотрения» (назовем их так) — надпись в гробнице царицы *Mrg(j)-s(j)-nh(.w)* III, сопровождающая изображение царицы и ее матери, плывущих в лодке: «Они смотрят на всякое добро, которое в болотах...» ⁴⁵, однако это отличие чисто формальное, а не смысловое.

«Формулы смотрения» показывают, что пассивность хозяина в подобных сценах только кажущаяся, что на самом деле он совершает действие, которое настолько важно, что именно оно дает название всей композиции. Действие это — «смотрение». Необходимо было подчеркнуть, что хозяин именно смотрит на все изображенное перед ним. Что же стоит за этим «смотрением»?

К счастью, мы можем поставить здесь знак равенства, хотя бы приближительного, между собственным восприятием и восприятием древнего египтянина. Постараемся доказать это парадоксальное на первый взгляд утверждение. На стенах гробниц изображается только то, что умерший видел при жизни, чем он владел, — его хозяйство (то, что можно было бы сфотографировать, имей египтяне представление о фотографии), но никогда что-либо фантастическое.

В наше время практически каждый хранит фотографии близких людей, дорогих ему мест, важных событий в его жизни и т. д.; до изобретения фотографии ее роль выполняли портреты, миниатюры и т. д. Функция всех этих изображений одинакова — напоминать о людях и событиях. Наша память такова, что, хотя она и способна к произвольному воспроизведению того, что было однажды в нее заложено, «такое воспроизведение не совершается „само собой“, „без толчка“. Толчком к произвольному воспроизведению бывают восприятия предметов, представления, мысли, вызванные в свою очередь определенными воздействиями» ⁴⁶, т. е. любя

⁴³ *Moussa A., Allenmüller H.* The Tomb of Nefer and Kahay. Mainz, 1971, pl. I, II, VII.

⁴⁴ *Murray M.* Saqqara Mastabas. V. I. L., 1905, pl. XXX.

⁴⁵ *Dunham D., Simpson W. K.* The Mastaba of Queen Mersyankh III. Boston, 1974. fig. 4.

⁴⁶ *Петровский А. В.* Общая психология. М., 1970, с. 282.

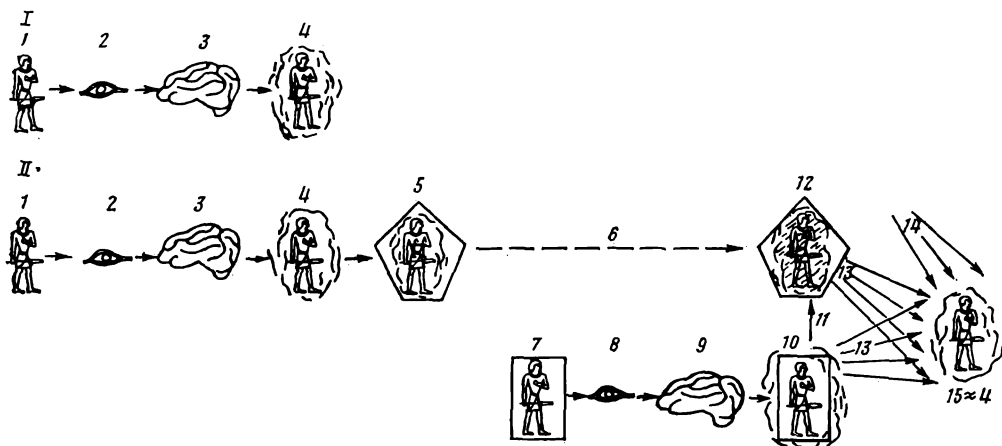

Рис. 1. Механизм возникновения категории Ка. I. Возникновение зрительного образа. II. Возникновение зрительного образа, опосредованного памятью

1 — объект; 2 — восприятие зрительными рецепторами; 3 — обработка информации мозгом; 4 — зрительный образ объекта; 5 — переход образа в долговременную память; 6 — бессознательное хранение образа в памяти; 7 — изображение объекта; 8 — восприятие зрительными рецепторами; 9 — обработка информации мозгом; 10 — зрительный образ изображения объекта; 11 — толчок-напоминание; 12 — извлечение из памяти несколько искаженного образа объекта; 13 — сопоставление образа объекта с образом изображения объекта, его корректирование; 14 — включение ассоциативных связей; 15 — возникновение уточненного образа объекта ($15 \approx 4$)

напоминание может быть толчком к воспроизведению заложенного в память. Если же напоминание является направленным, то и направленность воспроизведения оказывается гораздо более однозначной. Таким направленным напоминанием и являются для нас фотографии, для этого мы их и храним. При взгляде на фотографию воспоминание становится отчетливее, вместо смутного образа возникает яркая картина минувшего. Фотография напоминает массу деталей, которые хранятся в глубинах памяти, но без внешнего толчка наверх не всплывают; она может навести и на мысль о совершенно забытом, казалось бы, событии, о котором минуту назад человек и не думал. Более того, толчок, напоминание вызывает массу ассоциаций, которые развиваются совершенно бессознательно и бесконтрольно и порождают другие образы, непосредственного отношения к изображенному уже не имеющие. «События и лица, зарегистрировавшись в памяти, образуют такую же неразрывную группу или ассоциацию, как заученные стихи, и такая группа может воспроизводиться намеком на любое из ее звеньев»⁴⁷. Фотография, изображение является очень существенным «звеном», которое влечет за собой всю «цепь» воспоминаний. В результате в памяти человека оживает целый фрагмент его жизни.

У нас нет никаких оснований полагать, что психика древнего человека на том этапе ее развития, который представлен древним египтянином, была устроена как-то иначе⁴⁸. Несомненно, что его не мог не поражать

⁴⁷ Сеченов И. М. Избранные философские и психологические сочинения. М., 1947, с. 449.

⁴⁸ См. критику концепции Дж. Джейнса, считавшего, что во времена древнего Востока психика была иной в силу иных межполушарных связей мозга: Иванов Вяч. Вс. Нейросемиотика устной речи и функциональная асимметрия мозга. — УЗТГУ, 1979, вып. 481, с. 133.

такой феномен памяти, не осознававшийся, разумеется, как феномен именно памяти. Чувствуя, что изображенное вспоминается яснее, «оживает» в памяти, мы прекрасно понимаем, что «оживление» это происходит именно и только в сознании, что такое ощущение субъективно; древний человек в силу отличия его исторического опыта этого не сознавал и оценивал это явление иначе. Говоря иными словами, в выражении «изображенное оживает в памяти» мы подчеркиваем *в памяти*, египтянин же подчеркивал бы *оживает*.

Рассмотрим подробнее процесс возникновения зрительного образа. В мозгу могут возникать два типа образов: материал для первых дает непосредственное восприятие органами чувств, для вторых — память (т. е. это восприятия, опосредованные памятью). (Разумеется, возможно объединение содержащихся в памяти реальных образов в фантастические, однако это нас сейчас не интересует.) (см. рис. 1).

Первый процесс протекает следующим образом. Объект (1) воспринимается зрительными рецепторами (2), и полученная информация обрабатывается мозгом (3), в результате чего возникает зрительный образ объекта (4). (Такое разделение, конечно, является упрощением — анализ информации начинается уже в момент ее восприятия глазом, в самом глазу.) Указанные стадии являются также и начальным этапом второго процесса, в котором полученный образ затем переводится в долговременную память (5), где хранится (бессознательно) на протяжении некоторого времени (6). Через это некоторое время человек сталкивается с изображением объекта (7). Оно воспринимается зрительными рецепторами (8), полученная информация обрабатывается мозгом (9), в результате чего возникает зрительный образ изображения объекта (10). Этот образ служит толчком-напоминанием (11) для памяти, из которой извлекается образ объекта, несколько искаженный в силу неизбежного забывания (12). Зрительный образ изображения объекта (10) корректирует этот извлеченный из памяти образ (именно поэтому очень часто, посмотрев на фотографию, мы с удивлением вспоминаем очень многое, казалось бы, совершенно забытое), инициирует память (13), а включающиеся ассоциативные связи дают дополнительную информацию, каким-либо образом связанную с объектом (14), в результате чего возникает уточненный образ объекта (15).

Для того чтобы можно было нарисовать такую картину, потребовалось, чтобы психология, физиология, философия прошли весь долгий путь своего развития, древний же человек обо всем этом представления не имел, более того, его чувства свидетельствовали как будто прямо о противоположном. Действительно, субъективно, с точки зрения вспоминающего, образ, полученный в результате воспоминания (15), неотличим от образа, возникающего при непосредственном восприятии (4). (На деле, конечно, он всегда чем-то отличается, так как хранение информации без потерь невозможно, но сам человек, который может опираться только на свою память, этого не сознает, и для него «то, что я помню» превращается в «то, что было на самом деле» — образцы такой объективизации собственных воспоминаний, которая равна субъективизации действительности, можно найти хотя бы в любом произведении мемуарного характера.) Поэтому вполне естественно, что, не зная о процессах, совершающихся в его мозгу, древний человек и не принимал их во внимание, т. е. воспоминание о чем-либо расценивал как непосредственное видение его (процессы (5)—(14) оказывались неосознанными). Но если человек, вспоминая кого-либо, что-либо, видит его (не внутренним зрением — памятью, как это пони-

маем мы, а внешним, реальным зрением, как это понимал египтянин), это значит, что этот кто-либо, это что-либо находится в данный момент перед его глазами. Но если этот кто-либо совершенно достоверно находится где-то далеко или вообще давно умер, то кого же в таком случае видят? Очевидно, существо являющееся его точной копией, его Двойника, во всем подобного своему прообразу. Мы считаем, что эта копия, этот Двойник и есть Ка.

То, что изображение служит напоминанием, толчком для памяти, было расценено египтянами как то, что Ка «выходит» из изображения, что изображение служит ему «дверью» (именно в таком смысле и следует понимать «оживление» изображений)⁴⁹. Ка и изображение оказываются теснейшим образом связанными друг с другом. Было бы естественно, если бы эта связь отразилась в терминологии египтян. Если изображения достоверно упоминаются в связи с Ка, это послужит сильным аргументом в пользу нашей гипотезы.

Такие упоминания действительно имеются, хотя они и очень косвенны, так как египтянам, прекрасно понимавшим свои категории, специально растолковывать, что такое Ка, было совершенно ненужно. Тем не менее свидетельства египетской терминологии интерпретируются, на наш взгляд, достаточно однозначно. Собственно говоря, все упоминания Ка в связи с изображениями сводится к тому, что изображения называют Ка. Это несколько не противоречит предложенному пониманию, так как в условиях относительной неразвитости языковых средств изображение и вызываемый им в памяти образ изображенного (пусть даже объективизированный) вполне могли обозначаться одним словом (кстати, ведь даже сейчас, не имея термина для этого объективизированного образа памяти, мы говорим об «оживающих» изображениях, приписывая им свойства этого образа).

Все изображения, существовавшие у египтян, можно разделить на две основные группы: изображения на плоскости, главным образом настенные, и статуи. Обозначения статуй как Ка мы не найдем, однако оно отразилось в названии сердаба, помещения в гробнице для хранения статуи, $h(w).t-k'$ — «подворье Ка». Термин $h(w).t-k'$ понимался как обозначение всей гробницы (Wb , III, 5, 15) или, во всяком случае, комплекса ее наземных сооружений (Wb , III, 5, 14). Однако при раскопках Г. Юнкера в 1913 г. у стены сердаба $R'(w)-wr(w)$ I в Гизе были найдены обломки плиты, несомненно служившей облицовкой стены сердаба. Надпись на плите содержала титулы и имя $R'(w)-wr(w)$ I и сочетание $h(w).t-k'$, которое Г. Юнкер считал названием сердаба⁵⁰. Несмотря на попытки

⁴⁹ Кстати, наша гипотеза объясняет, почему гробничные изображения остаются для всех, кроме хозяина гробницы, совершенно мертвыми. В нашей памяти изображения на фотографии «оживают» только в том случае, если изображено то, что непосредственно касалось нас; события, в которых мы не участвовали, которые не затрагивали нас, не «оживают». Все изображения остаются для нас лишь документом, в лучшем случае интересным, но не более того. Возможность «оживлять» для себя то, чего никогда не видел, присуща лишь людям определенного художественного склада, имеющим дар сопереживания, на котором основано все их творчество. С гробничными изображениями дело обстояло совершенно аналогично: они фиксируют жизнь владельца гробницы, и заключенная в них реальность «оживает» только для него (об этом и говорят «формулы смотрения»); для остальных поэтому не удивительно, что изображения мертвы, — они сделаны не для них (реальность, заключенная в изображениях, конечно, осознается, но остается не прочувствованной).

⁵⁰ *Junker H. Vorbericht über die zweite Grabung bei den Pyramiden von Gizeh.* — АКАВ, 1913, № XIX, S. 12; воспроизведение приведено: *Giza III, Abb. 11, 42-a, Taf. XIII-A.*

иного истолкования (А. Морэ, А. Блэкмен)⁵¹, сейчас несомненно, что интерпретация Г. Юнкера совершенно правильна и названием сердаба является $\text{h}(w).t-k'$.

Поскольку кроме статуй в «подворье Ка» ничего не было и сам вход в него замуровывался, название это совершенно недвусмысленно связывает статую и Ка. Обозначение других гробничных помещений как $\text{h}(w).t-k'$ также вполне понятно, ибо они оформлялись настенными изображениями, связь которых с Ка точно такая же, как и у статуй. В полной мере это относится и к применению названия $\text{h}(w).t-k'$ к храмовым часовням Старого царства (Wb, III, 5, 18) и к часовням богов Нового царства (Wb, III, 5, 19). Таким образом, связь статуй и Ка несомненна; еще более красноречивы настенные изображения, вернее, подписи к ним.

Для того чтобы изображенные блага попадали по назначению, было необходимо возле изображений делать указание, для кого производится или доставляется тот или иной продукт. Как правило, такие указания строятся по форме «для такого-то», «это для такого-то» и т. п. Однако вполне возможна замена имени адресата словосочетанием «для Ка такого-то». Иногда такая замена происходит в названии сцены, изображающей самого хозяина и входящей, как правило, в состав «формулы смотрения». Например: «Смотрение (на) ловлю птиц, (их) доставку, работу полевую, весьма большую (?), для Ка... (следуют титулы) Jbj» (RTDG, I, pl. VI); «[Смотрение (на) животных пустыни, (на) уход добрый за скотом для Ка... (следуют титулы) Jbj» (RTDG, I, pl. IX); «Смотрение (на) полевую работу, ловлю рыбы, загарпунивание — — — для Ка... (следуют титулы) Jbj» (RTDG, I, pl. III); «Смотрение (на) пахоту, битье льна, жатву (и) перевозку (и на) все добрые празднества верхнеегипетского зерна (?) для Ка... (следуют титулы) D'w» (RTDG, II, pl. VI); «Как прекрасно появление (богини) Sh.t, владычицы ловли птиц (и) рыб с (?) рыбами (и) птицами — — — для Ка... (следуют титулы) D'w, имя его „доброе“ Sm'[j]» (RTDG, II, pl. V) и т. д. Возле изображения Hnt(j)-k'(.j)/Jhhj, подносящего к носу вазу с благовонием, помещена подпись: «— — — праздничное умащение (и) благовоние для Ка Hnt(j)-k'(.j)/Jhhj» (МКСІ, pl. XXI).

Гораздо чаще связь изображений и Ка фиксируется названиями хозяйственных сцен и сцен доставки. Например: «Доставка для Ка... (следуют титулы) Ššj» (RTS, pl. LXXXV, LXXXVII, XC); «Доставка вещей для Ка... (следуют титулы) Nfr-sšm-ptḥ» (RTS, pl. XCVIII); «Доставка кусков мяса (и) птиц для Ка... (следуют титулы) Nfr-sšm-ptḥ» (RTS, pl. CI) То, что выражение «для Ка такого-то» заменяет здесь гораздо более частое «для такого-то», особенно хорошо видно по надписям в масштабе Nfr-sšm-ptḥ/Ššj. Над изображением пригона скота, помещенном во входном проеме его часовни, находится общее название: «Доставка лучших быков для... (следуют титулы) Ššj», одна же из сцен, расположенных под этой надписью и, стало быть, входящая в эту рубрику, озаглавлена: «Молодой бык. Сущее в стойле. Для Ка Ššj» (RTS, pl. LXXX). Особо следует отметить несколько надписей, где имеются два объекта — личное имя и Ка: «(Масло) n(j)-hnm для Mrgj, для его Ка каждый день», «(Масло) tw'w.t для Mrg-w(j)-k'(.j), для его Ка каждый день», «Лучшее кедровое масло для Mrgj, для его Ка каждый день», «Лучшее ливийское масло для Mrg-w(j)-k'(.j), для его Ка каждый день»⁵². Точно так же в гробнице 'nh(.j)-m-'hr(w)/Zzj мясник, отрезающий мясо жертвенного быка, говорит, что оно

⁵¹ Обзор мнений см.: Giza III, S. 120, 122.

⁵² ММ, pl. CXVII; всего должно быть семь таких надписей.

предназначено «для Zzj, для его Ка»⁵³. Такой параллелизм в употреблении имени человека и упоминания его Ка показывает, что выражение «для Ка такого-то» выступает как замена выражения «для такого-то».

Все вышеперечисленные примеры касались сцен доставки; отметим аналогичное употребление в хозяйственных сценах, например: «Дойка коровы для Ка Jzj» (RTDG, II, pl. VI).

Подобные надписи следует понимать как реплики изображенных людей, хотя иногда они могут выглядеть и как название сцены, например: «Это для Ка Tjj»⁵⁴; «(Это) для Ка любимого (хозяина)»⁵⁵; «Это для Ка Mmj»⁵⁶; «Для Ка Mrgj»; «Для Ка Mrg-w(j)-k'(.)j» (MM, pl. LXXIX—LXXX, CXVI); «Это для Ка Mrgj, владыки благодати у (бога) Jprw (= Анубиса)» (MM, pl. CXLV); «Для Ка... (следует титул) Rnsj»⁵⁷ и т. д. Однако в ряде случаев в эти надписи вводится обращение «ты», что явно превращает их в реплики изображенных: «(Это) для твоего Ка» (DAA, Taf. XC); «Это для твоего Ка» (MAE, p. 338); «Доставка ноги (жертвенного животного) для твоего Ка, о K'(.)j-r'(w)-pw» (MAE, p. 274—275). Если обращение, в котором указано только имя хозяина, можно считать достаточно абстрактным, то здесь, в обращении «на ты», это «ты» — явно относится к изображению. Количество подобных примеров может быть увеличено.

Может сложиться впечатление, что обозначение хозяина гробницы как Ка характерно только для сцен снабжения его пищей и т. п. Постоянное употребление выражения «Для Ка Mrgj» в погребальной камере Mrg-w(j)-k'(.)j рядом с изображениями продуктов (MM, pl. CCI-B, CCIII, CCV-A, CCVI) как будто подтверждает это, однако на самом деле все обстоит иначе. В гробнице Nb(w)-k'.w-hr(w)/Jdw перед изображениями семи танцовщиц семь раз повторено: «Танец добрый для твоего Ка каждый день», а возле изображения флейтиста: «Добрая игра на флейте для твоего Ка»⁵⁸. Аналогичные надписи есть в мастабах Spss-r'(w) — «Добрый танец для Ка» (DAA, Taf. LXI-B), Wr-jr(.w)-n(.j) — «Добрые танцы для Ка» (RTShS, pl. X), Jbj — «Игра на арфах для Ка... (следуют титулы) Jbj» (RTDG, I, pl. VIII).

Упоминания Ка в вышеперечисленных сценах иногда интерпретируют как особо торжественную форму обращения, однако Ка упоминается и в репликах людей, изображенных отнюдь не в торжественной обстановке. Мясники, разделяющие туши жертвенных животных на рельефах 'nh(.j)-m-^c-hr(w)/Zzj, говорят: «Возьми (или: отрежь) эту грудинку жертвенного быка для Zzj, для его Ка»⁵⁹; «Отрезай для себя (т. е.: сам (?))! Для Ка Zzj, (моего) хозяина»⁶⁰; «Отрезай голову этого быка! Спеш! Дай (мне) покончить с его ногой! (Для) Ка Zzj, владыки благодати у (бога) Jprw (= Анубиса)!»⁶¹. Точно так же мясник в сцене заклания в гробнице Nfrs-m-ptth/Š'j говорит: «(Я) делаю (это) согласно желаемому господином (моим), для Ка Ššj, блаженного у (бога) Jprw (= Анубиса)» (RTS, pl. CI).

⁵³ RTS, pl. LIII; *Badawy A.* The Tomb of Nyhetep-Ptah at Gisa and the Tomb of Ankhmahor at Saqqara. Berkley etc., 1978, fig. 47.

⁵⁴ *Steindorff G.* Das Grab des Ti. Lpz, 1913, Taf. CXVI; *Wreszinski W.* Atlas zur altägyptische Kulturgeschichte. Teil III. Lpz, 1936, Taf. LXXV; Le tombeau de Ti. Fasc. II. Le Caire, 1953, pl. CXXI—CXXII.

⁵⁵ Giza III, 1938, Abb. 48.

⁵⁶ *Bissing F. W. von.* Die Mastaba des Gem-ni-kai. B. II. Lpz, 1911, Taf. VII-1, XXIV.

⁵⁷ *Simpson W. K.* The Mastaba of Qar and Idu. Boston, 1976, pl. XII.

⁵⁸ *Hassan S.* Excavations at Saqqara. V. I. Le Caire, 1975, fig. 2.

⁵⁹ RTS, pl. LIII; *Badawy.* The Tomb..., fig. 47.

⁶⁰ Ibid.

⁶¹ Ibid.

Хотя сцена заклания и разделки туш жертвенных животных и связана непосредственно со сценами жертвоприношения, сама она показывает обычную физическую работу, тяжелую и грязную, во время которой не до словесной изящности. Точно так же один из пахарей на рельефе D'w говорит другому: «(Пусть) плуг вспахивает (землю)! (Пусть будет) изобильна (букв.: зелена) рука твоя для Ка князя D'w» (RTDG, II, pl. VI) (вся эта сцена озаглавлена: «Пахота большая, добрая, для Ка... (следуют тигулы) D'w» (RTDG, II, pl. VI)); точно так же на рельефе Jbj плотник, обрабатывающий бревно, обращается к хозяину: «(Я) делаю желаемое твоими Ка» (RTDG, I, pl. XV).

Существует еще одна группа сцен, подписи к которым опровергают мнение об употреблении слова Ка лишь в торжественных случаях. В гробницах конца V — начала VI дин. встречаются сцены наказания нерадивых управителей дворов (хозяйственных подразделений). На рельефе Hnt(j)-k(.j)/Jhhj двое управителей показаны привязанными к вбитому в землю столбу, а рядом стоит человек с палкой, который, издеваясь, говорит одному из них, имея в виду наказание: «Добрая награда для твоего Ка! Не бывало (еще) такого!» (MKCI, pl. IX). Наказываемый управитель на рельефе Špss-r'(w) жалуется: «Ведь мой Ка хорош! Что я (такого) сделал?!» (DAA, Taf. LXIII). Никакой торжественности не может быть в высказываниях глумящегося палача и в криках избиваемой жертвы, как нет ее в речи мясников, занятых разделкой туш, пахаря за плугом, плотника с теслом. Нельзя предполагать также, что запись реплик отредактирована в связи с помещением их в гробницы, и слова, скажем, мясников, так же похожи на настоящие, как язык пастушков и пастушек буколической литературы на речь живых крестьян, — египтяне не стеснялись высекать в гробницах на вечные времена самые грубые выражения⁶².

Однако как только мы отрешимся от привычного образа мыслей и начнем рассуждать в духе уже выясненного нами, все встает на свои места. Разумеется, египтяне, обращаясь друг к другу, не говорили «твой Ка» вместо «ты». Но ведь эти записанные слова — реплики не самих людей, а их изображений, т. е., в конце концов, реплики их Ка, и поэтому вполне уместно, что один Ка обращается к другому не «на ты», а, так сказать, «на Ка». В этом следует видеть одно из проявлений искажения действительности, как правило, в очень реалистичном оформлении гробниц⁶³. По-видимому, эти созданные искусственно выражения и воспринимались как искусственные и без них вполне можно было обойтись — в большинстве гробниц ими не пользовались. Обращения «на Ка» и упоминания Ка в подписях к сценам встречаются только в самых богатых гробницах определенного времени (в столице — конец V — начало VI дин.; в провинции, куда новые веяния доходили с опозданием, — середина VI дин.).

⁶² Например, у Tjj: *Steindorff*. Das Grab..., Taf. CX; Le tombeau de Ti, fasc. II, pl. CXI; *Wreszinski*. Atlas..., Taf. XXXIX.

⁶³ Другое дело, что упоминания Ка действительно были признаком высокого стиля в речи и в литературе; так, в папирусе Весткар Ddj, торжественно обращаясь к царевичу Dd.f-hr(w), в числе прочих благопожеланий говорит: «Да одолеет твой Ка твоего противника» (*Erman* A. Die Märchen des Papyrus Westkar. В., 1890, Taf. VII, Zeile 25). В этом, однако, нет ничего противоречащего нашей трактовке: он желает не просто благополучия, в земной жизни всегда преходящего, а благополучия вечного, поскольку вечен Ка. Но так как Ка является точной копией человека и формой его загробного существования, это одновременно пожелание вечного блага и ему самому; разумеется, такое обращение было в высшей степени прилично и вежливо. Конечно же, подобные высказывания не могут служить аргументом в пользу концепции Ка как гения-защитника: всякое благо для Ка есть не что иное, как благо для самого человека, перенесенное в вечную жизнь.

Очевидно, когда были исчерпаны все возможности оформления гробниц при помощи изображений (а именно в этих гробницах их наибольшее количество), фантазия обратилась и к таким мелочам, которые, должно быть, большинством воспринимались как излишество. В последующие эпохи обозначение изображения как Ка нашло отражение в выражении «п k' n(j) + имя» — «для Ка такого-то», с которым мы столкнулись уже в гробницах Старого царства и которое стало позднее обязательной частью жертвенной формулы. Это вполне понятно, так как формула практически всегда употреблялась рядом с плоскими или скульптурными изображениями, т. е. была тесно связана именно с Ка.

Существует, наконец, еще один достаточно сильный аргумент в пользу связи изображений и Ка — египетский термин для обозначения заупокойных жрецов. Человек, выполнявший в гробнице ритуалы, назывался $\text{hm}(w)\text{-k}'$ — «раб Ка» (Wb, III, 90, 12—13). Термин этот свидетельствует о том, что заупокойный жрец служил умершему, выступавшему как Ка. Служба эта сводилась к исполнению ритуальных действий в часовне и перед сердабом, т. е. перед изображениями настенными или скульптурными, т. е. в мире Ка. Заупокойный жрец потому и был «рабом Ка», что он служил изображениям, а в конечном счете Ка, «выходящему» из этих изображений.

Таким образом, Ка является Двойником, которого порождает человеческая память. По-видимому, объективизация субъективных впечатлений была одной из основных черт древнего сознания. (Впрочем, только ли древнего? Мы в своей жизни постоянно сталкиваемся с этим, только, за исключением философов субъективно-идеалистического толка, не строим на этом свою картину мира; в нашей жизни этот факт чисто обиходный, бытовой.) Египтянин объективизировал воспоминание, выносил его из головы вспоминающего субъекта в окружающий мир и превращал его из части психического мира в часть мира окружающего. Существование Двойника превращалось тем самым в одно из фундаментальных свойств действительности. Являясь частью окружающего мира, Ка воспринимался как любая его часть — как совершенно реальное, материальное существо⁶⁴. Такому восприятию помогало то, что Ка является не просто зрительным образом; зрительную форму имеет только способ напоминания, затем же, в процессе воспоминания, он за счет ассоциаций включает в себя и иную, не зрительную информацию, становится комплексным, всеобъемлющим, а Ка тем самым — абсолютной копией человека, всей его индивидуальности — и внешности, и внутренних качеств.

4. ИЕРОГЛИФ И КОРЕНЬ k'

Перевод Ка как «Двойник», первоначально предложенный Н. Л'Отом⁶⁵ и затем введенный в широкое употребление Г. Масперо, оказывается наиболее приемлемым при нашем понимании этой категории. Разумеется, совпадение здесь чисто внешнее — из всего сказанного выше ясно, что содержание, которое мы вкладываем в такой перевод, принципиально отлично от интерпретации Г. Масперо.

⁶⁴ О том, что мы решительно отмежевываемся от тех, кто считал Ка нематериальным (А. Эрман) или придавал его материальности какой-то особенный характер (Г. Масперо), не стоило бы и говорить, если бы подобных тенденций, более или менее значительных, не избежал бы практически никто из исследователей проблемы. Однако несомненно, что уже сама возможность мыслить нематериальное является достоянием гораздо более позднего времени и приписывать ее египтянам никак нельзя.

⁶⁵ См. *Maspero. Le Ka des Egyptiens...*, p. 47, not. 3.

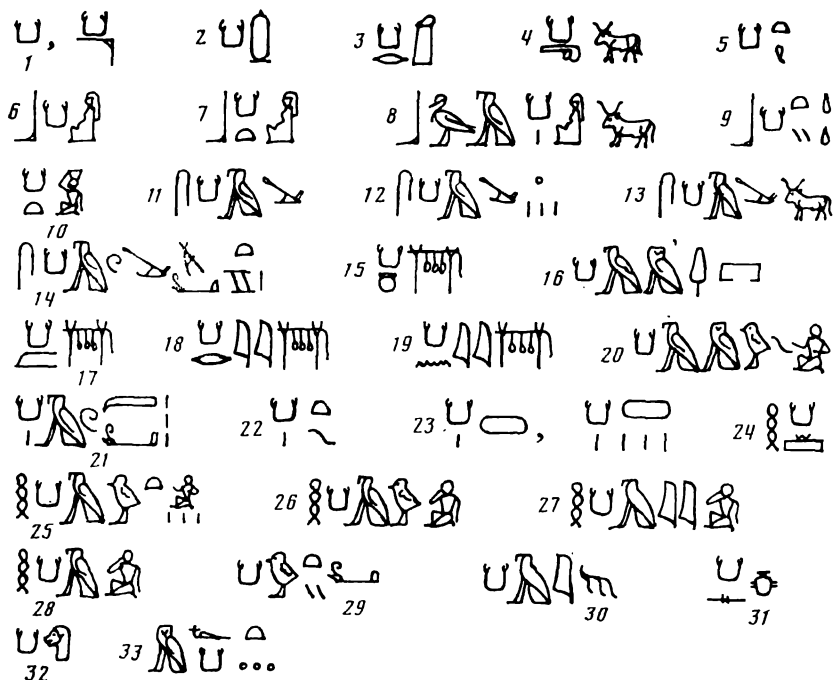

Рис. 2. Слова с корнем k'.

Совсем недавно было высказано предположение о природе знака k', поддерживающее понимание Ka как Двойника. Обычно k', знак поднятых вверх рук (в сочетании hm(w)-k' — опущенных вниз) принято понимать как символ охвата, т. е. как выражение идеи защиты, что связывается с концепцией Ka как защитника человека. О. Д. Берлев предположил, что такая интерпретация вторична, первоначально же в знаке была отражена не идея защиты, а мысль об абсолютном сходстве человека и его Ka — если мы говорим, имея в виду такое сходство, «как две капли воды», египтяне, видимо, использовали другую метафору того же смысла — «как две руки»⁶⁶.

Весьма интересные выводы позволяет сделать также анализ слов, писавшихся знаком k'. До сих пор никто не пытался выявить связь между этими как будто совершенно разными словами. Единственное исключение составляет небольшая статья И. Л. Снегирева, который в рамках яфетической теории связал по смыслу несколько слов, в написании которых использовался этот знак⁶⁷. Разумеется, полученные выводы имеют мало общего с действительностью, однако сама идея взаимосвязи слов, писавшихся с употреблением знака k', оказывается весьма плодотворной.

Действительно, создается впечатление, что до Нового царства практически все слова, в которые входил знак k', имеют что-то общее, т. е. что

⁶⁶ *Hodjash S., Berlev O. Egyptian Reliefs and Stelae in the Pushkin Museum of Fine Arts. Moscow, Leningrad, 1982, p. 14.*

⁶⁷ *Снегирев И. Л. Магический жест «ка» и названия «душа» и «бык» в древнеегипетском. — ДАН, 1930, с. 45—50.*

этот знак не был чисто фонетическим⁶⁸. В Новом царстве его начинают употреблять в так называемом «слоговом письме» для передачи звука k с соответствующими гласными (например, jkn — «тип сирийского сосуда» — Wb, I, 140, 2); появляется также некоторое количество слов, в которых его использовали явно фонетически (например, sk' — «неизвестное животное» (?) — Wb, IV, 316, 15). В Старом же царстве мне известен только один случай чисто фонетического употребления знака k' — в названии нубийской области k'w (Wb, V, 101, 11).

Приведем список слов, в которых знак k' имеет явно смысловое значение, связывающее эти слова между собой (см. рис. 2; нумерация иероглифов совпадает с нумерацией списка). В список включены в основном слова, употреблявшиеся до Нового царства, однако введен также ряд более поздних слов, обнаруживающих с ними явную смысловую связь. Список распадается на пять смысловых групп.

I. Д в о й н и к

- 1) k' — «Ka», «Двойник», употребляется во все эпохи (Wb, V, 86—89).
- 2) k' — «Имя», XXII дин. — греческое время (Wb, V, 92, 17—23).
- 3) k'g — «часовня», Старое царство — Новое царство (Wb, V, 107—108).

Эти три слова составляют группу, наиболее тесно связанную с представлением о Двойнике человека или бога. Имя является понятием, идентичным Ka (об этом см. ниже), часовня же представляет собой место, где находятся изображения, т. е. где живет Двойник изображенного.

II. Р а з м н о ж е н и е

- 4) k' — «бык», употребляется во все эпохи (Wb, V, 94—98).
- 5) k'.t — «женский наружный половой орган», употребляется во все эпохи (Wb, V, 93—94).
- 6) bk' — «быть, становится беременной», «делать беременной», употребляется начиная со Среднего царства (Wb, I, 481, 1—11).
- 7) bk'.t — «беременная (женщина)», употребляется начиная со Среднего царства (Wb, I, 481, 12—13).
- 8) bk' — «стельная корова», Новое царство (Wb, I, 481, 14).

Все эти слова связаны с размножением и плодородием (бык в Египте всегда символизировал плодородие). Такой характер знака k' хорошо соznавался египтянами, и похоже, что они учитывали его, создавая в позднее время новые слова:

- 9) bk'.tj — «семенные яички», греческое время (Wb, I, 482, 3).

III. Р а б о т а

10) k'.t — «работа», употребляется во все эпохи (Wb, V, 98—101). Всякая работа (а слово k'.t и является как раз наиболее общим ее обозначением) представляет собой создание, порождение чего-то нового, не существовавшего прежде, т. е. в конечном счете умножение существующего. В этом смысле слово k'.t непосредственно примыкает к предыдущей группе.

IV. С е л ь с к о е х о з я й с т в о. П и щ а

- 11) sk' — «пахать», употребляется во все эпохи (Wb, IV, 316, 1—9).
- 12) sk' — «зерно (как результат обработки земли)», «урожай зерна», употребляется во все эпохи (Wb, IV, 316, 10).
- 13) sk' — «тягловый бык», употребляется начиная с Нового царства (Wb, IV, 316, 11).

⁶⁸ Gardiner. Egyptian Grammar, p. 453, № D-28.

14) sk' — «разновидность поля», употребляется начиная с Нового царства (Wb, IV, 316, 12).

15) k'pw — «сад», употребляется во всех эпохи (Wb, V, 107, 6—7).

16) k'm — «сад», употребляется начиная с XIX дин. (Wb, V, 106, 4—9).

17) k'm — «урожай винограда», употребляется начиная с XVIII дин. (Wb, V, 106, 3).

18) k'rjj — «садовник», употребляется с конца Среднего царства (Wb, V, 108, 13—16).

19) k'npj — «садовник», Старое царство — Среднее царство (Wb, V, 107, 8—9).

20) k'mw — «садовник», употребляется начиная с XVIII дин. (Wb, V, 106, 10—11).

21) k'w — «садовая культура», Новое царство (Wb, V, 94, 6).

22) k'.t — «съедобный продукт», Новое царство (Wb, V, 94, 5).

23) k', k'.w — «пища», употребляется во все эпохи (Wb, V, 91—92).

Слова этой группы продолжают тематику плодородия, на сей раз растительного. На значение умножения указывают слова со значением «урожай» — урожай есть в чистом виде результат природного умножения, плодородия, это то, чего не существовало раньше ⁶⁹.

V. К о л д о в с т в о

24) hk' — «колдовство», употребляется во все эпохи (Wb, III, 175—176).

25) hk'w.t — «колдовство», употребляется в «Книге мертвых» как синоним hk' (Wb, III, 177, 6).

26) hk'w — «колдун», употребляется во все эпохи (Wb, III, 177, 10—12).

27) hk'.j.t — «колдунья», Новое царство (Wb, III, 177, 13).

28) hk' — «заколдовывать», «быть заколдованным», употребляется начиная с Нового царства (Wb, III, 177, 7—9).

Все слова, восходящие к hk', достаточно сложны в интерпретации, так как египетские представления о колдовстве требуют еще самостоятельного изучения. Однако ясно, что всякое колдовство есть создание чего-то нового, предмета или явления, т. е. умножение, а так как создается нечто сверхъестественное, вполне понятно обращение к знаку, касающемуся самой сущности мира, его основных свойств.

Наряду с перечисленными словами существует еще несколько слов, писавшихся знаком k', которые с большей или меньшей вероятностью можно включить в это смысловое единство.

I группа (или III группа)

29) k'w.tj — «посыльный», употребляется начиная со Среднего царства (Wb, V, 102, 4—10). Возможно, посыльный мог восприниматься как «двойник» посылающего, в смысле точного, без рассуждений выполнения приказаний.

II группа

30) k'.j — «девка», употребляется начиная с Нового царства (Wb, V, 101, 14—15).

⁶⁹ В своей недавней статье А. Ю. Милитарев возводит глагол sk' к афразийскому корню *sk, имеющему первоначальное значение обработки земли (Об одном афразийском земельном термине. — ВДИ, 1983, № 4, с. 97—106). На наш взгляд, понимание его как каузатива от k', образованного при помощи префикса s, выглядит более вероятным. То, как этот глагол укладывается в нашу схему, подтверждает такое его понимание.

IV группа

Возможно, сюда следует отнести ряд названий сосудов, например:

31) k'z — «сосуд», употребляется с эфиопского времени (Wb, V, 108, 17). Названия сосудов вполне логично продолжают тематику IV группы. Если это так, сюда же можно отнести название камня, из которого изготавливались сосуды:

32) k' — «разновидность камня для изготовления сосудов», употребляется начиная со Старого царства (Wb, V, 93, 10; Giza I, 230, 259).

Очень вероятно, что и слово 33) mfk'.t — «бирюза» (Wb, II, 56) также связано с рассматриваемым смысловым единством.

Таким образом, в большинстве слов, употреблявшихся до Нового царства, а также в ряде более поздних слов знак k' используется явно не фонетически — он свидетельствует о смысловой связи между всеми этими словами. Какими бы разными они ни казались на первый взгляд, их связывает идея множественности, умножения — растительного, животного, производственного и т. д. Понятие «Двойник» оказывается лишь частным случаем проявления этой множественности — выражением двойственности⁷⁰.

Возникает вопрос, имеют ли перечисленные слова общий корень k' или их связь носит иной характер. Несомненно, что ряд слов являются однокоренными, относительно других нельзя с уверенностью сказать, не имеем ли мы дело со столь частой в египетской графике игрой, намекающей на смысловое сходство разнокоренных, но сходных по консонантному составу слов. Особенно вероятно, что это имеет место в случае поздних слов (например наш № 9), однако определить четкую границу здесь очень трудно, если только вообще возможно.

5. КА И ИМЯ

Теперь, когда мы реконструировали процесс возникновения египетской категории Ка (k'), следует перейти к тому, как сами египтяне пользовались ею, создавая свою картину мира. Однако мы сразу же сталкиваемся с трудностями, которые, похоже, нельзя разрешить без расширения источниковедческой базы. При этом увеличение количества памятников, говорящих о Ка, не дает как будто возможности подняться на качественно новый уровень исследования. На наш взгляд, следует привлечь для сравнения другую категорию, родственную Ка, — Имя (gn). Мы не имеем здесь возможности сколько-нибудь подробно коснуться концепции Имени — это огромная тема, требующая самостоятельного изучения с использованием иного, по сравнению с нашим, круга источников. Здесь предпринимается только попытка постановки проблемы в той степени, в какой она связана с Ка.

Слово gn означает, с одной стороны, имя человека или бога, с другой, — подобно Ка, является одной из основных категорий для описания сущности человека; это его значение мы будем передавать как Имя (разумеется, такое разделение условно, так как сами египтяне не разрывали первое, бытовое и второе, сокровенное значения, для них они составляли единое целое). Для египтян Имя было не просто обозначением того или

⁷⁰ Известно, что титул (j)g(j) h(j) n(j)-sw.t — «относящийся к царскому младенцу» (ошибочно читается gh n(j)-sw.t и т. п.), который носили доверенные царские эмиссары в отдаленных местностях, описывает носившего его человека как составную, но отделяемую часть царя, его верное орудие (Берлев О. Д. Трудовое население Египта в эпоху Среднего царства. М., 1972, с. 165—171). Нет ли параллели этому титулу в обозначении посланца как «двойника» посылающего?

инного человека, в нем крылась индивидуальность, личность носителя. Имя воспринималось не как простой звук, это самостоятельное существо, вполне материальное (в том смысле, в котором слово «материальность» можно приписывать египтянам, которые не могли мыслить нематериальное). Уничтожение Имени губительно для «загробной жизни» его носителя.

Уже по этому краткому перечислению видно, что Имя имеет много общего с Ка. Пойдем и здесь по пути аналогий между нашим и древним восприятием. Картина получается совершенно аналогичной той, которую мы рассмотрели, выясняя происхождение категории Ка. Когда мы слышим имя знакомого человека, в нашей памяти возникает его образ (точно так же, как при взгляде на портрет). Собственно говоря, в этом и заключается функция имени, будь то в наше время или в древнем Египте: оно служит напоминанием о человеке, способом выделить его индивидуальность среди всех остальных людей. Аналогия между Ка и Именем оказывается полной — и то и другое является образом человека, возникающим при воспоминании и вынесенным из сознания вспоминающего субъекта в окружающий мир, т. е. объективизированным; различны только способы напоминания — для Ка оно имеет зрительную форму, для Имени — слуховую. В остальном Имя — такой же Двойник, что и Ка ⁷¹. Об этом совершенно недвусмысленно заявили сами египтяне, когда при XXII дин. начали использовать для обозначения Имени слово k' (с детерминативом имени) (Wb, V, 92, 17—23).

Такое словоупотребление позднего времени является прекрасной иллюстрацией отношения египтян к Ка и Имени как к идентичным категориям, однако отношение это, будучи, как мы увидим, универсальным, отразилось, хотя и не столь явно, в массе памятников начиная со Старого царства. Рассмотрим организацию гробничных староегипетских изображений.

Практически всегда изображение хозяина гробницы сопровождается его титулами и именем (именами), функция которых — уточнение личности изображенного. Из-за своих больших размеров изображение оказывается доминирующим в паре изображение — имя. С другой стороны, имя человека должно сопровождаться детерминативом — знаком человека. Поскольку размеры этого детерминатива равны или близки к размерам остальных иероглифов, он воспринимается как дополнение к фонетически выписанному имени, выглядящему главной составляющей в паре имя — детерминатив. Может создаться впечатление, что эти две пары (изображение — имя и имя — детерминатив) разные, однако никакой принципиальной разницы между ними нет. В Старом царстве система детерминативов еще не сложилась, и всякий детерминатив является по существу не чем иным, как изображением называемого предмета. Поэтому крупное изображение на стене является в той же степени детерминативом, появлением к фонетически написанному имени, что и детерминатив размером с иероглиф, а фонетическая часть, с другой стороны, в равной степени раскрывает и небольшой детерминатив, и изображение во всю стену ⁷².

⁷¹ Можно сказать, что Ка и Имя — это внешние проявления одного и того же — Двойника (Ка проявляется через изображение, Имя — через имя, названное или записанное), однако следует учитывать, что это чистая условность — сами египтяне никакого Двойника, отличного от Ка или Имени, не знали и не имели для его обозначения специального слова. Мы, однако, сохраним этот условный термин, употребляя его в тех случаях, где безразлично, идет ли речь о Ка или об Имени.

⁷² То, что большое изображение является детерминативом к написанному рядом имени, абсолютно точно доказывается тем, что в таком случае рядом с именем нет никакого другого детерминатива.

Связь оказывается двусторонней, изображение и имя одинаково дополняют друг друга; и происходит это потому, что в представлении египтян они идентичны, так как за ними стоят Ка и Имя, по сути своей идентичные.

Это подводит нас, между прочим, к представлениям египтян о сущности их системы письма. Действительно, практически каждое слово состоит из фонетической части и поясняющего ее детерминатива, который до сложения системы истинных детерминативов (а оно происходит не раньше чем в Новом царстве) является, как правило, изображением обозначаемого. Одновременно фонетическая часть представляет собой название того, что изображено детерминативом. Создается впечатление, что мы имеем дело с полной аналогией представлений о Ка и Имени. Детерминатив есть изображение Ка обозначаемого, а фонетическая часть — его название, Имя. Здесь мы подходим вплотную к тому, что принято называть представлениями о магических свойствах слова, особенно записанного, однако представления эти должны быть предметом самостоятельной работы. Отметим здесь только один важный вывод из нашего предположения о двух частях записанного слова как о разных способах фиксации Двойника.

Существуют два диаметрально противоположных мнения о природе египетского письма. А. Эрман считал его рисуночным письмом, дополненным фонетически; Н. С. Петровский утверждал, что в основе оно было звуковым, но дополненным изобразительно⁷⁸. С точки зрения египтянина Старого царства эти две непримиримые позиции сходятся: ведь совершенно безразлично, к какому способу фиксации прибегнуть, звуковому или изобразительному, если они совершенно равноправны и ими можно пользоваться с одинаковым успехом. Разумеется, это сближение имеет субъективный характер и существует только в рамках египетских представлений, однако учитывать этот субъективный момент необходимо. Генетически же египетское письмо было рисуночным, в котором фонетическое дополнение стало равноправной, а затем и доминирующей частью; кстати, именно развитое Старое царство представляет собой, пожалуй, время равновесия изобразительной и фонетической составляющих (до этого существует тенденция не писать, а рисовать то, что можно изобразить, позднее же начинается доминирование фонетики).

Вернемся, однако, к вопросам мировоззренческого плана. Когда мы говорим об идентичности Ка и Имени, нельзя, разумеется, забывать, что речь идет об идентичности категориальных *основ* этих двух представлений, путей их возникновения; со временем оформление этих представлений не могло не разойтись, не обрести своих специфических черт, которые скрывают первоначальную близость (так, например, о Ка говорится, что он ведет человека за руку, сопровождает его, об Имени же подобного представления не было).

Однако, будучи полной аналогией Ка по своей основе, Имя-Двойник играет в представлениях о человеке в целом сходную роль. То, что мы называем «загробной жизнью», есть, с точки зрения египтянина, жизнь Двойника (Ка и, как мы можем теперь добавить, Имени). Поэтому сохранение Имени совершенно необходимо для «загробной жизни», равно как и наличие изображений. Слова знаменитого «Прославления писцов» папируса Честер-Битти IV о том, что гробницы древних мудрецов разрушены, их заупокойный культ прервался, но они живы потому, что люди, читая их книги, произносят их имена, воспринимается современным чело-

⁷⁸ Петровский Н. С. Звуковые знаки египетского письма как система. М., 1978, с. 147.

веком как метафора, аналогичная пушкинскому «душа в заветной лире // Мой прах переживет и тленья убежит», однако никакой метафоры здесь нет. Речь идет о том, что, несмотря на гибель памятников, обеспечивающих жизнь Ка, сохранились Имена древних мудрецов, т. е. что Двойники их все равно живы. Именно в этом духе, совершенно буквально следует понимать содержащееся в «Прославлении» пожелание читателю стать писцом, чтобы Имя его стало таким же известным, — это верный способ обрести бессмертие; не метафорические, как понимаем мы, а вполне реальное, причем даже без создания сооружений заупокойного культа, дорогостоящих и, как оказалось, не слишком надежных. Разумеется, выводы, которые сделаны автором «Прославления», далеки от традиционной концепции, однако они сделаны в рамках ее категорий как вполне логичное ее продолжение.

6. СТАРОЕГИПЕТСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О МИРЕ-ДВОЙНИКЕ

Теперь, когда мы выяснили психологическую основу происхождения категорий Ка и Имя, можно перейти к исследованию основы староегипетского представления о «загробном мире».

Выше мы рассмотрели механизм возникновения категории Ка с современной точки зрения. Египтяне, по-видимому, шли тем же путем, но, в отличие от нас, ими этот путь был проделан бессознательно, так как они воспринимали мир чувств и представлений как данное в реальности вне человека, а не выясняли причину возникновения этих чувств; к тому же их познания о человеке, о его психике принципиально отличались от наших. Поэтому вполне естественно, что все, о чем шла речь до сих пор, полностью выпадало из складывавшейся у них картины. Мы за исходную точку исследования берем человека, особенности его психики и, анализируя их, приходим к тому, как могли возникнуть категории Ка и Имя. То, к чему мы пришли, было для египтян лишь исходным пунктом; они начинали с того, что существуют человек и его Двойник, что это одно из свойств мира, проявление его, так сказать, физики. Поскольку египтяне принимали существование Двойника как данное, у них вполне естественно возникла необходимость как-то интерпретировать этот факт, причем эта интерпретация древнего человека не может не отличаться в сильнейшей степени от того, к чему приходит современный ученый, исследуя возможность появления категории Ка и Имя.

Если до сих пор мы занимались Двойником в свете египетской «физики», теперь мы переходим к его древней интерпретации. Разумеется, всесторонне осветить эту проблему в одной статье невозможно, поэтому обратимся лишь к важнейшим ее моментам. Мысль о том, что человек имеет Двойника, причем более долговечного, чем он сам (а воспоминания об умерших ясно свидетельствовали, что Двойник живет и после смерти человека), оказалась очень плодотворной при построении картины мира. Поскольку у египтян не было представления о бессмертной душе, оживляющей тело, но зато было известно, что существует неумирающий Двойник, надежда на «загробную жизнь» была связана прежде всего с ним. Посмотрим, как должна была осуществляться эта связь.

Несомненно, что в Старом царстве, а также и в более позднее время сосуществовали представления о «загробной жизни» умершего, связанные как непосредственно с его телом, так и основывающиеся на мысли о Двойнике. Первые, представляющие собой более архаический элемент, никогда не были вытеснены вторыми, однако факты свидетельствуют о том, что

надежды на «загробную жизнь» базировались прежде всего на Двойнике. Действительно, все то, что принято называть заупокойным культом, было не чем иным, как культом изображений, т. е. Ка; представления же о теле проявляются только в самом факте погребения, в попытках сохранить тело от разложения и в наличии инвентаря погребальной камеры, т. е. в очень архаичной, еще первобытной практике. Не будет преувеличением поэтому сказать, что «загробный мир» в Старом царстве мыслился прежде всего как мир Двойника.

Вполне закономерно возникает вопрос, каждый ли человек имел Двойника, существовали ли Двойники у животных, растений, небιологических объектов, т. е. вопрос о границах того мира, в котором живет Двойник, о границах «загробного мира». Постараемся определить эти границы.

В центре мира гробничных изображений стоит хозяин гробницы. Все сделанные выше выводы о сущности Ка касаются именно его; несомненно, что он Ка имел. Из приведенного выше анализа практики покупки изображений как живых людей, из возможности «выхождения» заупокойного жреца из его изображения, из реплик служащих хозяину людей, из их обращений «на Ка» и т. п. следует, что Ка были и у них.

Все оформление гробницы направлено на то, чтобы обеспечить ее хозяина (а теперь мы знаем — его Ка) предметами первой необходимости, прежде всего пищей. Возникает вопрос: чем может питаться, чем может пользоваться в своем мире Ка? Из всего сказанного выше напрашивается вывод, что Ка вельможи питается Ка продуктов, пьет Ка напитков, носит Ка одежды и т. д. (без этого была бы невозможной замена реальных жертвоприношений дублирующими изображениями). Но в таком случае, чтобы произвести Ка продуктов, Ка земледельцев с помощью Ка быков вспахивали Ка земли, засеивали его Ка зерна, жали Ка колосьев и т. д.; точно так же Ка ремесленников обрабатывали Ка деревьев, камней, металлов, чтобы изготовить Ка необходимых хозяину вещей.

Складывается впечатление, что у каждого человека, у каждого живого существа, у каждого неживого предмета есть свой Ка; в таком случае рядом с миром, в котором живут люди, существует мир Ка, являющийся его точной и полной копией, мир-Двойник — картина захватывающая, приближающаяся по существу к философской системе Платона.

Именно так представлял себе мир Ка Г. Масперо. Подводя итоги своих исследований представлений египтян о человеке, он писал: «Когда рождался ребенок, с ним рождался двойник, который сопровождал его на всех этапах жизни; молодой, пока человек был молодым, он достигал зрелости и старел, когда тот достигал зрелости и старел. И не только люди, но и боги и животные, камни и деревья, естественные или искусственные объекты, все и всё имело своих двойников — двойники быков и овец были копиями настоящих быков и овец, двойники полотен и кроватей, стульев и ножей имели облик настоящих полотен и кроватей, стульев и ножей»⁷⁴. Примечательно, что работа эта носит название «Египетские души и их миры» (курсив мой. — А. Б.) — для Г. Масперо было несомненно, что Ка живет в целом мире-Двойнике. Картина эта привлекает стройностью и философской завершенностью, однако именно завершенность и философский характер вызывают сомнение в ее справедливости. Г. Масперо в этом отношении был настроен особенно радикально, как и подобает родоначальнику направления в изучении проблемы, за ним же в такой степе-

⁷⁴ *Maspero G. Egyptian souls and their worlds.— Études de mythologie et d'archéologie égyptiennes. T. I. P., 1893, p. 389.*

ни не следовал, пожалуй, никто. А ведь выяснить вопрос о границах мира-Двойника — это задача ничуть не меньшей важности, чем выявление сути категории Ка. Попытаемся разобраться, насколько справедливы мнение Г. Масперо ⁷⁵ и та картина, к которой пришли мы, стараясь быть предельно последовательными.

Начнем с того, к чему мы пришли выше, — с существования в представлении египтян Ка как свойства мира. С точки зрения египтянина, этот факт был вполне доказуемым, вернее, чувственно проверяемым: всякое воспоминание об умершем, расценивавшееся как видение его Ка, не могло не быть для вспоминающего убедительным доказательством — я сам его видел, значит, он действительно существует.

Однако, несмотря на то что Ка в представлении египтян вполне реален, объективен, они не могли не чувствовать, что он все-таки очень зыбок, неуловим — я его вижу сейчас, но не видел минуту назад и снова не буду видеть через некоторое время, а человек рядом со мной так и не увидит его вообще. Зыбкость эта — прямое следствие субъективного на самом деле характера Ка — делает его слишком ненадежным, чтобы на него можно было полагаться в столь важном деле, как обеспечение «загробной жизни»; было необходимо каким-то образом его закрепить, зафиксировать, сделать явным навсегда и для всех, независимым ни от каких внешних обстоятельств. То, что изображение дает толчок воспоминаниям, т. е. выявляет Ка, делает его видимым для всех вокруг, подсказало способ этой фиксации — создание изображений. Изображенный человек уже может не опасаться зыбкости своего Ка — пока существует изображение, Ка всем виден, т. е. жив.

Здесь лежит первооснова широчайшей практики создания изображений в гробницах и храмах. Возникает впечатление, что в таком случае художники *создают* Ка, что «творение загробного мира (hr(j).t-ntr)», о котором сказано в надписи Jt(w)-h'h', следует понимать буквально ⁷⁶. Психология художественного творчества, которую мы не можем не учитывать в таком вопросе, противоречит этому, свидетельствует о том, что изготовление изображений — не *создание* Ка, а его *фиксация*. Когда художник изображает какой-либо объект, в его сознании заранее существует образ этого объекта, который он и воплощает в краске, камне или глине; он видит этот образ, так сказать, внутренним зрением, без чего он не мог бы быть художником. Но ведь для египтянина иметь в сознании образ объекта значит видеть его Ка, видеть его внешним зрением; поэтому когда художник делает изображение, он просто-напросто оконтуривает Ка, обводит его, делает его видимым не только для себя, но и для других.

О том же свидетельствует и египетская интерпретация возникновения Ка. Поскольку человек создается богом, богом же создается и его Ка. На нескольких храмовых рельефах Нового царства показано, как бог Hnmw (= Хнум) лепит на гончарном круге младенца-царя и его точную копию — Ка. Ка царя, таким образом, рождается одновременно с

⁷⁵ Речь может идти только о той части теории Г. Масперо, которая отражена в цитированном выше отрывке. Далее он начинает говорить о тонкости материи, из которой состоит Ка, и о других столь же необоснованных вещах (Maspero. Egyptian souls..., p. 389 f.) и тем самым явно уходит от существа проблемы.

⁷⁶ Подобная точка зрения нашла отражение в книге С. И. Ходжаш и О. Д. Берлева (Егуптиан Reliefs..., p. 14). Еще раньше, анализируя надписи J'r.tj и Jt(w)-h'h', О. Д. Берлев полагал, что «мир мертвых зачастую ограничивается миром изображений, создаваемых в гробницах египетскими скульпторами» (Берлев. Общественные отношения..., с. 32, прим. 8), т. е. говорил об абсолютной, а не относительной, как у нас, связи изображений и Ка.

самим царем, т. е. существует до того, как делаются первые изображения царя. Изображение, следовательно, Ка не создает. Правда, это фиксируется только новоегипетскими памятниками и только по отношению к царю, однако несомненно, что такое представление относится и к простым людям, так как для описания сущности царя (за исключением нескольких специфических царских атрибутов) использовались категории, которыми описывался человек; что же касается возможности реинтерпретации представления о возникновении Ка в новоегипетское время, то она, конечно, вполне вероятна, но только в области внешней, формальной, суть же — рождение Ка вместе с оригиналом — была слишком основополагающей, чтобы значительно изменяться. Таким образом, мы можем с большой долей уверенности говорить, что и в Старом царстве считалось, что Ка рождается с человеком, до изготовления изображений.

Факты эти достаточно красноречивы, однако культовая практика как будто свидетельствует о противоположном. Действительно, если бы Ка существовал сам по себе, вне зависимости от изображений, была бы совершенно бессмысленна дорогостоящая практика создания культовых помещений с изображениями, поглощавшая очень значительную часть материальных и человеческих ресурсов страны. Таким образом, мы подошли к очередному противоречию. Не сомневаясь в том, что Ка был для египтянина объективным свойством мира, мы не можем решить, был ли он независим или зависим от практической деятельности людей, было ли его существование прирожденным или создаваемым свойством человека. Думается, что вопрос этот нельзя решать, не учитывая, что таким же Двойником, как Ка, является Имя.

Раньше мы говорили, что Двойник несомненно существует, если имеется изображение «оригинала», теперь же можно добавить, что он также несомненно существует, если имеется его Имя. Назвать Имя человека, точно так же как и сделать его изображение, значит сказать, что у него есть Двойник. В таком случае, если всякое упоминание Имени есть констатация существования Двойника его носителя, было бы очень важно установить, когда же впервые называлось имя человека.

Интереснейшее свидетельство об этом дает папирус Весткар, автор которого, хотя и живший в эпоху Среднего царства, был хорошо знаком со староегипетской действительностью. В заключительной сказке цикла Весткар повествуется о том, что божества пришли в дом жреца Солнца R'(w)-wsg(.w), чтобы помочь родам его жены Rdd.t, которая должна была родить будущих царей Египта. Имена им дает богиня Jz.t (= Исида), причем происходит это в процессе родов, еще до появления младенца на свет, и похоже, что именно называние имени приводит к тому, что младенец «выскальзывает к ней на руки»⁷⁷. Таким образом, совершенно одновременно создаются и «оригинал» — младенец, и его Двойник — Имя. Характерно, что при этом присутствует и бог Hnmw (= Хнум), который на новоегипетских храмовых рельефах выступает как создатель младенца-царя и его Ка. Хотя на этот факт многократно обращали внимание⁷⁸, никто как будто не ставил его в связь с первым упоминанием имени (т. е. с созданием Имени).

Едва ли на самом деле имя ребенку давали во время его рождения, в процессе родов, как об этом говорит папирус Весткар, хотя возможно, что такая практика и существовала в силу сакрализации этого процесса

⁷⁷ Erman. Die Märchen des Papyrus Westkar, Taf. X, Zeilen 8—10, 16—17, 23—25.

⁷⁸ Например: Сказки и повести древнего Египта. Пер. и комм. И. Г. Лифшица. М., 1979, с. 232, комм. 66.

(во всяком случае, по отношению к царю); для нас важно, что теоретически это должно было происходить так. В таком случае противоречие, к которому мы пришли, снимается: Двойник не создается изображениями, художник только фиксирует его, но он существует не извечно, не независимо — его действительно создают, но не при помощи изображений, а благодаря названию имени. Двойник создается, таким образом, не как Ка, а как Имя⁷⁹.

Разумеется, просто назвать имя мало — нужно, чтобы его называло божество. Об этом недвусмысленно говорит текст первой половины (?) Старого царства, но дошедший до нас с большими лакунами в поздней записи, известный как «Мемфисский теологический трактат». Согласно «Трактату», весь мир создан богом Ptḥ (= Птахом) путем называния вслух вещей, т. е. путем давания им Имен. Сущность этого представления была понята уже одним из первых исследователей текста, Г. Масперо, который изложил свое понимание следующим образом: «Согласно нашему автору, всякое творческое действие должно исходить от сердца и от языка — произнесенное про себя обдумывается (k^{wt}), а затем выражается в словах (wḏ mdw). Высказано твердое убеждение в силе этого „внутреннего слова“ и в необходимости повторения или объяснения (wḥm) языком того, что сформулировано в сердце и выражено в словах (md. t tn). Иначе говоря, звук, облеченный в слово, обладает высшим могуществом. Вещи и существа, названные про себя (k^{wt}), существуют только в потенции: чтобы они существовали в действительности, их надо произнести (wḏ mdw), назвать их Имена (m^t gn). Ничто не существует, не получив предварительно своего названия, произнесенного громко»⁸⁰. К сожалению, Г. Масперо, знавший о Ка больше всех своих современников, не понял, что речь идет о создании Двойников, т. е. в конечном счете Ка, и этот аспект текста остался незамеченным. Между тем в «Трактате» сказано (сткк. 56—58): «Девятка (богов) породила зрение глаз, слух ушей, дыхание носа, (чтобы) они сообщали Сердцу. Оно (= Сердце) есть то, что дает выходить всякому знанию, язык же повторяет задуманное Сердцем. Так были созданы k^w.w (u) hms.wt⁸¹, созданы вся пища и вся еда посредством этой речи (что задумана Сердцем и вышла через язык⁸²)»⁸³. Творение мира путем называния Имен оказывается одновременно творением Ка.

«Мемфисский трактат» стоит у истоков традиции, объясняющей творение мира называнием Имен всего сущего в этом мире. Тысячу двести лет спустя уже фиванские жрецы, описывая своего бога Jmn (= Амона) как верховного бога страны, т. е. ставя его на место староегипетского

⁷⁹ Создается впечатление, что не только у каждого отдельного человека Имя предшествует Ка, но и вся концепция Двойника развивалась первоначально как концепция Имени, а представления об изображении и Ка включались в нее позднее. Действительно, концепция Ка выглядит с самого начала чрезвычайно завершенной и сложившейся, путь же ее развития не прослеживается. В то же время уже в Раннем царстве складывается и достигает довольно высокого уровня концепция царского Имени. Не потому ли она разработана больше, чем концепция царского Ка, что она древнее? Если бы это оказалось так, многие проблемы, неразрешимые сейчас, были бы разрешены. Но это задача, выходящая далеко за рамки настоящего исследования.

⁸⁰ Maspero G. La toute-puissance de la parole. — RT, 1902, t. 24, p. 175.

⁸¹ Hms.t представляет собой некое женское дополнение Ка, до сих пор остающееся загадочным; см. Sethe K. Dramatische Texte zu altägyptischen Mysteryspielen. Lpz., 1928, S. 61—64.

⁸² Пояснение K. Зете согласно стк. 58 (Sethe. Dramatische Texte..., S. 64).

⁸³ Breasted J. H. The Philosophy of the Memphite Priest. — ZAS, 1901, Bd 39, pl. I—II; Erman A. Ein Denkmal memphitischer Theologie. — SKPAW, 1911, S. 938—940; Sethe. Dramatische Texte..., S. 59—61.

Pth (= Птаха), писали (Лейденский папирус № 1350, V, 17): «Ka его — все сущее, *находящееся во рту его* (т. е.: называемое им)»⁸⁴. Еще лет через девятьсот после этого в «Книге низвержения» pp (= Апопа) от имени бога R'(w) (= Ра) было сказано (папирус Бремнер-Ринд, 26.21—22): «Я тот, кто воссуществовал как (бог) Hprj (= Хепри). Воссуществовал я, и воссуществовало сущее. Воссуществовало все сущее после того, как воссуществовал я, (и) *многие существа вышли из рта моего* (т. е.: их Имена были названы мной)»⁸⁵. Подобные указания существуют и во многих других текстах разного времени, свидетельствующих, что традиция «Мемфисского трактата» играла значительную роль до конца египетской истории и что представление творении мира путем называния Имен всего сущего было распространено в египетской теологии. Путь дальнейшего развития этого представления ведет к учению о Логосе Филона Александрийского, а через него к начальным словам Евангелия от Иоанна (I.1—1,3): «Вначале было слово, и слово было у бога, и слово было бог. Оно было вначале у бога. *Все через него начало быть, что начало быть*».

Вернемся, однако, к представлению о Ka, об изображениях и о «загробном мире». Все сущее существует только потому, что богом было названо его Имя. Из этого несомненно следует, что все сущее имеет Имя, т. е. Двойника, это непренное условие его существования. Другое дело — «загробный мир». Человек умирает и, следовательно, своим существованием перестает подтверждать существование Двойника. Память о человеке, правда, говорит, что Двойник его все еще существует, и тем самым позволяет мыслить «загробный мир» как мир-Двойник. Для того чтобы сделать жизнь Двойника надежной, вечной, его следует зафиксировать путем записи имени и создания изображений, что и делалось в гробницах. Разумеется, это лишь дублирование, подтверждение акта первоначального божественного творения, однако повторение не простое. «Загробный мир» не просто копия земного, он имеет ряд существенных отличий, что позволяет говорить о его корректировании при помощи изображений.

Мы постоянно подчеркивали, что мир-Двойник представляет собой копию земного мира, причем точную даже в мелочах. Однако сама возможность фиксации мира-Двойника человеком таит в себе и возможность сделать его лучше, чем «оригинал», внести в него определенные коррективы. Впервые наличие такого субъективного элемента в объективном отражении действительности гробничными изображениями отметил О. Д. Берлев⁸⁶.

Искажения действительности могут быть двух видов: 1) создание чего-либо не существующего на самом деле, но полезного, делающего «загробную жизнь» более надежной, удобной, и 2) ликвидация чего-либо на самом деле существующего, но неприятного, неудобного, опасного, вызывающего затруднения. Искажением первого рода является интерпретация оплаты труда художника как цены изображенных людей (т. е. их Двойников), установленная О. Д. Берлевым⁸⁷: на самом деле нельзя купить заупокойного жреца, но поскольку владение им на том свете было бы желательно с точки зрения надежности обеспечения «загробной

⁸⁴ Gardiner A. H. Hymnus to Amon from a Leiden Papyrus.— ZAS, 1905, Bd 42, S. 38.

⁸⁵ Faulkner R. O. The Papyrus Bremner-Rhind. Bruxelles, 1933, p. 60, lines 2—4.

⁸⁶ Берлев. Общественные отношения..., с. 17—34.

⁸⁷ Там же.

жизни», египтяне сознательно шли на создание подобной фикции. Важнейшим искажением второго рода является практически полное отсутствие упоминаний государственной службы, на которой всегда состоял хозяин гробницы. Именно служба давала большую часть его состояния, однако она была сложна, связана с выполнением тяжелых и порой опасных заданий царя, отнимала много времени. Гораздо приятнее было создавать себе «загробную жизнь» без всех этих неудобств. В гробницах изображается не что иное, как *хозяйство* вельможи, полностью обеспечивающее все его потребности; ничто за пределами хозяйства было ему не нужно, поэтому оно не изображалось и соответственно не переносилось в «загробную жизнь». Правда, в жизни право владеть этим хозяйством давала лишь государственная служба, но в изображениях от этой «мелочи» отказывались из-за создаваемых ею затруднений, желая в то же время получать приносимые ею блага⁸⁸.

«Загробный мир» Старого царства, мир-Двойник оказывается не точной копией мира земного, как полагал Г. Масперо: это только его *фрагмент*, причем несколько подправленный. Он сводится по существу к хозяйству владельца гробницы, оставляя за своими пределами все остальное. Вельможа стоит в центре этого мира, является главной его фигурой, все в нем существует только для него (отдельные бытовые сцены из жизни принадлежащих ему людей, вроде завтрака пастухов⁸⁹, не являются исключениями — они входят в группу хозяйственных сцен, направленных на его обеспечение). К тому же если при жизни, будучи полновластным в своем хозяйстве, вельможа оставался в высшей степени подчиненным царской власти, то в мире-Двойнике он оказывался центром не просто хозяйства, но и всего мира, ограниченного рамками этого хозяйства.

«Загробная жизнь» в мире-Двойнике, таким образом, была доступна лишь тем, кто мог соорудить себе гробницу с изображениями, и их близким, т. е. очень немногим, а также тем, кого хозяин, изображая их в своей гробнице, брал с собой в тот мир, чтобы пользоваться их трудом. Как правило, имена зависимых людей не записывались, т. е. хозяину был важен сам факт наличия рабочей силы, а не личность принадлежащего ему человека; только немногие удастаивались записи имени. Как раз отсутствие имен возле изображений, т. е. неопределенность изображенных, породила интереснейшую практику приписок. Человек, занимавший определенные чиновничьи должности, но не имевший возможности соорудить себе гробницу, приписывал свое имя рядом с изображением какого-нибудь работника в чужой гробнице. Приписки эти четко выделяются качеством, которое гораздо ниже, чем у оригинальных надписей, и несоответствием между титулами и выполняемой работой. Практика приписок хорошо показывает, как египтянин, не имевший возможности создать свой мир-Двойник, готов был заниматься самой черной работой

⁸⁸ Все упоминания государственной службы в биографических надписях относятся к прошлому, но не к будущей «загробной жизни». Перечисления титулов, т. е. должностей, которые занимал хозяин гробницы, являются уточнением его имени, удостоверением его личности (имена могут совпадать, набор титулов всегда различен); о том, что он хотел бы служить на этих должностях и после смерти, они не говорят. Таким свидетельством были бы изображения служб, однако в Старом царстве они отсутствуют (интерпретация сильно разрушенной сцены в гробнице Jttj/Sdw в Дешаше ненадежна в силу ее плохой сохранности — см. *Petrie W. M. F. Deshasheh. L., 1898, pl. 24*). Перечни титулов без изображений говорят лишь о том, что вельможа желает после смерти получать блага, которые дают ему эти должности, службой не занимаясь, т. е. надеется на вечную синектуру.

⁸⁹ Например, Giza IV, 1940, Taf. XIII.

в мире-Двойнике другого человека, лишь бы быть причастным к этому миру.

Иногда люди, которые могли изготовить свой собственный памятник, пусть даже очень скромный, предпочитали вместо этого поместить свое изображение в какую-нибудь богатую гробницу. Причина подобных действий аналогична: не имея возможности создать сколько-нибудь обширный собственный мир-Двойник, человек предпочитал войти в чужой, пусть даже как лицо подчиненное. Особенно примечательна в этом отношении гробница номарха Pjrp-^h(.w) Hr(j)-jb в Меире: в ней находится ряд граффити людей, называющих себя его заупокойными жрецами⁹⁰; эти граффити явно не синхронны сооружению гробницы, — по крайней мере одно из них, принадлежащее некоему Ffj, судя по написанию имени, вполне могло, как считал К. Зете, относиться ко времени вплоть до XII дин.⁹¹, когда культ в гробнице номарха наверняка прекратился. Следовательно, эти люди явно не были на самом деле заупокойными жрецами и приписывали себе эту должность, чтобы войти в мир-Двойник Pjrp-^h(.w) Hr(j)-jb.

Количество таких замкнутых «миров» соответствует, очевидно, количеству гробниц. Возникает вопрос: были ли они связаны между собой, т. е. составляли ли они единый «загробный мир», с которым мы сталкиваемся, имея дело с другими религиями, пусть даже дискретный по структуре? Г. Юнкер на основании наличия в дверном проеме масштабы H^h(j).f-hw(j).f-w(j) I изображения выходящих наружу хозяина и его матери, которая была похоронена в другой гробнице, полагал, что мертвые (а мы можем теперь сказать: их Двойники) могли ходить по некрополю и навещать друг друга⁹². Такая интерпретация, пусть даже основывающаяся на единичном факте, вполне вероятна⁹³, однако и подобная возможность связи между Двойниками объединяет лишь некоторые мирки и лишь в одном аспекте. Настоящего единства всех этих мирков нет, так как нет всеобщего фактора, объединяющего их собой, — нет системообразующего фактора. Таким фактором могло бы быть существование бога мертвых, правителя того света, однако представление о нем — Jz.t-jr.t (= Осирис) как царь мертвых — появляется лишь в Среднем царстве.

Следовательно, складывается очень своеобразная картина. Мира мертвых в том смысле, как мы привыкли его понимать, в религии Старого царства не было. Вместо этого существовал ряд мирков-Двойников, ряд несколько подкорректированных копий вельможеских хозяйств. Мысль о том, как соотносились между собой эти мирки, египтян, видимо, не интересовала. Действительно, создавая свой мирок, каждый мог включить в него Двойников тех людей, которых он желал видеть рядом с собой, что не требовало связи между его мирком и мирками тех людей.

Итак, мы рассмотрели староегипетские представления мировоззренческого характера, связанные в основном с изобразительным оформлением гробниц. Оформление это, основной элемент которого — сцена трапезы — появился в начале династического периода, должно было усовершенствоваться старинный обычай снабжения умершего реальными

⁹⁰ *Blackman*. The Rock Tombs of Meir, pl. III.

⁹¹ *Ibid.*, p. 32, not. 4.

⁹² *Junker H.* Mutter und Sohn auf einem Relief des frühen Alten Reichs.— *AÖAW*, 1954, 90 (Jg. 1953), S. 171—175.

⁹³ Судя по большому количеству изображений выходящего хозяина по бокам входа в гробницу, в Старом царстве действительно существовало представление о свободе перемещении мертвого, хорошо отразившееся в поздних, уже новоегипетских памятниках.

пищей и инвентарем. Появление в гробнице изображений, очевидно, и следует признать временем сложения концепции Ка или по крайней мере его завершающим этапом, ибо если бы изображение не связывалось каким-то образом с Двойником, оно было бы бессмысленным в культовом помещении. Это подтверждается и последующей преемственностью развития системы гробничных изображений, которое шло без коренных переломов до конца Старого царства.

Вероятно, процесс возникновения категории Ка был на самом деле более разносторонним и комплексным и в нем участвовала интерпретация не только явлений памяти (например, возможность увидеть себя как бы со стороны в момент потери сознания или иной стрессовой ситуации). Однако мы пренебрегли этими возможностями, поскольку они не нашли отражения в памятниках, связь же Ка с изображениями и процессами памяти прослеживается четко. Впрочем, наша теория остается открытой для подобных дополнений, так как они не могут поколебать ее основное положение о том, что Ка является образом человека, существующим в сознании воспринимающего субъекта и интерпретированным как самостоятельное существо. Мысль о существовании Двойника породила очень своеобразные представления, лежащие в центре мировоззрения Старого царства. Двойник в представлении египтян живет в целом мире-Двойнике, с которым связывались надежды на будущую жизнь, однако это не был «загробный мир», с которым мы сталкиваемся в других культурах. «Загробный мир» — это место, куда человек переходит после смерти, и поэтому, пока человек жив, он для него не существует (вернее, существует в виде абстрактной надежды попасть туда). Другое дело мир-Двойник: он существует с того момента, как создаются изображения в гробнице, т. е. еще до смерти изображаемого⁹⁴. Таким образом, если мы хотим условно называть его «загробным миром», это выражение следует брать в кавычки, равно как и слова «загробная жизнь» по отношению к жизни Двойника.

Уже сам факт появления представления о Ка и начало практики гробничных изображений не могли не оказать сильнейшего влияния на всю культуру, в том числе и на ее аксиологию. Видимо, гипертрофированная роль представлений о «загробной жизни», какой мы не встречаем за пределами Египта, в значительной степени была связана с особенностями этого представления. Действительно, «загробный мир» можно было конструировать по своему желанию, изменять и улучшать его практически до бесконечности. Конечно же, эта возможность привлекала к проблемам жизни после смерти особое внимание, и, так как эта жизнь не была строго детерминированной, как, например, в христианстве, внимание это не было отвлеченным, абстрактным. Напротив, речь идет о деле, с точки зрения египтянина, чисто практическом и потому актуальном — об улучшении будущей жизни; египтянин сам был ее творцом, в своих руках держал свое будущее, почти вечное счастье. Поэтому «загробный мир» совершенствовались на протяжении всей истории Египта, причем он постоянно расширялся — от копии вельможеского хозяйства в Старом царстве до копии государства с богом Jz. t-jr. t (= Осирисом) в роли царя в Среднем царстве и до Вселенной с ее богами и чудовищами в более

⁹⁴ *Hodjash, Berlev. Egyptian Reliefs...*, p. 15. При этом различие в оценке связи изображения и Ка как абсолютной (Ходжаш — Берлев) или относительной (наша теория), важное само по себе, в данном случае роли не играет.

позднее время. Это расширение давало умершему все новые и новые преимущества, вплоть до возможности пребывать в непосредственной близости от солнечного бога. Это расширение «загробного мира» вело и к развитию этического элемента, которому не было места в староегипетском «загробном» мирке-хозяйстве, существующем лишь для его полновластного владыки, и который стал необходим (вплоть до представления о загробном суде) в «загробной Вселенной» Нового царства, где потребовалось регулирование отношений человека с человеком и человека с богом. Правда, оборотной стороной этого процесса было все более зависимое положение умершего в «загробном мире»: из хозяина пусть маленького, но зато своего и совершенно самостоятельного мирка он превращался в одного из многих «подсудимых» Jz.t-jr.t (= Осириса). Это является несомненной сменой системы ценностей общества и ведет к утрате бодрого и жизнерадостного староегипетского мировоззрения, где надежда на очень долгую и всем необходимым обеспеченную жизнь Ка не оставляла места даже для богов, и к появлению бесконечно сложного, но формального благочестия Позднего времени. Толчок же такому беспрецедентному по масштабам развитию дала заложенная в самом начале возможность «совершенствования» мира-Двойника.

Казалось бы, существование сложного и достаточно универсального представления о Двойнике должно было полностью подавить более архаичные и примитивные представления (например, о необходимости сохранения тела умершего). Этого, однако, не происходит, более того, имеют место прямо противоположные тенденции — так, расцвет практики мумификации приходится отнюдь не на начало египетской истории. Тем не менее процесс этот связан, видимо, с тем же, о чем уже было сказано выше: возможность усовершенствования «загробной жизни» была всеобщей, а чем же еще может быть забота о теле, как не совершенствованием этой жизни, пусть даже противоречивым с самого начала.

Здесь следует учитывать, что, поскольку мир-Двойник не был всеобъемлющим «загробным миром», рядом с ним могли существовать другие подобные «миры», только имеющие другую основу. Поэтому в представлениях египтян существовал и очень фантастичный (в противоположность предельно реалистичному миру-Двойнику) мир, который из-за его фантастичности нельзя было изобразить. Этот мир оказался связанным со старым представлением о сохранении тела умершего, что позволяет называть его «миром трупа»⁹⁵. Начиная с конца Старого царства мир-Двойник и «мир трупа» переплетаются, создавая очень противоречивую и сложную картину⁹⁶. Находит место в ней и практика мумификации — ведь важно было сохранить неизменным не просто тело, но лицо умершего, изготовить маску, т. е., в конце концов, создать изображение. Так, первобытная по основе своей практика сохранения тела переплетается с в высшей степени отвлеченными представлениями о Двойнике. И если это переплетение выглядит с нашей точки зрения причудливым, это еще не свидетельствует о неправильности предпринятой интерпретации фактов.

⁹⁵ *Hodjash, Berlev. Egyptian Reliefs...*, p. 14—15; о сосуществовании этих двух миров в гробнице можно судить по специфике наземных и подземных помещений: *Большаков А. О.* Из истории египетской идеологии Старого царства.— ВДИ, 1982, № 2, с. 97—101.

⁹⁶ Одним из проявлений этого процесса является проникновение изображений, настенных и скульптурных, в погребальную камеру.

Наши выводы во многом весьма отличаются от общепринятой точки зрения на проблему *Ka* (если только можно говорить о существовании такой общей точки зрения). Объяснить это следует тем, что мы исследовали представление о *Ka* в том виде, в каком оно проявляется в практике египетского заупокойного культа, в то время как обычно подходят к проблеме, отталкиваясь от письменных памятников, в которых дается теоретическое понимание. Разумеется, как всякая теория отличается от практических выводов из нее, так и «теория *Ka*» отличается от «практики *Ka*». Впрочем, отличия эти не так радикальны, как это может показаться на первый взгляд, а выводы, сделанные на основании проведенного в настоящей статье исследования «практики *Ka*», служат на наш взгляд неплохой базой для изучения «теории *Ka*». Но это уже отдельная работа, до завершения которой еще очень и очень далеко.

LE RÔLE DU DOUBLE (*KA*) DANS LA RELIGION ÉGYPTIENNE
DE L'ANCIEN EMPIRE

A. O. Bořšakov

Il s'agit d'établir le sens de *Ka*, une des catégories fondamentales de la vision égyptienne du monde qui demeure mystérieuse encore aujourd'hui. La source de base, utilisée ici pour la première fois, ce sont les fresques, avec leurs inscriptions, ornant les sépultures de notables de l'Ancien Empire. Il est évident que les hommes représentés sur les images sont morts, mais un des textes (*ASAE* 42, 26—38) déclare qu'il en «sort» la manifestation du sujet représenté en laquelle il espère vivre après la mort. Cette manifestation c'est justement le *Ka*, l'image du défunt existant dans la mémoire des vivants, mais objectivée, projetée dans le monde réel. Compte tenu du fait que la conscience humaine se souvient mieux de ce qu'elle garde dans sa mémoire si elle en observe une image, celle-ci s'est trouvée liée aux images sépulcrales, ce qui était interprété comme une «sortie» du *Ka* hors de l'image. Ainsi, le *Ka* est une copie conforme de l'homme, son Double qui demeure vivant même après la mort de celui-ci. Une analyse des mots qui s'écrivaient avec le signe *k* atteste qu'ils sont presque tous de la même racine, et que la racine *k* désigne la multiplication: animale, végétale, artisanale etc. Le concept de *Ka* n'est qu'un cas particulier de cette multiplicité, il exprime la duplicité. Une catégorie très proche du *Ka* est le Nom, qui est aussi un Double, se manifestant non par l'image, mais par le nom écrit. Le Double de l'homme vit dans un véritable Double du monde créé par les images ornant la sépulture. Ce monde était une réplique du domaine du notable, mais quelque peu perfectionné par rapport à l'original: en étaient exclues toutes les choses dangereuses, déplaisantes et le dur exercice de fonctions administratives. Ainsi, l'Ancien Empire ignorait la notion d'un au-delà unique habité par tous les défunts; il ne connaissait qu'une multitude de Doubles-du-monde dont chacun n'était destiné qu'à un seul homme: le propriétaire de la sépulture qui en contenait les images. Il faut toutefois garder à l'esprit que le Double n'était pas seulement lié à la vie d'outre-tombe, mais était encore une des propriétés les plus importantes du monde en général.

В. М. Строецкий

ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ АФИН
И СПАРТЫ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД
ПЕРВОЙ ПЕЛОПОННЕСКОЙ ВОЙНЫ
(460—455 годы)

В истории Пентеконтастии едва ли не главным событием была так называемая первая Пелопоннесская война. В данной статье мы ограничимся лишь интерпретацией некоторых внутривнутриполитических событий в Афинах и Спарте и выяснением особенностей их внешней политики в начальный период войны. Хронологические рамки (460—455 годы) объясняются следующим: в 460 г. после изгнания Кимона остракизмом Афины разорвали союзные отношения со Спартой (на этот год, как считают многие исследователи, приходится начало первой Пелопоннесской войны; мы разделяем эту точку зрения, хотя некоторые ученые принимают за начало войны 457/456 год — год непосредственного включения Спарты в военные действия), 455 год — это год, когда Афины добились наивысших достижений в этой войне.

Современные исследователи пересматривают традиционное объяснение происхождения первой Пелопоннесской войны, исходящее из гипотезы о про- и антиспартанской партиях в Афинах и мирной и военной партиях в Спарте¹. Действительно, такого рода концепция страдает упрощенством в подходе к решению сложных вопросов и нередко искажает подлинный характер событий. Невозможно, однако, согласиться и с мнением, предложенным взамен, согласно которому первая Пелопоннесская война явилась результатом непримиримой вражды Коринфа и Эгины с Афинами². В этом случае авторы подчеркивают лишь формальную причину войны. Между тем война — это явление социально-политическое, и поэтому необходимо внешнюю политику Афин и Спарты рассматривать в диалектической взаимосвязи с внутривнутриполитическими отношениями в этих полисах.

Своеобразие внутривнутриполитических отношений в Афинах определялось тем, что здесь афинская модель полиса, оформившегося в результате реформ Солона и Клисфена, в отличие от Спарты, не препятствовала

¹ Критические высказывания в адрес этой гипотезы см. *Sealey R. A History of the Greek City-States 700—338 B. C. Univ. Calif. Press, 1966, p. 262 ff.* Тем не менее некоторые современные исследователи по-прежнему придерживаются этой точки зрения (см. *Kagan D. The Outbreak of the Peloponnesian War. Ithaca and London, 1969, p. 77 ff.*).

² *Sealey. Op. cit., p. 263 ff.*

процессу развития товарно-денежных отношений. Среди афинских граждан были не только земледельцы и землевладельцы, но также ремесленники, торговцы, моряки и другие категории гражданского населения, не связанные с земледелием. Поэтому по мере того как роль этой части граждан в общественно-политической жизни Афин усиливалась, создавались благоприятные предпосылки для дальнейшей демократизации афинского общества³. Античные авторы связывают это с тем моментом, когда важную роль в Афинах начал играть флот, и беднейшие слои граждан стали служить на кораблях, что сделало более весомым их голос в народном собрании.

В значительной степени активизация политической роли этой части афинских граждан была обусловлена деятельностью Фемистокла накануне и в ходе Греко-Персидских войн. Демократические реформы 80-х годов V в. до н. э. и морская программа Фемистокла угрожали политическому влиянию аристократических семей в Афинах. Их разобщенность привела к тому, что многие выдающиеся представители знатных фамилий Алкмеонидов, Писистратидов, Кериков и др. были изгнаны из Афин.

Угроза персидского нашествия, однако, способствовала объединению патриотических сил в целях обеспечения общегреческой безопасности. Была предоставлена амнистия изгнанникам. Участвуя в военных походах, представители знати укрепили свой авторитет и восстановили былое влияние. Теперь они стремились не потерять поддержку народа и объединиться в целях сохранения своего политического авторитета в Афинах. Этому способствовало также усиление Ареопага, который в течение 17 лет (с 479 по 462 г.) фактически управлял государством⁴.

Современные западноевропейские исследователи не видят в противостоянии Кимона, с одной стороны, и Фемистокла и Эфиальта, с другой, социальной подоплеки и считают его следствием личного соперничества и расхождения во взглядах на характер внешней политики Афин⁵. Между тем социально-политический характер внутривосполненной борьбы нельзя исключать, и деятельность Кимона в этой связи служит лучшим доказательством этого. Главная заслуга Кимона в области внутривосполнительских отношений заключалась в том, что ему удалось сплотить силы знати и, опираясь на господствующее положение Ареопага, оказать влияние на внутреннюю и внешнюю политику афинской демократии.⁶

Кимон, так же как и другие представители аристократических семей (например, Аристид и Ксантипп), немало сделал для укрепления афинского полиса. Вместе с тем не случайно Кимон выступает в источниках как сторонник и носитель традиций клисфеновской демократии (Plut., Cim. 15). От реформ Клисфена, завершивших формирование афинского полиса, и до реформ Эфиальта, в результате которых полис, как отмечает Плутарх, был брошен в руки крайней демократии (*ἄκρατον δημοκρατίαν*), прошло свыше 40 лет. За это время развитие товарно-денежных отношений превратило Афины в крупный торгово-ремесленный город. Этот процесс нашел свое отражение как в реформах 80-х годов и морской программе Фемистокла, так и в реформах Эфиальта в конце 60-х годов. Все сказанное подтверждает правильность вывода, сделанного Г. А. Кошеленко о том,

³ Arist., Pol. II, 9, 4; Y, 3, 5; Xen., Ath. Pol. I, 2 sqq. Ср. Кошеленко Г. А. Греческий полис и проблемы развития экономики.— В кн.: Античная Греция, т. I, М., 1983, с. 217.

⁴ Об этом см. Hignett Ch. A History of the Athenian Constitution. Oxf., 1962, p. 27 ff.; Kagan. Op. cit., p. 67; Цуканова М. А. Аристотель о периоде главенства Ареопага после 480 г.— В кн.: Античный мир и археология, вып. 1, Саратов, 1972, с. 143—153.

⁵ Sealey. Op. cit., p. 257 ff.; Kagan. Op. cit., p. 57 ff.; Connor W. R. The New Politicians of Vth Cent. Athens. Princeton, 1971, p. 11 ff.

что специфической особенностью древнегреческого общества было формирование внутри полиса городской социально-экономической структуры⁶. Опираясь на этот вывод, можно рассматривать конфликт между Кимоном, с одной стороны, и Фемистоклом и Эфиальтом, с другой, как результат взаимодействия двух противоположных структур (полисной и городской).

Укрепление союза аристократических фамилий и господство Ареопага, олицетворяющего консервативные тенденции в развитии афинского полиса, вызвали недовольство радикальных городских слоев и их лидера Эфиальта, который осуществил ряд важных демократических реформ, способствовавших окончательной ликвидации политического влияния афинской знати.

Появление на политической сцене после гибели Эфиальта Перикла не было результатом только личного соперничества среди знатных городских фамилий за преобладание, как считают некоторые современные исследователи⁷. Оно было подготовлено всем ходом социально-экономического и политического развития афинского полиса. В условиях значительной активизации и роста военной и политической роли афинского демоса Перикл, аристократ, выходец из рода Алкмеонидов, как и в свое время его дядя Клисфен, осознал необходимость опоры на демократические слои, ибо дальнейшее укрепление афинского могущества становилось несомненным с лаконофильской политикой Кимона. Понимая это, Перикл, введя прогрессивные формы правления, стремился до конца преодолеть консерватизм и косность во внутренней политике Афин и перейти к более энергичным и решительным внешнеполитическим действиям.

Итак, падение господства Ареопага и изгнание в 461 г. остракизмом вождя знати Кимона явились не только поворотным пунктом внутриполитического развития Афин, но и обусловили характер и новое направление афинской внешней политики.

Согласно Фукидиду (I, 102,3; ср. Diod., XI, 64, 3), поход четырехтысячного отряда афинских гоплитов во главе с Кимоном на помощь спартамцам против восставших илотов, закрепившихся на Ифоме, впервые (πρῶτον) со времени Греко-Персидских войн повлек к открытой вражде между лакедемонянами и афинянами. Спартамцы, опасаясь, что афиняне могут вступить в соглашение с ифомцами, потребовали, чтобы первые покинули пределы Пелопоннеса. Афиняне, считая себя оскорбленными таким отношением лакедемонян, разорвали заключенный с ними союз против персов.

Вопрос о разрыве отношений между Спартой и Афинами привлекал внимание многих исследователей, и в настоящее время он не потерял своей дискуссионной остроты⁸. Некоторые авторы подвергают сомнению основательность подозрений лакедемонян. Однако аргументы, приводимые ими, едва ли можно считать убедительными. Так, например, в литературе высказывается мнение, что посланный на помощь лакедемонянам корпус Кимона состоял только из представителей высших классов (так как четвертый класс — феты — по преимуществу не выставлял гоплитов), поэтому

⁶ Кошеленко. Ук. соч., с. 237 сл.

⁷ Sealey R. The Entry of Perikles into History. — Hermes, 1956, 84, p. 234—247; Frost F. J. Perikles, Thucydides, Son of Melesias and Athenian Politics before the War. — Historia, 1964, 13, p. 38 ff.; Connor. Op. cit., p. 3 ff.

⁸ Cloché P. La politique extérieure d'Athènes de 462 à 454 av. J.-Ch. — L'Antiquité classique, 1942, XI, p. 33—36; Klafembach G. Das Jahr der Kapitulation vom Ithome. — Historia, 1950, 1, S. 231 ff.; Sealey. The Entry..., p. 234—247; idem. The great Earthquake in Lacedaemon. — Historia, 1957, 6, p. 368 ff.; Kagan. Op. cit., p. 74 ff.; De Ste Croix G. E. M. The Origin of the Peloponnesian War. L., 1972, p. 180 ff.

войны Кимона не склонны были помогать восставшим⁹. Но прежде всего неправильно было бы думать, что сторонники Эфиальта находились только среди фетов. По-видимому, драма Кимона заключалась именно в том, что абсолютное большинство афинских граждан склонялось в пользу демократических преобразований¹⁰. Поэтому, вероятно, сторонники Эфиальта, враждебно настроенного к Спарте, были и среди гоплитов Кимона. Таким образом, основания опасаться, что афиняне вступят в контакт с ифомцами, у лакедемонян имелись, тем более что впоследствии тех восставших, которых спартанцы разрешили покинуть Пелопоннес, именно афиняне поселили в Навпакте.

Не убеждает также скептическое отношение некоторых современных исследователей к самому сообщению Фукидида об опасениях Спарты¹¹, которое стало основополагающим для всей известной литературной традиции¹². Вникая в содержание этого сообщения, необходимо отметить, что, хотя Фукидид и не знал, какие конкретно действия афиняне могли настояжить лакедемонян (I, 102, 3), и поэтому привел различные возможные причины, побудившие лакедемонян удалить афинян из Пелопоннеса (I, 102,2—3), тем не менее он был уверен, что в условиях столь глубоко зашедших противоречий между лакедемонянами и афинянами (что Фукидид неоднократно подчеркивал в своих предшествующих сообщениях) как для тех, так и для других нужен повод, чтобы расторгнуть ставшие для обоих поمهой союзные отношения.

Разорвав союз со Спартой, Афины заключили соглашение с ее злейшим врагом Аргосом, а также с Фессалией¹³. Оценка этого союза в историографии довольно противоречива. Так, например, уже Глоц и Коэн в свое время заметили, что заключение союза между Афинами и Аргосом открыло период *l'impérialisme armé*. Против этой точки зрения выступил П. Клоше¹⁴. Многие современные исследователи стали усматривать в действиях Афин истоки их «империалистической» политики¹⁵. Другие ученые не придают особого значения этому факту¹⁶.

⁹ *Cloché*. Op. cit., p. 33 f.; *Glötz G., Cohen R.* Histoire grecque. T. II. P., 1931, p. 137. Вызывает возражение суждение авторов о том, что феты не могли служить гоплитами. По крайней мере в 60-е годы V в., после широкой демократизации афийского общества, в результате деятельности Фемистокла феты уже использовались на гоплитской службе. Ведь если метеки служили гоплитами накануне Пелопоннесской войны (*Thuc.*, II, 13, 7), то тем более феты, будучи афинскими гражданами, могли быть использованы на гоплитской службе.

¹⁰ О безуспешных попытках Кимона противодействовать демократическим преобразованиям в Афинах см. *Plut.*, Per. 15.

¹¹ *Walker E. M.* — In: *CAH*, v. V, p. 82. В недавнее время попытку умалить значение этого сообщения Фукидида предпринял Дж. Р. Коул (*Cole J. R.* — *GRBS*, 1974, 15, p. 369—385). Информация приводится из статьи: *Holladay A. J.* Sparta's Rolle in the First Peloponnesian War. — *JHS*, 1977, 97, p. 54, not. 6.

¹² См. *Diod.*, XI, 64, 2; *Plut.*, Cim. 17; *Paus.*, I, 29, 8—9; IV, 24, 6—7; *Just.*, III, 6.

¹³ *Thuc.*, I, 102, 4; II, 22, 3; *Paus.*, I, 29, 9; IV, 24, 7; *Aesch.*, Eumen. 287—291, 667—673.

¹⁴ *Glötz, Cohen*. Op. cit., t. II, p. 144; Ср. *Cloché*. Op. cit., p. 36 suiv.

¹⁵ *Meiggs R.* The Growth of Athenian Imperialism. — *JHS*, 1943, 63, p. 21—34; *Dover K. J.* The Political Aspect of Aeschylus Eumenides. — *JHS*, 1957, 70, p. 230 ff.; *Davison J. A.* Aeschylus and Athenian Politics 472—456 B. C. — In: *Ancient Society and Institution*. N. Y., 1967, p. 93—107; *De Ste Croix*. Op. cit., p. 182 ff.; *Sordi M.* Athene e Sparta delle Guerre Persiane al 462/461 a. C. — *Aevum*, 1976, 50, fasc. 1—2, p. 25—41.

¹⁶ *Sealey*. A History..., p. 262 ff.; *Kagan*. Op. cit., p. 77 ff.; *Kelly Th.* Argive Foreign Policy in the Fifth Cent. B. C. — *ClPh*, 1974, 69, p. 83 ff.

Рассмотрим более внимательно сообщение источников о заключении Афинами союза с Аргосом и Фессалией. Во-первых, Фукидид подчеркивает открыто враждебный характер по отношению к Спарте самого акта заключения союза с Аргосом. Он указывает на то, что инициатива разрыва отношений со Спартой принадлежала афинянам, и отмечает, что Аргос был врагом Спарты¹⁷. Во-вторых, афиняне, заключив соглашение с аргосцами и фессалийцами, окончательно отказались от тех принципов эллинской политики, которые были сформулированы при создании эллинского союза в 481 г., а именно: общими силами вести борьбу против персов и против тех эллинских государств, которые добровольно выступали на стороне персидского царя (см. *Herod.*, VII, 132; 148—149). Аргос и Фессалия были именно такими государствами. С этого времени эллинский союз против персов прекратил свое существование не только формально, но и фактически. В-третьих, заключив союз с этими полисами, афиняне создали анти-спартанскую коалицию. Так, Фукидид сообщает, что афиняне и аргосцы оформили скрепленный одинаковыми клятвами союз с фессалийцами (*Thuc.*, I, 102, 4: ... καὶ πρὸς Θεσσαλῶν ἀμα ἀμφοτέροις οἱ αὐτοὶ ἔρκοι καὶ ἑπιμαχία κατέσθη). В-четвертых, заключая союз с Аргосом, Афины фактически воплощали в жизнь политику, которую начал было проводить еще Фемистокл¹⁸, но для осуществления которой в те годы не сложились необходимые внутривнутриполитические и внешнеполитические условия. Целью этой политики было расширение и укрепление афинского влияния в Центральной Греции и Пеллопоннесе. О том, что афиняне не были равнодушны к событиям, происходившим в Пеллопоннесе и на Истме, свидетельствует сообщение Плутарха в его биографии Кимона (*Cim.* 17), по-видимому, почерпнутое им из современного этим событиям источника. Из этого сообщения ясно вытекает, что Коринф и Спарта были обеспокоены усилившимся могуществом афинян и их энергичной политикой, а афиняне со своей стороны строили планы в отношении Арголиды и Мегариды.

Следующим внешнеполитическим актом Афин поэтому и был союз с Мегарами. Детальные сведения об этом сообщают Фукидид (I, 103, 4) и Диодор (XI, 79, 1—2). Согласно Фукидиду, мегаряне, находившиеся в составе Пеллопоннеского союза, отложились от него, потому что у них возникла война с Коринфом из-за пограничной области (*Plut.*, *Cim.* 17, 1—2). По этой причине мегаряне заключили союз с Афинами и стали членом Делосской симмахии¹⁹. Мегары представляли для Афин очень важный

¹⁷ Спарта и Аргос были извечными врагами. После Клеоменовой войны и разгрома Аргоса в 520 году договор о мире между ними не был заключен (ср. *Herod.*, VII, 148). Мы не разделяем утверждение Т. Келли (*Kelly Th. The Traditional Enmity between Sparta and Argos. The Birth and Development of a Myth.*— *AHR*, 1970, 75, p. 971 ff.; *idem. Argive Foreign Policy...*, p. 81 ff.) о том, что традиционная враждебность между Спартой и Аргосом является мифом, рожденным литературой IV в. до н. э. Мнения Геродота и Фукидида о враждебных отношениях между лакедемонянами и аргивянами невозможно игнорировать.

¹⁸ Еще в 70-е годы Фемистокл воспрепятствовал Спарте, стремившейся наказать те государства, которые добровольно выступали на стороне персидского царя, и исключить их из Дельфийской амфикитии (*Plut.*, *Them.* 20, 3—4; ср. *Herod.*, VII, 132). Некоторые исследователи рассматривали эту историю как фикцию (см. *Walker. Op. cit.*, p. 36). Однако Бенгтсон и другие ученые признали, что свидетельство Плутарха отражает историческую реальность (см. *Bengtson H. Themistokles und die delphische Amphiktyonie.*— *Eranos*, 1951, 49, S. 85—92; *Flacelière K. Sur quelques points obscurs de la vie de Thémistocle.*— *REA*, 1953, 55, p. 19—28).

¹⁹ См. *Thuc.*, I, 103, 4; *Diod.*, XI, 79, 1—2; *Plut.*, *Cim.* 17, 1—2; ср. *Andoc.*, III. К этому см. *Cloché. Op. cit.*, p. 212 suiv.; *Kagan. Op. cit.*, 77 ff.; *De Ste Croix. Op. cit.*, p. 187 ff.; *Legon R. P. Megara. The Political History of Greek City-State to 336 B. C. L.*, 1981, p. 174 f.

в стратегическом отношении район, поскольку они имели гавани на побережье Коринфского (Пеги) и Саронического (Нисея) заливов и контролировали единственную сухопутную дорогу, ведущую в Пелопоннес. Афины заняли Мегары и Пеги, построили для мегарян «Длинные стены», соединив город с Нисейской гаванью, и оставили в Мегарах свой гарнизон. Это создавало для самих коринфян и их колоний на побережье Коринфского залива большую опасность. Владение мегарской гаванью Пеги на побережье Коринфского залива имело для афинян огромное значение, учитывая их стремление добиться господства в Центральной Греции. Из этой гавани афиняне предпринимали рейды вдоль всего побережья Коринфского залива.

В 463 г., когда Кимон еще занимал влиятельное положение в Афинах, афиняне заключили союз с восставшим Египтом и отправили ему на помощь флот, состоящий из 200 кораблей²⁰. Успешные действия афинян в Египте на первых порах²¹ побуждали их к более активным действиям против пелопоннесцев. Этому способствовали и благоприятные обстоятельства, так как Спарта в это время была занята подавлением восстания илютов, а в Афинах победу одержали те политические силы, которые унаследовали от Фемистокла и характер, и направление афинской внешней политики. В 459 г. афиняне, опираясь на союз с аргивянами, предприняли морскую экспедицию против Пелопоннеса и высадились в Галлиях (город, расположенный в южной части Арголиды). Против афинян объединенными силами выступили коринфяне и эпидавряне и нанесли им поражение²². Состоявшееся после этого сражение на море у острова Кекрифалейя (остров расположен в Сароническом заливе между Эгиной и Эпидавром) доставило победу афинянам²³. В этом же году афиняне предприняли военные действия против Эгины²⁴. Фукидид не указывает причин, вызвавших войну между Афинами и Эгиной. Согласно же Диодору (XI, 70, 2—3) главной причиной войны был выход Эгины из состава Делосской симмахии. В состоявшемся морском сражении эгиняне потерпели поражение и потеряли 70 кораблей. Афинские гоплиты под начальством стратега Леократа высадились на сушу и стали осаждать город Эгину²⁵.

²⁰ О восстании в Египте и договоре с Афинами см. *Herod.*, VII, 7; *Thuc.*, I, 104; *Ktes.*, fr. 63 sqq.; *Diod.*, XI, 71, 3—6; *Plat.*, Menex. 241 c; *Aristod.*, II, 3—4; *Just.*, III, 6, 6; *Plut.*, Them. 31, 4; *Isocr.*, VIII, 66; *Aelian.*, VH, V, 10; *Aesch.*, Eumen. 292—295; *Bengtson H.* Die Verträge der griechisch-römischen Welt. München, 1962, № 137, S. 40. К дискуссии о политических силах в Афинах, заключивших договор с восставшими, а также подготовивших и осуществивших экспедицию в Египет см. *Gomme A. W.* A Historical Commentary on Thucydides. V. I. Oxf., 1956, p. 305 ff., 395 ff.; *Barns J.* Cimon and the First Expedition to Cyprus.— *Historia*, 1953, 2, p. 163 ff.; *Scharf J.* Die erste ägyptische Expedition der Athener. Ein Beitrag zur Geschichte der Pentekontätie.— *Historia*, 1955, 4, S. 308 ff.; *Olmstead A. T.* History of the Persian Empire. Chicago, 1948, p. 303 ff.; *Salmon P.* La politique égyptienne d'Athènes au VI—IV s. av. J.-Ch. Bruxelles, 1965.

²¹ *Thuc.*, I, 104, 2; 109, 2; *Diod.*, XI, 74, 3—4; *Ktes.*, fr., 63; ср. Hill, B 113; ATL, v. III, p. 253, № 37.

²² См. *Thuc.*, I, 105, 1; *Diod.*, XI, 78, 1—2; *Just.*, III, 6, 5—6. К этому см. *Gomme.* Op. cit., v. I, p. 307 f., *Cloché.* Op. cit., p. 226 suiv.; *Wüst F. R.* Zum Problem «Imperialismus» und «machtpolitisches Denken» im Zeitalter der Polis.— *Klio*, 1932, 32, S. 76 ff.; *Wickert K.* Der peloponnesische Bund von seiner Entstehung bis zum Ende der archidamischen Kriege. Diss. Erlangen—Nürnberg, 1961, S. 62 ff.

²³ См. *Thuc.*, I, 105, 1; *Diod.*, XI, 78, 2; *Just.*, III, 6, 6—7.

²⁴ См. *Thuc.*, I, 105, 2; *Diod.*, XI, 70, 2—3; 78, 3—4.

²⁵ О войне афинян с эгинетами наиболее детальные сведения сообщают Фукидид и Диодор. Диодор рассказывает об этом событии дважды (XI, 70, 2—3 — под 464 г. и XI, 78, 3—5 — под 459 г.). Оба эти сообщения — часто встречающиеся в сочинении Диодора дублиеты (см. *Mess A. von.* Untersuchungen über die Arbeitsweise Diodoros.—

Положение, сложившееся для пелопоннесцев, особенно коринфян, было катастрофическим. Удерживая контроль над Мегаридой и имея выход в Коринфский залив, афиняне могли совершать рейды против коринфских колоний в этом районе. Наконец, одержав победы в морских сражениях у Кекрифалеи и Эгины и осадив город эгинян, афиняне фактически установили морское господство и в Сароническом заливе. Все это побудило Коринф вместе с остальными пелопоннесскими союзниками предпринять поход в Мегариду. Время для этого похода было выбрано наиболее удачное, так как значительная часть афинского войска находилась в Египте, другая часть его осаждала Эгину. Поэтому пелопоннесцы надеялись в лучшем случае изгнать афинян из Мегариды, в худшем — отвлечь войска от Эгины и тем снять осаду города. Афиняне же осознавали сложность своей позиции и тем не менее не желали снимать осаду Эгины. Как отмечает Фукидид (I, 105, 4), они провели тотальную мобилизацию, внося в списки гоплитов *οἱ πρῶτατοι καὶ οἱ νεώτατοι*. Это войско было отправлено в Мегариду под начальством стратега Миронида. В двух сражениях афиняне добились решительной победы над коринфянами и их пелопоннесскими союзниками (Thuc., I, 105, 3—106; Diod., XI, 79, 3—4).

До 457/456 г. Спарта не принимала активного участия в военных действиях. Инициатива войны была в руках ее главного союзника Коринфа, положение которого было особенно угрожающим. Исследователи часто отмечают, что главной причиной спартанской пассивности был ее традиционный консерватизм, не позволявший ей посылать войска за пределы Пелопоннеса²⁶. Не отрицая присущих Спарте консерватизма и медлительности в осуществлении внешнеполитических мероприятий (ср. Thuc., I, 68—71), мы вместе с тем считаем — и данные источников (Thuc., I, 103; Diod., XI, 84, 7—8) подтверждают это, — что спартанская пассивность в это время скорее объяснялась занятостью лакедемонян борьбой с восставшими.

Хронологические рамки начала и конца восстания плотов в современной литературе все еще остаются предметом дискуссии, что объясняется противоречивостью сведений источников. Фукидид датирует начало восстания 464 г.²⁷ и, принимая десятилетнюю продолжительность восстания, говорит (I, 103, 1), что оно прекратилось после того, как укрепившиеся на Ифоме восставшие сдались лакедемонянам на десятом году (*δέκατῳ ἔτει*) осады, т. е. в 455/454 г. Диодор (XI, 63, 1—4) считал датой начала восстания 469/468 г. (ср. Schol. Aristoph. Lys. 1144). Он, как и Фукидид, полагал, что война с восставшими длилась 10 лет (Diod., XI, 64, 4), и, каза-

RhM, N. F., 1906, 61, S. 245 ff.). Диодор, получив из различных источников неидентичную информацию об одном и том же событии, недостаточно разобрался в этом и дал ее под разными годами, полагая, что речь идет о совершенно различных событиях. Первое сообщение никак не связано со свидетельствами Фукидида, но из него вытекает важный вывод о том, что эгинеты, ранее входившие в Делосскую симмахию, не выносили диктата афинян и восстали. Хотя о результатах восстания Диодор не говорит, но, основываясь на его втором рассказе и сообщении Фукидида, можно думать, что оно имело некоторый успех. Второй рассказ Диодора не расходится с тем, что сообщает Фукидид. Об отношении Эгины к Пелопоннескому союзу и Делосской симмахии см. Leahy D. M. Aegina and the Peloponnesian League.— ClPh, 1954, 49, p. 232—243; Wickert. Op. cit., S. 23 ff.; McDowell D. Aegina and the Delian League.— JHS, 1960, 80, p. 118—121. Об афино-эгинской войне 459 г. см. Cloché. Op. cit., p. 229 suiv.; Hembold W. O. Athens and Aegina.— ClPh, 1952, 68, p. 95 ff.; Mattingly H. B. Athens and Aegina.— Historia, 1967, 16, p. 1—5; Podlecki A. J. Athens and Aegina.— Historia, 1976, 25, p. 396—413.

²⁶ См. Kagan. Op. cit., p. 86 ff. См. детальное исследование роли Спарты в первой Пелопоннеской войне: Holladay. Op. cit., p. 54—63; автор объясняет спартанскую пассивность традиционным консерватизмом спартанской внешней политики.

²⁷ Thuc., I, 101, 1—2; ср. также Paus., IV, 24, 5; Plut., Cim. 16.

лось бы, он должен принимать в качестве конечной даты восстания 460/459 г. Однако в другом месте (XI, 84, 8) Диодор отмечает, что восстание закончилось в 456/455 г. Псевдо-Ксенофонт (Ath. Pol. III, 11) указывает на то, что разгром мессенян имел место перед битвой у Танагры, т. е. перед 457 г. (ср. Herod., IX, 35, 2; Paus., III, 11, 8).

Общий вывод, который, как нам представляется, вытекает из анализа источников, заключается в том, что, по-видимому, первые очаги восстания возникли еще до 464 г. Однако своего апогея оно достигло в 464/463 г. — 459/458 г., когда восставшие закрепились в труднодоступных местностях и представляли для лакедемонян большую угрозу. Затем восстание пошло на убыль. Согласно Фукидиду (I, 103, 2), лакедемоняне получили пифийский оракул и в соответствии с ним договорились с ифомцами, что те покинут пределы Пелопоннеса (ср. Diod., XI, 84, 8). В кратком сообщении Фукидида о завершении восстания илотов выражение *δεκάτω ἔτει*, как признает большинство исследователей, неточно²⁸. Мы полагаем, что обращение спартанцев к Дельфийскому оракулу²⁹ и завершение восстания были непосредственно связаны с походом пелопоннесцев во главе со Спартой в Фокиду и Беотию (ср. Xen., Ath. Pol. III, 11; *ἐντὸς ὀλίγου χρόνου Λακεδαιμόνιοι καταστράφηνοι Μεσσηνίων ἐπολέησαν Ἀθηναίους*). Без учета сложившейся для Спарты внешнеполитической ситуации трудно объяснить, почему лакедемоняне на основании договора (Diod., XI, 84, 7 ср. Paus., IV, 24, 7) разрешили закрепившимся на Ифоме восставшим, которые уже более не были способны сопротивляться (что подчеркивает Диодор), покинуть Пелопоннес.

Три наиболее важных союзника Спарты — Коринф, Эпидавр и Эгина — находились в состоянии войны с Афинами и потерпели от них ряд поражений. Эгина находилась под угрозой захвата ее афинянами. Спарта потеряла такого важного члена Пелопоннесского союза, как Мегары. Поэтому если бы в сложившейся ситуации Спарта не помогла своим союзникам, это отрицательно сказалось бы на ее гегемонии. Все это требовало от лакедемонян как можно скорее покончить с затянувшимся на долгие годы восстанием и освободить себе руки для войны с афинянами.

Подавив восстание илотов, лакедемоняне собрали большое войско, включавшее 1500 своих гоплитов и 10 тысяч союзников. Поводом для выступления в Центральную Грецию послужила угроза завоевания Дориды Фокидой. Лакедемоняне и дорийцы, жившие в Пелопоннесе, рассматривали Дориду как свою метрополию³⁰. Дорида состояла из четырех общин, одну из которых захватили фокидяне. На помощь жителям Дориды и выступили лакедемоняне вместе с союзниками. Посланный контингент был гораздо больше, чем предполагалось для наказания фокейцев. Как показали дальнейшие события, цели этого похода были более глубокими.

Во главе общепелопоннесского войска был поставлен регент малолетнего спартанского царя Плейстоанакта, сына Павсания, — Никомед, сын

²⁸ Обзор мнений см.: *Oliva P.* Sparta and her Social Problems. Prague, 1971, p. 156 ff.; *Bengison H.* Griechische Geschichte. München, 1969, S. 199, Anm. 3; *idem.* Die Verträge..., S. 40 f., № 138.

²⁹ К дискуссии об аутентичности и датировке этого оракула см. *Parke H. W., Wormell D. E. W.* The Delphic Oracle. V. I. Oxf., 1956, p. 183; v. II, № 115; *Zeilhofer G.* Sparta, Delphoi und die Amphiktyonen im V. Jh. v. Ch. Inaug. Diss. Erlangen — Nürnberg, 1959, S. 55 f.

³⁰ *Thuc.*, I, 107, 2; ср. *Strabo*, IX, 5, 10, p. 434. См. *Vitalis G.* Die Entwicklung der Sage von der Rückkehr der Herakliden. Untersucht im Zusammenhang mit der politischen Geschichte des Peloponnes bis auf den ersten messenischen Krieg. Diss. Greifswald, 1930.

Клеомброта³¹. То, что войско возглавил регент Никомед, а не второй царь лакедемонян Архидам, некоторые исследователи рассматривают как доказательство торжества в Спарте военной партии³². Архидам был лидером мирной партии и противником рискованных мероприятий за пределами Пелопоннеса. Однако нельзя согласиться ни с концепцией внутривнутриполитической борьбы в Спарте, предложенной этими исследователями, ни с их интерпретацией назначения Никомеда предводителем пелопоннесского войска.

Внутриполитические отношения в Спарте не характеризовались борьбой партий, поскольку социально-экономическая и политическая структуры спартанского общества отличались отсутствием развитых товарно-денежных отношений и сознательным культивированием полунатурального сельского хозяйства. Свообразие полисных отношений в Спарте проявлялось в относительной однородности гражданского коллектива, существовавшего в виде так называемой общины равных, в изначальном исключении из состава гражданской общины торговцев и ремесленников и, наконец, в большой влиятельности государства и его институтов, контролировавших все сферы жизни спартанского общества³³. Все это не способствовало созданию в Спарте политических группировок типа афинской демократии и аристократии. Поэтому мы считаем неверным утверждение исследователей о том, что внешняя политика лакедемонян определялась борьбой мирной и военной (или так называемой «империалистской») партий или политических группировок в Спарте³¹.

Поскольку в спартанском обществе принципы полисного строя нашли наиболее яркое воплощение, а народное собрание, эфорат и герусия представляли весьма внушительную политическую силу, стоящую на охране законов и обычаев лакедемонян, поэтому начиная с середины VI в. они контролировали всю внутреннюю и внешнюю политику Спарты. Политическая борьба здесь проявлялась в форме конфликта полисных интересов с интересами отдельных личностей, царей или военачальников, которые, находясь за пределами Спарты, старались освободиться от полисной опеки. Наиболее яркими примерами подобных конфликтов можно считать случаи с Клеоменом, Павсанием и Лисандром³⁵.

³¹ О спартанской экспедиции в Фокиду см. *Thuc.*, I, 107, 2; *Diod.*, XI, 4—6; *Plut.*, Cim. 17, 4; *Arist.*, XIII, 1, p. 255. Ср. *Hampl F.* Die griechische Staatsverträge des IV. Jh. v. Chr. Lpz, 1938, S. 71, ff.; *Wüst.* Op. cit., S. 76 f.; *Gomme.* Op. cit., v. I, p. 313 ff.; *Schober F.* Phokis.—RE, Bd XX, 1, 1941, Sp. 480; *Wickert.* Op. cit., S. 62 ff.

³² См. *Kagan.* Op. cit., p. 87 ff.

³³ См. об этом более подробно: *Андреев Ю. В.* Спарта как тип полиса.— В кн.: Античная Греция, т. I, М., 1983, с. 194 сл.; ср. также: *Oliva.* Op. cit., p. 115 ff.

³⁴ Гипотезу о том, что внутривнутриполитические отношения в Спарте характеризовались противостоянием двух группировок, резко различающихся по своим взглядам на внешнюю политику Спарты, выдвигали многие исследователи; см., например: *Dickins G.* The Growth of Spartan Policy.—JHS, 1912, 32, p. 1—42, 22 ff.; *Norvin W.* Zur Geschichte der spartanischen Eunomie.—Classica et Mediaevalia, 1940, 3, S. 47 ff.; *Larsen J. A.* The Constitution and Original Purpose of the Delian League.—In: Harvard Studies in Classical Philology, 1940, LI, p. 180; *Kagan.* Op. cit., p. 87 ff. В советской литературе такой концепции придерживался С. Я. Лурье (*Плутарх.* Избранные биографии. Пер. и комм. С. Я. Лурье. М., 1941, с. 381, прим. 85; см. также *Паршиков А. Е.* Павсаний и политическая борьба в Спарте.—ВДИ, 1968, № 1, с. 126—138).

³⁵ О Клеомене и Павсании см. наши статьи: Истоки конфликта эфората и царской власти в Спарте.— В кн.: Античный полис. Л., 1979, с. 42—57; Клеомен и Демарат. Особенности политической борьбы в Спарте в начале V в. до н. э.—ВДИ, 1982, № 3, с. 38—49; Павсаний и политическая борьба в Спарте в 70-е гг. V в. до н. э.— В кн.:

Что же касается назначения Никомеда главнокомандующим пелопоннесского войска, то в этом нет никакой «тайны внутривнутриполитических отношений»³⁶, которую пытаются разрешить с помощью концепции партийной борьбы в Спарте. Дело в том, что еще с конца VI в. в Спарте действовал закон, согласно которому во время выступления войска в поход один из царей должен оставаться дома (Herod., V, 75). В данном случае малолетний Плейстоанакт, сын Павсания, еще не мог быть царем, поэтому спартанские власти в соответствии с требованием обычая оставили в Спарте царя Архидама, а с войском отправили регента Плейстоанакта — Никомеда. Внимательный анализ внешнеполитических событий V в. показывает, что спартанцы свято соблюдали это правило.

При интерпретации сведений источников о походе пелопоннессцев в Дориду и последовавшем затем сражении с афинянами в Беотии возникают некоторые трудности. С одной стороны, Фукидид говорит, что вступление пелопоннессцев в Беотию было вынужденным, поскольку они, желая возвратиться на родину, не могли совершить переход через горный хребет Геранею в Мегариде, так как он находился под контролем афинян, и не могли переправиться через Коринфский залив, поскольку это не позволяли им сделать крейсировавшие в заливе афинские корабли (Thuc., I, 107, 2). С другой стороны, Фукидид также сообщает и о том, что некоторые афиняне вели тайные переговоры с лакедемонянами, рассчитывая с их помощью упразднить в Афинах демократический строй и приостановить строительство «Длинных стен»³⁷. Кроме того, другие источники дают основание считать, что перед битвой у Танагры между фиванцами лакедемонянами был заключен союз, согласно которому пелопоннессцы укрепили Фивы и помогли им установить гегемонию над всей Беотией³⁸.

Афиняне, обеспокоенные таким поворотом событий, собрали многочисленное войско, включающее голлитов и фессалийскую конницу. Битва произошла в Беотии у Танагры в 457 г.³⁹ Победу одержали пелопоннессцы. Немаловажное значение имело то, что фессалийская конница во время сражения перешла на сторону лакедемонян. Однако поскольку убитых было много с обеих сторон, то пелопоннессцы не смогли развить достигнутый успех и вернулись на родину через Мегариду.

Тем не менее кампания у Танагры показала, что афинское господство в Мегарах хотя и было серьезным препятствием для пелопоннессцев, но достаточно преодолимым. Более того, после битвы у Танагры для Афин сложилась довольно напряженная ситуация. Значительная часть афинского войска по-прежнему находилась в Египте, продолжалась осада Эгины,

Проблемы античной государственности. Л., 1983, с. 60—85. О Лисандре см. Фролов Э. Д. Греческие тираны. М., 1972, с. 42 сл.

³⁶ Kagan. Op. cit., p. 87 ff.

³⁷ Thuc., I, 107, 4, 6; Cp. Plut., Cim. 17. К этому см. Gomme. Op. cit., v. I, p. 314.

³⁸ Diod., XI, 83, 3; Aristid., XIII, 1, p. 256; cp. Just., III, 6, 10—11; Paus., I, 29, 9; Cloché P. Thèbes de Béotie des origines à la conquête romaine. P., 1952, p. 66 suiv.; Gozzoli U. La Beozia durante il conflitto tra l'Ellade e la Persia.— RF, 1958, 36, p. 264 sqq., Larsen J. A. O. Representative Government in Greek and Roman History. Berkeley, 1955, p. 356 ff.; idem. Greek Federal States. Oxf., 1968, p. 32 ff., 122 ff.

³⁹ См. Thuc., I, 107, 6—108; Diod., XI, 80, 2—6; cp. Herod., IX, 35, 2; Plut., Cim. 17, 4—8; Per. 10, 1, 3; Aristod., XIII, 1, p. 256; Just., III, 6, 8—9; Paus., I, 29, 9; III, 11, 8; Corn. Nep., Cim. 3, 2. К этому см. Cloché P. L'activité militaire et politique d'Athènes en Grèce de 457 à 454.— Rev. Belge Philol. et Histoire, 1946—1947, 25, p. 31 suiv.; ATL, v. III, p. 168—173; Gomme. Op. cit., v. I, p. 168—173; Kagan. Op. cit., p. 86 ff.

афиняне в сражениях потеряли значительное число граждан⁴⁰ и, наконец, Афинам противостояли сильная Беотия, объединенная под главенством укрепленных с помощью лакедемонян Фив, и враждебно настроенная к ним Фессалия (Diod., XI, 80, 3—5). В этих обстоятельствах единственным выходом для Афин было добиваться перемирия со Спартой, о чем мы предполагаем целым рядом сведений источников, которые, по-видимому, опираются на какой-то современный этим событиям материал.

Согласно Феопомпу (FGH II B 115, F 88), не прошло и пяти лет, как Кимон был возвращен в Афины из изгнания, так как афиняне нуждались в мире и надеялись, что Кимон, будучи спартанским проксеном, заключит его в кратчайший срок. Немалую ценность представляют два сообщения Плутарха (Сим. 17,8—18,1; Рег. 10,4), в которых отмечается, что побежденные в битве у Танагры афиняне, ожидая летом похода против них пелопоннесцев, вызвали из изгнания Кимона, и тот возвратился по предложенному Периклом постановлению народного собрания. Тотчас же по возвращении Кимон прекратил войну и примирил государства. О четырехмесячном перемирии между Афинами и Спартой и обстоятельствах, при которых оно было заключено, говорит также Диодор (XI, 80, 3—6), правда, не связывая это перемирие с именем Кимона.

Вопрос о заключении Кимоном этого перемирия стал предметом оживленной дискуссии в литературе⁴¹. Большинство исследователей отвергает сообщения источников о досрочном возвращении Кимона из изгнания и заключении им перемирия со Спартой как тенденциозную легенду, возникшую в олигархических кругах Афин. Мы же по определенному ряду соображений склонны признать эту традицию достоверной. Главным является тот факт, что она имеет достаточно широкое распространение и к тому же не противоречит сложившейся тогда для Афин внешнеполитической и внутривнутриполитической ситуации. Нас не должно смущать и то, что о перемирии говорят только поздние авторы и молчит об этом Фукидид: нередко эти авторы сохраняют такие сведения, которые по неизвестным нам причинам упускают историки классического времени (как известно, рассказ Фукидида о Пентеконтаэтии носит характер очерка, в котором автор сообщает только о наиболее важных с его точки зрения событиях). И, наконец, на то, что традиция о перемирии не возникла только в поздней исторической литературе, но восходит к классическому времени, указывают сообщения ораторов Андокида (III, 3) и Эсхина (II, 172). Правда, их сообщения в известной степени путанны, поскольку они (так же как и впоследствии Плутарх) смешивают четырехмесячное перемирие с пятилетним миром, заключенным в 451 г., но путаница, возможно, объясняется тем, что между миром и перемирием был слишком короткий промежуток времени, а Кимон как в том, так и в другом случае выступал в качестве посредника между лакедемонянами и афинянами. Кроме того, после заключения пятилетнего мира между Спартой и Афинами четырехмесячное перемирие потеряло свою остроту и значение, и, может быть, поэтому его не упоминает и Фукидид.

Спартиаты, понесшие значительные потери в сражениях, также были заинтересованы в прекращении войны. Кроме того, они могли иметь дале-

⁴⁰ См. список погибших афинских граждан, принадлежащих филе Эрехтеиде (IG, I², 929; Tod, 26; SEG, X, 406). В этом списке перечислены афиняне, принадлежавшие к одной филе и погибшие в военных операциях только одного года (459 или 458 г. до н. э.).

⁴¹ См. Connor W. R. *Theopompus and Fifth Cent. Athens*. Camb., 1968, p. 24 ff., где дана библиография вопроса; Kagan. *Op. cit.*, p. 91 ff.

ко идущие цели в связи с возвращением Кимона в Афины. Однако условия для заключения длительного мира в Афинах еще не созрели. Понимавший это Кимон, вероятно, удалился из Афин в Херсонес. Демос был опьянен успехами, и временная неудача не могла его обескуражить.

Собрав войско, афиняне под предводительством Миронида выступили против беотийцев. В битве при Энофитах (город в Южной Беотии, расположенный на левом берегу реки Асоп) они разбили беотийцев, овладели всей Беотией и Фокидой, срыли укрепления Танагры и взяли в качестве заложников 100 богатейших граждан из локров опунтских ⁴². Этот поход имел решающее значение для афинян: они распустили Беотийский союз, созданный с помощью Спарты; добились того, что Фокида стала их союзником (ср. *Thuc.*, I, 111, 1), а также заключили союз с Дельфийской амфикионией ⁴³, завладели Локридой Опунтской и получили в свое распоряжение удобную бухту на побережье Эвбейского залива ⁴⁴. В это же время после длительной осады Эгина капитулировала, и в соответствии с договором о капитуляции эгиняне должны были срыть свои укрепления, выдать корабли и платить установленный форос.

В 456 г. афинский стратег Толмид совершил плавание вдоль Пелопоннеса ⁴⁵. Во время этого плавания афиняне предприняли нападение на Мэфону, портовый город в юго-западной части Мессении, однако были отбиты пришедшими на помощь лакедемонянами (очевидно, спартанские войска оставались еще в Мессении после недавнего подавления восстания илотов). После этого афинский флот отправился в Лаконский залив, здесь в районе города Гитии афиняне высадили десант, сожгли корабельную верфь лакедемонян и опустошили территорию. Далее они отправились в Закинф, город, расположенный на одноименном острове в Ионическом море, овладев которым подчинили все города в Кефалении. Об этом походе говорит только Диодор (XI, 84, 6—7), Фукидид сообщает лишь о захвате афинянами коринфской колонии Халкиды, расположенной на южном побережье Этолии, и разгроме сикионян. Тем не менее нет оснований не принимать во внимание сообщение Диодора: рассказ Фукидида настолько краток, что он мог сознательно не упомянуть о некоторых фактах. В результате этой экспедиции афиняне присоединили к своему союзу и Ахайю (*Thuc.*; I, 111, 3; 115, 1; IV, 21, 3; *Plut.*, *Per.* 19, 3). Наконец, Толмид захватил также Навпакт и поселил в нем тех мессенцев, которым лакедемоняне разрешили удалиться из Пелопоннеса (*Diod.*, XI, 84, 7; ср. *Thuc.*, I, 103, 3). В результате этой экспедиции весь Коринфский залив и прилегающие к нему территории оказались под властью Афин.

В заключение необходимо отметить, что рассматриваемый период явился переломным во внешней политике Афин. В это время стали меняться ее характер и направление. Афиняне перекладывают свое внимание с Эгейды на Центральную и Южную Грецию, добываясь укрепления здесь своего

⁴² См. *Thuc.*, I, 108, 2—3; *Diod.*, XI, 81, 4—83; 1; *Aristod.*, XII, 2; *Plat.*, *Menex.* 242 b; *Aristid.*, XIII, 1, p. 256; *Polyaen.*, I, 35, 1—2. Ср. *Cloché.* L'activité... p. 31 suiv., *Gomme.* Op. cit., v. I, p. 317; *Larsen.* Greek Federal States, p. 32 ff., 122 ff.; *Kagan.* Op. cit., p. 95.

⁴³ См. IG, I², 26; *Tod*, 39; *Bengtson.* Die Verträge..., № 142, S. 45 f. Ср. *Meritt B. D.* Athens and Amphictionian League.— *AJPh.*, 1954, 75, p. 369 ff.; *Sordi M.* La posizione di Delfi e dell' Anfizionia nel decennio tra Tanagra e Coronea.— *RF.*, 1950, 86, p. 48 sqq.; *Meiggs R.* Athenian Empire. *Oxf.*, 1972, p. 418—420.

⁴⁴ *Thuc.*, I, 108, 3; *Diod.*, XI, 83, 2—3; *Polyaen.*, I, 35, 2; *Aristid.*, XIII, 1, p. 256.

⁴⁵ См. *Thuc.*, I, 108, 5; *Diod.*, XI, 84; *Polyaen.*, III, 3; *Aeschin.*, II, 75; *Paus.*, I, 27, 5; *Aristod.*, 15, 1; *Plut.*, *Per.* 19, 2. Ср. *Gomme.* Op. cit., v. I, p. 320; *Cloché.* L'activité..., p. 31 suiv.; *Wüst.* Op. cit., S. 76 ff.; *Meiggs.* Op. cit., p. 418 ff.

господства. Эти изменения в области внешней политики были тесно связаны с внутривнутриполитическими процессами в Афинах, характеризующимися возрастанием роли афинского демоса (торговцев, ремесленников и моряков) и укреплением позиций афинской демократии, лидеры которой — Эфиальт и особенно Перикл, — окончательно преодолев политическое влияние аристократии, перешли к осуществлению более энергичных и решительных внешнеполитических мероприятий, направленных на достижение безраздельной афинской гегемонии.

В рассматриваемый период афиняне добились важных внешнеполитических успехов, и 455 год явился апогеем афинского могущества во время Пентеконктаэтии. Все области от Коринфского Истма до Малийского залива оказались под контролем Афин. Фессалия, по крайней мере номинально, также зависела от них. Такие дорийские полисы, как Эгина, Мегары, Трезен, стали членами Афинского морского союза. Эгейское море превратилось в афинское море. Ярким доказательством афинских притязаний на господство в Элладе был поход Толмида. Он также показал, что взоры афинян в это время начали уже устремляться на Запад.

Главная причина афинских успехов на этом этапе войны прежде всего объяснялась слабостью и неподготовленностью к военным действиям пелопоннесцев. После завершения первого этапа Греко-Персидских войн в 478 г. Спарта и другие ведущие государства Пелопоннеса активных военных мероприятий против персов не вели. Более того, Спарта столкнулась с целым рядом трудностей в самом Пелопоннесе, виновниками которых были отчасти афиняне и непосредственно Фемистокл. Возникшая затем третья Мессенская война надолго отвлекла Спарту от общегреческой политики. И даже после подавления выступления илотов лакедемоняне должны были в течение некоторого времени держать в Мессении войско с тем, чтобы не допустить новой вспышки восстания.

Таким образом, пелопоннесские государства были разобщены, они не располагали единым войском и флотом, не имели четкого стратегического плана действий и осуществляли главным образом локальные мероприятия оборонительного характера. Единственная широкомасштабная акция, предпринятая пелопоннесцами в рассматриваемое время, — поход Никомеда — не была использована для развертывания широкой наступательной инициативы. Спарта ко всему прочему еще находилась в плену тех иллюзий, что с возвращением Кимона из изгнания изменятся характер и цели афинской внешней политики.

LES RAPPORTS POLITIQUES INTÉRIEURS
ET LES PARTICULARITÉS DE LA POLITIQUE EXTÉRIEURE
DE SPARTE ET D'ATHÈNES DURANT LA PÉRIODE INITIALE
DE LA PREMIÈRE GUERRE DU PÉLOPONNÈSE

(460—454 av. n. è.)

V. M. Strogeckij

La première Guerre du Péloponnèse ne fut pas, comme l'affirment certains chercheurs modernes, seulement le résultat de l'hostilité irréductible de Corinthe et d'Égine vis-à-vis d'Athènes. Cette guerre fut le fruit d'un conflit entre les deux blocs militaires politiques qui s'étaient constitués vers la fin des années 60 du Ve s. av. n. è. et qui avaient à leur tête Sparte et Athènes. Le caractère et l'orientation de la politique extérieure de Sparte et d'Athènes étaient conditionnés par les singularités du dévelop-

Е. П. Глушанин

ВОЕННЫЕ РЕФОРМЫ ДИОКЛЕТИАНА И КОНСТАНТИНА

Под военными реформами Диоклетиана и Константина в специальной и учебной литературе по истории Римской империи понимается ряд мероприятий по реорганизации позднеримских вооруженных сил для повышения обороноспособности государства в конце III — начале IV в. Они были неразрывно связаны со всей системой государственных реформ того времени: фискальной, административной, религиозной. Значительное внешнее отличие позднеантичных государственных институтов от аналогичных структур эпохи принципата, а также фрагментарность источников и изменение их характера оставляют ряд неясностей в понимании причин и конкретного хода рассматриваемых реформ, их результатов и места в общей эволюции римского государства. В специальных работах главным оказывается обычно вопрос: кто именно был подлинным преобразователем римской армии и государства — Диоклетиан или Константин или же они оба. Соответственно в старой и современной историографии можно выделить два направления, по-разному трактующих весь комплекс проблем, относящихся к военным реформам Диоклетиана и Константина.

Основателем одного из этих направлений по праву считается Т. Моммзен, по мнению которого военная организация конца III — начала IV в. «может быть охарактеризована лишь как творение Диоклетиана и Константина»¹. Эту оценку в целом разделяли О. Зеек и Р. Гроссе². Эта господствовавшая в довоенный период концепция основывалась преимущественно на эпиграфических и папирологических данных. Несколько свидетельств литературной традиции (Лактанция, Зосима, Аврелия Виктора), прямо относящихся к вопросу об авторстве реформ, без всякой критики отклонялись как ненадежные и тенденциозные; другие, косвенные (Аврелия Виктора, Евтропия, Юлиана), привлекались для подтверждения материала надписей. Главным в концепции Моммзена — Зеека — Гроссе стал вопрос о времени создания походной армии Поздней империи (*comitatenses*), что, по их мнению, произошло в правление Диоклетиана. Константин завершил реформу предшественников, усовершенствовав командные институты.

¹ *Mommsen Th.* Das spätrömische Militärwesen seit Diocletian.— *Gesammelte Schriften*, Bd 6, B., 1910, S. 236.

² *Seeck O.* Geschichte des Untergangs der antiken Welt. Bd 2. B., 1898, S. 33—34; *idem.* *Comitatenses.*— *RE*, 1901, Bd IV, Sp. 619—622; *Grosse R.* Römische Militärgeschichte von Gallienus bis zum Beginn der byzantinischen Themenverfassung. B., 1920, S. 55.

Эта точка зрения разделялась также русскими и советскими исследователями. Однако, несмотря на известную изученность эпохи в целом и отдельных реформ, мероприятия Диоклетиана и Константина, их политика по отношению к армии нашей историографией систематически не разрабатывались³.

Основы другого направления, приверженцы которого считали необходимым различать мероприятия Диоклетиана и Константина, заложил в 20-е годы Э. Нишер. Опираясь на отвергаемые его предшественниками свидетельства Лактанция, Зосима и Аврелия Виктора, он утверждал, что истинным преобразователем военного строя Римской империи и создателем походной армии может считаться только Константин. Диоклетиана же он считал последним в ряду тех императоров, чья политика в отношении армии представляла собой укрепление и консервацию принципов военного строя, заложенных еще Августом. Константин, напротив, рассматривался как первый государь-реформатор новой эпохи. Нишер в свою очередь отказался доверять эпиграфическим данным вследствие их незначительной представительности, а имеющиеся в наличии пытался комментировать в духе своей концепции, некритически используя для этой цели материал *Notitia Dignitatum*. Неправомерность подобного подхода вытекает как из предвзятой источниковедческой методике, так и из полного отрыва вопроса о создании походной армии от изучения всего комплекса военных структур, подвергшихся реформам, и более того, — от условий эпохи. В довоенной историографии концепцию Нишера⁴ безоговорочно поддерживали Г. Нессельхауф и отчасти Э. Штейн⁵.

Слабость аргументации Нишера была подвергнута убедительной критике В. Энслином⁶, однако в целом идеи Нишера пустили достаточно глубокие корни. В монографии Д. ван Берхема «Армия Диоклетиана и Константинова реформа»⁷ концепция Нишера была развита на археологическом материале и подкреплена смелой интерпретацией данных *Notitia* и законодательства. Проблему достоверности свидетельств Лактанция, Зосима и Аврелия Виктора Берхем затронул лишь в самом конце своей работы, пытаясь и положительно ответить на вопрос об их достоверности и избежать односторонности аргументации Нишера⁸. Как и его предшественники, Берхем считал, что разделение римских сил на две армии произо-

³ Драгоманов М. Государственные реформы Диоклетиана и Константина Великого. — Университетские известия, Киев, 1865, № 2, с. 6—21; Кулаковский Ю. А. Армия в римском государстве. — Там же. 1881, № 10, с. 378; Сергеев В. С. Очерки по истории древнего Рима. М., 1938, с. 664—668; Холмогоров В. И. Полевая армия (comitatenses) Римской империи IV в. н. э. — УЗЛГУ, сер. ист. наук, 1941, вып. 12, с. 87—88; Ковалев С. И. История Рима. Л., 1948, с. 696, 732; Гелл А. Г. Система домината как попытка укрепления государственной надстройки в период Поздней Римской империи. Архангельск, 1956, с. 8—15; Кудрявцев О. В. Исследования по истории балкано-дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории. М., 1957, с. 209, 214, 300.

⁴ Nischer E. The Army Reforms of Diocletian and Constantine and Their Modifications up to the Time of the *Notitia Dignitatum*. — JRS, 1923, 13, p. 1—55; *idem*. Die Zeit des differenzierten Heeres. — In: Kromayer J., Veith G. Heerwesen und Kriegsführung der Griechen und Römer. München, 1928, S. 482 f., 568—571.

⁵ Nesselhauf H. Die spätrömische Verwaltung der gallisch-germanischen Länder. B., 1938, S. 48—59; Stein E. Geschichte des spätrömischen Reiches. Bd I. Wien, 1928, S. 106—108, 186—189.

⁶ Ensslin W. Valerius (Diocletianus). — RE, II Reihe, 1948, Bd 7, Hlbd 14, Sp. 2464.

⁷ Berchem D. van. L'armée de Dioclétien et la réforme constantinienne. P., 1952.

⁸ Ibid., p. 116—118.

шло между 311 и 325 годами и что литературные источники заставляют считать несомненным автором этой реформы Константина, а не Диоклетиана⁹.

Монография Берхема вызвала большой отклик, а слабость критики его концепции (к чему мы вернемся ниже) привела, на наш взгляд, к тому, что многие специалисты приняли его основные выводы без дополнительной проверки¹⁰. Подтверждение этому дает мнение А. Джонса, тонкого исследователя и большого знатока позднеримских государственных институтов, по существу суммировавшего основные положения концепции Берхема: «Кажется, что Диоклетиан до некоторой степени был консервативен в своих стратегических идеях. В принципе он придерживался традиций своих предшественников II в. Основная часть армии была рассеяна вдоль границ и все еще состояла из легионов с кавалерийскими вексиляциями, добавленными в III в., которые были возведены вместе с легионами, а также вспомогательными когортами и алами в войска первого ранга. Главные устремления Диоклетиана были направлены на усиление пограничных укреплений и увеличение числа армии. Он и его соправители обладали мобильными полевыми армиями — *comitatus*, по они, по-видимому, были небольшими и для любой важной операции должны были усиливаться традиционным путем, путем выделения отрядов из пограничных армий»¹¹. Ученик Берхема Д. Хофман, более четверти века занимавшийся проблемами истории позднеримской походной армии, признавая существование *comitatus* тетрархов и подчеркивая их малочисленность, считал, что «стратегическая концепция Диоклетиана характеризовалась не просто консервативными, но даже реакционными чертами»¹².

Постоянное обращение историков к вопросу о численности *comitatus* тетрархии не случайно, поскольку все сторонники теории Моммзена — Зеэка — Гроссе именно в *comitatus* видели специфическую форму походной армии, характерную для правления Диоклетиана. Однако поиски дополнительных аргументов не привели к существенным результатам. Поэтому историки стали стремиться к пересмотру и реинтерпретации уже известных свидетельств. Так, Ж. Моро, оригинально трактуя отрывки из Деяний Максимилиана, из Евсевия и Лактанция, утверждал, что уже в 295 г. в Империи были четыре (по числу тетрархов) постоянные походные армии¹³. Моро и вслед за ним В. Сестон стремились показать ошибочность тезиса Берхема о качественной разнородности *comitatus* Диоклетиана и *comitatenses* Константина, подчеркивали их генетическое родство¹⁴. Однако, справедливо критикуя теорию Берхема, согласно которой *comitatus* Диоклетиана был лишь иной формой преторианской гвардии принципата, Моро и Сестон привлекали только современный тетрархии материал, рассматривая его в отрыве от общих условий предшествующего и последующего периодов. К тому же Сестон допускал, что *comitatus* Диоклетиана

⁹ Ibid., p. 87.

¹⁰ См., например: *Rémondon R.* La crise de l'Empire Romain. De Marc-Aurèle à Anastase. P., 1964, p. 127—128, 143; *Tinnesfeld F.* Die frühbyzantinische Gesellschaft (Struktur — Gegensätze — Spannungen). München, 1977. S. 44.

¹¹ Jones A. H. M. The Later Roman Empire. 284—602. V. 2. Oxf., 1964, p. 687 f.

¹² Hoffmann D. Der Oberbefehl des spätrömische Heeres in 4. Jahrhundert n Cnr.— In: Actes de IX Congres international d'études sur les frontières romaines. Mamaia. 6—13 sept. 1972, Bucureşti — Köln — Wien, 1974. S. 382.

¹³ Moreau J. Zur spätrömische Heeresreform — Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität Leipzig. Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe. 3. Jg., 1953—1954, Ht 2/3, S. 289—292.

¹⁴ Seston W. Du comitatus de Dioclétien aux comitatenses de Constantin.— *Historia*, 1955, Bd 4, p. 284—296.

был «расширенной императорской гвардией». Именно в этом, на наш взгляд, состоит причина слабости и необедительности для большинства специалистов критики концепции Нишера — Берхема, тем более что последние опирались на иную трактовку того же самого материала источников.

Работам обоих направлений присуща не только одна и та же источниковая база, но в известной мере и те же методические ошибки в подходе к исследованию проблематики военных реформ Диоклетиана и Константина: недостаточное внимание к процессам, которые привели к этим реформам; попытка судить о преобразовании всей военной организации лишь на основании очень узкого, хотя и значимого круга вопросов (создание походной армии и нового командования). Приверженцы обеих концепций в той или иной мере стремятся обосновать разрыв в военной практике принципата и домината; хотят показать, что позднеантичная армия была создана в результате единовременной реформы, кто бы ни был ее автором, и не явилась итогом длительного процесса развития и трансформации военной организации принципата.

Известный прогресс в изучении армии позднего принципата и ряда частных вопросов военной истории кризиса III в.¹⁵ заставил в последнее время модифицировать теорию Нишера — Берхема. Но основные принципы концепции остались нетронутыми. Д. ван Берхем отметил, что не следует искать предшественников *comitatenses* Константина в III в. Сопоставление походных армий Галлиена и Константина, по его мнению, возможно лишь на основании сходства политических ситуаций 60-х годов III в. и 40-х годов IV в., когда оба императора вынуждены были создавать для себя действенный военный инструмент в борьбе за власть. Диоклетиан, напротив, опасаясь узурпаций со стороны полководцев, рассеял походную армию Галлиена по границам¹⁶.

Синтез модифицированной концепции Нишера — Берхема и некоторых результатов новейших исследований армии позднего принципата недавно был сделан А. Шастаньоном, который счел возможным говорить даже о трех реформах: Галлиена (локальные эксперименты), Диоклетиана (усиление императорской гвардии) и Константина (создание в 311—325 годах подлинной походной армии, т. е. главная реформа)¹⁷. Думается, что появление подобных построений в новейшей историографии не случайно. Однако, на наш взгляд, более адекватное решение как общих, так и ряда частных проблем военных реформ Диоклетиана—Константина возможно лишь на основе значительного расширения хронологического и институционального контекста, постановки в тесную взаимосвязь причин и результатов этих реформ от процессов, определявших развитие армии в период позднего принципата.

¹⁵ См., например: *Saxer R. Untersuchungen zu den Vexillationen des römischen Kaiserheeres von Augustus bis Diokletian. Köln — Graz, 1967; Speidel M. Die Equites Singulares Augusti. Begleittruppe des zweiten und dritten Jahrhundert. Bonn, 1965; idem. Guards of the Roman Armies. An Essay on the Singulares of the Provinces. Bonn, 1978; Fitz J. Honorific Titles of Roman Military Units in the 3rd Century. Budapest — Bonn, 1983.*

¹⁶ *Berchem D. van. Armée de frontière et armée de manoeuvre: alternative strategique ou politique.* — In: *Studien zu den Militärgrenzen Roms II. Köln — Bonn, 1977, p. 541—543.*

¹⁷ *Chastagnol A. L'évolution politique, sociale et économique du monde romain de Dioclétien à Julien. La mise en place du régime du Bas-Empire (284—363). P., 1982, p. 258—260.* Строго говоря, эти взгляды не новы: еще П. Гроссе утверждал, что истоки позднеантичного военного строя следует усматривать в реформах Галлиена (*op cit.*, S. 18).

Причины, приведшие к реформам и к установлению военного строя поздней античности, были многообразны и явились отражением кризиса армии принципата, ее неспособности обеспечивать необходимый уровень безопасности государства. Представляется возможным в целом подразделить их на внутренние и внешние. Будучи важнейшим элементом политической надстройки, военная организация общества любой эпохи достаточно четко и быстро реагирует на изменения в базисе, приспособляясь к новым условиям. С другой стороны, имея свои специфические законы развития, она в определенные периоды активно воздействует на выработку конкретно-исторических форм надстройки.

Прекрасным подтверждением этому служит история государства и военной организации эпохи принципата. Военная система раннего принципата была призвана обеспечить гегемонию италийских рабовладельцев в империи и была ориентирована в основном на поддержание безопасности римской администрации в провинциях и на внешнюю экспансию. Буферный пояс клиентских государств и племен, значительное территориальное расширение римского государства в первой половине I в. н. э. и социальный кризис 68—69 годов прямо свидетельствуют об этом. Слабость оборонного строительства, а на некоторых восточных границах даже почти полное отсутствие лимесов (западные провинции, особенно Германии, должны рассматриваться как известное исключение в этом плане потому, что они были стратегическим тылом Италии¹⁸) в определенной мере позволяют говорить о том, что Август во многом продолжал военную политику Поздней республики.

Изменения в социально-политической структуре государства при Флавиях и Антонинах, связанные с расширением социальных основ империи, повлекли за собой известную перестройку методов военной политики и обороны: провинциальные собственники добивались от правительства надежной охраны границ. Не случайно именно с правлением Веспасиана археологический материал позволяет увязать начало широкомасштабного строительства в пограничной зоне¹⁹. Возникновение и реорганизация лимесов с их сложной инфраструктурой потребовали постоянного места дислокации для всех войск империи. Все это вместе с прекращением после Траяна широких завоеваний постепенно привело не просто к прекращению передвижений крупных масс войск, но и к ослаблению центрального стратегического резерва империи, каковым при Флавиях — Антонинах фактически были преторианская гвардия и корпус *equites singulares Augusti*.

Маркоманские войны, явившиеся отражением значительных социальных сдвигов в варварском обществе и началом все усиливающегося давления на границы империи, наглядно продемонстрировали и слабость мобильного резерва армии, и необходимость преобразования военной организации, ибо уход войск из одной провинции в другую всегда ослаблял какой-либо участок границы. Так, когда весной 162 г. Луций Вер, двинувшись на восток, взял для похода вексилляции легионов I *Adiutrix*, X и XIV *Gemina* и весь легион II *Adiutrix*²⁰, римская дипломатия предпри-

¹⁸ *Gechter M.* Die Anfänge des Niedergermanischen Limes. — *Bonner Jahrbücher*, 1979, Bd. 179, S. 1—138.

¹⁹ *Dabrowa E.* Le limes anatolien et la frontière caucasienne au temps des Flavien. — *Klio*, 1980, 62, p. 388; *Mitford T. B.* The Euphrates Frontier in Cappadocia. — In: *Studien zu den Militärgrenzen Roms*, II, p. 503.

²⁰ *Fitz J.* A Military History of Pannonia from the Macromannwars to the Death of Alexander Severus (180—235). — *AAASH*, 1962, 14, p. 32—33.

няла отчаянные попытки предотвратить столкновение с варварами до конца Парфянской войны (SHA, Marc. 12, 13).

Вплоть до Септимия Севера не только не прослеживаются попытки создания постоянного мобильного резерва, но можно даже говорить о стремлении выйти из создавшегося положения за счет некоторого изменения принципов существования буферного пояса. Как показал Г. Альфельди, мир Коммода с варварами не был разрывом с внешнеполитической традицией империи и не противоречил тем условиям, на которых этот мир подготавливался еще Марком Аврелием²¹.

Однако серьезные изменения в характере взаимоотношений Рима и варваров все-таки произошли. И дело здесь не только в том, что империя по мирному договору 180 г. признала политическую независимость приграничных племен²². Возможно, что именно с этого времени ведет свое начало характерный для поздней античности институт федератов. Прогрессирующее разложение родовых отношений и выделение военной прослойки в варварском обществе требовали либо войны как средства ее содержания, либо регулярных дотаций за ненападение. Так, уже при Марке Аврелии побежденные германцы выразили пожелание вновь вернуться к прежним союзническим отношениям, но уже за ежегодную плату (Dio Cass., LXXI, 11,1; 12, 2—3). Заинтересованность римлян в сохранении буферного пояса проявилась не только в согласии поставлять варварам деньги и продовольствие (Dio Cass., LXXI, 19, 1—2), но также и в стремлении предотвратить столкновения между федератами. По условиям договора, заключенного Коммодом с квадами, последние не должны были вести войн с языгами, бурами и вандалами (Dio Cass., LXXII, 2, 4). Ослабленные распрями союзники не смогли бы в достаточной мере поставлять империи воинские контингенты и сдерживать натиск других народов.

Все эти факты говорят о том, что правящие круги империи не желали идти на известное преобразование основ армии и стремились руководствоваться традиционными методами в военном строительстве. Не случайно источники свидетельствуют о резком усилении застройки лимесов²³. Политика поддержания буферного пояса продолжалась и при Северах. По сообщению Диона Кассия (LXXIX, 17,3), ежегодные платежи федератам в правление Каракаллы были почти равны сумме жалования, выплачиваемого всей римской армии. С другой стороны, именно при Северах было сделано многое для создания постоянного мобильного резерва. Судя по источникам, это происходило традиционным путем вследствие откомандирования вексилляций из легионов, практики, которая усилилась в годы Маркоманнских войн²⁴. Захват Рима в 193 г. Септимий Север произвел, опираясь на вексилляции дунайских легионов, о чем говорит косвенное свидетельство Геродиана (II, 14, 6), который отметил, что, выступая в поход против Нигера, Север приказал прислать войска, оставшиеся в Иллирике.

Септимий Север первым из императоров попытался создать постоянный экспедиционный корпус. Хотя часть откомандированных отрядов и возвращалась в свои лагеря (Dio Cass., LXXXIX, 3, 1), ряд вексилляций был размещен близ Рима²⁵. В Италии же был дислоцирован создан-

²¹ Alföldi G. Der Friedensschluss der Kaisers Commodus mit den Germanen.— *Historia*, 1971. Bd 20, Ht 1, S. 85—109.

²² Fitz. A Military History..., p. 34.

²³ ILS, 395, 5849, 8913; CIL, III, 3710, 8738, 11331—11335; *Her.*, III, 10, 1; *Eutrop.*, IX, 7; *Aur. Vict.*, *Epit. de Caes.* 20, 4.

²⁴ Sazer. Untersuchungen zu den Vexillationen..., S. 118 f.

²⁵ CIL, VI, 1408: dux vexill(ationum) per Italiam exercitus imp(eratoris).

ный Севером легион II Parthica, реформированный корпус equites singulares Augusti. Общая численность экспедиционного корпуса, расположенного в Италии, достигала 30 тыс. человек²⁶. Если учесть, что общая численность армии при Северах достигала в среднем 300—330 тыс. человек (33 легиона), то очевидно, что экспедиционный корпус составлял примерно десятую часть войск империи. Однако это не означает, как считает Берхем²⁷, что фактически мобильного резерва не было. Наоборот, это был именно центральный постоянный стратегический резерв — ядро походной армии императоров. Его кажущаяся небольшой численность вполне объяснима: в начале III в. внешнеполитическая обстановка характеризовалась отсутствием сразу нескольких фронтов. Кроме того, Иран в это время был поглощен династийной борьбой и не представлял серьезной угрозы для империи.

С другой стороны, уже во II в. существовали мобильные подразделения в провинциях — equites et pedites singulares наместников, численно равные соответственно але и когорте, которые были созданы специально для экспедиций и небольших локальных операций²⁸. Это сочетание центрального и местных мобильных корпусов позволяло императорам первой трети III в. отражать нападения, не используя войска других провинций. Возможно, что провинциальные мобильные войска начиная с III в. имели в своем составе вексиллярии легионов, которые некогда были выделены для походов, но поскольку походы были столь часты, они либо не успевали возвращаться в свои лагеря, либо держались отдельно. Командовал ими офицер в ранге дукс²⁹. Это сочетание местных и центральных мобильных сил оказалось устойчивым и развивалось и совершенствовалось на всем протяжении III в.

Начиная с конца 30-х годов III в. исчезают упоминания о легатах дунайских провинций³⁰, что, как считает Е. Фиц, явилось следствием объединения этих провинций в большие комплексы. Отмечая, что в 244—259 годах во главе объединенных обеих Мезий, Панноний и Дакии стояли лица, бывшие в них прежде легатами, Фиц подчеркивает: «Немыслимо, чтобы около середины III в. какому-либо сенатору, при сохранении его прежнего ранга, во второй раз вручалась должность в провинции: здесь речь идет, без сомнения, о более высоком чине. Те люди, которые, согласно нашим источникам, управляли комплексом провинций, никогда не назывались легатами»³¹.

Объединение провинций подразумевает и переход войск, расположенных на их территориях, под единое командование. Думается, что это и было главной причиной создания комплексов: укрепить единоначалие и объединить все военные силы региона для борьбы с усиливающимися вторжениями варваров. По мнению Е. Фица, командующие такими комплексами обозначались duces³², как это и отражено в SHA³³. В связи с этим представляется справедливым замечание И. Кенига, считающего, что так

²⁶ Durry M. Praetoriae cohortes.— RE, 1954, Bd. XXII, Sp. 1614.

²⁷ Berchem van. L'armée de Dioclétien..., p. 103—104.

²⁸ Speidel. Guards..., p. 52—53.

²⁹ ILS, 1140: dux exercitus Illyrici expeditione Asiana, item Partihica, item Gallica; ILS, 2935: dux exerciti Mysiaci apud Byzantium et apud Lugudunum.

³⁰ Fitz J. Legati Legionum Pannoniae Superioris.— AAASH, 1961, 9, S. 170—187.

³¹ Fitz J. Die Vereinigung der Donauprovinzen in der Mitte des 3. Jahrhundert.— In: Studien zu den Militärgrenzen Roms. Köln — Graz, 1967, S. 118.

³² Ibid., S. 118 f., Anm. 46.

³³ Требониан Галл — dux limitis (SHA, trig. tyr. 3, 9); Пераллиан — in Illyrico ducatum gerens (ibid., 10, 1).

называемая «Галльская империя» никогда не была самостоятельным государством, но таким же комплексом провинций, объединенных в силу военной необходимости и что ее правителей точнее следует называть не *imperatores Galliarum*, но *adsertores Romani nominis* ³⁴.

Становление оборонных комплексов приблизительно в то же время происходило и в африканских провинциях, что, как и на Дунае, подтверждается надписями и данными SHA ³⁵. С другой стороны, и это для нас в данном случае более важно, происходит дальнейшее укрепление и расширение мобильных сил в этих комплексах. Прежде всего примерно в это же время в источниках исчезают упоминания об *equites et pedites singulares* ³⁶, которые, очевидно, вливаются в экспедиционные корпуса провинций, складывающиеся из легионных вексилляций. Такой административный и военный строй империи второй половины III в. качественно уже ничем не отличался от оборонной системы тетрархии.

Строго говоря, одной из таких локальных экспедиционных группировок после 259 г. была и армия Галлиена, представлявшая собой одновременно и главное походное войско. Анализ походов Галлиена говорит о том, что его армия находилась постоянно в одном регионе и не выводилась за его пределы. Нумизматический материал, систематизированный Э. Риттерлингом, свидетельствует о том, что в распоряжении Галлиена были 17, позже — 14 рейнских и дунайских воинских подразделений ³⁷. Интересно отметить, что их названия в основном соответствуют названиям тех легионов, которые помогли Северу захватить Рим. Если это и были действительно вексилляции, как предположила М. Альфельди ³⁸, то численность их во всяком случае была более высокой, чем у подобных отрядов в первой половине III в., ибо, судя по надписям, вексилляциям Галлиеновой армии придавались *auxilia* как собственно легионам ³⁹. Если допустить, что эти вексилляции насчитывали в своем составе до 2 тыс. человек каждая (вексилляция + когорта или ала), то, видимо, пехота походного войска Галлиена достигала приблизительно 30 тыс., т. е. равнялась постоянному главному мобильному резерву северовской эпохи. В целом же численность походной армии Галлиена была выше за счет созданной им ударной кавалерии.

К 70-м годам III в. крупные вексилляции уже рассматривались в качестве независимых тактических единиц, что проявилось в отсутствии при них названия легиона, из которого они когда-то были выделены (ILS, 596). Разрыв связей между легионами и вексилляциями говорит об окончательном образовании походных сил, которые формировались также за счет регулярных вспомогательных войск и *numeri* ⁴⁰. В условиях острой

³⁴ König J. Die gallische Usurpatoren von Postumus bis Tetricus. München, 1981, S. 188.

³⁵ SHA, Firm. 3: *dux limitis Africani idemque proconsul*; Помпоний — *dux limitis Lybici* (trig. tyr. 29, 1); CIL, VIII, 12296: M. Cornelio Octaviano... *duci per Africam Numidiam Mauretiamque*. По мнению Р. Канья, надпись датируется отрезком времени после Северов, но до Диоклетиана (*Cagnat R. L'armée romaine d'Afrique*. P., 1892, p. 711, not. 3). Началом правления Филиппа датируется надпись, впервые зафиксировавшая *praepositus limitis* из Киренаики, — AE, 1950, 128.

³⁶ Speidel. *Guards...*, p. 40.

³⁷ Ritterling E. *Legio*. — RE, 1925, Bd XII, Hlbd 24, Sp. 1339—1341.

³⁸ Alföldi M. R. *Zu den Militärreformen des Kaisers Gallienus*. — In: *Limes-Studien. Vorträge des 3. Internationalen Limes-Kongresses in Rheinfelden 1957*. Basel, 1959, S. 13—18.

³⁹ CIL, III, 3228: *vexil(lationum) leg(ionum) (G)ermanic(arum)...(cu)m auxiliis (e)arum...*

⁴⁰ CIL, III, 1464; ILS, 1362, 6747; AE, 1948, 219.

нужды в мобильном резерве большая подвижность и сравнительно небольшая численность ал и когорт (500—1000 человек) делали их готовыми для включения в походные армии. Во всяком случае, все они не могли осесть на границах, как обычно считают исследователи ⁴¹. В качестве примера можно сослаться на историю VIII Добровольческой и III Альпийской когорт, входивших в период принципата в состав гарнизона Далмации, а в IV в. находившихся среди войск Аравии (ND Og. XXXVII, 33, 35). Поэтому не представляется возможным полностью принять гипотезу М. Спейдела о трансформации всех *singulares* провинций в гражданских канцеляристов ⁴². Таким образом, даже сознавая всю условность подобных расчетов, видимо, можно предположить, что вся походная армия Галлиена насчитывала до 50 тыс. человек ⁴³. Если учесть, что она была одной из локальных экспедиционных группировок, то, очевидно, не может быть и речи о гвардейском для нее статусе.

Для того чтобы понять, по каким же причинам — политическим или стратегическим — произошло «рассеяние» армии при Диоклетиане, следует обратиться к конкретной ее истории. После поражения Валериана и установления власти Зенобии в восточных провинциях, очевидно, практически не было римских войск. Аврелиан уже после первого похода на Пальмиру назначил наместником Месопотамии Марцелла ⁴⁴ и, естественно, выделил ему часть войск для гарнизона. После падения Пальмиры *dux limitis Orientis* и *dux totius Orientis*, по данным SHA, были Юлий Трифон и Проб (*Zos.*, I, 60, 1), что подтверждается Зосимом, т. е. в известной мере фальсификация исключается (*Zos.*, I, 64, 1, 66). Это свидетельствует не только об учреждении дуката Востока, но и о размещении на его территории какого-то количества войск. Думается, что Аврелиан, двинувшись на запад, оставил там определенную часть Галлиеновой кавалерии, на что указывают обстоятельства провозглашения императором Проба ⁴⁵. Следовательно, представляется возможным говорить скорее о поэтапном «рассеянии» созданной Галлиеном походной армии, причем вследствие военной необходимости, а не из страха перед узурпациями.

С другой стороны, окончательное время создания восточного дуката ⁴⁶ и титулатура его наместников не позволяют согласиться с мнением Е. Фица

⁴¹ Rowell H. Numerus. — RE, 1937, Bd. XVIII, Hlbd 34, Sp. 1340—1341; Callies H. Die fremden Truppen in römischen Heeres und die sogenannten nationalen Numeri — 45. Bericht der Römisch-Germanischen Kommission, 1964, 1965, S. 226 f.

⁴² Speidel. Guards..., p. 41.

⁴³ Только под началом Авреола было 30 тыс. солдат (SHA, trig. tyr. 12, 14).

⁴⁴ SHA, Aurel. 13, 1; Prob. 7, 4.

⁴⁵ *Aur. Vict.*, Epit. de caes. 36, 2: «...но когда большая часть войска всадников избрала Проба».

⁴⁶ Мы говорим об окончательном времени учреждения восточного дуката при Аврелиане потому, что, очевидно, впервые он был создан еще Элагабалом или Александром Севером. Об этом говорит существование в первой половине III в. в Келесирии четырех дуксов, засвидетельствованных папирусами из Дура-Европос. Причину их появления Пфлаум справедливо усматривает в следующем: «Не подлежит сомнению, что этот комендант участка, как показывает сам его титул *dux*, не зависел от наместника Келесирии, и можно предположить, что общая оборона границы регулировалась равным образом также после оставления Дура в 256 году, пока предстоящее наступление парфян не принудило римлян стянуть большее войско и подчинить различным *duces ripae* или *dux exercitus*» (*Pflaum H.-G. Zur Reform des Kaisers Gallienus.* — *Historia*, 1976, Bd 25, S. 112 f.) Судя по источникам, прецеденты этого явления существовали уже во II в. Известно, что в 166—167 гг. военный империй над восточными провинциями получил Авидий Кассий (*Dio Cass.*, LXXI, 3—4). Специалисты задаются вопросом, «не возможность ли новой парфянской войны была достаточной основой для оправдания этой особой меры» (*Spieß B. J. Avidius Cassius und der Aufstand des Jahres 175.* München, 1975, S. 28).

о якобы имевшей место военной реформе Галлиена, которая предусматривала передачу власти в комплексах провинций уже только по династийному принципу⁴⁷. Несмотря на множество примеров, когда во главе государства от Марка до Диоклетиана находились по нескольку соправителей, лишь Диоклетиан придал этой практике характер системы.

Важнее, однако, понять причины появления института соправителей. Думается, что причины эти менялись на протяжении III в., и в их структуре военный фактор сосуществовал с попытками укоренить династийную власть. Невозможность одновременного присутствия на всех фронтах и породила институт полноправного военного соправительства, когда от полководца требовалось принятие любых мер, ведущих к победе, а для этого необходима была вся полнота власти в районе ведения боевых действий. Наиболее ярко это иллюстрируется в случае с Валерианом, который двинулся против персов, оставив Галлиена сопротивляться германцам. Галлиен, узнав о разгроме и пленении Валериана, не бросил северный фронт, назначив своим представителем на Востоке Одената. Точно так же поступил и Кар: отправившись в поход на Ктесифон, он оставил Карина с войском на Западе⁴⁸. Диоклетиан следовал тому же.

Победив весной 285 г. Карина, Диоклетиан летом назначил Максимиана цезарем и с неограниченными военными полномочиями отправил в Галлию⁴⁹. Значит ли это, что после отсылки Максимиана Диоклетиан начал проводить в жизнь свой пресловутый «реакционный», по Берхему, план и рассредоточивать громадную экспедиционную армию по границам, оставив лишь небольшой эскорт для собственной охраны? На наш взгляд, существенной ошибкой концепции Нишера—Берхема является резкое выпячивание лишь одной из составляющих той многообразной деятельности Диоклетиана по укреплению обороноспособности государства, которая в принципе по всем своим направлениям протекала достаточно одновременно и параллельно. Думается, что военные мероприятия Диоклетиана в основном сводились к трем главным элементам: 1) усиление походной армии, 2) ширококомандная застройка лимесов и обеспечение их войсками, 3) реформирование системы комплектования армии.

Для суждения о том, существовали ли при Диоклетиане походные силы, видимо, уже недостаточно привлечения только тех надписей и папирусов⁵⁰, которые по-разному оценивались представителями противоположных точек зрения на реформы Диоклетиана—Константина. Думается, что при решении этого вопроса нужно также обратить внимание на данные о количестве походов и характере войн в эпоху первой и второй тетрархии. Просопографический материал, систематизированный Т. Д. Барнсом⁵¹, значительно облегчает эту задачу.

После отсылки Максимиана на Запад и до назначения в 293 г. цезарей, судя по источникам, Диоклетианом были предприняты четыре похода: в 285 г.— против сарматов, в 288 г.— бои на границах Реции, 289 г.— отражение сарматского набега на области Дакии, 290 г.— экспедиция против сарацин⁵². На Западе Максимиан за тот же период также воевал

⁴⁷ Fitz. Die Vereinigung..., S. 121.

⁴⁸ Aur. Vict., De Caes. 38, 2.

⁴⁹ Aur. Vict., De Caes. 39, 17.

⁵⁰ P. Оху, 43; ILS, 9075; CIL, III, 5565; V, 6782, 6783; X, 474, 6670; VI, 2759; III, 11026.

⁵¹ Barnes T. D. The New Empire of Diocletian and Constantine. Camb. Mass.— L., 1982.

⁵² Ibid., p. 50—53.

четырежды: в 285 г. — против багаудов, осенью 285 г. отбил германские атаки на Галлию, в 287 г. — возглавил экспедицию за Рейн, в 288 г. расселил в северо-западных областях Галлии генобавдов и франков, очевидно, после столкновения с ними⁵³. Можно ли утверждать, что все эти победы были достигнуты силами только императорских гвардий? Если же допустить, что эскорты августов для каждой кампании усиливались вексилляциями пограничных легионов, то, очевидно, необходимо также признать и тот факт, что эти подкрепления не успевали распускать по основным местам их дислокаций. В любом случае речь идет о постоянных либо становящихся постоянными походных армиях.

1 марта 293 г. назначаются цезари Констанций и Галерий, по словам Аврелия Виктора, «вследствие тяжести войн»⁵⁴. Характер их власти достаточно отчетливо выражен Аммианом (XIV, 11, 10): «Диоклетиану и его коллеге цезари служили как помощники, не находясь в одном месте, но разъезжая повсюду». Полководцы-помощники в ранге цезарей были необходимы августам в силу обострения внешне- и внутривосточной обстановки и возникновения в каждой из частей империи нескольких фронтов. Констанций уже летом 293 г. сражался с войсками Караузия и отражал германские вторжения (Paneg. Lat. 8 (5), 6—7); Галерий в 294—295 гг. воевал в Верхнем Египте и на персидской границе (ibid., 8 (5), 5—2). Однако наиболее ярко целесообразность существования цезарей, равно как и характер их полномочий, проявились на Востоке в 296—298 годах. В то время как летом 296 г. Диоклетиан предпринял поход против карпов, Галерий спешил на месопотамский фронт, навстречу войскам Нарсеса (Eutrop., IX, 24). Потерпев сильное поражение между Каллиником и Каррами, он встретил в Сирии Диоклетиана, направлявшегося в Египет, «Галерий, облаченный в пурпур, прошел в Сирии пешком расстояние почти в милю перед повозкой гневавшегося на него Августа» (Amm., XIV, 11, 10), но тем не менее не был отстранен от должности и получил полномочия набрать новое войско. Диоклетиан проследовал дальше в Египет для подавления мятежа Ахилла. Можно ли утверждать, что императорская гвардия была настолько сильна, чтобы в течение восьми месяцев (Eutrop., IX, 23) осаждать и взять Александрию, самый крупный и многолюдный город Восточного Средиземноморья?

В то же время Галерий набрал новую армию и, наступая через Армению, нанес персам сокрушительный удар, преследуя их вплоть до Ктесифона. Очевидно, в данном случае приписать гвардейский характер силам Галерия вообще невозможно. Однако более важен вопрос о том, откуда Галерий смог в столь короткий срок взять новую свежую армию. Источники, при некоторых расхождениях, позволяют создать довольно целостную картину. Евтропий (IX, 25) пишет, что Галерий немного времени спустя собрал войско в Иллирике и Мезии. Аврелий Виктор сообщает, что его войска были поспешно набраны из ветеранов и новобранцев⁵⁵. Юлиан отмечает, что войска Галерия состояли из отрядов старых воинов и новобранцев⁵⁶. Наконец, Фест упоминает: «...и когда с трудом вымолив, чтобы пополнить войско из лимитанов Дакии, Галерий вновь начал наступать, внезапно появившись в Великой Армении с 25 000 воинов»⁵⁷. Из косвенных свидетельств Иордана (Get. 21; 110) можно заключить, что к

⁵³ Ibid., p. 56—58.

⁵⁴ Aur. Vict., De Caes. 39, 30.

⁵⁵ Aur. Vict., De Caes. 39, 34.

⁵⁶ Julian., Orat. I, 18b.

⁵⁷ Fest., Brev. 25, 2.

походу 298 г. были привлечены и готы. Таким образом, можно утверждать, что Галерий набрал новое войско в основном за счет внутренних резервов. Терминология Феста — явный анахронизм, поскольку впервые термин *limitanei* в законодательстве упомянут под 363 г. (СTh, XII, 1, 56). Даже если предположить, что Галерий действительно набрал свою армию из «пограничников», то отвод 25 тыс. воинов из Иллирика и Мезии практически обнажил бы их границы. Разумеется, таких полномочий Диоклетиан, всемерно стремившийся укрепить границы, дать Галерию не мог. Следовательно, Галерий не трогал войска лимеса, но произвел набор внутри провинций, усилив, возможно, армию федератскими отрядами готов. Ценно сообщение Феста о цифре войск Галерия, которая, равно как и указание на многочисленность персидских сил⁵⁸, убедительно свидетельствует о том, что противник был разбит силами армии, а не гвардии; ее походный характер очевиден.

С другой стороны, вряд ли можно согласиться с О. Зееком, утверждавшим, что первые *comitatenses* были созданы именно в период этой кампании 297—298 годов⁵⁹, поскольку мы видели, что походные армии существовали как задолго до Диоклетиана, так и в первые годы его правления. Материал источников показывает, что с армией, разгромившей персов, Галерий успешно воевал в последующие годы на Дунае: в 299 г. — против маркоманнов, в 301 г. — против карпов, в 302 г. — против карпов и сарматов, осенью 303 г. — вновь против карпов⁶⁰. Эти данные дают лишний аргумент в пользу того, что армия Галерия не была набрана из состава «пограничников», поскольку ее подразделения не возвращались на лимес. Следовательно, это был постоянный экспедиционный корпус. В то же время Максимиан воевал в Испании, Мавретании, Триполитании, а Констанций сдерживал натиск германских племен⁶¹. Также вряд ли можно предположить, что последний переправился в Британию и вел войну с пиктами, опираясь только на императорский эскорт.

Таким образом, анализ характера и количества войн периода первой тетрархии неопровержимо доказывает существование в это время в империи четырех постоянных походных армий. Их сравнительно небольшая численность и точно определенный район ведения боевых действий говорят о том, что в каждой из частей империи существовало известное стратегическое соподчинение центральных и локальных экспедиционных группировок, т. е. мы можем скорее говорить о дальнейшем развитии принципов стратегии и оперативного искусства позднего принципата, чем противопоставлять военную практику Ранней и Поздней империи.

Характер власти цезарей первой тетрархии подтверждает это положение. В литературе высказывалось мнение о том, что цезари зрели самостоятельные подвластные им территории⁶². Очевидно, эта точка зрения целиком основывается на следующем пассаже Лактанция: «Ведь он создал трех соучастников своему царствованию, разделив мир на четыре части и приумножив войска так, что каждый из них в отдельности стремился иметь гораздо большее число воинов, чем имели первые принцепсы, когда они

⁵⁸ Об этом свидетельствует тот факт, что армией персов командовали несколько полководцев (*Eutrop.*, IX, 25: «...он сражался в Великой Армении с Нарсесом Гормиздой и дедом Сапора»).

⁵⁹ *Seeck. Comitatenses...*, Sp. 620.

⁶⁰ *Barnes. The New Empire...*, p. 58—61.

⁶¹ *Ibid.*, p. 63—64. Подробнее см. *Pasqualini A. Massimiano Herculius. Per un'interpretazione della figura e dell'opera.* Roma, 1979.

⁶² *Stein. Geschichte...*, S. 94.

единолично управляли государством»⁶³. Из этого же отрывка делается вывод, что Диоклетиан сознательно разделил походную армию, созданную Галлиеном, из страха перед узурпациями, передав цезарям, связанным с ними родством, часть войск и провинций. А уже на основании этого утверждается, что *comitatus* тетрархов были настолько малочисленны, что представляли собой скорее гвардии, а не армии⁶⁴. Однако и анализ войн тетрархии и сообщение Аммиана о том, что цезари не оставались подолгу на одном месте, т. е. у них не было постоянных резиденций, позволяет говорить как раз об обратном. Поэтому представляется справедливой оценка государственного строя тетрархии, данная В. Сестоном, согласно которой цезари не имели гражданской власти, но лишь исполняли военные поручения августов: «Сотрудничество августов и цезарей было сотрудничеством командующих армиями и их легатов»⁶⁵. Развивая эту мысль, хотелось бы отметить, что, наоборот, Диоклетиан усилил возможность узурпаций, дав цезарям армии без каких-либо территориальных владений. История второй тетрархии показывает, что притязания на гражданскую власть в комплексе провинций были неизбежно связаны с притязаниями на титул августа. Таким образом, несмотря на достоверность сообщения Лактанция о существовании при Диоклетиане четырех постоянных походных армий его данные о разделе государства на четыре самостоятельные части не соответствуют действительности. Государственный строй первой тетрархии представлял собой разделение функций власти, в том числе однопорядковых, которое не накладывалось на определенную территориальную «сетку».

Как уже отмечалось, параллельно с усилением роли походных армий в военной практике домината Диоклетиан стремился воссоздать и реконструировать пограничную систему империи. Оставляя в стороне сравнительно неплохо изученную проблематику конкретной истории возникновения лимесов в его правление⁶⁶, хотелось бы отметить, что поэтапность их развития предполагала существование действенного военного оружия, позволявшего тем временем отбивать внешние атаки. Им могла быть лишь походная армия.

Большие потери, понесенные армией и гражданским населением в ходе вторжений и мятежей III в., необходимость закрепления перелома в войнах с варварами заставили Диоклетиана в значительной мере перестроить принципы системы комплектования войск, применявшейся при принципате. Затруднения с пополнением войск проявились уже во время Маркоманских войн (SHA, Marc. 21, 6—8). Северы были вынуждены осуществить комплекс мер, направленных на подъем престижа воинской профессии и ее привлекательности в глазах гражданского населения. С этой целью резко повышается плата солдатам, легализуется конкубинат для увеличения числа *castrenses*, поощряются браки и запрещаются

⁶³ *Lact.*, De mort. pers. 7, 2.

⁶⁴ *Berchem van.* Armée de frontière..., p. 541.

⁶⁵ *Seston W.* Dioclétien et la tétrarchie. P., 1946, p. 237. Полемизируя с концепцией Э. Корнемана о территориальном разделе империи при тетрархии, Ж.-Р. Паланк свое соображение о том, что цезари не имели доменов, подкреплял следующими доводами: 1) они не имели трибунской власти, 2) не имели права выпускать от своего имени законы, 3) назначать высших государственных чиновников (*Palanque J.-R.* Col-légialité et partages dans L'Empire Romain Aux IVe et Ve siècles.— *Revue des études anciennes*, 1944, t. 46. p. 48—49).

⁶⁶ *Poidebard A.* La trace de Rome dans le désert de Syrie. Le limes romain de Trajan jusqu'au conquête arabe. P., 1934.

аборты, проводится широкая алиментарная политика⁶⁷. Ветеранам и воинам предоставляются определенные привилегии с целью привлечения их детей к службе в армии (Dig. XLIX, 16, 9; CJ, II, 50, 1—4; 51, 1: 52, 1—3). Тем не менее этих мер оказалось недостаточно, и Северы вынуждены были практиковать конскрипцию — принудительный набор в войска, который производился в городах и на городских территориях (Dig. IV, 6, 35). Реформы Северов представляли собой попытку возродить на новой основе традиционные методы и источники набора солдат в армию, хотя в то же время объективно создавали базу для их упразднения. Так, например, эдикт Каракаллы значительно расширял социальную базу конскрипции во всех ее вариантах.

Диоклетиан сознательно, насколько это прослеживается по источникам, порвал с северовскими попытками, направленными на искусственное возрождение классических античных установок на персональный характер системы набора солдат в армию, не только введя конскрипцию на всей территории империи, но также связав ее с налогом на имущество. Данные законодательства показывают, что в его правление *protostasia*, связанная с конскрипцией, становится патримониальной повинностью (CJ, X, 42, 8). Закон 293 г. прямо ставит *protostasia* в зависимость от капитации (CJ, X, 62, 3). Правовое оформление конскрипции подразумевает ее регулярность. Ориентацию конскрипции Диоклетиана на земельно-владельческие слои подчеркивает Лактанций (*De mort. pers.* 7, 3). Если учесть, что Диоклетианом не был отменен воинский конкубинат, то, видимо, большая часть *castrenses* его эпохи шла на пополнение пограничных легионов. Конскрипция же, очевидно, была введена в первую очередь для комплектования походных сил, что прямо засвидетельствовано наряду с упоминанием *темонария* в «Денниях Максимилиана» (I, 1).

В нашем распоряжении имеется лишь одно свидетельство о численности войск при Диоклетиане. Иоанн Лид сообщает о 389 704 солдатах в этот период (*De mens.* I, 27). Если учесть, что историк пользовался государственными архивами, то, очевидно, его сведения достоверны. Сравнив эту цифру с численностью армии при Александре Севере (300—330 тыс. + + 30 тыс. центральный мобильный резерв), можно утверждать, что тетрархия ориентировалась на определенный античный уровень, и увеличение войск Диоклетианом было предпринято в основном для восстановления прежней численности личного состава. Это в свою очередь, при наличии походных армий, говорит об упрочении принципов нового членения вооруженных сил империи⁶⁸. С другой стороны, примерно одинаковая численность армии при Северах и Диоклетиане при значительной разнице в количестве легионов (приблизительно 1 : 2) свидетельствует об окончательном разрыве связей *вексилляций* со старыми легионами и упрочении походной армии.

История походов второй тетрархии до 312 г., даты пресловутого создания *comitatenses*, убедительно подтверждает факт существования региональных экспедиционных сил. Галерий в 306—308 годах воевал с сарматами и карпами⁶⁹. Максимиин Дайя в 310 и 312 годах предпринимал походы против персов и армян⁷⁰. Лициний в 310 г. разгромил сарматов (ILS,

⁶⁷ *Her.*, III, 8, 5; *CIL*, XI, 39; Dig. XXIII, 3, 2; XLII, 5, 18; XLVII, 11, 4; L, 2, 6, 5; 4, 3, 6, 17; *Dio Cass.*, LXXVII, 9, 4; LXXIX, 22, 5.

⁶⁸ О различных оценках численности армии III—IV вв. в историографии см.: *MacMullen R. How Big Was the Roman Imperial Army.* — *Klio*, 1980, 62, p. 451—460.

⁶⁹ *Barnes. The New Empire...*, p. 64.

⁷⁰ *Ibid.*, p. 65—67.

664). Максенций противопоставлял Северу, Константину и Лицинию явно не только преторианскую гвардию⁷¹. Очевидно, часть походного войска была предоставлена Северу для борьбы с Максенцием⁷².

В 312 г. Константин выступил против Максенция, ведя с собой многочисленную армию, а не императорский эскорт, как считает Берхем⁷³. Думается, что ее предполагаемая численность (30—40 тыс. человек) и особенно пропорция по отношению к пограничным войскам⁷⁴ не могут считаться достаточным аргументом для утверждения о ее гвардейском характере. Как мы видели, походные силы императоров III в. и тетрархии обычно держались приблизительно на этом уровне.

С другой стороны, материал источников не подтверждает также точку зрения Берхема о том, что экспедиционный корпус императора для вторжения в Италию набирался исключительно из подразделений пограничных войск Рейна и Британии⁷⁵. Напротив, отрывок Зосима (II, 15, 1), особенно в той его части, где речь идет о войсках Британии («и собранных из Британии»), скорее нужно понимать так, что в составе армии Константина был *comitatus* Констанция Хлора, который незадолго до смерти был выведен им из Галлии в Британию, где в 306 г. провозгласил его сына августом.

В последнее время исследователи все чаще обращаются к упоминанию панегиристом (под 312 г.) понижения общего объема налогообложения на 7 тыс. единиц в области эдуев (*Paneg. lat.* 8, 12, 3). По мнению Л. Варади, это было возможно лишь в том случае, если сыновей держателей земли взяли в армию, а родителям снизили на единицу ставки налогов⁷⁶. Скорее всего здесь идет речь о чрезвычайной конскрипции, и напрашивается параллель с методами набора армии Галерием в 297—298 годах. Упоминание Зосимом (II, 15, 1) наряду с войсками Британии германцев и других варваров усиливает это сходство. Евсевий сообщает (*Vita Const.* IV, 7) об отряде аламаннов Эрока, находившемся в войске Константина. Все перечисленное позволяет утверждать, что Константин выступил в поход против Максенция с *comitatus* отца, усилив его федератами или наемниками, а также рекрутами, набранными в Галлии; войска с пограничной зоны для этого похода, очевидно, вообще не снимались. Подобное толкование не только противоречит традиционному тезису о создании Константином *comitatenses* в 312 г., но и объясняет привилегированное положение галльской армейской группировки среди походных войск других регионов до 364 г.

Не подтверждается источниками и другая гипотеза Берхема, согласно которой уже после 311 г. Константин проводил в подвластных ему областях военную реформу, выразившуюся в предоставлении походной армии более привилегированного, по сравнению с пограничной, статуса⁷⁷. На наш взгляд, совершенно прав Р. Эггер, считавший, что столь большая разница в привилегиях *gipenses*, зафиксированная в таблице из Бригециона (5 капит) и в законе 325 г. (1—2 капиты), объясняется только заигры-

⁷¹ *Paneg. lat.* 9, 5, 2. Ср. *Zos.*, II, 15, 2.

⁷² *Oros.*, *Hist. alv. pagan.* VII, 28, 7: «Галерий Август послал в Рим с войском цезаря Севера против Максенция».

⁷³ *Berchem van.* *L'armée de Dioclétien...*, p. 108.

⁷⁴ *Paneg. lat.* 9, 3, 3: «Ведь едва с четвертой частью войска против 100 тыс. вооруженных врагов...».

⁷⁵ *Berchem van.* *Armée de frontière...*, p. 543.

⁷⁶ *Várady L.* *Contributions to the Late Roman Military Economy and Agrarian Taxation.*— AAASH, t. 14, p. 411 f.

⁷⁷ *Berchem van.* *L'armée de Dioclétien...*, p. 80—83.

ванием с иллирийским войском, попыткой Константина и Лициния в предвидении неотвратимого столкновения с Максенцием и Максиминем Дайя если не привлечь дунайские легионы на свою сторону, то хотя бы нейтрализовать их ⁷⁸. К сожалению, в нашем распоряжении нет данных об иммунитетах солдат и ветеранов, последовавших в период от введения капитации и до 311 г., что дало бы нам основание судить о том, шло ли оформление более привилегированного статуса воинов походных армий в различных регионах в этот период. Представляется, однако, что снижение размеров иммунитетов в 325 г. было связано с тем, что государство не могло идти на изъятие из налогообложения большой группы лиц, служивших в единой с 324 г. походной армии. Уже в том же 325 г. правительство было вынуждено специально запретить передачу солдатами своих налоговых иммунитетов другим лицам, ибо тем самым больше имущества изымались из таксации (CTh, VII, 20, 4, 1). Вероятно, правительство шло на сознательную экономию иммунитетов для воинов-пограничников, поскольку возможность передачи ими своих прав гражданскому населению, в том числе количественная, была значительно выше, нежели у солдат экспедиционных подразделений. Укрепляет это мнение и то обстоятельство, что пограничная армия вплоть до второй половины IV в., как и походная, находилась на полном государственном обеспечении (продовольствие, одежда, оружие, лошади).

После разгрома Лициния его *comitatus* перешел к Константину, и последний оказался не только безраздельным правителем империи, но также и единственным главнокомандующим. Не случайно, что именно после 324 г. в административной терминологии больше не было слова *comitatus*, обозначающего региональную походную группировку того или иного императора: экспедиционные силы единой империи отныне назывались *comitatenses*.

Таким образом, Константином было проведено лишь оформление статуса походной армии империи, зарождение которой относится еще ко времени Маркоманнских войн. Изменилось ли что-либо в структуре организации этих сил за годы безраздельного правления Константина? Очевидно, нет. После победы над Лицинием армейские группировки вновь были разведены по прежним районам дислокации. Об этом говорит не только тот факт, что Константин назначил трех, затем четырех цезарей (Константин, Констант, Констанций, Далмаций) ⁷⁹. Еще в 30-х годах IV в. он сам воевал преимущественно на Дунае, а его сын Константин около 330 г. — против аламаннов, видимо, на Рейне (AE, 1934, 158), т. е. в той области, где он в 337—340 годах был августом. В свете всех этих фактов не выдерживает критики точка зрения Нишера о том, что Константин лично создал поход-

⁷⁸ Egger R. Aus dem Leben der donauländischen Wehrbauern — Anzeiger der Österreichische Akad. d. Wiss. Phil.-hist. Kl., 1950, Bd 86, S. 1—26.

⁷⁹ Barnes. The New Empire..., p. 8; Blockley R. C. Constantius Gallus and Julianus as Caesars of Constantius II. — Latomus, 1972, t. 31, f. 2, p. 459: «Аноним Валезий (6, 35) сохранил точный отчет о престолонаследии: итак, Галлией управлял Константин младший, Востоком — Констанций цезарь, Иллириком и Италией — Констант, Далмацией охранял готский берег. Это позволяет говорить, что три сына должны были править империей (*tegere*), в то время как Далмаций был просто солдатом, охранявшим (*tueri*) Нижний Дунай с соседними частями империи, предназначенными ему для пополнения и снабжения войск — вновь Диоклетианово устройство. Следовательно, план Константина состоял в том, чтобы поставить одного стража для каждой из существовавших границ: Константина II на Рейне, Константа на Верхнем Дунае, Далмация на Нижнем Дунае, Констанция на большей части восточных границ».

ные войска для обеих частей империи⁸⁰. Вряд ли стоит отбрасывать свидетельство Юлиана, утверждавшего, что походная армия западных провинций, которую Магненций противопоставил Констанцию II, сформировалась постепенно, в течение длительного периода: «Кельты и галлы... набираются в легионы воинов и доставляются в великолепный отряд, учрежденный твоими предками и отцом»⁸¹.

Теперь попытаемся ответить на вопрос, почему литературная традиция упорно приписывает военные реформы Константину? В историографии для обоснования авторства реформ постоянно привлекаются четыре отрывка: Лактанция, Аврелия Виктора, Зосима, Иоанна Лида. Как мы видели, свидетельство Лактанция в основном заслуживает доверия, зафиксировав факт существования четырех походных армий в эпоху первой тетрархии. Однако оно скорее свидетельствует в пользу Диоклетиана, чем Константина. Сообщение Аврелия Виктора слишком общо (*De Caes.* 41, 12). Причем оно следует за рассказом о победе над Калокарием (333—334 гг.), т. е. если какие-либо реформы и имели место, то только непосредственно перед смертью Константина. Отрывок Иоанна Лида (*De mag.* II, 10), повествующий о передаче командования над дворцовыми подразделениями и армией магистру оффиций и магистрам войск, исходя из самого текста, не поддается точной датировке. О какой-нибудь другой реформе войска, кроме изменений в командовании, речь не идет.

Остается свидетельство Зосима (II, 32—34), который наряду с Лактанцием является одним из тенденциозных историков поздней античности. На этом отрывке в основном и строится концепция, противопоставляющая обоих реформаторов. На наш взгляд, Зосим при оценке деятельности Константина применил тот же метод, что и авторы церковных историй его времени. Как убедительно показал Ж. Дагрон, Константину незаслуженно и упорно приписывалось единовременное основание «Второго Рима» со сложной и развитой системой социально-политических институтов. По его мнению, церковная историография ретроецировала в прошлое как минимум на столетие реалии своего времени⁸². Думается, что Зосим в полемике перенес практику своего времени на период правления Константина. Поэтому если для христианской историографии Константин является причиной и началом процветания государства и церкви, то для языческой он стал воплощением разрушительной силы. Идеализируя дохристианскую империю, Зосим воспеваеет и ее военную организацию, ориентированную лишь на оборону границ. По его мнению, тот, кто разрушил пантеон римских богов, расстроил и прежнюю систему обороны, оттянув войска с границ и расположив их внутри провинций.

То, что этот отрывок является ретроекцией практики V в., убедительно показывает материал законодательства. На всем протяжении IV в. не было издано ни одного закона, запрещающего перевод подразделений пограничной армии в походные войска. Думается, что если это и практиковалось, то в незначительных размерах. Об этом свидетельствует факт наличия достаточно сложной и эффективной системы набора, справлявшейся со своей главной задачей — обеспечением бесперебойного комплектования армии рекрутами. Еще в 372 г. предписывалось отбирать в *comitatenses* наиболее сильных физически людей (*CTh*, VII, 22, 8). Будет логичным предположить, что ослабление пограничных армий путем оттягива-

⁸⁰ *Nischer*. *Die Zeit...*, S. 570.

⁸¹ *Julian.*, *Orat.* I, 34c.

⁸² *Daillon G.* *Naissance d'une capitale. Constantinople et ses institutions de 330 à 451.* P., 1974.

ния из них подразделений в походные силы могло бы иметь место в том случае, если бы система набора не давала нужного количества солдатских кадров. Однако обстоятельства создания и статус *pseudocomitatenses* говорят об обратном. По мнению А. Джонса и Д. Хофмана, эти подразделения возникли в результате вывода войск из пограничных областей, отошедших к персам по мирному договору 363 г.⁸³ Тем не менее они не считались полноправной частью походной армии и не сливались с ней, на что указывают более низкие ставки анноны, получаемой этими войсками (CTh, VIII, 1, 10).

Даже после Адрианопольской битвы Феодосий при восстановлении походной армии делал упор на пополнение ее рекрутами, получаемыми путем конскрипции и от ветеранских семей⁸⁴. Папирусы, сообщая о том, что из Египта был отправлен в это время воинский контингент, говорят о *καὶ ἀλεξάνοι*, а не о пограничниках, часть которых можно было бы снять с относительно спокойной египетской границы⁸⁵. И, наоборот, после окончательного обособления обеих частей империи законодательство зафиксировало попытки командования походных войск пополнять их за счет «пограничников». Запреты на такие переводы впервые последовали на Западе в 400 г.⁸⁶, на Востоке — в 438 г. (Nov. Theod. IV, 1). Поскольку закон сходного содержания был издан и при Анастасии I (CJ, I, 24, 4), а западноримский от 400 г. перешел в кодекс Юстиниана, напрашивается вывод о том, что подобные переводы были постоянным явлением во второй половине V — первой половине VI в. И, наконец, законы, запрещающая, как правило, делают оговорку относительно специальных разрешений, что несомненно подразумевает экстраординарные исключения, которые местное командование могло превратить в систему.

Зосим, будучи чиновником, прекрасно сознавал пагубность подобной практики для безопасности государства и приписал ее происхождение Константину, при котором в формально-организационном и правовом отношении походная армия обрела свой устойчивый облик. Разумеется, в полемике с христианской общественно-политической мыслью этот аргумент имел значительный вес, однако не следует забывать, что оно является скорее литературным приемом, чем бесспорным историческим свидетельством.

На данных Зосима (II, 33, 3) строится и концепция учреждения Константином институтов верховного командования походной армии, которая в целом разделяется почти всеми исследователями. Тем не менее первые магистры в источниках появляются лишь после Константина⁸⁷. Закон 328 г., военного характера, адресован префекту претория (CTh, VII, 20, 5), что, по мнению А. Демандта, говорит об исполнении им функций командующего войсками⁸⁸. Если же учесть, что Константин имел цезарей, которые, как и в период тетрархии, командовали походными армиями, а сам он лично водил войска в походы вплоть до своей смерти⁸⁹, то скорее всего такая радикальная реформа не имела места. Думается, что для выяснения того, отражает ли это свидетельство Зосима какие-то реальные пе-

⁸³ Jones. Op. cit., v. 2, p. 609; Hoffmann D. Das spätrömischen Bewegungsheer und die Notitia Dignitatum. Bd. I. Düsseldorf, 1969, S. 309—424.

⁸⁴ CTh, VII, 13, 8—11; 22, 9—11.

⁸⁵ Wilken. Chrest. 469; ср. Zos., IV, 30, 4.

⁸⁶ CTh, VII, 1, 18 = CJ, XII, 35, 14.

⁸⁷ Перечень ранних магистров см. Jones. Op. cit., v. 3, p. 14, not. 32.

⁸⁸ Demandt A. Magister militum.— RE, 1970, Splbd XII, Sp. 562.

⁸⁹ Судя по Фесту (26), последний его поход был совершен в 336 г.

рестановки в институтах командования при Константине, необходимо решить вопрос о предшественниках позднеантичных магистров.

Источники показывают, что если пехотными походными армиями в III в. командовали сами императоры, то кавалерия была под началом их доверенных военачальников. Так, Зосим сообщает, что Авреол был командующим в с е х всадников⁹⁰. Галлиен пал от руки Цекропия, под командованием которого были только далматские всадники (SHA, Gall. 14, 4), т. е. одна из составных частей конной армии. Позже Аврелиан занимал тот же пост, что и Авреол: до получения императорской власти при Клавдии он командовал всеми всадниками (SHA, Aurel. 18,1). Зосим (I, 52,3), описывая состав римского войска в пальмирской экспедиции, отдельно упоминает далматских и маврских всадников, что предполагает и разных для них непосредственных командиров. Таким образом, есть определенные основания говорить об известной иерархии у кавалерийских офицеров, во главе которых стоял один командующий. Хотя источники и не называют его определенным термином, это, вне сомнения, прямой предшественник позднеантичного *magister equitum*.

При тетрархии в связи с раздроблением конной армии Галлиена такой командующий по источникам не прослеживается: и пехотные, и кавалерийские подразделения подчинялись августам и цезарям. Однако тенденция к образованию крупных кавалерийских сил, не зависящих в определенной степени от пехоты, продолжала существовать. Судя по надписям, при Диоклетиане — Константине завершается процесс выделения всадников из легионов и оформления их в независимые тактические единицы (ILS, 664, 2791, 2792). Константин предоставил значительные привилегии тем из детей ветеранов, которые приводили с собой на службу коня (CTh, VII, 22,2), и ввел специальный налог, предусматривавший поставку лошадей для военных нужд⁹¹. Следовательно, напрашивается вывод не только о планомерном наращивании правительством числа кавалеристов, но и образовании из них отдельных конных корпусов. Ряд из них, под общим наименованием *equites*, противопоставленных пехоте, зафиксировала уже таблица из Бригетона (AE, 1937, 232). Возможно, что одна такая кавалерийская группировка постепенно выделилась в составе армии Константина, во главе которой был поставлен офицер, не обозначенный тогда рангом магистра⁹². Сложная эволюция магистерских рангов в середине — второй половине IV в. показывает, что проблема командных институтов постоянно решалась в формах, соответствующих потребностям момента. Это был естественный процесс, зависевший от конкретных форм развития походных армий и от методов военного строительства. Реальное падение значения префектов претория как командующих римскими вооруженными силами усилилось в связи с упрочением института цезарей при тетрархии⁹³, и поэтому вряд ли можно приписывать

⁹⁰ Zos., I, 40, 1: Авреол, командовавший всей конницей.

⁹¹ Karajannopulos J. Das Finanzwesen des frühbyzantinischen Staates. München, 1958, S. 117—120.

⁹² Интересно отметить, что рецидивы восходящей к Галлиену практики раздела командования между членом императорской коллегии и магистром конницы прослеживаются еще в середине IV в. Так, Галлу и Юлиану после провозглашения их цезарями были приданы магистры конницы Урсицин и Марцелл. Показательно в этом отношении также вечное недоверие Констанция II к своим магистрам пехоты.

⁹³ О префектах претория III в. см. Howe L. L. The Praetorian Prefect from Commodus to Diocletian (A. D. 180—305). Chicago, 1942. На основании обширного просопографического материала автор приходит к следующим выводам (с. 26—30): 1) когда император не мог предводительствовать войсками лично, главнокомандующим в походе был префект претория; 2) если во главе армии стоял сам император, префект был вто-

Константину решительное изъятие у них военных функций. Так, при Лицинии и Константине, когда еще не были назначены цезари, префекты, очевидно, командовали войсками (ILS, 9838). Не случайно, что именно после казни Криспа в 326 г. закон военного характера был адресован префекту претория⁹⁴. Наконец, показателен экстраординарный характер полномочий Гормизды, которому Прокопий передал функции как военной, так и гражданской власти (Amm., XXVI, 8, 12). В свете этих фактов представляется возможным утверждать, что окончательное перерождение префектов претория в чисто гражданских чиновников зависело от процесса упрочения административного аппарата поздней античности, от образования префектур и региональных магистериев, что произошло уже во второй половине IV в.⁹⁵ Тогда же прекращает существование и институт военного соправительства⁹⁶.

Думается, что с этих же позиций надо решать вопрос о командовании пограничной армией, который служит важным аргументом в концепции Берхема. Основываясь на примерах из разных регионов империи, показывающих, что оборонные сооружения лимесов возводились под наблюдением гражданских властей⁹⁷, он, а вслед за ним и Д. Хофман⁹⁸ утверждали, что разделение властей в приграничных провинциях произошло не при Диоклетиане, но лишь при Константине. Указанные примеры, однако, показывают, что вплоть до 364 г. было только три случая,

рым командующим; 3) иногда префекты направлялись в провинции с чрезвычайными полномочиями, особенно во второй половине III в. (например Баллиста, Юлий Приск); 4) в тот же период нередко императоры и префекты воевали на разных фронтах, и тогда префекты самостоятельно принимали решения.

⁹⁴ CTh. VII, 20, 5 (328 г.). В 359 г. префект претория командовал войсками (Amm., XVIII, 2, 4). В чрезвычайных обстоятельствах во главе воинского отряда оказывался даже презид (XXVIII, 6, 11).

⁹⁵ Убедительно этот процесс показал для периода правления Константина Ж.-Р. Паланк. По его мнению, префекты претория специально придавались сыновьям Константина в качестве «наставников». Часто они сопровождали цезарей в походах, но иногда осуществляли функции гражданской власти в отдельных регионах (*Palanque J.-R. Les préfets du prétoire de Constantin. — Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves, 1950, X, p. 483—491.*)

⁹⁶ На наш взгляд, это произошло после 364 г., поскольку при Констанции II Юлиан и Галл выступали в роли военных apparitores, равно как и Деценций при Магненции (Aur. Vict. De Caes. 42, 8; Oros., Hist. adv. pagan. VII, 29, 15). Зосим (III, 2, 2), повествуя о посылке Юлиана в Галлию, отметил, что Констанций «послал с ним Марцелла и Саллюстия, доверив там управление им, а не цезарю». Флоренций решительно противился вмешательству Юлиана в гражданские дела, утверждая, что ему «Augustus summat commiserit regum...» (Amm., XVII, 3, 4). Следовательно, вряд ли можно согласиться с мнением В. Сестона о том, что в это время происходят значительные изменения в характере власти цезарей по сравнению с периодом первой тетрархии (Seston. Dioclétien et la tétrarchie..., p. 244). Контрентные пути развития института цезарей в 30—50-е годы IV в. суммированы в несколько спорной оценке Р. С. Блоклея: «Специфически гражданская деятельность не была присуща ни одному из трех сыновей Константина, пока они еще были цезарями. Тем не менее возможно, что, первоначально используя Диоклетианову концепцию цезаря, Константин модифицировал ее, предоставив по меньшей мере двум своим старшим сыновьям некоторую административную (но не законодательную) власть. Такая модификация понятна в тот период правления, когда она была сделана. Константин был стар, и необходимо было окончательно решить вопрос о престолонаследии. Полномочия в это время гарантировали плавную передачу — соображение, которое не имело такой важности, когда Константин впервые учредил цезарей. Констанций, который не заботился о порядке престолонаследия, когда он назначил Галла и Юлиана, вернулся к Диоклетиановым цезарям» (Blockley. Op. cit., p. 461).

⁹⁷ Полную их сводку см. Hoffmann. Op. cit., S. 384 f., Anm. 22—24.

⁹⁸ Berchem, van. L'armée de Dioclétien..., p. 18—24, 54—58; Hoffmann. Op. cit., S. 383—385.}

когда дуксы руководили военным строительством, причем в двух из них фигурирует дукс Аравии, который, как известно, совмещал функции военной и гражданской власти. Следовательно, поскольку положение вещей коренным образом не изменилось и при Константине, следует отметить, что и в этой сфере он развивал принципы тетрархии, лишь увеличив число дуксов. Сам же процесс оформления власти дукса по территориальному признаку в своих существенных основах (командование не только войсками, но и областями с находящимися на их территории военными объектами и имуществом) завершился лишь при Валентиниане I. Так, в 364 г. Валентиниан предписал дуксу Прибрежной Дакии возведение башен на лимесе силами военных (CTh, XV, 1, 13). На наш взгляд, именно с усложнением функций управления войсками в приграничных провинциях связано в его правление повышение титулов дуксов из *perfectissimi* в *clarissimi* (Amm., XXI, 16,2; XXVII, 9,4).

С другой стороны, малочисленность дуксов при Диоклетиане связана с тем, что они контролировали гораздо большие территории, чем дуксы времени составления *Notitia Dignitatum*. Так, еще при Константине существовал *dux Aegypti et Thebaidos utrarumque Lybiarum* (ILS, 701), дукс Валерий Конкордий командовал войсками на территории, включавшей в себя обе Германии и Первую Бельгию, т. е. практически весь рейнский фронт (CIL, XIII, 3672). Вне сомнения эти дуксы тетрархии были прямыми преемниками командующих военно-оборонными комплексами III в. Громадные дукаты III в. (следствие чрезвычайных обстоятельств) сокращались по мере того, как положение в регионах стабилизировалось, участки границ покрывались укреплениями и обеспечивались войсками. Могли ли появиться магистры войск в той конкретно-исторической ситуации, когда большие массы пограничных войск находились в ведении дуксов, а походными силами командовали сами императоры?

И, наконец, последнее замечание относительно военных реформ Диоклетиана—Константина. Из упрека Зосима в том, что Константин оттянул войска из пограничных районов, напрашивается вывод о противопоставлении позиций обоих императоров в деле застройки лимесов. Поскольку в памяти современников Диоклетиан остался как строитель, а Константин — как талантливый полководец, рвавший к власти и воевавший больше внутри страны, чем на ее рубежах, то военно-строительная деятельность последнего отошла на задний план. Однако, как и Диоклетиан, он стремился укрепить границы, строил мосты, дороги, фортификации⁹⁹. В 323 г. Лициний жаловался, что Константин лучше укрепляет свои участки границы, чем он¹⁰⁰.

Исследования последних лет убедительно продемонстрировали преемственность политики империи по отношению к федератам и большую заинтересованность в существовании буферного пояса. Как считают, основы этой политики были заложены еще Марком Аврелием и просуществовали вплоть до договора с готами в 382 г. При Константине же не произошло никаких радикальных изменений ни в правовом статусе федератов, ни в проводимом по отношению к ним курсе, как это обычно считалось в историографии. Напротив, Константин даже планировал заключение

⁹⁹ ILS, 8938; *Aur. Vict.*, De Caes. 41, 18; *Fabricius*. Limes.— RE, 1925, Bd XII, H1bd 25, Sp. 637; *Велков В. И.* Градът в Тракия и Дакия през късната античност (IV—VI вв). София, 1959, с. 32.

¹⁰⁰ *Anonim. Vales.*, pars prior, V, 21.

союзнических договоров с варварами ¹⁰¹. Таким образом, и к этим сферам военной деятельности Константина полностью приложима общая оценка его правления, данная Т. Д. Барнсом: «Как администратор он стремился не столько радикально изменить унаследованную им от своих предшественников имперскую систему, сколько сохранить и несколько модифицировать ее» ¹⁰².

Подводя итог, видимо, недостаточно просто сказать, что нет оснований резко противопоставлять деятельность в отношении армии Диоклетиана и Константина. При всем совпадении основных линий их реформ нельзя также полностью отождествлять их. Как мы видели, каждый из них внес свою лепту в развитие и оформление тех процессов эволюции римской военной организации, которые наметились еще в конце II в. Значительные изменения, происшедшие как во внутренней социально-экономической и политической жизни империи, так и в развитии варварского мира, заставили медленно перестраивать привычные нормы сосуществования этих обеих сфер древней европейской цивилизации. Процесс трансформации основных военных структур гигантской Римской империи не мог быть непродолжительным по времени, ибо рабовладельческое государство отчаянно стремилось не допустить резкой ломки самых своих основ и шло на модификации, лишь вынуждаемое к тому крайней необходимостью. Тем не менее около середины III в. ситуация так обострилась, что от того, насколько быстро будут найдены эффективные средства борьбы с варварами, зависело существование империи. Эпоха выдвинула ряд талантливых государственных деятелей и полководцев, предложивших те или иные меры противодействия вторжениям. Многие реформы III в. отнюдь не носили характер заранее продуманных мероприятий, но зачастую представляли собой реакцию на конкретно сложившуюся ситуацию. Удачные находки постепенно закреплялись практикой. По сути дела основы военного строя поздней античности сложились и стали устойчивыми образованиями к моменту прихода к власти Диоклетиана. Это прежде всего выработанное стратегическое соподчинение центральных и локальных походных армий, а также определенные «наметки» на решение проблемы их пополнения. Буферный пояс варварских племен и мощный лимес также не были изобретениями IV в.

Сущностью военных реформ Диоклетиана и Константина было постепенное приведение в систему всех модифицированных структур армии принципата. Каждый из них в зависимости от конкретно складывавшейся ситуации пытался также законодательно оформить тот или иной элемент военной организации: Диоклетиан — систему набора, Константин — походную армию. Однако оба они всемерно стремились придерживаться тех тенденций, которые возникли в переходную эпоху III в. С этой точки зрения проблема авторства военных реформ конца III — начала IV в. представляется искусственной. Военные реформы Диоклетиана — Константина в известной мере подвели итог длительному процессу модификации классической римской армии в позднеантичную. Они явились важной вехой на пути развития армии империи, потому что заложили прочный фундамент военного строя поздней античности: законодательно были

¹⁰¹ *Stallknecht B.* Untersuchungen zur römischen Aussenpolitik in der Spätantike (306—395 n. Chr). Bonn, 1967, S. 10—42.

¹⁰² *Barnes T. D.* Constantine and Eusebius. Cambr. Mass.—L., 1981, p. 275; Ср. *Teall J. L.* The Age of Constantine: Change and Continuity in Administration and Economy.—DOP, 1967, v. 21, p. 31: «Назвать Константина революционером — значит злоупотреблять термином».

пресечены попытки строить оборону государства на прежних основах. Но это был именно фундамент, поскольку многие элементы военной организации (прежде всего институты командования) обрели свой окончательный вид гораздо позже, а развитие ряда армейских институтов в первой половине IV в. тем не менее определялось принципами, восходящими к III в.

LES RÉFORMES MILITAIRES DE DIOCLÉTIEN ET CONSTANTIN.

Je. P. Glušanin

Le caractère des réformes militaires de la fin du IIIe et du début IVe siècle prête toujours à controverse. Une analyse des sources et des deux points de vue opposés émis sur les réformes de Dioclétien et Constantin (Mommsen et Grosse; Nischer et Berchem) convainc qu'il faut élargir considérablement les limites institutionnelles et chronologiques si nous voulons vraiment comprendre les causes et la place de ces réformes dans l'évolution de l'Etat romain et de l'armée romaine. La crise du système militaire du principat, qui a commencé à la fin du IIe s. pour des raisons tant intérieures qu'extérieures, et la pression croissante qui s'exerçait sur les frontières incitèrent le gouvernement à consentir une certaine altération des fondements du système militaire: instauration d'une réserve stratégique mobile permanente, création d'un *limes* échelonné, introduction de formes nouvelles pour le recrutement de soldats de métier. Le IIIe s. a vu se constituer graduellement la subordination stratégique des forces centrales et des forces locales de campagne si caractéristique de l'époque de la tétrarchie et du règne de Constantin Ier. Une analyse des guerres des première et seconde tétrarchies convainc de l'existence dans l'empire, encore sous Dioclétien, d'armées permanentes de campagne. Par conséquent, la question de savoir qui est l'auteur des réformes militaires de la fin du IIIe et du début du IVe ss. est mal posée: dans leur activité relative à l'armée, Dioclétien et Constantin ont l'un et l'autre obéi à une tendance qui s'était ébauchée encore durant la période transitoire du IIIe s. Il s'est agi pour eux de généraliser et d'interconnecter tous les éléments altérés de l'organisation militaire. Selon la situation concrète du moment, chacun d'entre eux entérinait législativement telle ou telle institution de l'armée. Leurs réformes ont non seulement conduit jusqu'à son aboutissement la longue transformation de l'armée du principat en l'armée de la basse antiquité, mais encore définitivement posé les solides fondations du système militaire de cette dernière époque. Ce n'étaient encore que des fondations, comme le prouve l'évolution concrète de nombre d'institutions du système militaire pendant les années 40 et 50 du IVe s., évolution obéissant à des principes dont beaucoup étaient déjà appliqués au IIIe s.

Н. Д. Нестеренко

ЗАМЕТКИ ПО ДЕНЕЖНОМУ ОБРАЩЕНИЮ МЕДИ БОСПОРА ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ II в. до н. э.

В фондах Анапского музея хранятся два клада медных боспорских монет, найденных в конце 70-х годов¹. Из первого клада, открытого близ Анапы в ущелье Куматырь, в фонды музея попало лишь 177 экземпляров (Ам 10190/1—176; Ам 10384)². Второй клад, найденный у хут. Фадеево, почти полностью, в количестве 1674 экземпляров поступил в музей (Ам 10093/1—1138; Ам 10603/1—532)³. Состав кладов примерно одинаков, в основном это мелкая медь Боспора конца III — II в. до н.э. Время зарытия Фадеевского клада относится, возможно, к началу I в. до н.э.⁴ В конце первой четверти I в. до н.э., очевидно, был зарыт и Куматырский клад⁵.

В процессе обработки данного нумизматического материала автор обратил внимание на идентичность кладов. Это обстоятельство позволило проверить отдельные выводы, сделанные в основном на закрытом комплексе Фадеевского клада⁶. Исключительное значение кладов обуславливается их датировкой митридатовским временем, весьма сложным, имеющим много «лакун» как для боспорской нумизматики, так и для политической истории Боспора⁷. Среди монет кладов наше внимание в первую очередь привлекла серия боспорской меди, состоящая из двух номиналов. Старший⁸: л.с.— голова бородатого сатира влево; о.с.—

¹ Нестеренко Н. Д. Клады Горгииппии. Предварительное сообщение.— КСИА, 1981, 168, с. 85—87.

² Большая часть Куматырского клада (304 экземпляра) попала в Новороссийский музей (Нм 2414/1—21).

³ Автор пользуется случаем и выражает искреннюю признательность начальнику Анапской археологической экспедиции Е. М. Алексеевой, краеведам А. С. Корытину и [А. И. Салову] за большую помощь по выявлению и спасению монет Фадеевского клада.

⁴ Время зарытия Фадеевского клада определено по единственному тетрахалку в Анапском музее (Ам 10603/164; Бурачков П. О. Общий каталог монет, принадлежащих эллиским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря в пределах нынешней Южной России. Ч. I. Одесса, 1884 (далее — ОКМ), табл. XXI, 120), датируемому примерно 90—80 гг. до н. э. (Шелов Д. Б. Города Северного Причерноморья и Митридат Евпатор.— ВДИ, 1983, № 2, с. 45). Если допустить случайное включение тетрахалка в состав клада (монеты выбыли на большой площади), можно твердо датировать Фадеевский клад рубежом II — I вв. до н. э.

⁵ Куматырский клад был зарыт в конце первого или в начале второго десятилетия I в. до н. э. Здесь наиболее поздними монетами были тетрахапки первой серии «голова Артемиды — лежащий олень», датируемые 100—90 гг. до н. э. (ОКМ, табл. XXIII, 20, 21).

⁶ Вполне возможно, что некоторое количество (не более двух-трех десятков) монет клада все же разошлось по рукам.

⁷ Шелов. Города..., с. 40.

⁸ ОКМ, табл. XIX, 55, 56; Зограф А. Н. Античные монеты.— МИА, 1951, № 16 (далее — АМ), табл. XLI, 20; Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э.

рог изобилия,¹ звезды, шапки Диоскуров, ПАНТИ (табл. I, 1—5). Младший⁹: л.с.— голова безбородого сатира вправо; о.с.— звезды, шапки Диоскуров, ПАНТИ (табл. I, 9).

Так, в поступившей части Куматырского клада монет старшего номинала выделено 8 экземпляров, младшего — 5 экземпляров, а в Фадеевском — соответственно 134 и 67 экземпляров. Монеты данной серии довольно известны, они часто встречаются при раскопках и случайных находках¹⁰. Датировка рассматриваемой нами серии выявила в свое время среди нумизматов некоторые разногласия. А. Н. Зограф датировал их концом III — началом II в. до н.э.¹¹, что вызвало возражения П. О. Карышковского¹² и К. В. Голенко¹³. Д. Б. Шелов отнес эти монеты к последней четверти II в. до н.э.¹⁴, а впоследствии счел нужным ограничить время данной эмиссии 120—110 гг.¹⁵ Одним из аргументов в пользу такой датировки, по мнению Д. Б. Шелова, явился факт чекана Понтом аналогичной серии: л.с.— голова юноши вправо; о.с.— рог изобилия, звезды, шапки Диоскуров, демотикон; она датирована Ф. Имхоф-Блумером 120—110 гг.¹⁶ Указанные понтийские монеты были встречены и в составе двух рассматриваемых кладов (табл. I, 6—8). Данные экземпляры чеканены от имени Синопы, Амиса и Амасеи¹⁷.

В Фадеевском кладе понтийских монет было четыре, а в известной нам части Куматырского — три¹⁸. В свое время К. В. Голенко¹⁹ и Д. Б. Шелов²⁰ отмечали факт наличия на Боспоре лишь единичных находок понтийских монет ранних групп и связывали появление их с установлением власти Митридата Евпатора. Отмеченные в Фадеевском и Куматырском кладах понтийские монеты первой группы, по Ф. Имхоф-Блумеру, позволяют предполагать, что их проникновение на Боспор

М., 1956 (далее — МДБ), табл. VIII, 100; Фадеевский клад — Ам 10093/513—587; Ам 10093/767—773; Ам 10093/1058—1075; Ам 10603/404—437. Куматырский клад — Ам 10190/77—84.

⁹ ОКМ, табл. XXI, 137; XXII, 182; АМ, табл. XLI, 21; МБД, табл. VIII, 101. Фадеевский клад — Ам 10093/588—619; Ам 10093/706, 711, 831; Ам 10093/1096—1101; Ам 10093/1103—1107; Ам 10603/479—495; Ам 10603/207, 250, 256, 266. Куматырский клад — Ам 10190/89—93.

¹⁰ Шелов Д. Б. Материалы к истории денежного обращения в городах Боспора в VI—I вв. до н. э. — НЭ, 1965, V, с. 40, табл. 4.

¹¹ АМ, с. 180.

¹² Карышковский П. О. Еще раз о книге А. Н. Зографа «Античные монеты». — ВДИ, 1953, № 1, с. 108 сл.

¹³ Голенко К. В. Датировка медных монет Пантикапея конца III — II в. до н. э. — КСИИМК, 1955, 58, с. 136.

¹⁴ МДБ, табл. VIII, 100.

¹⁵ Шелов. Материалы..., с. 40, табл. 4.

¹⁶ Imhoof-Blümer Fr. Die Kupferprägung des mithridatischen Reiches und andere Münzen des Pontos und Paphlagonien. — NZ, 1912, XLV, Taf. I, 1, 3, 5.

¹⁷ Фадеевский клад: Синопа — Ам 10093/736, Ам 10093/1114; Амис — Ам 10093/1115; Амасея — Ам 10093/735. Куматырский клад: Амасея — Ам 10384.

¹⁸ Благодаря любезности заведующего археологическим отделом Новороссийского музея А. В. Дмитриева мы располагаем информацией о наличии в новороссийской части Куматырского клада двух понтийских монет Амиса и Амасеи первой группы, по Ф. Имхоф-Блумеру. Кроме указанных понтийских монет первой группы в составе Куматырского клада встречены понтийские тетрагалки третьей группы: «Арес — меч», датируемые Ф. Имхоф-Блумером 111—105 гг. до н. э. (Амис — Ам 10190/85, Ам 10190/86, Ам 10190/88; Кабира — Ам 10190/87).

¹⁹ Голенко К. В. Монетная медь городов Понта и Пафлагонии времени Митридата VI в боспорских находках. — ПС, 1964, 11 (74), с. 59.

²⁰ Шелов. Материалы..., с. 47, табл. 7.

началось раньше, чем это считалось²¹. Явная типологическая близость аверсов понтийских и боспорских монет не может быть истолкована как случайное совпадение. Видимо, определенные политические события заставили боспорских монетариев пойти на это сближение²². Принято считать, что Боспор вошел в состав Понтийского царства в начале последнего десятилетия II в. до н.э.²³ Несомненно, что этому политическому акту должны были предшествовать переговоры между правителями Понта и Боспора.

Интерпретируя данные декрета в честь Диофанта, С. А. Жебелев предполагал, что Диофант после первого похода на скифов, действуя «на свой риск и страх», вступил в переговоры с Перисадам²⁴. Вопрос о возможности более ранних переговоров между Перисадамом и Митридатом С. А. Жебелев оставил открытым²⁵. В. Ф. Гайдукевич также был склонен считать, что переговоры о присоединении Боспора к Понту прошли после первого похода Диофанта²⁶. Одна из последних версий была предложена Е. А. Молевым. Он полагает, что накануне крымских походов Диофанта прошли «негласные» переговоры между правителями Боспора и Понта²⁷. Свою версию Е. А. Молев подкрепляет ссылкой на факт чекана Боспором монет, копирующих типы Понта. Он считает, «...что выпуском этих монет Перисад V в какой-то мере гарантировал свой дружественный по отношению к Митридату нейтралитет в предстоящих событиях»²⁸. Разбирая построение Е. А. Молева, прежде всего необходимо отметить, что чекан монет с рогом изобилия и шапками Диоскуров начался не «...перед самым началом походов Диофанта»²⁹ (по Молеву — 112—111 гг.³⁰), а, как убедительно показал Д. Б. Шелов, около 120 г. до н.э.³¹ Далее, если следовать предположению Е. А. Молева о «негласности переговоров» ввиду официальной ориентации Перисада на скифскую партию³², то в этом случае на общем фоне никак не увязывается выпуск монет с понтийской типологией.

Как отметил Д. Б. Шелов, подобные произвольные построения стали возможны из-за отсутствия письменных источников по этому важному вопросу истории Боспора³³. И все же данные нумизматики при тщательном анализе нового материала могут оказать существенную помощь в освещении событий последней четверти II в. до н.э.³⁴ Попытаемся это

²¹ Еще одна медная понтийская монета первой группы, по Ф. Имхоф-Блумеру, была найдена несколько лет назад на берегу моря около археологического заповедника. Находится в частной коллекции.

²² МДБ, с. 203—204.

²³ Жебелев С. А. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре.— В кн.: Северное Причерноморье. М. — Л., 1949, с. 100; Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М. — Л., 1948, с. 302 сл.; Молев Е. А. Митридат Евпатор. Саратов, 1976, с. 39 сл.; Шелов. Города..., с. 40.

²⁴ Жебелев. Ук. соч., с. 97.

²⁵ Там же.

²⁶ Гайдукевич. Боспорское царство, с. 302 сл.

²⁷ Молев. Ук. соч., с. 38.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же, карта 1, с. 29—30.

³¹ МДБ, с. 169—171.

³² Молев. Ук. соч., с. 37—39.

³³ Шелов. Города..., с. 43.

³⁴ Для проверки полученных выводов автором также использовались материалы нумизматической коллекции Анапского музея: клад 1964 г. из ст. Раевской — Ам 4176—4505; клад 1964 г. из пос. Виноградного — Ам 4801—4939; одиночные находки монет конца II в. до н.э.

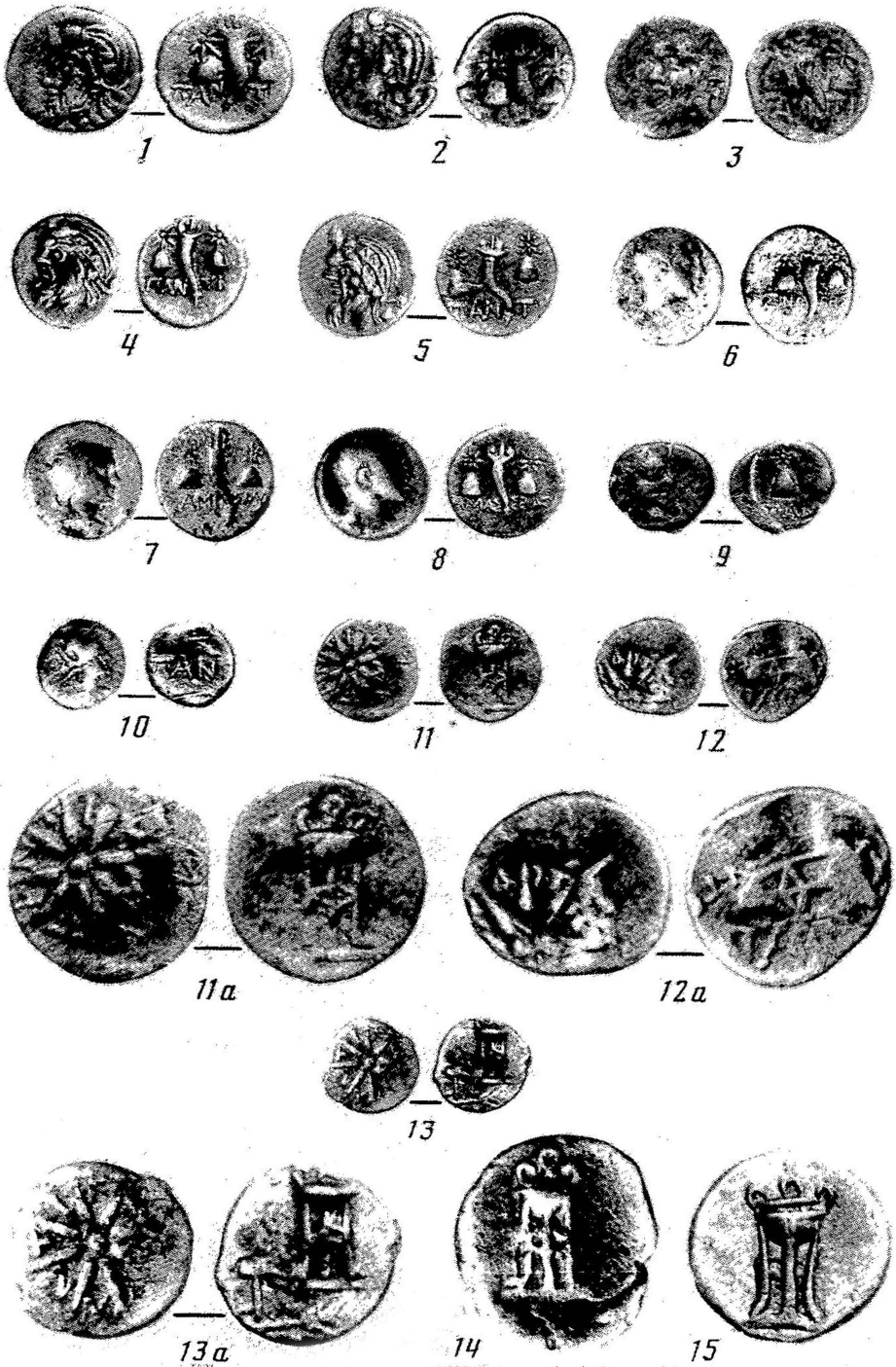

Таблица I. 1—5, 9—15 — медные монеты Пантикапея (11а, 12а, 13а, 14, 15 — увеличены); 6—8 — медные монеты Синопы, Амиса, Амасеи

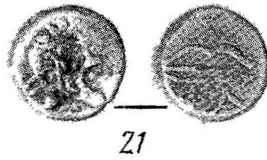
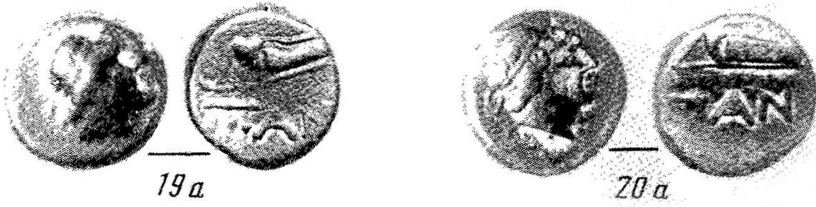
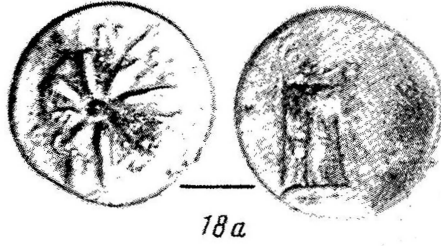
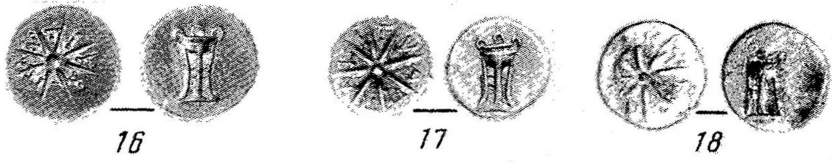

Таблица II. 16—20 — медные монеты Пантикапея (18a, 19a, 20a — увеличены);
21—23 — медные монеты Фанагории

сделать, начав с рассмотрения старшего номинала указанной серии, определяемого чаще как дихалк³⁵. Все имеющиеся в составе кладов 142 дихалка по цвету металла, стилистическим и фактурным признакам четко распадаются на две группы.

Первая группа — 83 экземпляра. Металл — красная или желтая медь³⁶. Монетные кружки обычно имеют выпукло-вогнутую форму. Фактура грубая, края часто в трещинах (табл. I, 1—3).

Л.с. — для аверса первой группы выделяется несколько вариантов бородатой головы влево. Здесь наиболее ранней разновидностью, видимо, следует считать монеты с головой сатира, иконографически близкие типам IV в. до н.э. (табл. I, 1). Ср. МДБ, табл. V, 54. К самой распространенной разновидности первой группы относятся монеты, где голова сатира выполнена в более условной манере, с расплывчатым изображением деталей (табл. I, 2). Завершают чекан первой группы, очевидно, крайне редкие экземпляры с довольно неожиданной трактовкой бородатой головы влево (табл. I, 3).

О.с. — изображение шапок, звезд и рога изобилия обычно довольно близко к реверсу понтийских аналогов.

Вторая группа — 59 экземпляров. Металл — желтая или светлая медь. Монетные кружки имеют плотную и аккуратную фактуру (табл. I, 5, 6), причем большинство кружков на аверсных и реверсных сторонах несут следы предварительных ударов и спиллов. В результате этих мер, а возможно, и каких-то других усовершенствований техники чекана все экземпляры второй группы не имеют следов выпукло-вогнутой формы, характерной для дихалков первой группы.

Л.с. — изображение головы бородатого божества выделяется явной схематизацией отдельных деталей и значительно отличается от всех разновидностей первой группы более резким рельефом.

О.с. — изображения шапок и особенно навершия рога изобилия значительно отличаются от изображений выделенной нами первой группы и от их понтийских образцов. На концах букв демотикона имеются характерные точки, которые появляются на меди Понта во второй группе, по Ф. Имхоф-Блумеру, и совершенно отсутствуют на дихалках выделенной нами первой группы.

Прослеженные на эмиссии дихалков этапы изменения фактуры, стиля, цвета металла приводят нас к определенному выводу. Очевидно, что данная эмиссия осуществлялась в течение более длительного времени, чем это считалось раньше. Тщательный анализ разновидностей, выделенных в две группы, позволил расположить их в приведенной выше хронологической последовательности.

Изучение 72 экземпляров младшего номинала в составе кладов не дает возможности деления их на группы по примеру дихалков³⁷. Для большинства этих монет характерна небрежность чекана, в отдельных случаях создававшая затруднения при атрибутировании аверсных сторон. Материалом для чекана данного номинала в основном послужила мелкая медь «Аполлон — лук в горите» в красном и желтом металлах. В свою

³⁵ Голенко. Монетная медь..., с. 65, прим. 34; Голенко К. В. Несколько серебряных монет Пантикапея II в. до н. э. со следами перечекировки. — НЭ, 1968, VII, с. 39 сл.

³⁶ Цвет меди не может быть определяющим при выделении какой-либо разновидности монетного типа, но в совокупности с другими признаками является важным дополнительным элементом.

³⁷ Младший номинал определен Д. Б. Шеловым как халк (МДБ, с. 180—183)

очередь тип «безбородый сатир — звезды, шапки Диоскуров» послужил материалом для выпуска последующих серий. Например, экземпляр Ам 10С93/431 «Аполлон — лук в горите» из желтой меди (табл. I, 11) сначала был перечеканен на тип «безбородый сатир — звезды, шапки Диоскуров», а затем, избежав перечеканки на тип «Афина — прора», был использован для выпуска последнего мелкого номинала «звезда — треножник». Другой, пожалуй, уникальный экземпляр из красной меди — Ам 10603/224 (табл. I, 12) — дает возможность проследить последовательную смену мелких монетных типов последней четверти. Первоначальный вариант «Аполлон — лук в горите» перечеканивался сначала на тип «безбородый сатир — звезды, шапки Диоскуров», затем на тип «Афина — прора» и, наконец, был использован для выпуска типа «звезда — треножник». Принимая во внимание массовое использование монеток «безбородый сатир — звезды, шапки Диоскуров» для выпуска последующих серий, необходимо все же отметить их немногочисленность в составе кладов. Такое положение позволяет предполагать более короткий период чекана младшего номинала в сравнении с эмиссией старшего.

Следующая в хронологическом порядке серия представлена в кладах лишь типом «Афина — прора»³⁸ (табл. I, 10). Монеток с трезубцем в кладах нет. Среди монет «Афина — прора» встречено много перечеканок с более ранних типов, но основным материалом здесь также послужила многочисленная медь «Аполлон — лук в горите»³⁹. Имеются и перечеканки с типа «безбородый сатир — звезды, шапки Диоскуров», что может служить еще одним подтверждением последовательной смены данных типов. В целом для этой серии необходимо отметить небрежность чекана большинства монет, встреченных в кладах.

На материалах кладов не прослежено заметного перерыва в чекане меди в период перехода власти от Перисада V к Митридату VI. Более того, часть многочисленной меди нового типа «звезда — треножник» несет следы «тотальной» перечеканки⁴⁰ (табл. I, 11—12). Изучение данных перечеканок показало, что сохранившиеся и дошедшие до конца эпохи Спартокидов типы — «Аполлон — лук в горите», «безбородый сатир — звезды, шапки» и даже «голова быка — плуг, колос»⁴¹ — использовались для выпуска новой серии. В свою очередь все известные в составе кладов 173 монеты «звезда — треножник» по цвету металла, фактуре и деталям изображения четко распадаются на две группы.

Первая группа: выделен 131 экземпляр (табл. I, 11—13). Металл — обычно красная медь. Монетный кружок почти всегда несет следы перечеканки.

Л.с. — изображение звезды и надпись довольно расплывчаты. Прослежен только один вариант демотикона.]

³⁸ ОКМ, табл. XXII, 175, 176; АМ, табл. XLI, 14; МДБ, табл. VIII, 102. В Фадеевском кладе 78 экземпляров — Ам 10093/28; Ам 10093/661—688; Ам 10093/705, 712, 716, 810, 852; Ам 10093/1083—1095; Ам 10093/1102, 1117, 1129; Ам 10603/169, 171, 179, 180, 214, 228, 231, 257, 259, 280, 283; Ам 10603/438—454. В анапской части Куматырского клада 5 экземпляров — Ам 10190/94—98.

³⁹ Экземпляр «Афина — прора» Ам 10603/228, табл. I, 10, перечеканен с типа «Аполлон — лук в горите».

⁴⁰ ОКМ, табл. XXI, 130; АМ, табл. XLIII, 18. В Фадеевском кладе 160 экземпляров — Ам 10093/431—438; Ам 10093/440—453; Ам 10093/455—512; Ам 10093/774—782; Ам 10093/933—956; Ам 10093/958—962; Ам 10093/707, 710, 1124; Ам 10603/162, 174, 178, 196, 206, 211, 224, 225, 226, 230, 262, 270, 287, 296, 297; Ам 10603/455—478. В анапской части Куматырского клада 13 экземпляров — Ам 10190/99—108; Ам 10190/159, 167, 168.

⁴¹ Ам 10093/466, табл. I, 13.

О.с.— треножник характерной конструкции, близкой к изображению на монетках III в. до н.э. (табл. I, 14).

Вторая группа: выделено 42 экземпляра (табл. II, 16, 17). Металл — желтая или светлая медь. Монетный кружок плотный, аккуратной формы.

Л.с.— изображение звезды и надпись тщательно проработаны в деталях, на концах букв имеются характерные точки. Отмечено пять вариантов надписи ПАНТИКАП.

О.с.— конструкция треножника резко отличается от треножника первой группы и почти полностью, за исключением навершия, копирует треножник с амисских тетрахалков второй группы, по Ф. Имхоф-Блумеру ⁴² (табл. I, 15).

Не составляет труда определить, что халки первой группы, в большинстве случаев несущие следы перчеканки, были выпущены раньше, чем халки желтой меди второй группы. Значительное количество халков обеих групп в составе кладов позволяет считать, что их выпуск не был кратковременной эмиссией и осуществлялся в два этапа ⁴³.

Для более полного обзора эмиссий меди последней четверти II в., очевидно, необходимо упомянуть еще о двух сериях, встреченных в кладах, из Пантикапея: л.с.— голова Аполлона вправо; о.с.— лук в горите, ПАН ⁴⁴ (табл. II, 19—20) и Фанагории: л.с.— голова бородатого сатира вправо; о.с.— лук, стрела вправо, ФА ⁴⁵ (табл. II, 21—22). Эти две серии обильно представлены в составе кладов, причем довольно часто фанагорийские монетки несут следы перчеканки с пантикапейских типа «Аполлон — лук в горите».

Мнение Д. Б. Шелова ⁴⁶ и К. В. Голенко ⁴⁷ о длительности чекана типа «Аполлон — лук в горите» и фанагорийских монет «бородатый сатир — лук, стрела» полностью подтверждается анализом перчеканок Фадеевского и Куматырского кладов. При дальнейшем изучении материала многочисленную медь «Аполлон — лук в горите», видимо, удастся разделить на группы, но в данном случае мы ограничимся лишь отдельными выводами, дополняющими картину денежного обращения последней четверти II в. Среди общей массы монеток типа «Аполлон — лук в горите» по ряду признаков удалось выделить группу, отчеканенную из желтой меди (табл. II, 20). Все экземпляры данной разновидности имеют аккуратные и плотные кружки, причем голова Аполлона на аверсе отличается тщательной проработкой деталей, а изображение лука в горите имеет одну особенность, позволяющую сравнительно легко выделять эти монетки среди массы подобных. На штемпелях, которыми чеканились «желтые» экземпляры, футляр для стрел вырезан таким образом, что он рельефно выступает над общей композицией лука в горите. На других монетках типа «Аполлон — лук в горите» изображение футляра

⁴² Waddington W., Babelon E., Reinach Th. Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure. V. I², fasc. 1. P., 1925, tabl. VII, 12.

⁴³ Судя по снимку, опубликованному К. В. Голенко (НЭ, 1968, VII, с. 40, табл. I, 6), конструкция треножника на реверсе серебряной монеты совпадает с изображением на медном экземпляре (табл. I, 8) и значительно отличается от аналога, предложенного К. В. Голенко (табл. I, 9). Таким образом, серебро «звезда — треножник» следует, видимо, отнести к периоду чекана второй группы халков.

⁴⁴ ОКМ, табл. XXI, 114; АМ, табл. XLII, 9; МДБ, табл. VIII, 95. В Фадеевском кладе 510 экземпляров. В анапской части Куматырского клада 76 экземпляров.

⁴⁵ ОКМ, табл. XXXIII, 8—11; МДБ, табл. IX, 112. В Фадеевском кладе 557 экземпляров. В анапской части Куматырского клада 47 экземпляров.

⁴⁶ Шелов. Материалы..., с. 40 сл.

⁴⁷ Голенко К. В. Монеты из случайных находок в Патрее.— ВДИ, 1952, № 3, с. 148 сл.

для стрел как бы врезано в горит. Судя по материалам кладов, большинство монет этой группы пошло на изготовление более поздних типов: «безбородый сатир — звезды, шапки Диоскуров», «Афина — прора», «звезда — треножник» первой группы. Весьма характерен и тот факт, что экземпляры «желтой» группы «Аполлон — лук в горите» обычно очень хорошей сохранности, а монетки красной меди типа «Аполлон — лук в горите», как правило, имеют следы продолжительного обращения. Очевидно, данную группу желтой меди следует считать завершающей для всей длительной эмиссии «Аполлон — лук в горите».

Другие фанагорийские монетки с луком и стрелой, представленные в кладах и выпускавшиеся еще более длительное время, имеют, как уже не раз отмечалось, признаки весовой и стилистической деградации⁴⁸. Здесь между отдельными экземплярами весовая амплитуда достигает 5—7 граммов⁴⁹. Но и среди этих фанагорийских монет выделяется группа, не имеющая указанных признаков деградации и отличающаяся цветом металла (табл. II, 23). Монетные кружки данной группы имеют довольно аккуратную фактуру и примерно одинаковый вес⁵⁰. На полях отдельных экземпляров этой группы фанагорийских монет заметны следы сбивания и спилос первоначальных изображений. Металл — желтая медь.

Л. с. — более тщательное по сравнению с другими вариантами изображение головы бородатого сатира вправо.

О. с. — лук, формой отличающийся от обычных изображений, под ним стрела с оперением в виде кадуцея, ФА — на концах букв характерные точки.

Фанагорийские монеты данной разновидности известны давно⁵¹, причем К. В. Голенко в одной из своих работ высказал предположение о более позднем времени чекана этих монет⁵². При анализе материала очевиден факт одинакового цвета металла, фактурной и стилистической близости фанагорийских монет данной группы с дихалками и халками вторых групп. Видимо, монетки, имеющие стрелу с оперением в виде кадуцея, были последними в более чем вековой эмиссии мелкой фанагорийской меди.

Изложенные наблюдения позволяют значительно дополнить и в отдельных случаях раскрыть общую картину чекана и обращения меди последней четверти II в. до н. э. Примерно с середины II в. до н. э., как отметил П. О. Карышковский, в денежном обращении Боспора появляются монеты, отчеканенные из желтой меди⁵³. По материалам кладов к третьей четверти II в. до н. э., видимо, следует отнести выделенную нами группу желтой меди «Аполлон — лук в горите». Появление желтой меди на Боспоре П. О. Карышковский⁵⁴ и К. В. Голенко⁵⁵ связывали с Понтом, где этот металл являлся основным монетным сырьем в рассматриваемый период. Оба исследователя также считали, что в массовом количестве желтая медь на Боспор начинает поступать лишь после его

⁴⁸ *Он же*. К уточнению датировки одной группы монет Фанагории. — КСИИМК, 1955, 58, с. 140.

⁴⁹ Так, например, вес экземпляра Ам 10093/21 (табл. II, 21) достигает 7,7 г.

⁵⁰ Вес Ам 10093/39 — 2,4 г, Ам 10093/48 — 2,7 г, Ам 10603/381 — 2,1 г, Ам 10603/525 — 2,3 г.

⁵¹ ОКМ, табл. XXIII, 19; АМ, табл. XLII, 13.

⁵² *Голенко*. К уточнению датировки ..., с. 139.

⁵³ *Карышковский*. Еще раз о книге..., с. 108 сл.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ *Голенко*. Монетная медь..., с. 61, прим. 15.

подчинения Митридату VI⁵⁶. Действительно, данный факт четко прослеживается на материалах кладов, но все же немалая часть понтийской меди попадала на Боспор и в эпоху, предшествующую Митридату VI, где использовалась для чекана выделенной нами группы «Аполлон — лук в горите», а также части эмиссий типа «Аполлон — венки», «Аполлон — дельфин» и «Аполлон — лук, стрела»⁵⁷. Данное положение назвать случайным никак нельзя, тем более что мы имеем примеры перечеканки амисского серебра на боспорскую монету также во второй половине II в. до н. э.⁵⁸ К. В. Голенко, публикуя перечеканки с драхм Амиса, ачел данный факт «...важным доказательством регулярных сношений Амиса и Боспора в позднеэллинистический период»⁵⁹. Еще одним аргументом в пользу полученного нами вывода служит факт наличия в Куматырском и Фадеевском кладах понтийской меди первой группы, по Ф. Имхоф-Блумеру.

Таким образом, догадка, высказанная Д. Б. Шеловым около 30 лет назад, получает полное подтверждение⁶⁰. Еще тогда, отметив факт заимствования боспорскими монетариями понтийских типов, Д. Б. Шелов высказал предположение о понтийской ориентации боспорской правящей верхушки за 10—12 лет до присоединения к державе Митридата VI.

В настоящее время мы имеем возможность для более широкой трактовки косвенных данных. Очевидно, уже в третьей четверти II в. определенные интересы побуждали правителей Боспора и Понта идти на взаимные контакты и это в свою очередь нашло отражение в монетном деле. С определенной долей уверенности можно предполагать, что прослеженные на нумизматическом материале связи Боспора и Понта, развиваясь, привели к договору или соглашению в начале последней четверти II в. до н. э., предусматривающему унификацию монетных типов этих государств. Гибель Митридата Эвергета в 120 г.⁶¹ и несовершеннолетие Митридата VI, видимо, определенным образом отразилось на внешней политике Понта. Данное обстоятельство внесло коррективы и в планы правителей Боспора. Весьма показательна в этом отношении новая монетная серия. На аверсах дихалков вместо понтийской головы юноши изображена голова бородатого сатира, игравшего для Пантикапея роль *παράσχημον*⁶². Здесь также следует отметить и тот факт, что первая группа дихалков отчеканена преимущественно из красной меди. Для этого периода отсутствие понтийского металла на Боспоре выглядит вполне естественно. И все же правители Боспора, приступая к выпуску дихалков, видимо, не без основания рассчитывали на более благоприятную политическую ситуацию в будущем. Действительно, как показали дальнейшие события, расчеты боспорских правителей оправдались. Вступление на престол Митридата Евпатора⁶³ во второй половине предпоследнего десятилетия привело к активизации понтийско-боспорских отношений. С понтийскими событиями, имевшими важное значение для Боспора, следует, видимо, связать отказ боспорских монетариев от чекана монет «безбородый сатир — звезды, шапки Диоскуров» и появление

⁵⁶ Карышковский. Еще раз о книге..., с. 108—109; Голенко. Монетная медь..., с. 61, прим. 15.

⁵⁷ Большинство экземпляров этих трех типов отчеканено из красной меди.

⁵⁸ Голенко. Несколько серебряных монет..., с. 37—42.

⁵⁹ Там же, с. 40.

⁶⁰ МДБ, с. 203 сл.

⁶¹ Бижерман Э. Хронология древнего мира. М., 1975, с. 199, табл. VI.

⁶² АМ, с. 174

⁶³ По Т. Рейнауку — 113 г. до н. э. (*Waddington, Babelon, Reinach. Op. cit., p. 7*).

новой серии «Афина — прора или трезубец»⁶⁴. Принято считать, что серия «Афина — прора» была заключительной в монетном деле Спартокидов⁶⁵. Данные по составу кладов позволяют внести некоторые уточнения.

По общепринятому мнению, официальная передача власти Перисадом Митридату состоялась после второго скифского похода Диофанта⁶⁶. Это исключительной важности историческое событие и было отмечено выпуском медных халков «восьмилучевая звезда — треножник»⁶⁷. За период с момента передачи власти и до восстания Савмака в обращение поступили халки первой группы, почти всегда несущие следы перечеканки с предыдущих типов и имеющие одинаковую конструкцию треножника. Таким образом, серия «Афина — прора», считавшаяся последней в чекане Спартокидов, должна быть передвинута вниз, сократив продолжительность эмиссии «безбородый сатир — звезды, шапки Диоскуров» примерно с 10 до 5—7 лет⁶⁸. Следует отметить, что в количественном отношении серия «Афина — прора», судя по материалам кладов, не уступает типу «безбородый сатир — звезды; шапки Диоскуров»⁶⁹. Данное положение подтверждается и подсчетами Д. Б. Шелова для отдельных находок монет⁷⁰.

Окончательное присоединение Боспора к Понту произошло после подавления восстания Савмака⁷¹, что довольно четко прослеживается на материалах кладов. Обильные партии желтой понтийской меди начинают поступать на Боспор, где используются для возобновления чеканки монет. Прежде всего был продолжен выпуск дихалков, но уже второй группы, выделенных на материале кладов. На первый взгляд, такое положение выглядит несколько неожиданным, так как выпуск аналогичных понтийских монет был, очевидно, прекращен сразу после воцарения Митридата VI. И все же отмеченный факт находит объяснение в том, что изображение головы сатира на аверсе боспорских дихалков в отличие от аверса понтийских монет с головой юноши сразу после подавления восстания Савмака вполне устраивало Митридата VI⁷².

Младшим номиналом в этой полностью митридатовской серии служили «желтые» халки второй группы с новой конструкцией треножника. От-

⁶⁴ Весьма заманчиво, на наш взгляд, выглядит возможная связь выпуска серии «Афина — прора» с установлением полного контроля над морскими путями, предпринятого Митридатом VI для успешной черноморской торговли, в которой была крайне заинтересована боспорская аристократия. См. *Максимова М. И.* Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.—Л., 1956, с. 224, прим. 3.

⁶⁵ МДБ, с. 171 сл.

⁶⁶ *Жебелев*. Ук. соч., с. 99 сл.; *Гайдукевич*. Боспорское царство, с. 303; *Молев*. Ук. соч., с. 39 сл.

⁶⁷ *Шелов*. Города..., с. 44 сл.

⁶⁸ Д. Б. Шелов допускает возможность появления серии «Афина — прора или трезубец» в конце предпоследнего десятилетия II в. (МДБ, с. 172), но, судя по таблице на с. 183, предполагает одновременный чекан с типом «безбородый сатир — звезды, шапки Диоскуров».

⁶⁹ В Фадеевском кладе монеток «Афина — прора» встречено 78 экземпляров, а монеток типа «безбородый сатир — звезды, шапки Диоскуров» — 67 экземпляров.

⁷⁰ *Шелов*. Материалы..., с. 40, табл. 4.

⁷¹ *Гайдукевич*. Боспорское царство, с. 301—304.

⁷² Об атрибуции головы юноши на понтийских монетах первой группы, по Ф. Имхоф-Блумеру, см. *Максимова*. Ук. соч., с. 219 сл. Принимая во внимание высказанные М. И. Максимовой замечания и проанализировав иконографию головы юноши на понтийской меди, считаем необходимым также подчеркнуть полное несходство головы юноши с известными портретными изображениями Митридата Евпатора. Исходя из исторической традиции, можно предполагать, что данное изображение является портретом Митридата Хреста, брата и соправителя Митридата Евпатора.

Хронологическая таблица боспорской меди последней чет
по материалам Фадеевского и Куматырского

Время чеканки	Пантикапей	
	халки	дихалки
С конца III в. до н. э.		
С начала II в. до н. э.	Л. с. — голова Аполлона вправо О. с. — лук в горнте влево, ПАН Табл. II, 19; ОКМ, табл. XXI, 114	
Третья четверть II в. до н. э.	Группа желтой меди — табл. II, 20; МДБ, табл. VIII, 95	
Около 120—113 гг. до н. э.	Л. с. — голова безбородого сатира вправо О. с. — звезды, шапки Диоскуров, ПАНТИ Табл. I, 9; МДБ, табл. VIII, 101	Первая группа Л. с. — голова бородатого сатира влево О. с. — рог изобилия, звезды, шапки Диоскуров, ПАНТИ
Около 113—109 гг. до н. э.	Л. с. — голова Афины вправо О. с. — корабельная прора вправо, ПАН Табл. I, 10; МДБ, табл. VIII, 102	Табл. I, 1, 2, 3; МДБ, табл. VIII, 100
Около 109—107/ 106 гг. до н. э.	Первая группа Л. с. — восьмилучевая звезда, ПАНТИКАП О. с. — треножник Табл. I, 11, 12, 13; ОКМ, табл. XXI, 130	
После 107/106— 100 гг. до н. э.	Вторая группа — табл. II, 16, 17, 18; АМ, табл. XLIII, 18	Вторая группа — табл. I, 4, 5; АМ, табл. XLI, 20

дельные халки этой группы несут следы перечеканки нет ⁷³ (табл. II, 18). И, наконец, к митридатовскому и нести группу «желтых» фанагорийских монеток, несущ

⁷³ На перечеканенном халке второй группы Ам 10093/489 чального типа: л.с. — голова Артемиды вправо; о.с. — треножник

ражение стрелы с оперением в виде кадуцея. Как отмечалось выше, целый ряд признаков сближает эти монеты с дихалками и халками вторых групп. Выпуск и обращение дихалков и халков вторых групп продолжались, судя по обилию их в кладах, до рубежа II—I вв. и уступили место новым сериям, полностью идущим в русле монетного дела Понта.

NOTES SUR LA CIRCULATION DE LA MONNAIE DE CUIVRE
AU BOSPHORE DURANT LE DERNIER QUART DU IIe s. av. n. è.

N. D. Nesterenko

Le matériel des trésors de Fadejevo et de Kumatyr, de concert avec les trouvailles antérieures de la seconde moitié du IIe s. av. n. è., permettent d'estimer que des rapports solides entre le Bosphore et le Pont avaient déjà été établis par les prédécesseurs de Mithridate VI. L'émission de *dichalca* à typologie pontique est apparemment le fruit d'un traité ou accord entre les monarques du Pont et du Bosphore conclu à la fin du troisième ou au début du quatrième quart du IIe s. La frappe de monnaies de cuivre avec étoile pontique et *dēmotikon* bosporan témoigne que le Bosphore avait été politiquement rattaché au Pont. Le mécontentement d'une partie de la population, qui s'est traduite par l'insurrection de Saumacos, n'a interrompu l'émission de pièces de cuivre bosporanes que pour un bref laps de temps. Une fois l'insurrection réprimée, le monarque de Pont fit preuve de souplesse et de circonspection en maintenant jusqu'à la fin du IIe s. l'ancienne typologie bosporane de la monnaie de cuivre.

Е. Г. Кастанаян

НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ ИЗ ПОРФМИЯ

В 1983 г. при раскопках Порфмия¹, небольшого городка на Боспоре, находившегося на европейском берегу Керченского пролива, близ паромной переправы, была найдена надгробная плита из крупнозернистого известняка (выс. 0,53, шир. 0,54, толщ. 0,17 м; инв. № П/83-71а), использованная в кладке стены города второй половины III—I в. до н. э. (рис.). Порфмий, основанный во второй половине VI в. до н. э., был во второй половине III в. до н. э. заново перестроен². Плита увенчана профилированным карнизом, слегка выступающим над ее плоскостью, шириной 0,16 м. Поверхность плиты пористая, подвергавшаяся длительному выветриванию; в нескольких местах имеет выбоины. На плите была начертана двустрочная надпись, сохранившаяся полностью: Νευμένης Ἀραμάθευ γυνή — «Невменис, жена Арамата». Строки вырезаны неровно, так как надпись выполнена без разлиновки. Буквы вырезаны неглубоко широким прямоугольным резцом: высота букв 0,03—0,04, ширина 0,04, расстояние между строками 0,02 м.

Женское имя Νευμένης мне не удалось найти среди греческих имен. В словаре Pape — Benseler имеются несколько близких по звучанию мужских имен — Νευμήμιος, Νεομήμιος, Νορμήμιος, Νορμήμιος и женское имя Νεομήνια³. Мужские имена Νευμήμιος, Νορμήμιος встречаются и в надписях Боспора: первое — в пяти надписях IV в. до н. э.⁴, второе — в 16 надписях, датируемых IV—III вв. до н. э.⁵; особенно часто последнее имя фигурирует в надписях первых веков н. э.

Если сравнить мужское имя Νεομήμιος, имеющееся в боспорских надписях IV в. до н. э., с женским именем нового надгробия, то обращает внимание в последнем стяжение εο в εη, наблюдаемое в ионийском диалекте

¹ Раскопки Порфмия производились Боспорской экспедицией Ленинградского отделения Института археологии АН СССР под руководством сначала В. Ф. Гайдукевича, с 1968 г. — автора статьи.

² О раскопках Порфмия см.: Кастанаян Е. Г. Раскопки Порфмия в 1953 году. — СА, 1958, № 3, с. 203—207; она же. Раскопки Порфмия в 1968 году. — КСИА, 1972, 130, с. 77—82; она же. Порфмий. — *Études et travaux*, XIII. Warszawa, 1973, p. 162—168; она же. Античные государства Северного Причерноморья. — В кн.: Археология СССР, т. 8. М. — Л., 1984, с. 69 сл.

³ Pape W. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Neue Bearbeitung von G. E. Benseler. Braunschweig, 1884.

⁴ КБН, № 163; 210, 211; 1056, 1, 8; 1064.

⁵ Там же, № 247; 919, 2, 14; 947, Б, 9; 1016; 1134, 13, 14, 20, 27; 1136, 10; 1137, А, 6, 49, 57; 1140, 12; 1159, В; 1165; 1171; 1174; 1179, 10, 27, 51, 60; 1184; 1230.

начиная с VI в., а в надписях с IV в. до н. э.⁶ За датировку надписи IV в. до н. э. говорят и особенности ее шрифта. Так, широкие буквы имеют правильную, симметричную форму (*rho* более узкое), в начертании их отсутствуют утолщения и апексы на концах гаст, горизонталь *альфы* прямая, верхняя и нижняя гасты *сигмы* расходятся под одинаковым углом, *мю* с наклонными чертами. Все эти признаки характерны для первой половины IV в., но *эта* несколько шире пропорций буквы, встречающихся в надписях Боспора указанного времени. Заметна небрежность стиля, невыдержанность уровня строк и размеров букв. Отмеченные особенности шрифта позволяют отнести надпись ко второй половине IV в. до н. э.⁷

В окончании род. пад. мужского имени нашей надписи снова наблюдается контракция *-eo* в *eo*, появление которой, не исключено, было спровоцировано сходным по звучанию ионизмом в имени умершей. Происхождение этой флексии объясняют по-разному: Ф. Бехтель полагает, что в исходе род. пад. муж. *ā*-основ и *ε*-основ второй компонент дифтонга сократился, соответственно *-eo* перешло в *-eo*, а он в свою очередь в *-eo*⁸. Более правильной кажется позиция А. Шерера, который считает ген. на *-eo/-eo* смешанной формой, образовавшейся наряду с *-eo* и *-eoε/-eoε* благодаря одинаковому звучанию флексии пом. sg. *-ης* муж. *ā*-основ и *ες*-основ. Он отмечает, что эта форма засвидетельствована с IV в. до н. э. преимущественно для Эретрии и одиночно в других ионийских областях начиная с архаики⁹. В любом случае греческой парадигмой нашего варварского имени был Auslaut *ā*-основ, т. е. *Ἀραμαθής*, что согласуется и с иранской этимологией (см. ниже).

В эпиграфике Боспора достаточно примеров стяжения *eo* в *eo*. Кроме нашего надгробия оно встречается в надписях IV — I вв. до н. э. и II в. н. э. (*Θεοδοσίη*, *Κλεπάτρα*) в основах имен, глаголах повелительного наклонения, в притяжательных местоимениях дат. и вин. падежей и в окончании род. пад. ед. ч. местоимения муж. р.¹⁰ Однако до сих пор среди боспорских эпиграфических памятников не попадалось употребление ионизма, выраженного в стяжении *eo* в *eo* в окончании мужского имени в родительном падеже, — в этом отношении наша надпись является первой, как и имя мужа погребенной. Негреческое звучание этого имени заставляет искать его среди групп варварских языков.

Созвучный мужскому имени нашей надписи топоним *Ἀραμαθᾶ* принадлежал израильскому городу, который упомянут Иосифом Флавием как завоеванный сирийским царем¹¹. Как ни заманчиво подобное сопоставление, оно не может однозначно разрешить вопрос об этническом происхождении имени мужа Невменис, поскольку звук, передаваемый в греческой транскрипции буквой *тэта*, как последний звук имени перед окончанием его в падеже свойствен в семитских языках только женским именам. Поэтому отнесение мужского имени нашей надписи к семитским отпадает.

Возможно, имя мужа Невменис является скифским. Следует учитывать, что наряду с обычным греческим *τ* (*tau*) для передачи скифского и сарматского (иранского) *t* имеются случаи передачи греческой буквой *θ* (*тэтой*)

⁶ Bechtel F. Die griechischen Dialekte. Bd. 3. В., 1924, S. 60; Thumb A., Scherer A. Handbuch der griechischen Dialekte. Heidelberg, 1959, S. 258.

⁷ Ср. Белова Н. С. Новая надпись из Горгииппии. — ВДИ, 1967, № 1, с. 65 сл.; она же. Посвятительная надпись из Кеп. — ВДИ, 1970, № 2, с. 70.

⁸ Bechtel. Op. cit., S. 97.

⁹ Thumb, Scherer. Op. cit., S. 269 f.

¹⁰ Доватур А. И. Краткий очерк грамматики боспорских надписей. — КБН, с. 804, § 9.

¹¹ Ios., ant. Iud. 8, 15, 3, 5.

иранской фонемы *t*, например в скифских именах в надписях Ольвии и Боспора (ольвийские надписи относятся к первым векам н. э.¹², а боспорская надпись датируется тем же временем, к которому мы отнесли нашу надпись — IV в. до н. э.)¹³. Если в мужском имени нашей надписи *θ* передает иранское *t*, то оно может быть этимологизировано как скифское **Agamat* или **Āgamat* из древнеиранского **āgamati*- «правильная мысль» (как личное имя — «обладающий правильной мыслью») ¹⁴.

L'INSCRIPTION TOMBALE DE PORTHMIMUM

Je. G. Kastanajan

En 1983, lors de fouilles de Porthmium, ville du Royaume du Bosphore, une pierre tombale portant l'inscription Νευμηγνίς Ἀραμαθεῦ γυνή fut trouvée dans la maçonnerie d'un mur de l'époque hellénistique. Les particularités paléographiques permettent de la dater du IVe s. av. n. è. La désinence ionique du génitif de l'anthroponyme masculin et cet anthroponyme lui-même (Ἀραμαθής) sont sans précédent dans l'épigraphique bosphorane. L'inscription publiée est la première trouvaille épigraphique de Porthmium.

¹² IOSPE, I², 82.7; ср. *Zgusta L.* Die Personennamen der griechischen Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955, S. 70.

¹³ КБН, № 1066; ср. *Zgusta.* Op. cit., S. 148 ff.

¹⁴ Приношу глубокую благодарность В. А. Лившицу и И. Ш. Шифману, к которым я обращалась за консультацией при работе над данной статьей.

Н. Ш. Кигурадзе, Г. А. Лорджипанидзе, Т. Т. Тодуа

КЛЕЙМА XV ЛЕГИОНА ИЗ ПИЦУНДСКОГО ГОРОДИЩА

Наличие римских гарнизонов в причерноморских городах Западной Грузии, существование специально построенных укрепленных лагерей, крепостей, опорных стратегических пунктов, служивших для охраны дальних подступов Римской империи (рис. 1), хорошо установлено¹. Однако находки строительной керамики, черепицы и кирпичей с клеймами римских воинских частей здесь крайне редки². Достаточно сказать, что на Пицундском городище (Абхазская АССР, древ. Питиунт-Питиус), где архелогические раскопки ведутся с 1952 г.³, до недавнего времени была обнаружена лишь одна небольшая часть керамической плиты с прямоугольным клеймом, с четкими буквами LEG (рис. 2). Фрагмент плиты был найден в 1957 г. во время раскопок римской сторожевой круглой башни у озера Инкит, в культурном слое II—III вв. н. э.⁴

Второй фрагмент обнаружен в 1961 г. на территории кастелла, в культурном слое конца II в. н. э. (рис. 3). Керамическая плита из местной красной глины с примесью песка изготовлена в форме и хорошо обожжена. Штемпель клейма прямоугольный, четкий, сохранилась часть клейма [LE]G и номер легиона — XV.

Третий фрагмент выявлен раскопками 1985 г. при расчистке западных центральных ворот кастелла, в слое конца II — начала III в. н. э. Здесь зафиксирован сложный узел более ранних фортификационных сооружений, залежавших под крепостными стенами IV—VI вв. н. э. И в данном случае прямоугольное клеймо сохранилось неполностью, буквы и цифры менее четкие (рис. 4а, б), хотя надпись все же восстанавливается: [LE]G XV.

Все эти керамические плиты идентичны по составу глины и изготовлены римскими солдатами на месте в формах. На основании сопоставления с другими находками клейма можно расшифровать: LEG(io) XV (Arollinaris) (рис. 5). Кроме Пицунды-Питиунта клейма XV Аполлонова легиона обнаружены и в Петре (Цихисдзир, Аджарская АССР), причем вместе с клеймами вексилляции XII Молниеносного легиона⁵. В большом

¹ *Леквинадзе В. А.* По поводу римских крепостей в Восточном Причерноморье. — САНГ, 1965, т. X, 1, с. 247 сл.; *он же.* Понтийский лимес. — ВДИ, 1969, № 2, с. 75 сл.

² *Он же.* Римский кирпич со штампом из Цихисдзир. — САНГ, 1967,¹ XV, 3, с. 75 сл.

³ *Апакидзе А. М.* Великий Питиунт. Археологические раскопки в Пицунде. — В кн.: Великий Питиунт, III. Тбилиси, 1978, с. 12 сл.

⁴ *Лорджипанидзе О. Д.* Предварительный отчет о разведочно-археологических работах, проведенных в окрестностях озера Инкит. — МАГК, 1963, 3, с. 105 сл., табл. III₄.

⁵ *Леквинадзе.* Понтийский лимес, с. 87, рис. 9.

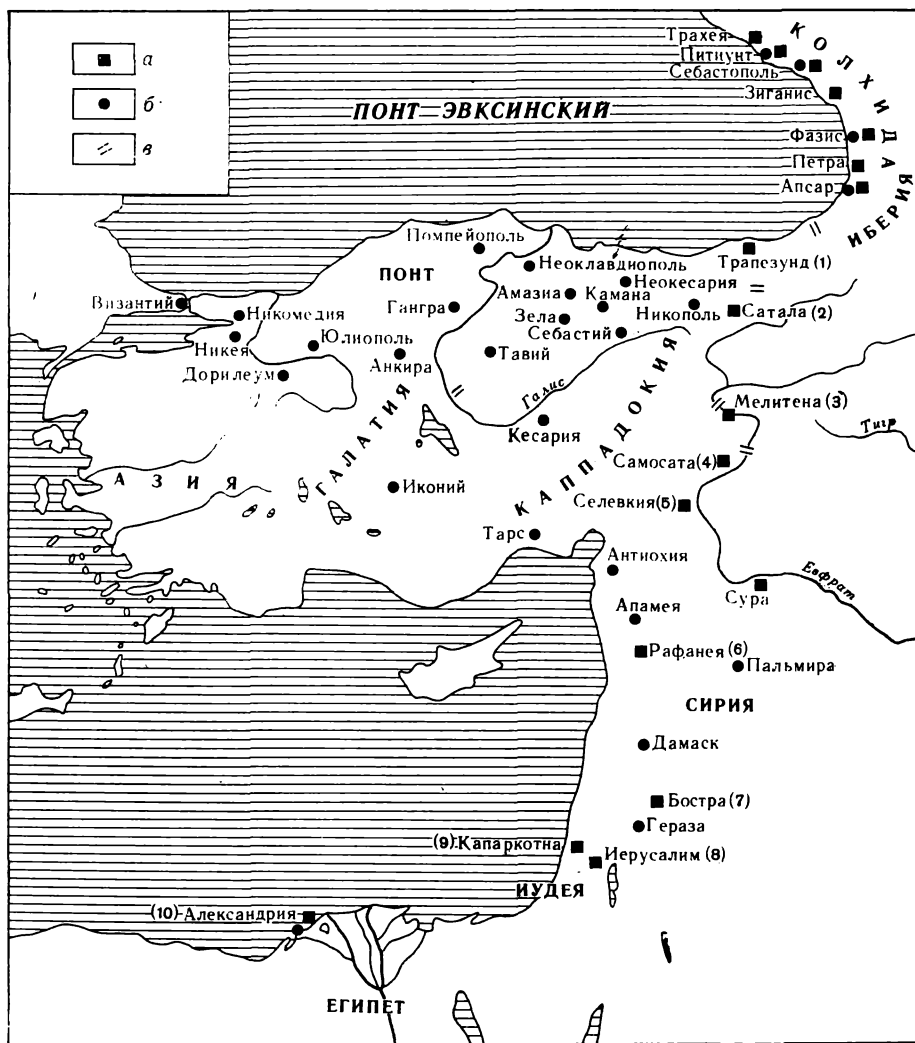

Рис. 1. Римские укрепления лагеря в Западной Грузии (Колхида) во II—III вв. н. э. а — кастеллы; б — города; в — перевалочные пункты 1 — Legio I Pontica; 2 — Legio XV Apollinaris; 3 — Legio XII Fulminata; 4 — Legio XVI Flavia Firma; 5 — Legio IV Scythica; 6 — Legio III Gallica; 7 — Legio III Cyrenaica; 8 — Legio X Fretensis; 9 — Legio VI Ferrata; 10 — Legio XXII Deiotariana, Legio II Traiana

количестве клейма XV легиона найдены в Сатале, в Каппадокии, где находился его постоянный основной лагерь. Они представляют собой прямые аналоги нашим находкам⁶. Как известно, в связи с возросшей угрозой военного конфликта с Парфией и активизацией алан XV легион из Паннонии был переброшен на Восток в 74 г. н. э.⁷ Начиная с этой даты и вплоть до V в. н. э. данный легион размещался в Сатале, на границе Кап-

⁶ Anderson J. G., Cumont E., Cumont F., Grégoire H. *Studia Pontica*, II. Bruxelles, 1906, p. 343 suiv.

⁷ *CIL*, III, Suppl., № 11194—11196; Бокщанин А. Г. Парфия и Рим. Ч. II. М., 1966, с. 217 сл.

Рис. 4а. Фрагмент плиты с клеймом LEG XV из раскопа западных ворот кастелла II — III вв. н. э.; б — прорисовка

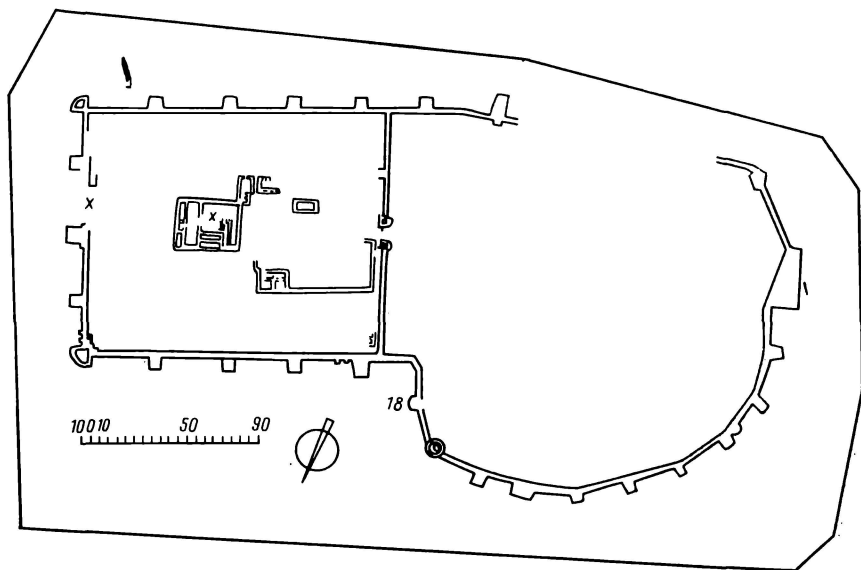

Рис. 5. План Питиунта (крестиком показаны места находки плит с клеймами-вексилляции)

падокии с Арменией. После превращения последней в провинцию римские гарнизоны из солдат XII и XV легионов стояли и в городах Армении ⁸. XII легион еще в правление Веспасиана был переведен из Сирии в Каппадокию, а потом при Тите в Мелитену ⁹. При императоре Домициане (81—

⁸ Ельницкий Л. А. Северочерноморские заметки. — ВДИ, 1950, № 1, с. 194. Ср. Аюбян А. П. Экономические и культурные взаимоотношения Армении с Римом (I в. до н. э. — IV в. н. э.): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 1985, с. 13.

⁹ CIL, III, Suppl., № 6745; Максимова М. И. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.—Л., 1956, с. 316.

96 г. н. э.) римские легионеры из XII Молниеносного легиона в качестве отдельного отряда в составе иберского войска появились и в Албании, т. е. в Восточном Закавказье¹⁰. Некоторые исследователи местом базирования гарнизона XII легиона при Веспасиане считали Грузию; по их мнению, римляне были расквартированы где-то в Колхиде (Апсар, Фасис) или в Иберии (Мцхета-Гармозике)¹¹. Но как показал Г. А. Меликишвили, в столице Иберии римский гарнизон не стоял¹². Вместе с тем нет никакого сомнения в непосредственном участии римлян в строительстве оборонительных сооружений, укреплении стен столицы древней Грузии Мцхета; об этом красноречиво свидетельствует лапидарная греческая строительная надпись, открытая еще в прошлом веке и датированная 75 г. н. э.¹³ Надпись в 17 строк гласит, что император Веспасиан и цезари Тит и Домициан «царю иберов Митридату, (сыну) царя Фарасмана, и сыну Амасаспу, другу цезаря и римлян, и народу укрепили стены»¹⁴. Действительно сама надпись поставлена от имени римского императора строителями-иноземцами, так как в ней, в отличие от императора и цезарей, царь Иберии Митридат назван без традиционного официального титула арамейских надписей — «царь великий». С этого времени и распространяются по всей Грузии новые строительные материалы (обожженный кирпич, керамические плиты, известковый раствор) и новая строительная техника.

Во время инспекционной поездки в 147 г. н. э. Арриана, легата Каппадокии, по римским крепостям побережья Колхиды Питиунт представлял собой лишь незначительную пристань (*ἄρτος*), якорную стоянку (Агг., РРЕ, 18). Как показывают результаты археологических раскопок последних лет, римляне в Питиунте в конце I или в первой половине II в. н. э. приступили к строительству небольшого деревянного укрепленного лагеря, следы которого (дубовые сваи) хорошо сохранились¹⁵. В конце же II — начале III в. начинают воздвигать кастеллум, долговременные крепостные сооружения. С этим периодом и связаны описанные выше керамические плиты с клеймами XV легиона. Гарнизону, численность которого, исходя из размеров цитадели (140 × 170 м), не превышала на первых порах одной когорты (600 солдат), были, как видно, приданы и баллистари — специалисты, обслуживающие камнеметные механизмы, в частности скорпионы и баллисты. На это указывает находка в пятиугольной башне № 18 в слое IV в. н. э. металлической части торсионной метательной машины типа баллисты: бронзового цилиндра — втулки с креплениями, служившего основанием для натягивания жил (рис. 6). Прямые аналогии известны из северомесопотамского города Хатры, где подобная втулка датирована первой половиной III в. н. э., и из двух крепостей дунайского лимеса позднеримской эпохи, а также из других мест¹⁶.

¹⁰ Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, с. 351.

¹¹ Моммазен Г. История Рима. V. М.—Л., 1949, с. 358; Кудрявцев О. В. Рим, Армения и Парфия во второй половине правления Нерона.— ВДИ, 1949, № 3, с. 60; Ельницкий. Ук. соч., с. 194.

¹² Меликишвили. Ук. соч., с. 351.

¹³ Церетели Г. В. Греческая надпись из Мцхета эпохи Веспасиана. Тбилиси, 1958 (на груз. яз.), с. 5—20.

¹⁴ Болтоупова А. I. Quelques notes sur l'inscription de Vespasien, trouvée à Mtskheta.— Klio, 1971, 53, p. 213—222.

¹⁵ Лордкипанидзе Г. А. Работы Пицундской экспедиции.— АО 1978 г. М., 1979, с. 500; он же. Результаты исследования XXII раскопа Пицундского городища.— ПАИ 1978 г. Тбилиси, 1981, с. 122 сл., рис. LXXI, 2.

¹⁶ Connolly P. Greece and Rome at War. L., 1981, p. 282 f.

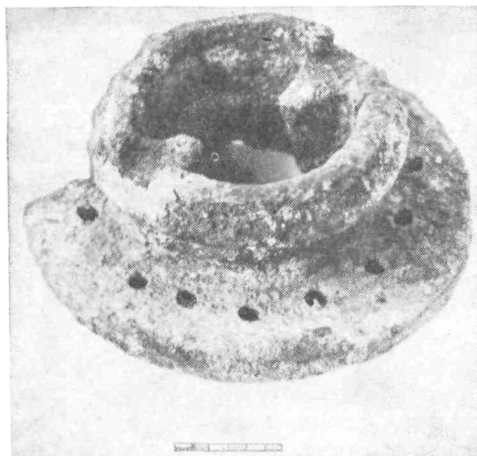

Рис. 6. Металлическая часть торсионной метательной машины («баллисты»). Пицундское городище, башня № 18

ную навигацию в Восточном Причерноморье¹⁷. Не противоречат нашему заключению и погребальные комплексы Пицундского некрополя, открытые в 1983 г. в 180 м к западу от кастелла и датированные II — VI вв. н. э.¹⁸

TIMBRES DE LA XVe LÉGION À PITYOUS

Kiguradze N. S., Lordkipanidze G. A., Todua T. T.

Pour défendre les confins de l'empire, les Romains avaient construit tout un réseau de places fortes dans les villes côtières de l'antique Colchide (Géorgie Occidentale); cf. fig. 1. Un rôle important était assigné dans le système «Pontos limes» au camp fortifié romain de Pityous, l'actuel Picunda/Bičvinta (RSSA d'Abkhazie, près de la ville de Gagry), composé d'un *castellum* et d'une *canaba* (fig. 3). Les fouilles de ces dernières années ont permis de découvrir, dans une couche de la fin du IIe et du début du IIIe ss. av. n. è. des plaques de céramique portant le timbre de la XVe légion (fig. 2, 1 à 3), dont le quartier général se trouvait en Cappadoce, à Satala. Dans la tour n° 18 des fouilles de Picunda, dans une strate du IVe s. de n. è., fut trouvée une pièce de bronze provenant d'une *ballista* (fig. 4). Sans doute, la garnison de Pityous, qui se composait d'une cohorte, avait — elle été dotée de catapultes. Les fouilles ont établi que les premières fortifications construites par les légionnaires romains dans la seconde moitié du IIe s. de n. è. étaient de bois. Auparavant, selon les données d'Arrien, légat de Cappadoce ayant effectué un voyage d'inspection de la Région pontique orientale en 147 de n. è., Pityous n'était qu'un lieu d'amarre ou d'ancrage (ἄρμος) insignifiant.

¹⁷ Спейдел М. П. Древнейший манускрипт с территории СССР. Письмо из римской крепости Аспар. — ВДИ, 1985, № 4, с. 178.

¹⁸ Кигурадзе Н. Ш., Лордкипанидзе Г. А. Исследования Пицундского городища. — АО 1983 г. М., 1984, с. 469 сл.

Таким образом, новые пицундские находки документально подтверждают участие солдат XV легиона в строительстве оборонительных сооружений Питиунта в конце II — начале III в. н. э. при Коммодe или Септимии Севере. Перемещая из Каппадокии в Колхиду, т. е. из Сатала в Питиунт, части XV легиона, римляне преследовали двоякую стратегическую и политическую цель. Во-первых, они в качестве наследников греков заявляли свои права на приморскую часть Колхиды, где в позднеантичную эпоху продолжали существовать Фасис, Диоскурия и Бичвинта-Питиунт, во-вторых, стремились обезопасить дальние подступы империи, обеспечить регулярную каботаж-

ПОЛЕМИКА ИСОКРАТА С АКАДЕМИЕЙ ПЛАТОНА

В отечественной научной литературе при широком использовании текстов Исократ в русле изучения политического красноречия до сих пор не было попыток характеристики этого автора как оригинального мыслителя с определенными философскими взглядами. Между тем, если как политический оратор Исократ играл заметную роль в государственной жизни Афин середины IV в. до н. э., то, возглавляя одну из крупнейших афинских школ¹, он в равной степени находился в центре культурного движения и борьбы мнений в такой области как *paideia*.² Участвуя в этой борьбе, Исократ, несомненно, воздействовал на современных ему мыслителей и сам испытывал влияние их взглядов. В первую очередь заслуживают исследования отношения школы Исократ с наиболее значительной школой — Академией.

Исследования текстов Исократ во второй половине XIX — начале XX в. привели ученых к опровержению античных версий взаимоотношений Исократ и Академии — свидетельств античных биографий Исократ о том, что он в молодости был учеником Сократ³, а также легенды о дружбе Исократ и Платона (восходящей к Plat., Phaedr. 279a, b⁴). Сравнительный анализ произведений двух авторов говорит скорее об упорном соперничестве и частой полемике. В течение нескольких десятилетий не остывало увлечение поиском все новых сопоставимых контекстов, происходило накопление фактов. В результате, с одной стороны, все отчетливее обрисовывалась подлинная картина отношений Платона и Исократ как отношений полемических⁵, с другой — недостаточная определенность текстуальных и исторических свидетельств привела подобные исследования к своеобразному кризису: многие контексты

¹ По терминологии самого Исократ можно было бы назвать его школу наряду со школами Евклида, Платона, Антифена и другими «философской», так как предмет своих занятий сам он именовал «философией», вкладывая в это слово примерно тот же смысл, что мы — в понятие «культура»; см. *Wersdörfer H. Die παιδεία des Isokrates im Spiegel ihrer Terminologie.* — *Klassisch-philologische Studien*, Ht 13, Lpz., 1940; *Voliotis H. The Term Philosophy in Isocrates' Works and the relevant Aspects in Plato's and Aristotle's.* — *Platon*, 1978, XXX, p. 134—138.

² Именно возникновение философских школ, по В. Йегеру, есть главный симптом бурного духовного развития Афин в ту эпоху: *Jaeger W. Paideia*. III. N. Y., 1944. Ср. *Zeller E. Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung*. II, 1^a. Lpz., 1889, S. 31—43; *Lynch J. P. Aristotle's School*. Berkeley, 1982 (pref.).

³ Эти биографии собраны в издании: *Mathieu — Brémond. Isocrate*. P., 1928—1962.

⁴ Систематически аргументация по данному вопросу изложена в диссертации: *Ries K. Isokrates und Platon im Ringen um die Philosophia*. München, 1959, S. 1—12.

⁵ Ср. например: *Dümmler F. Chronologische Beiträge zu einigen platonischen Dialogen aus den Reden des Isokrates*. Progr. zur Rektoratsfeier der Universität. Basel, 1890, S. 8, 13; *Blass F. Die attische Beredsamkeit*. II. Lpz., 1892; *Gomperz H. Isokrates und die Sokratik*. II. — *Wiener Studien*, 1906, 28; *Dümmler F. Akademika*. IV. Platon und Isokrates. Bonn, 1882.

истолковывались разными авторами противоречиво⁶, и отчетливое представление о реальном характере связей между двумя виднейшими афинскими школами так и не было создано. Для научных работ этого обширного круга вообще характерна безусловная добросовестность филологического анализа текста при известном концептуальном бессилии, что с полным основанием можно сказать и об итоговом труде данного направления — диссертации Клауса Риса, справедливо подвергнутой критике В. Буркертом⁷.

Объективная трудность, ставящая здесь исследователей в тупик, есть «неоднозначность» как общий метод сочинений Исократ, сущность которого состоит в том, что самые серьезные и глубокие мысли не высказываются открыто, о них можно узнать лишь по намекам; намеки же указывают на противников, никогда не называемых по именам⁸. Сам оратор говорит об этом в той части своей последней речи (Panathenaicus), которую можно назвать его завещанием (XII, 233—265). Исократ влагает в уста выведенному там ученику определение собственных речей как «неоднозначных» (λόγοι ἀκρίβοιοι — 240); внешний их смысл доступен всеобщему пониманию, в то время как скрытый — лишь немногим ищущим истины (240—242, 261). Поэтому понятен скептицизм тех ученых, которые вообще отрицают какую-либо возможность построить историю взаимоотношений Исократ и Платона⁹. Мы сталкиваемся с той же проблемой, что и при истолковании диалогов Платона: когда исчерпаны средства объективной интерпретации, исследователь вынужден встать на путь гипотез; при этом всегда существует вероятность ошибки, и в этой вероятности — тот риск и та ответственность, которую он обязан брать на себя¹⁰.

Выход из создавшегося затруднительного положения подсказывает гипотеза Дж. Райла¹¹, вводящая в поле зрения Аристотеля как наиболее деятельную фигуру в Академии в 50-е годы IV в. Следует сказать, что подобные предположения спорадически выдвигались и ранее, например К. Мюншером¹², для истолкования Isocr., XV, 2: «... потому что я, зная, что некоторые софисты хулят мои занятия и говорят, что я составляю судебные речи...». К. Рис считает, что здесь имеется в виду Платон¹³, для доказательства чего предлагает весьма сложное построение: Исократ в речи Adversus sophistas говорит о неких «неистово предающихся спорам» (τῶν περὶ τὰς ἐρίδας καλινδομένων — XIII, 20), намекая, судя по всему, на Платона. Платон, в свою очередь, в диалоге «Теэтет» упоминает о «смолоду вертящихся по судам и подобным заведениям» (οἱ ἐν δικαστηρίοις καὶ τοῖς τοιούτοις ἐκ νέων καλινδομένοι — Theaet. 172 c.) В речи De permutatione Исократ среди прочих обвинений в свой адрес называет следующее: он, дескать, превзошел всех «вертящихся по судам» (τῶν

⁶ Хорошим примером здесь служит работа Бенно де Хагена, отвергающая соперничество Исократ и Платона фактически на основании тех же текстуальных сопоставлений, исходя из которых оно утверждается в процитированных выше исследованиях: Hagen B. de. Num simultas intercesserit Isocrati cum Platone. Jena, 1906.

⁷ Burkert W. Rec. — In: Gnomon, 1961, 33, p. 349.

⁸ Eucken Chr. Isokrates. Seine Positionen in der Auseinandersetzung mit den zeitgenössischen Philosophen. B., N. Y., 1983, S. 3—4.

⁹ Marrou H. Histoire de l'éducation dans l'antiquité. P., 1949, p. 432.

¹⁰ Tigerstedt E. N. Interpreting Plato. Uppsala, 1977, p. 107.

¹¹ Ryle G. Dialectic in the Academy. — In: Aristotle on Dialectic. The «topics». Proceedings of the Third Symposium Aristotelicum. Oxf., 1968, p. 69—79.

¹² Münscher K. — RE, Bd XVIII, 1916, Sp. 2146 ff., s. v. Isokrates.

¹³ Ries. Op. cit., S. 132, 156.

περί τὰ δικαστήρια καλινδομένων — XV, 30). Это, по мнению К. Риса, соответствует обвинению в Isocr., XV, 2 и относится к Платону.

К. Мюншер же еще задолго до появления работы К. Риса относил рассматриваемый намек к Аристотелю, указывая на свидетельство Дионисия Галикарнасского (Isocr. 18), согласно которому Аристотель особенно смеялся над Исократом за то, что он не переносит, когда его смешивают с логографами, в то время как все книжные лавки завалены его судебными речами¹⁴. Аристотель пародировал стих из трагедии «Филоклет» (по всей видимости, принадлежавшей Еврипиду): «позор, смолчав, дать Исократу говорить». Представляется вероятным, что частично эти сообщения восходят к утерянному диалогу Аристотеля *Γρόλλος ἢ περί ῥητορικῆς*¹⁵. «Риторика» Аристотеля, в которой примеры из сочинений Исократа цитируются как образцы красноречия, по духу своему близка скорее к концепции платоновского «Федра» (строгое разграничение риторики, диалектики и этики) и глубоко чужда взглядам Исократа.

Если К. Рис сомневается в возможности установить взаимоотношения Исократа и Аристотеля, указывая на то, что текст не дает для этого достаточных оснований¹⁶, то на это можно возразить, что, во-первых, и в случае с Платоном мы имеем в распоряжении лишь намеки; во-вторых, античная традиция свидетельствует об особенно обостренных отношениях Исократа именно с Аристотелем¹⁷. Кроме того, вполне возможно, что нападки Аристотеля имели под собой определенное основание. Как показал К. Ойкен¹⁸, традиционное представление о том, что Исократ, основав в 390 г. школу и выдвинув педагогическую программу в речи *Adversus sophistas*, вслед за тем совершенно оставил занятие судебными речами¹⁹, вряд ли соответствует действительности. Во-первых, дата написания речи *Adversus sophistas* (приблизительно 390 г.) не может считаться окончательно установленной; во-вторых, Исократ не отвергает в ней судебное красноречие, а лишь включает его в более объемное определение «речи» в целом.

Однако значение гипотезы Дж. Райла в том, что он учел огромный прогресс в изучении хронологии работ Аристотеля, происшедший со времени исследований В. Йегера (1923 г.)²⁰ и отраженный в работе И. Дюринга (1966 г.)²¹. По новым представлениям, Аристотель начал читать курс риторики в Академии почти одновременно с преподаванием ранних частей «Топики», т. е. до середины 350-х годов. Основания для данного предположения, помимо частых совпадений методологических указаний Аристотеля по обоим предметам, в частности между *Top. III* и *Rhet. I*, 6—7 (так что изучение риторики как бы предполагает знание диалектики), дает и тот факт, что одновременное преподавание этих двух

¹⁴ *Münscher*. Op. cit., Sp. 2169 f.

¹⁵ *Ibid.*

¹⁶ *Ries*. Op. cit., S. 162.

¹⁷ Ср. например, *Cic.*, *Tuscul.* 1, 4, 7: *Isocratis rhetoris gloria motus est Aristoteles; De off.* 1.1.4: *horum uterque suo studio delectatus contempsit alterum; Orat.* 51, 172: *Isocrati nemo infensius aduersatus est, quam Aristoteles; cf. De or.* 3, 16, 59; *Orat.* 19, 62.

¹⁸ *Eucken*. Op. cit., S. 5—14.

¹⁹ *Jaeger*. Op. cit., p. 317; *Ries*. Op. cit., S. 25; cf. *Blass*. Op. cit., S. 17 f.; *Münscher*. Op. cit., Sp. 2169 f.

²⁰ *Jaeger W.* *Aristoteles. Grundlegung einer Geschichte seiner Entwicklung.* B², 1955.

²¹ *Düring I.* *Aristoteles. Darstellung und Interpretation seines Denkens.* Heidelberg, 1966.

дисциплин было обычным явлением²². С другой стороны, Платон вряд ли мог преподавать диалектику, по крайней мере, в означенный период (середина IV в.). Достигнув вершин сократического метода диалога в «Горгии» и 1-й книге «Государства», он в дальнейшем оставляет его, и в поздних диалогах противники Сократа уже не защищают в споре свои утверждения²³. Своеобразное отражение этого перелома находится в Resp. 537—539, где Сократ запрещает соревнование в вопросах и ответах людям в возрасте до 30 лет (ср. Xen., Mem. I, 31—38, где тот же запрет налагают тираны)²⁴. Косвенное подтверждение сказанному мы находим у Исократ: если в речи De permutatione, в пассаже, критикующем, по общему признанию²⁵, педагогическую программу Академии (XV, 258—269), говорится прежде всего о занятиях «эристическими речами», то в более раннем отрывке (XI, 15—23), где Египту приписываются отдельные моменты государственного устройства, рекомендованного Платоном в «Государстве» (в том числе и педагогическая система Академии), речь идет об астрономии, арифметике, геометрии, а об эристике (что для Исократ равнозначно диалектике) не упоминается вовсе.

Итак, главный вывод, который мы можем вынести из построения Дж. Райла, — это закономерность выдвижения Аристотеля в середине IV в. на первую роль в полемике Академии со школой Исократ, что заставляет систематически, а не от случая к случаю, исследовать возможные намеки на Аристотеля в текстах Исократ.

В связи со сказанным особое внимание привлекает именно речь De permutatione, во-первых, датой написания (353 г.) — на это время падает расцвет деятельности Аристотеля в Академии и, во-вторых, открыто апологетическим и полемическим, в отличие от прочих речей сходной тематики, характером. О последнем свидетельствует прежде всего фиктивность судебного процесса, лежащего в основе сюжета произведения. О том, что процесс придуман, говорит сам Исократ (XV, 8, 13)²⁶. К. Мюншер доказывает²⁷, что процесс с обвинителем Лисимахом представляет собой фикцию еще и потому, что в деле об обмене имуществом, в действительности проигранном Исократом (XV, 145), обвинителем выступал Мегаклид, и мы знаем, по свидетельству Дионисия Галикарнасского (Din. 13a, E), что оно имело место еще при жизни полководца Тимофея, следовательно до 356 г., и, таким образом, De permutatione — ни в коем случае не та речь, которую представитель Исократ мог произнести на суде. Сообщение же Псевдо-Плутарха (X orat. vitae, 839 c) о

²² Среди сочинений Антисфена Диоген Лаэртский (6.1) называет περί λέξεως ἢ περί χαρακτήρων («О словесном выражении, или о стилях речей») — произведение риторическое, диалектические трактаты περί τοῦ διαλέγεσθαι («О споре»), Σάθων ἢ περί τοῦ ἀντιλέγειν («Сафон, или о противоречии»), эристические трактаты περί ὀνομάτων χρήσεως («Об употреблении имен»), Δόξαι («Мнения») и пр. Ср. *Diogene Laerzio. Vite dei filosofi*, a cura di Marcello Gigante. V. I. Roma — Bari, 1983, p. 208 f.; v. 2, p. 524; ср. также *Dümmler F. Akademika. Giessen*, 1889, p. 202 (относительно характера, содержания и возможной направленности трактатов).

²³ Ср. *Ryle. Op. cit.*, p. 72.

²⁴ Возможность существования какого бы то ни было устного курса лекций Платона вообще подвергается сомнению: *Cherniss H. The Riddle of the Early Academy. Berkeley, Los Angeles, 1945*, p. 1—30.

²⁵ *Dümmler. Chronologische Beiträge...*, S. 10—13; *Blass. Op. cit.*, II, S. 39 ff.; *Ries. Op. cit.*, S. 159—161.

²⁶ «Вы читаете оправдание, написанное под видом речи о тяжбе...» (ἰνα γινώσκῃς τὴν ἀπολογίαν τὴν προσηκουμένην μὲν περί κρίσεως γεγράφθαι ... — *Isocr.*, XV, 13).

²⁷ *Münscher. Op. cit.*, Sp. 2148.

втором процессе (Лисимаха) не имеет под собой оснований, кроме слишком буквально понятой речи *De permutatione*²⁸.

Далее, среди врагов Исократ в данной речи особенно часто упоминаются «эристики» и «софисты». Под софистами Исократ понимал не представителей определенной профессии, а вообще деятелей гуманитарной сферы; и негативный оттенок это слово в его употреблении приобретает лишь в том случае, если какой-либо оратор или философ не оправдывает своего звания «мудреца»²⁹. Следовательно, софистом мог быть назван и любой представитель Академии. Более того, искать в упоминаниях софистов у Исократ намеки на Академию вполне допустимо, даже если исходить из терминологического значения слова: как показал Рэдер³⁰, сам Платон в лучшем случае отделяет себя от софистов, но не выступает против них. То, что эристиком мог быть назван Аристотель, мы попытаемся показать ниже.³¹

Таким образом, естественно предположить, что общее обострение тона по отношению к Академии, замеченное исследователями в речи *De permutatione*, сравнительно с более ранними произведениями Исократ³², вызвано появлением в Академии новой фигуры — Аристотеля, исходя из чего многие контексты требуют пересмотра и в первую очередь в речи XV, 258—269 — отрывок, полностью посвященный Академии³³.

В речи *Panathenaicus* в весьма сходном пассаже (XII, 26—29) Исократ не может намекать на Платона, говоря о современных ему учителях (речь написана в 342—341 гг.): «Дело в том, что я вижу, как некоторые из практикующих подобные занятия (подразумеваются геометрия, астрология и «так называемые эристические диалоги»³⁴ — А. Р.) столь отточили свое искусство, что и других учат», — что заставляет предположить намек на Аристотеля. В то же время допущение определенной педагогической полезности этих занятий («тем не менее принявшимися за подобные занятия я все же советую потрудиться, обратив ко всему этому ум» — XII, 27) соотносится непосредственно с XV, 261: «...потому что я полагаю, что и те, кто господствует в области эристических сочинений (*λόγοις*), и те, кто занимается астрологией, геометрией и подобными науками, не вредят, но приносят пользу ученикам». Эти отрывки еще более проясняются при сопоставлении их с письмом Исократ к Александру, в котором он, говоря о неких афинских учителях, обучающих македонского наследника философии, в том числе и эристическому ее виду (*Epist.* V, 2—3), критикует такое образование («... потому что и вредно и не пристало людям, имеющим более возвышенный, нежели у других, образ мыслей, как самим спорить (*ἐρίζειν*) с согражданами, так и другим позволять

²⁸ Ср. *Der Kleine Pauly*, II, Sp. 1467, s. v. *Isokrates*; старая точка зрения на этот вопрос, согласно которой речь написана после реального процесса, высказана в *Oxford Classical Dictionary* (Oxf.³, 1979, p. 554) и во введении к русскому переводу речи В. Д. Борухова (ВДИ, 1968, № 2, с. 229).

²⁹ *Eucken*. *Op. cit.*, S. 55.

³⁰ *Raeder H.* *Platon und die Sophisten*. Kopenhagen, 1939, *passim*.

³¹ Намеки на представителей остальных философских школ в произведениях Исократ различимы сравнительно редко. Один из немногих примеров связан с первым употреблением у Исократ термина «эристики» (X, 1—5); в этом случае речь идет о человеке, который может доказывать противоположное об одной и той же вещи, и подразумевается, по всей видимости, Антисфен. Ср. *Diog. Laert.*, 6.2; *Arist.*, *Metaph.* Δ 29, 1024 b 32; *Raeder H.* *Platon und die Rhetoren*. Kopenhagen, 1956, S. 8.

³² *Gomperz*. *Op. cit.*, II, S. 14 f., 40; *Ries*. *Op. cit.*, S. 162.

³³ Ср. прим. 25.

³⁴ Имеются в виду, скорее всего, диалоги как жанр, а не просто диспуты, в пользу чего говорит уточнение «так называемые»: *τοὺς διαλόγους τοὺς ἐριστικούς καλοῦμένους*.

противоречить (*ἀντιλέγειν*) себе) — и противопоставляет ему свою систему. Подразумевается, несомненно, Аристотель.

Основной аргумент тех, кто усматривает в *Isocr.*, XV, 258—269 указание на Платона, состоит в том, что в XV, 260 (такие ораторы, как Исократ, гораздо более кротки, чем эристики, называющие их *φιλαπεχθήμονες*), они видят скрытую цитату из Платона: *φιλαπεχθημόνως ἔχοντας* (*Resp.* 500 b)³⁵. Даже если их точка зрения справедлива (хотя контекст явно недостаточен для столь категорических утверждений)³⁶, намек на Аристотеля вовсе не исключается: в конце концов, Платон и Аристотель для Исократа — представители одного враждебного лагеря.

На Аристотеля, возможно, указывает и пассаж XV, 84—85, относимый многими исследователями опять-таки к Платону³⁷. Здесь говорится об учителях здравого смысла и справедливости, которые призывают к «таким добродетели и разумению, которые прочим неведомы и о которых сами они спорят» (*ἐπὶ τὴν ἀρετὴν καὶ τὴν φρόνησιν ὑπὸ τῶν ἄλλων μὲν ἀγνοουμένην, ὑπ' αὐτῶν δὲ τούτων ἀντιλεγόμενην*).

Далее, с этим отрывком сопоставимо определение эристика (XV, 45): «есть и другие люди, упражняющиеся в вопросах и ответах; их именуют «спорщиками» (*ἄλλοι δὲ τινες περὶ τὰς ἐρωτήσεις καὶ τὰς ἀποκρίσεις, γεγύνασιν, οὗς ἀντιλογικὸς καλοῦσιν*). Весьма вероятно, что здесь имеется в виду практика эристических диспутов, описанная Аристотелем (*Top.* 163 a — b)³⁸: для каждого тезиса необходимо рассмотреть доводы за и против, это дает возможность приобрести навык задавать вопросы и отвечать (*πρὸς τε τὸ ἐρωτᾶν καὶ πρὸς τὸ ἀποκρίνεσθαι γεγυμνάσθαι*)³⁹; причем для тренировки важна не столько истина сама по себе, сколько способность защищать и положительное, и отрицательное суждение в каждом случае (*τὰ ἀφέκατέρας συμβαίοντα τῆς ὑποθέσεως* (sc. *ὅτι οὕτως καὶ ὅτι οὐχ οὕτως*). Понятно, почему Исократ подобные занятия обозначал глаголом *ἀντιλέγειν*.

Говоря о людях, которые, «не заботясь о важнейшем, приходят в восторг от сказок старых мудрецов» (XV, 285), Исократ предостерегает юношей, вставших на путь эристического образования, как бы они не сбились на эти сказки, и называет среди авторов последних Эмпедокла, Иона, Алкмеона, Парменида, Мелисса и Горгия (XV, 268). Возможно, он имеет в виду то же, что и Аристотель в *Soph. El.* 182 b, где проводится рассуждение о возможности решения апорий Зенона и Парменида посредством установления многозначности понятий⁴⁰.

Предположительно определив, таким образом, место, относящееся к Аристотелю, в речи Исократа *De permutatione*, мы получаем возможность

³⁵ *Dümmler F. Akademika.* IV. Bonn, 1882, S. 55. f.; *Ries. Op. cit.*, S. 160.

³⁶ *Ries. loc. cit.*: Dass Isokrates hier Platon aufs Kern nimmt, steht ausser Zweifel. В этом произведении Исократ употребляет еще раз слово *φιλαπεχθήμων*, причем как характеристику речи. Защищая Тимофея и рассуждая о причинах его военных и политических успехов, он говорит, что речь об этом *φιλαπεχθήμων μὲν ρήθηναί δ' οὐκ ἀσύμφορος*. Данное место вряд ли соотносимо с Платоном.

³⁷ См., например, *Ries. Op. cit.*, S. 158.

³⁸ *Ryle. Op. cit.*, p. 74 f.

³⁹ Изд. W. D. Ross. *Oxf.*, 1979.

⁴⁰ На этот способ, вероятно, намекает Исократ: «...если они смогут завлечь кого-нибудь к себе в ученики истолкованием понятий» (*τῆ δόξῃ τῆ τῶν ἰνομάτων — Isocr.*, XV, 85), Для того чтобы в этих словах увидеть указание на Платона, требуются достаточно искусственные построения (см. *Ries. loc. cit.*). Впрочем, сходный отрывок имеется и в более ранней «Елене», где намек на Аристотеля сомнителен: «Может ли кто превзойти Горгия, дерзнувшего утверждать, что ничего не существует, или Зенона, пытавшегося доказать, что одно и то же и возможно и невозможно, и т. п.» (*Isocr.*, X. 3).

с новой точки зрения определить контексты, касающиеся Платона. В XV, 15 среди выдвинутых ему обвинений Исократ называет следующее: *vñ ðà λέγει μὲν ὡς ἐγὼ τοὺς ἤττους λόγους κρείττους δύναιται ποιεῖν*. Давно замечена здесь параллель с «Апологией» Платона, где приводится аналогичное обвинение в адрес Сократа (Apol. 19 b). О том же говорит Диоген Лаэртский (2,20), вспоминая и источник обвинения — комедию Аристофана «Облака»: *καὶ Ἀριστοφάνης αὐτὸν κωμῶδες τῶς τὸν ἤττω λόγον κρείττω ποιοῦντα* (Aristoph., Nubes, 112 sq.).

Однако у Исократа это место представляет собой не просто реминисценцию, а отзвук полемики по важнейшему гносеологическому вопросу. Федр в одноименном диалоге Платона, высказывая мнение ораторов, говорит, что намеревающемуся стать оратором нет нужды знать подлинно справедливое, достаточно того, что кажется справедливым большинству; то же касается прекрасного и блага (Plat., Phaedr. 260 a). Сократ полемизирует с этим положением и конкретизирует его, говоря о Тисси и Горгии, которым казалось, «будто вместо истины надо больше почитать правдоподобие; силою своего слова они заставляют малое казаться большим, а большое — малым, новое представляют древним, а древнее — новым...» (пер. А. Н. Егунова) — *πρὸ τῶν ἀληπῶν τὰ εἰκότα εἶδον ὡς τιμητέα μᾶλλον, τὰ τε αὖ μικρὰ μεγάλα καὶ τὰ μεγάλα μικρὰ φαίνεσθαι ποιοῦσιν διὰ ῥώμην λόγου, καινὰ τε ἀρχαίως καὶ τὰ ἐναντία καινῶς...* (Phaedr. 267 a—b)⁴¹. Мысль эта далее развивается Сократом на метафорических примерах из медицины и драматического искусства: человек, умеющий так воздействовать на тело, чтобы оно стало горячим или холодным, не есть еще врач; так же и тот, кто умеет о ничтожном сочинять длиннейшие речи, а о великом — короткие, то жалобные, то грозные, — не есть еще драматург.

Рассматривая данные контексты, Рэдер выдвинул гипотезу, согласно которой за фигурами Горгия и Тиссия здесь скрывается Исократ⁴²: Сократ не может критиковать суждения самого Исократ, первые произведения которого появились уже после его смерти, и потому опровергает его учителей. Именно Тиссия и Горгия античные биографии называют в первую очередь среди учителей Исократ.⁴³ Платон и сам дает читателю понять, что в имени Тиссия скрыт какой-то намек (273 c): «Ох, и ловко же прикрытое искусство изобрел Тиссий или кто бы там ни был другой и как бы он ни назывался». Если же Платон обвиняет Исократ в том, что он без внимания к истине заботится лишь о внешней убедительности, достигая ее путем применения изощренных технических приемов, то легко предположить, что упомянутое суждение Сократа о Тиссии и Горгии есть непосредственный отклик на заявление Исократ во вступлении к «Панегирику» (IV, 8), где Исократ ставит себе в заслугу умение лучше других пользоваться особыми свойствами речи, позволяющими «об одном и том же рассказать многими способами: представить великое убогим, а ничтожному придать величие; древнее изложить по-новому, а о недавно происшедшем сказать по-старому. . .» (*περὶ τῶν αὐτῶν πολλὰ ῥῶς ἐξηγήσασθαι καὶ τὰ τε μεγάλα ταπεινὰ ποιῆσαι καὶ τοῖς μικροῖς μέγεθος περιθεῖναι, καὶ τὰ τε παλαιὰ καινῶς διελθεῖν καὶ περὶ τῶν νεωστὶ γεγενημένων ἀρχαίως εἰπεῖν...*). Очевидно и лексическое сходство между этими отрывками.

⁴¹ Ср. Phaedr. 272e: «В судах решительно никому нет никакого дела до истины, важна только убедительность».

⁴² Raeder. Platon und die Rhetoren, S. 11—13.

⁴³ Dion. Halic., De veter. orat., Isocr. Athen., 1; «слушал он кносца Продика, леонтина Горгия и сиракузца Тиспия»; ср. Ps.-Plut., X orat., vitae, 836 sq.

Платона, полагавшего, что к истине ведет знание (ἐπιστήμη), а мнению (δόξα) ⁴⁴ отводившего второстепенное место, не устраивало именно сознательное отрицание возможности организовать процесс познания вокруг поисков истины, а также возвеличение значения правдоподобных мнений — что мы как раз находим у Исократ: «Знанием нельзя постичь ее (надлежащую меру — καιρός — А. Р.), так как она в каждом случае от знания ускользает» (XV, 184); «поскольку человек неспособен иметь знание, с помощью которого он бы решал, что следует делать и говорить, то мудры из всех прочих те, кто может мнением (ταῖς δόξαις) вообще приблизиться к наилучшему (подразумевается — пониманию или решению — А. Р.)» (XV, 271). В последнем случае явный выпад против утверждающих иное: «то, что кое-кто именует философией, я отрицаю» (XV, 270). С приведенными местами сравнимы следующие: «гораздо лучше о полезных вещах правдоподобно строить предположения (ἐπιτεκῶς δοξάζειν), чем о бесполезных иметь точное знание (ἀκριβῶς ἐπιστάσθαι)» (X, 5); «более согласны между собой и чаще оказываются правы те, кто пользуется мнениями (ταῖς δόξαις), чем те, кто заявляет о себе, что располагает знанием (ἐπιστήμην)» (XIII, 8); ср. XII, 30. То, что Исократ имеет в виду Платона, вызывает мало сомнений; то, что в указанных местах и Платон намекает на Исократ, подтверждается следующими соображениями. В уже упомянутом отрывке (см. прим. 44) Платон далее говорит о почитателях мнения в противовес знанию, что они достойны скорее называться «любителями мнения» (φιλόδοξοι), чем «любителями мудрости» (φιλόσοφοι) (Resp. 480 a), причем, по остроумному предположению Рэдера ⁴⁵, в обыгрывании значения φιλόδοξος содержится намек и на тщеславие Исократ.

В речи De permutatione (79—83) Исократ сравнивает деятельность оратора и законодателя, отдавая первой предпочтение: законы полезны только для отдельного государства или для частных лиц, а речи — для всей Эллады; законы способны устанавливать и многие прочие эллины и даже варвары, а произносить полезные и достойные государства речи — лишь очень немногие; законы ценятся самые старые, масса их всегда под рукой у законодателя, и ему следует лишь правильно выбрать необходимое из их числа, а речи всегда нужны новые и превосходящие созданные ранее. Гомперц справедливо замечает ⁴⁶, что Исократ вряд ли серьезно мог ценить себя выше великих законодателей прошлого — Солона и Клисфена. В таком случае весьма вероятно, что он имеет в виду современную ему законодательную деятельность Платона и его учеников. Члены Академии со времен сицилийских путешествий Платона превратились в политических экспертов; по свидетельству античных авторов, Платон сам неоднократно давал консультации по конституционным вопросам, хотя и отказался от намерения дать законы аркадянам, фиванцам и киренцам. А его ученики действительно были законодателями: Аристоним — в Аркадии, Формион — в Элиде, Менедем — в Пирре ⁴⁷. Если в De perm. 78—83 подразумевается Платон, то маловероятно, чтобы в следующем параграфе (XV, 84), который вводится через резкое противопоставление: ἀλλὰ μὴν καὶ τῶν... (XV, 84) речь шла о нем же; таким образом, мы располагаем дополнительным аргументом в пользу сделанного выше предположения.

⁴⁴ Plat., Resp. 477 e: «Как можно, будучи в здравом уме, считать одним и тем же то, что безошибочно (подразумевается знание ἐπιστήμη—А. Р.), и то, что исполнено ошибкой (подразумевается мнение — δόξα—А. Р.)!». (пер. А. Н. Егунова).

⁴⁵ Raeder. Platon und die Rhetoren, S. 9.

⁴⁶ Gomperz. Op. cit., II, S. 8.

⁴⁷ Ael., Var. hist. II, 42; Diog. Laert., 3, 23; ср. Plut., Adv. Col. 32 (1126 c, qq.); Münscher. Op. cit., Sp. 2170.

Сюда же следует отнести еще несколько свидетельств, редко вводимых в поле зрения исследователей. Первое из этих свидетельств — письмо Спевсиппа к Филиппу Македонскому: «даже Платона в речах, тебе посланных, он [Исократ] не оставляет в покое» (οὐτε Πλάτωνος ἐν τοῖς πρὸς σὲ πεμφθεῖσι λόγοις ἀπέσχηται)⁴⁸. Возможно, в виду имеется Isocr., V, 12 (Philippus): «такие речи недействительны подобно «законам» и «государствам», написанным софистами» (ὁμοίως οἱ τοιοῦτοι τῶν λόγων ἄκροισι τυγχάνουσιν ὅτις τοῖς νόμοις καὶ ταῖς πολιτείαις ταῖς ὑπὸ τῶν σοφιστῶν γεγραμμέναις). Здесь весьма вероятно намек на «Государство» и «Законы» Платона, хотя уже в XI, 17, 20 Исократ употребляет те же слова (Бузирис — творец превосходных νόμων καὶ πολιτείαις), где упоминание по крайней мере «Законов» невозможно по хронологическим соображениям⁴⁹. Однако здесь речь идет о государственных установлениях, а в процитированном отрывке именно о сочинениях⁵⁰; притом выпад в V. 12 направлен как раз против тех, кто критикует сочинения самого Исократа, в частности «Панегирик» (V, 10, 11) — ср. выше). Излишне теоретизированный и к тому же совершенно нереальный проект, предложенный в «Государстве» Платона, практическому мышлению Исократа мог представляться только бессмыслицей; реакция его поэтому не вызывает удивления.

К этому же или еще к одному письму Спевсиппа относится другое сообщение: «Спевсипп, узнав, что Филипп поносит Платона, отправил ему письмо в таком духе: как будто не знают люди, что и царскую власть Филипп получил благодаря Платону. . .»⁵¹. Трудно сказать, что может означать выражение «царскую власть Филипп получил благодаря Платону», но сам факт отрицательного отношения македонского царя к Платону дает возможность предположить влияние Исократа (особенно если учесть письма и речи последнего, адресованные Филиппу), хотя, разумеется, не исключено и воздействие Аристотеля через наследника. Перед нами встает интереснейшая проблема: почему в отношении одного иноземного монарха столкнулись интересы Аристотеля, Академии уже после смерти Платона (а может быть, в какой-то момент еще при его жизни) и Исократа, который также и считал и называл себя философом? Притом каждый из них стремился повлиять на македонского владыку в области теорий наилучшей системы воспитания и, судя по всему, управления. Здесь мысль Э. Шамбри о том, что в основе всей философской деятельности Платона, включая наиболее отвлеченную метафизику, лежит идея справедливого устройства государства⁵², оказывается верной и для других греческих мыслителей. При этом не прекращалась борьба между философскими школами и по внутренним, техническим вопросам; ср. Diog. Laert., 4,1: «И он первый [Спевсипп] обнаружил то, что у Исократа считалось его тайнами (так говорит Кеней)» (пер. М. Л. Гаспарова). Ф. Лео предположил, что причиной разглашения была враждебность по отношению к школе Исократа⁵³.

⁴⁸ Epist. socr. XXX, 2.— In: Speusippus Brief an König Philipp. Ed. L. E. Bickermann, J. Sikutris. Berichte Sächs. Akad. d. Wiss. Phil.-hist. Kl. 1928, 80.

⁴⁹ Tabula chronologica.— In: Thesleff H. Studies in Platonic Chronology. Helsinki, 1982, p. 236f.

⁵⁰ Возможно, что и в V, 12 как о сочинении говорится лишь о πολιτεία, поскольку νόμοις присоединено зевгматически и может подразумевать «установленные», «данные» софистами законы; это более правдоподобно, если принять во внимание, что «Законы» Платона скорее всего были опубликованы лишь через несколько лет после его смерти.

⁵¹ Carystius Pergamensis in Commentariis historicis apud Athenaeum lib. XI, p. 506 E.— In: Isacaci Casauboni notae atque Aegidii Menagii observationes et emendationes in Diogenem Laertium. Ed. Carolus Jacobitz. V. II. Lipsiae, 1833, p. 533.

⁵² Platon. Oeuvres complètes. T. VI. P., 1932, Introduction.

⁵³ Leo F. Die griechisch-römische Biographie. Lpz, 1901, S. 56 f.

В соответствии с этим М. Джиганте предлагает следующую конъектуру: соглашаясь с Якоби (FGH, 338 F 18) в том, что имя Καίκεος представляется собой порчу текста, он отвергает его чтение Ἰδομένεος (эпикурец, автор сочинения «О сократиках», цитируемого Diog. Laert., 2, 20) и предлагает вариант Ἀφρεός — приемный сын Исократы⁵⁴. В таком случае перед нами свидетельство о продолжении борьбы уже после смерти ее начинателей.

Итак, исследование текстов Исократы с использованием новой аристотелевской хронологии открывает новые пути изучения всего корпуса в целом и в особенности речи De permutatione. В связи с предполагаемым разделением функций в Академии между Платоном и Аристотелем начинает обрисовываться и новая картина полемики Исократы с двумя философами: борьба с Аристотелем по вопросам риторики и нападки на диалектические занятия последнего, борьба с Платоном по вопросам гносеологии и вокруг проблем законодательства и разумного государственного устройства.

А. А. Россиус

⁵⁴ Diogene Laerzio. V. II, p. 499.

LA POLEMIQUE D'ISOCRATE CONTRE L'ACADEMIE

A. A. Rossius

L'analysis des rapports entre l'école d'Isocrate et l'Académie effectuée par les savants du XIXe et de la première moitié du XXe s. est incontestablement unilatérale: la plupart des attaques polémiques d'Isocrate seraient dirigées exclusivement contre Platon. Compte tenu des nouvelles acquisitions de la chronologie aristotélicienne et des hypothèses émises sur la position d'Aristote dans l'Académie au milieu du IVe s., il est possible de dégager dans les oeuvres d'Isocrate une strate considérable de polémique contre Aristote. La confrontation des oeuvres d'Isocrate et d'Aristote (la pratique des débats éristiques, le rapport entre la dialectique et la rhétorique) témoigne que les coïncidences verbales ne sont pas fortuites. La détermination de la place d'Aristote dans les discours d'Isocrate révèle des aspects nouveaux de la polémique sur la science exacte. Le matériel étudié suggère le schéma suivant des rapports entre l'école d'Isocrate et l'Académie: lutte contre Aristote dans le domaine de la dialectique et de la rhétorique; lutte contre Platon et ses adeptes dans les domaines de la gnoséologie et de la législation.

СОЮЗЫ ТЕХНИТОВ ДИОНИСА В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ ПОЛИСАХ

Среди многочисленных сообществ эллинистического времени особое место занимают союзы технитов Диониса — своеобразные объединения музыкантов, артистов, поэтов. Своим патроном они объявили Диониса и назывались σύνδοξ, или κοινὸν τῶν περὶ τὸν Διόνυσον τεχνιτῶν.

Основным источником по истории этих союзов служат эпиграфические памятники, найденные в различных областях Греции и Малой Азии.

Античные писатели говорят о технитах чрезвычайно редко¹, а одних надписей, несмотря на все достоинства эпиграфических источников, недостаточно, чтобы восстановить связную историю этих союзов. Надписи содержат лишь отдельные факты, часто вырванные из контекста. Содержание многих из них ограничивается только упоминанием союзов или перечислением участников праздничных состязаний. Кроме того, хотя в совокупности источники дают возможность проследить существование этих союзов на протяжении почти шестисот лет — от начала III в. до н. э. до конца III в. н. э., для отдельных периодов их истории почти не сохранилось данных. Эпиграфические памятники только обозначают контуры истории дионисийских союзов, дающие, однако, основания предположить, что союзы технитов Диониса играли значительную роль в общественной жизни эллинистических государств.

Литературы, специально посвященной исследованию этих союзов, не так много. В основном это работы конца XIX — первой половины XX в.² В дальнейшем, насколько нам известно, специальных исследований не появлялось, однако поскольку деятельность дионисийских союзов была связана с различными сторонами жизни эллинистических государств, вопросы, имеющие отношение к ним, освещались как исследователями истории религии и театра, так и политической истории отдельных государств, городов и святыщ³. Однако авторов интересовали прежде всего вопросы религиозного и культурного характера, деятельность технитов во время празднеств. Союзам как специфическому явлению эллинистического периода, отражающему глубокие изменения во внутренней жизни греческих полисов и в международных отношениях, должного внимания не уделено.

Одной из интересных проблем, связанных с технитами Диониса, является вопрос об отношениях этих союзов с городами, на территории которых находились их центры. Эта проблема представляет интерес по многим причинам, так как связана с определением общественно-политического статуса союзов, а их взаимоотношения с соответствующими полисами позволяют проследить некоторые черты внутренней жизни самих городов в эллинистический период. Характер и формы этих отношений дают представление и о международных связях этого периода.

Отношения дионисийских союзов и городов-резиденций рассматриваются в данной статье на примере трех наиболее значительных союзов, действовавших в период эллинизма на Балканском полуострове и в Малой Азии: союза технитов Диониса в Афинах, союза технитов Ионии и Гел-

¹ Первые упоминания о технитах встречаются еще у Аристотеля, но он говорит об отдельных исполнителях, а не о союзах (*Arist.*, *Probl.* XX, 10; *Rhet.* III, 2, p. 1405a23). Наиболее интересные свидетельства об этих союзах есть у Страбона (XIV, 1,29) и Плиниона в передаче Афиней (V, 212). Упоминаются техниты у Плутарха и других авторов.

² *Foucart P.* De collegiis scaenicorum artificum apud Graecos. P., 1873; *Luders O.* Die dionysischen Künstler. B., 1873; *Poland F.* Geschichte des griechischen Vereinswesens. Lpz., 1908; *idem.* Technitai. — RE, 1934, V, Sp. 2473—2558; *Ziebarth E.* Das griechische Vereinswesen. Lpz., 1896; *Варнеке Б. В.* Актеры древней Греции. Одесса, 1919; *он же.* Римское государство и актеры. — Филологическое обозрение, 1901, XX, кн. 2, с. 95—134; *Эмизен Г.* Греческий и римский театр. Пер. Семенова И. И. М., 1894.

³ *Pickard-Cambridge A.* The Dramatic Festivals of Athens. Oxf., 1969; *Sifakis G. M.* Studies in the History of the Hellenistic Drama. L., 1967; *Ghiron-Bistagne P.* Les acteurs dans la Grèce antique. Lille, 1974; *Ferguson W. S.* Hellenistic Athens. L., 1911; *Daux G.* Delphes au II-em et I-er siècle. P., 1936; *Hansen E.* The Attalids of Pergamon. N. Y., 1946; *Глушкина Л. М.* Асплия эллинистических полисов и Дельфы. — ВДИ, 1977, № 1, с. 82—94.

леспонта и союза Истма и Немеи⁴. Но прежде чем приступить непосредственно к рассмотрению данного вопроса, необходимо сказать, хотя бы кратко, о положении в греческом мире музыкантов, актеров и поэтов, связанных с театром, а также о характере деятельности дионисийских союзов, который накладывал отпечаток на отношения союзов с городами.

Связь греческого театра с религиозными обрядами общеизвестна⁵. Музыканты и актеры, выступая в музыкальных и сценических агонах, которые были только частью общего торжества в честь того или иного бога, рассматривались как служители этого бога; их искусство, сама личность были священны. Всякое преступление, совершенное по отношению к ним, считалось тем более тяжелым, что затрагивались интересы бога, которому посвящен праздник⁶. В отличие от положения актеров в Риме в Греции не существовало никакой сословной грани между артистами и остальным населением города. Профессия не влияла на их положение и не закрывала доступа к занятию должностей и к почестям⁷. Это с удивлением отмечали римские авторы. Так, Тит Ливий, характеризуя трагического актера Аристора, говорит, что он «по роду и по богатству был достойным уважения человеком, и даже искусство не бесчестило его, ибо ведь ничто такого рода у греков не является постыдным»⁸.

Неприкосновенность артистов способствовала тому, что их могли использовать для дипломатических поручений. В IV в. до н. э. такие знаменитые артисты, как Аристомед и Нептолем, были доверенными посланцами в Афин, и Филиппа⁹. Есть свидетельство и для более позднего времени; правда, в данном случае речь идет не об актере, а о поэте. Это надпись из Афин, датируемая 284 г. до н. э., в честь поэта Филиппида, посланного к царю Лисимаху, от которого он привез «народу в дар десять тысяч медимнов пшеницы» (Michel, 126. 10—11).

Появившиеся в эллинистический период союзы технитов Диониса, объединявшие музыкантов, актеров, поэтов, режиссеров, сохранили эту тесную связь с культом. В их деятельности всегда подчеркивалась в первую очередь обрядовая сторона. Так, в декрете Дельфийской амфикионии о привилегиях афинским технитам дарование асилии и асфалии обосновывается тем, «чтобы в назначенное время богам воздавались почести и совершались жертвоприношения, для чего и предназначены техниты»¹⁰. Как уже отмечалось в литературе, техниты Диониса — это не актеры в узком смысле слова, а исполнители праздничных обрядов, включавших музыкальные и сценические номера¹¹, при этом последние — не всегда. Глав-

⁴ В статье не рассматриваются большие союзы технитов Диониса в Египте и на Кипре, а также некоторые другие более мелкие союзы. Египетский и кипрский союзы были тесно связаны с домом Птолемеев и имели свою специфику.

⁵ Habert O. La religion de la Grèce antique. P., 1910; Thompson G. Aeschylus und Athen. В., 1957; Эммен. Ук. соч., с. 6; Истерия древнего мира. Расцвет древних обществ. Кн. 2. М., 1982, с. 296.

⁶ Варнеке. Римское государство..., с. 132; Thompson. Op. cit., S. 404.

⁷ Эти различия в отношении к артистам греков и римлян следует учитывать при анализе источников, особенно римского происхождения. В частности, существующее в научной литературе мнение о дурной репутации актеров у греков (см., например, Sifakis. Op. cit., p. 99) возникло под влиянием римских источников, проивкнувших презрением к ним.

⁸ Liv., XXIV, 24c, 2, 3: ...nec ars, quia nihil tale apud Graecos pudori est, ea deformabat.

⁹ Dem., V, 6; XVIII, 21; XIX, 12, 94, 246, 315; ср. Pickard-Cambridge. Op. cit., p. 279.

¹⁰ Syll. 3, 399.13—15: ὅπως τοῖς θεοῖς αἱ τιμαὶ καὶ αἱ θυσίαι ἐῖς ἕξ εἰσι τεταγμένοι οἱ τεχνῖται συντελέωνται...

¹¹ Poland. Technitai, Sp. 2484; Глускина. Ук. соч., с. 87.

ным в деятельности дионисийских союзов были выступления на религиозных праздниках. Они участвовали в проведении праздников не только в своем городе-резиденции и не были связаны с культом лишь одного бога — Диониса. Техниты выступали на праздниках Аполлона, Муз, Геракла, Артемиды. Особым вниманием союзов пользовались праздники общегреческого значения: Пифии и Сотерии в Дельфах (Syll. ³, 424, 690), праздники Делоса ¹². Они принимали активное участие в реорганизации праздника Муз в Феспиях (Syll. ³, 457), Артемиды Левкофриены в Магнезиина-Меандре ¹³, объявленных панэллинскими по образцу четырех великих игр Греции: Олимпийских, Истмийских, Немейских и Пифийских. Примечательно, что теоры городов просили технитов, так же как эллинистических правителей и города, признать праздник, если он был нововведением и претендовал на панэллинский характер. Например, в декрете об учреждении праздника Муз в Феспиях говорится, что техниты «первые признают агон Муз $\sigma\tau\epsilon\varphi\alpha\nu\acute{\iota}\tau\eta\varsigma$ » (Syll. ³, 457. 60).

Связь с общеэллинскими праздниками, которым придавалось большое значение в дипломатии эллинистического периода ¹⁴, способствовала особому положению союзов технитов Диониса в системе эллинистических государств. Неприкосновенность, которой служители дионисийского культа обладали прежде «по обычаю», теперь была закреплена официально. Сохранились декреты Дельфийской амфиктионии и Этолийского союза, в которых технитам гарантируется неприкосновенность (асилия) и даруются различные привилегии. Первым таким известным документом является декрет Дельфийской амфиктионии 278/7 г. до н. э. о привилегиях Афинскому союзу технитов Диониса. Техниты получают асилию, асфалию, освобождаются от налогов, от военной службы (Syll. ³, 399). Амфиктионы указывают на всеобщий характер привилегий союза: ему утверждается «ателия и асфалия, данные им на все время с согласия всех эллинов» ¹⁵. В 130 г. до н. э. союз вновь попросил у Амфиктионии подтверждения его старинных привилегий (Syll. ³, 692). В эти же годы афинские техниты в постановлении в честь каппадокийского царя Ариарата V ссылаются на обладание асилией, данной им $\epsilon\grave{\iota}\xi\ \acute{\alpha}\rho\chi\eta\varsigma$ Амфиктионией, царями, династами и всеми другими эллинами (Р.-С., № 7). Вероятно, их неприкосновенность гарантировалась многими государствами эллинистического мира, а не только Дельфами и Этолийским союзом. Однако прямых свидетельств этому не сохранилось.

О том, что асилию имели и два других союза, свидетельствует этолийский декрет 227 г. до н. э., которым этоляне даровали асилию Ионийскому союзу со ссылкой на аналогичную привилегию союза Истма и Немей (Syll. ³, 507). Из декрета Суллы жителям Коса видно, что Ионийский союз обладал и другими привилегиями, которые Сулла вновь подтверждает: «... чтобы они были, как и прежде, свободны от литургий, эйсфоры и воин-

¹² Syll. ³, 389; *Sifakis*. Op. cit., p. 21.

¹³ *Voesch P.* Θεωρός. Untersuchung zur Epangelie griechischer Feste. В., 1908, S. 90.

¹⁴ Большое значение для городов имела асилия, обеспечивавшая им фактически нейтралитет. Она обычно давалась при признании праздника общеэллинским (см. *Глускина*. Ук. соч.). Учреждая такие праздники, города и правители стремились также утвердить свой авторитет в греческом мире. Общенациональное празднество привлекало зрителей и участников со всех концов и способствовало распространению славы и влияния учредителей. Например, этоляне, стремясь утвердить свое положение в Дельфах, учредили Сотерии. Атталиды, претендуя на роль лидера, объявили праздник Афины-Никефории в Пергаме равным Олимпийскому и Пифийскому.

¹⁵ Syll. ³, 399.10: ...ἀτέλεια καὶ ἀσφάλεια εἰς πάντα χρό[ν]ον ἢ συνεχωρημένην δὲ ὑπὸ πάντων τῶν Ἑλλάνων βεβαία.

ских повинностей» (Р.-С., № 13). Ионийские техниты также подчеркивали всеобщее признание их привилегий: «... и боги, и цари, и все эллины почитают, дав нам асилию и асфалию во время войны и мира в соответствии с оракулом Аполлона» (Michel, 1015. 20).

Такое исключительное положение дионисийских союзов, международный характер их деятельности, признаваемые повсеместно привилегии не могли не влиять на их отношения с городами, на территории которых они располагались. Для союзов характерно стремление к некоторой независимости от города-резиденции, но степень этой независимости была различна и отношения с полисами у разных союзов складывались по-разному.

Наиболее ярко обособленность союза от города-резиденции выступает в отношениях Ионийско-Геллеспонтского союза и Теоса. По общему мнению исследователей, союз объединял выходцев из разных городов¹⁶. Действительно, хотя сохранилось мало сведений об артистах с указанием их родины, которых твердо можно было бы считать членами этого союза, немногие известные имена показывают, что среди его членов были выходцы из Халкедона (Michel, 1015), Самоса (Michel, 1014), Пергама (RC, 53, 111C). Привлекает внимание и тот факт, что декреты о привилегиях союза найдены не только в Теосе, но и в других местах. Первое упоминание о союзе встречается в приведенном выше декрете этолян 227 г. до н. э., адресованном жителям Хиоса. Это постановление этолян об асилии ионийским технитам включено в текст декрета Дельфийской амфиктионии о почестях гномемону Тимократу с Хиоса (Syll. ³, 506—508). Можно согласиться с предположением некоторых исследователей, что Тимократ сам был членом союза и хлопотал в Дельфах, чтобы амфиктионы и этоляне дали асилию технитам¹⁷. Тимократ, несомненно, жил на Хиосе. Выше упоминалось о распоряжении Суллы о сохранении привилегий ионийских артистов, адресованное жителям Коса (Р.-С., № 13). Разумеется, такие документы могли распространяться и в тех городах, куда артисты приезжали для выступлений. Однако в декрете Суллы говорится об освобождении их от налогов и военной службы. В последнем, вероятно, не было бы необходимости, если бы некоторые техниты там не жили. Трудно сказать, были ли у союза филиалы в других городах Ионии или его члены вообще жили в разных городах, а в Теос съезжались только для участия в праздниках и решения общих дел. Нам представляется вероятным, что члены этого союза, проживая формально в других центрах, в основном проводили время в Теосе. При этом им было важно иметь привилегии и в своем родном городе. Так или иначе приведенные данные говорят о том, что союз не имел глубоких корней в Теосе, включал в свой состав выходцев из других городов, сохранявших там, вероятно, свои владения, связи и, возможно, гражданские права.

К концу III в. до н. э. союз уже приобрел большой международный авторитет. При учреждении в это время повсеместно праздников общегреческого значения поддержка союза рассматривалась как существенная. Магнезия-на-Меандре в 206 г. до н. э., рассылая повсюду теоров с приглашением на праздник Артемиды Левкофриены, наряду с двумя послами к Теосу отправила трех послов к находившемуся в этом городе союзу технитов Диониса. Посольство к Теосу объезжало весь регион, а послы

¹⁶ Foucart. Op. cit., p. 12; Ghiron-Bistagne. Op. cit., p. 192—195.

¹⁷ Никитский А. В. Еще об амфиктионовых надписях этолийского времени. — ЖМНП, 1912, марг. с. 115.

к союзу сразу вернулись домой¹⁸. Такое поспешное возвращение, возможно, связано с тем, что городу нужно было знать, согласен ли союз организовать выступления на празднике. В любом случае специальное посольство магнетян к союзу говорит об особом внимании к нему. За содействие теорам магнетян союз был удостоен особых почестей. Магнетяне дали технитам право проэдрии и золотой венок. С этим постановлением снова был отправлен посол к союзу¹⁹. Все это — свидетельства особой заинтересованности в благосклонности союза.

О связях Ионийского союза с Дельфами свидетельствуют и упоминавшийся уже дельфийский декрет в честь Тимократа с Хиоса (Syll. ³, 507), и постановление самих технитов середины II в. до н. э. В нем среди праздников, на которых выступали ионийские техниты, названы Пифии и Сотерии в Дельфах, а также указывается, что асиялия им дана согласно оракулу Аполлона (Michel, 1015.20).

Наиболее существенными для авторитета союза были его связи с Атталидами. Во II в. до н. э. Ионийский союз, кажется, одним из первых принял деятельное участие в распространении новых культов — эллинистических правителей, в частности Атталидов. Надписи союза показывают, что в Теосе проводился праздник в честь семьи пергамского царя Эвмена II, отмечался день его рождения. Эти торжества находятся в прямой связи с союзом технитов Ионии и Геллеспонта. Объявления о почестях особо отличившимся членам техниты делают в «день царя Эвмена» (Michel, 1016). Документы союза датируются по жрецу технитов и жрецу царя Эвмена (Michel, 1016). Среди заслуг видного деятеля союза, Кратона из Халкедона, флейтиста, называется хорегия, которую он исполнил «достойно богов», а также «царей и цариц и братьев царя Эвмена» (Michel, 1015.12). Вероятно, здесь речь идет о том же самом празднике в честь Атталидов, проведение которого было, видимо, обязанностью технитов. Но усердие их идет дальше. Уже упоминавшийся Кратон создал особый фиа́с Атталистов, почитающих семью пергамского царя. Цикл надписей, связанных с завещанием Кратона, показывает, что этот фиа́с был тесно связан с домом Атталидов. Кратон получил гражданские права в Пергаме и стал именоваться в документах «Кратон из Пергама». Он был в числе приближенных пергамского царя. Об этом говорит тот факт, что после его смерти сам Аттал написал письмо Атталистам и переслал завещание Кратона (Michel, 1307). В завещании Кратона примечательно упоминание специального здания Атталейона при театре, которое предназначалось скорее всего для выполнения обрядов, связанных с культом пергамских царей. Связь Атталейона с театром свидетельствует о том, что среди обрядов были и театральные представления, исполнителями которых были Атталисты, видимо, те же ионийские техниты.

На эту же связь с пергамскими царями указывает и появление в названии союза добавления: *Καὶ τῶν περὶ τὸν Καθ' ἡμέραν Διόνυσον* (Michel, 1014). Переписка Аттала I с жителями Коса, Аттала II с Кизиком и Аттала III со своим племянником Афинеем показывает, что культ Диониса Категемона был специальным культом Атталидов. Жрецами его были ближайшие родственники царя (RS, 60,65). Остается спорным, были ли это особый союз, как считали Фукар и Пикар-Кэмбридж²⁰, или же ионийские техниты просто присоединили к своему названию новое культовое имя. Нам представляется более вероятным второе. Во всяком случае,

¹⁸ Boesch. Op. cit., S. 43; Глукина. Ук. соч., с. 90.

¹⁹ Boesch. Op. cit., S. 90; Pickard-Cambridge. Op. cit., p. 292.

²⁰ Foucart. Op. cit., p. 7; Pickard-Cambridge. Op. cit., p. 292.

связь между ними настолько тесная, что они принимают совместные постановления, касающиеся внутренних дел союза²¹.

Возможно, как предполагает Хансен, это та часть Ионийского союза, которая находилась в Пергаме и выступала на сцене пергамского театра²². Интересно, что это название сохранилось и после того, как прекратилась династия Атталидов. Надпись 129 г. до н. э. — декрет предположительно пергамцев о союзе с римлянами, вероятно, уже после утверждения римлян в Пергаме — показывает, что это объединение не потеряло свой авторитет. В этом декрете техниты Диониса Категемона упоминаются наряду с жителями города. Интересно, что сначала назван народ Пергама, потом римляне и только после этого техниты: ἐπ' ἀγαθῆι τῶ[χ]η[ι] καὶ σω[τ]ηρίαι τοῦ τε ἡμε[τέ]ρου δῆλου [καὶ τῶν ῥωμαίων καὶ τοῦ κοινού] τῶν περὶ τὸν Καθ[η]μέλου καὶ Διόνυσον τε[χ]νι[τῶν]...²³ В самом тексте союз больше не называется. Решение принято Советом и народом, союз в обсуждении договора участия не принимал. Упоминание его на третьем месте, после договаривающихся сторон, может быть, говорит о том, что союз выступал как посредник. В таком случае это свидетельствует об определенной значимости союза, с которым сочли нужным считаться даже римляне.

Имея такой авторитет и могучих покровителей, ионийские техниты без ложной скромности заявляли, что «их почитают и боги, и цари, и все эллины, называя самыми благочестивыми» (Michel, 1015.20). Эта самоуверенность артистов, несомненно, накладывала отпечаток на их отношения с Теосом, который они избрали резиденцией не только потому, как считает Цибарт, что он был центром древнего культа Диониса, но и потому, что на его небольшой территории союз мог играть первую роль²⁴.

Сохранилось несколько интересных документов, позволяющих проследить историю отношений союза и Теоса. Самый ранний из них — документ о покупке земли для союза. Датируется эта надпись приблизительно серединой III в. до н. э. (SEG, II, 580). Возможно, выделение земельного участка союзу связано с созданием его центра в Теосе. Как можно заключить из текста надписи, приобретение Теосом земли для союза — значительное событие для города. О нем необходимо было объявить повсюду: и в пританее, и на празднике Диониса, и в народном собрании²⁵. Город дает землю на льготных условиях: «... объявить купленное владение, которое народ посвятил союзу технитов Диониса, священным, свободным от палогов, которые накладывает город»²⁶. Выделяются и деньги на покупку земли, часть их — из царского фонда (SEG, II, 580. 17). Из этого документа видно, что союз — объединение, стоящее вне городской организации. Для приобретения земли назначаются посредники, и передача участка должна происходить в присутствии народа²⁷. Специальные послы Теоса должны передать это решение союзу; все обставлено очень торжественно. Город подчеркивал свое расположение к союзу, может быть, даже

²¹ В текстах надписей после двойного наименования в начале в дальнейшем речь идет о союзе как едином целом (Michel., 1014, 1015): σύνθεος, κοινόν употребляются только в единственном числе (Michel, 1015.22, 31).

²² Hansen. Op. cit., p. 418 f.

²³ Syll.³, 694.45: «...ради счастья и спасения нашего народа, римляни и союза технитов Диониса».

²⁴ Ziebarth. Op. cit., S. 80.

²⁵ Так восстанавливает начало текста Пикар-Кэмбридж (P.-C., № 9). В тексте, опубликованном в SEG, II, 580. 4,5 читается только про[τανείων...ἐν] τ[α]ίς ἐκκλησίαις.

²⁶ SEG, II, 580.18—10: [καὶ]προσαγορευέσθαι τὸ ἀγορασθέν κτήμα ἱερὸν ὁ ἀν[έ]θηκε] ὁ δῆμος τοῦ κοινού τῶν περὶ τὸν Διόνυσον τε[χ]νι[τῶν] ἢ ἀτελεῖς ὧν ἡ πόλις ἐπιβάλλει τελῶν.

²⁷ SEG, II, 580.11; ἀ[πο]δείξει δὲ καὶ ἄνδρας δύο, οἵτινες κτηματωνήσου[σιν] ἐπ' ἀναστροφῆι τῆι πρὸς τὸν δῆμον.

заискивал перед ним. Послам поручено поблагодарить союз за *εὖνοια* к городу. В чем конкретно проявлялась эта благорасположенность союза к Теосу, в надписи не раскрывается. Но город безусловно заинтересован в расположении союза, который, имея авторитет в Дельфах и широкие международные связи, мог быть весьма полезным Теосу. В конце III в. до н. э. Теос повсюду разослал своих теоров с просьбой к городам и правителям признать его асилию. В данном случае услуги дипломатического характера, которые мог выполнить союз, городу были необходимы²⁸. Это косвенно подтверждается тем, что Этолийский союз, Амфиктиония и Дельфы дали асилию Теосу со ссылкой на асилию именно технитов: «... пусть будет им и живущим в Теосе асфалия и асилия, как и дионисийским технитам»²⁹.

В надписи из Теоса, опубликованной в 1967 г. П. Херрманом³⁰, содержится интересный материал о роли технитов Диониса в городе в конце III в. до н. э. Антиох III, наряду с другими льготами даруя или подтверждая асилию Теоса³¹, подчеркивает свое благоволение к его народу и технитам Диониса. В декрете говорится, что Антиох признал асилию, «чтобы сделать приятное народу Теоса и союзу технитов Диониса»³².

Помощь союза городу могла пригодиться и непосредственно при организации посольств. В этот период составу посольств придавалось немаловажное значение³³. Можно предположить, что среди послов Теоса к критским городам по поводу признания асиллии Теоса были и техниты. Эти послы исполнили под кифару произведения Тимофея и других поэтов, в том числе и критских. Кносские особо хвалят Теос за то, что «он прислал таких послов» (Michel, 65. 9—11). Теос был заинтересован в расположении союза и потому, что нуждался в исполнителях для городских праздников. Учитывая связи и влияние союза, можно предполагать, что союз был весьма важной для города ассоциацией, настолько важной, что, вероятно, прав Гарн, утверждая, что «Теос имел преимущества перед другими не-свободными греческими городами как главный азиатский центр артистов Диониса»³⁴.

Оба документа: и декрет о покупке земли, и надпись, опубликованная Херрманом, свидетельствуют также о независимости, обособленности союза от города. Союз поддерживает отношения с Теосом через посольства. Как уже указывалось, город назначает послов, чтобы передать союзу решение о покупке земли для него (SEG, II, 580, 29—30). В свою очередь союз, намереваясь поставить статую своему благодетелю Кратону в Теосе, принимает решение послать в Теос послов, чтобы попросить место для установки статуи (Michel, 1015. 40). На праздники в другие города союз посылает своих теоров наряду с теорами от города. На мистериях Кабиров кроме послов от Теоса были и послы от понийских технитов³⁵.

²⁸ Об асиллии Теоса и роли в этом технитов см. Глускина. Ук. соч.

²⁹ Syll.³, 565.13; ср. 563, 564.

³⁰ Herrmann P. Antiochos der Grosse und Teos.— *Anadolu*, 1965, IX, Ankara, 1967. Об этой сравнительно недавно найденной надписи см. Глускина. Ук. соч.: Зельдина О. М. Города в царстве Селевкидов в свете новой теосской надписи.— ВДИ, 1978, № 2, с. 178—192.

³¹ См. Глускина. Ук. соч., с. 92 сл.

³² Herrmann. Op. cit., S. 34, Z. 16: ... θελων χαριζεσθαι τῷ τε δήμῳ καὶ τοῖς κοινῶν τῶν περὶ τὸν Διόνυσον τεχνιτῶν.

³³ О том, что послы тщательно подбирались в соответствии с их связями, способностями, см., например, Herzog R. Griechische Königsbriefe.— *Hermes*, 1930, 65. S. 471.

³⁴ Гарн В. В. Эллинистическая цивилизация. М., 1949, с. 156.

³⁵ Foucart. Op. cit., p. 34.

В документах техниты упоминаются отдельно от народа Теоса. В надписи, опубликованной Херрманом, говорится: «...чтобы в этот день сошлись все живущие в городе и техниты Диониса»³⁶. Декреты союз датировал соответственно своими жрецами и не упоминал магистратов города (Michel, 1015, 1016). Он самостоятельно вступал в сношения с другими городами, обмениваясь с ним посольствами. Об этом свидетельствует и упоминавшаяся посылка теоров магнетян к союзу независимо от Теоса, а также надпись, содержащая постановление союза об оказании помощи Иасосу (151 г. до н. э.). В ней говорится, что союз отправляет посольство, которое должно передать его решение о проведении в Иасосе безвозмездно праздника и призвать город охранять привилегии союза и старинную дружбу с ним (Michel, 1014). Таким образом, союз, хотя и находился на территории Теоса, представлял особое образование со столь значительными элементами самостоятельности, что Сулла назвал его в своем письме *πολιτεία* (P.-C., № 13).

Эта независимость союза, его обширные связи, с одной стороны, и заинтересованность города в его услугах — с другой, способствовали, очевидно, постепенному усилению претензий технитов на особые привилегии и права в городе. А поскольку союз, включавший выходцев из других мест, был чуждым элементом в городе, то раздражение горожан усиливалось. Сохранился интересный документ об остром конфликте между городом и союзом — письмо Эвмена II, пытавшегося урегулировать спор между горожанами и технитами, датирующееся 180 г. до н. э. Письмо является ответом Эвмена на жалобу технитов. Из текста видно, что к Эвмену обращались и жители Теоса, которым он также послал ответ (RC, 53, I, C, l. 14). Письмо, хотя и сильно фрагментированное, дает возможность представить, как были оформлены отношения союза и города. Сохранившийся текст позволяет предположить что между городом и союзом было заключено соглашение, полный текст которого неизвестен. В письме употреблены слово *συνθήκη*, а также глагол *συνέθεντο*. В конце послания Эвмен говорит о синойклизме: *διὰ τὸ τοῦτο καὶ συνθήκη γράφονται κέκρι]κα παρ' ἐκ[ατέρου εἰς τὸν συνοικισμόν*³⁷. Употребленное здесь слово *συνοικισμός* не может в данном контексте обозначать слияние, основанное на переселении одной из сторон. Союз и без того находился на территории Теоса. Здесь скорее всего имеется в виду «сосуществование» союза и городской общины, которое должно было быть обеспечено соответствующим соглашением. Из письма явствует, что спор разгорелся из-за двух пунктов соглашения: формы клятвы судей и распределения доходов от праздника. Возможно, были и другие основания для конфликта, но в тексте надписи о них ничего нет.

Возникновение спора о форме клятвы судей дает основание предположить, что техниты претендовали на то, чтобы в клятве назывались и их законы. Однако Эвмен высказывается в пользу прежнего порядка вещей и говорит, что судьи будут, как и прежде, «судить по законам и письмам царей и постановлениям народа» (RC, 53, III, B. 7—9).

Наиболее важным пунктом в договоре союза и города был, вероятно, вопрос об организации праздника и, главное, о распределении доходов от него. Вероятно, в этом пункте были какие-то спорные моменты и не всегда было ясно, о чьих доходах идет речь: союза или города, хотя Эвмен ука-

³⁶ *Herrmann*. Op. cit., S. 37, Z. 7—9; [κα]ὶ συνείναι ἐν τῇ ἡμέρᾳ ταύτῃ πάντας τοὺς τῆν πόλιν οἰκοῦντας καὶ τοὺς περὶ [τὸν Διόνυσον τεχνίτας].

³⁷ RC, 53, III, A, 1, 1.7,8: «...Я решил написать договорные условия в отношении той и другой стороны для совместного существования».

зывает, что теосцы всегда отделяли доходы союза от городских (RC, 53, II, В. 4). Возможно, техниты требовали себе слишком большую долю.

Представляет интерес и тот факт, что спор шел и о каких-то вопросах управления на празднике, не связанных непосредственно с выступлениями артистов. В письме говорится: «... чтобы никто из прибывающих на праздник чужеземцев, вызвав в суд кого-нибудь из них, не удалился бы, не получив судебного разбирательства»³⁸. Это относится опять к вопросу о суде во время праздников. В письме речь идет и о каком-то разделе территории во время торжеств. Эвмену пришлось специально оговорить «сферы влияния» союза и города: союз распоряжается на самом празднике по своим законам, а в окрестных землях и гаванях, куда прибывают гости, остается власть городских архонтов и стратегов (RC, 53, II, с. 10—15).

Все это свидетельствует о том, что союз стремился к независимому положению в городе и претендовал на определенную роль и значительную долю доходов во время праздников. Такие чрезмерные притязания не могли не вызвать раздражения горожан. Даже Эвмен, покровительствовавший союзу, вынужден был признать, что техниты вели себя слишком вызывающе и должны исправиться и поступать в соответствии с политикой царя в отношении Теоса (RC, 53, I, С. 10—12).

Не только пергамские, но и другие эллинистические правители, как правило, поддерживали технитов Диониса, что соответствовало их политике в области культуры и религии. Как известно, они не только стремились придать большую пышность старым культам, но в интересах своего престижа вводили и новые. Для участия в религиозных празднествах широко привлекались музыканты и актеры, поэтому правители были заинтересованы в услугах союзов технитов Диониса³⁹. Таким образом, вполне понятно отношение Эвмена к Ионийскому союзу. Однако гораздо большее значение в политике эллинистических царей имели отношения с полисами, которые были их опорой, и потому не должна удивлять позиция, занятая в этом споре Эвменом, хотя эта позиция может быть объяснена и другими соображениями царя, нам не известными. Вопрос о взаимоотношениях союзов технитов Диониса и эллинистических правителей заслуживает специального рассмотрения.

К середине II в. до н. э. отношения с союзом стали для Теоса острой проблемой. О накале борьбы говорит свидетельство Страбона, которое дает возможность проследить дальнейшую историю их взаимоотношений. Страбон сообщает, что техниты «...после того, как вспыхнула распря (στάσις), бежали в поисках убежища в Эфес. Когда Аттал переселил их в Мионнес, между Теосом и Лебедосом, то теосцы отправили посольство к римлянам с просьбой не допускать, чтобы Мионнес строил против них укрепления...»³⁹. Во времена Страбона техниты еще жили в Лебедосе после переселения из Мионнеса, но в дальнейшем союз снова вернулся в Теос, как показывают надписи позднейшего времени.

Таким образом, отношения Ионийского союза технитов Диониса с Теосом имели противоречивый характер. Свообразным явлением, связанным со спецификой внутри- и внеполисных отношений эпохи эллинизма, была значительная самостоятельность союза, который в своих свя-

³⁸ RC, 53, II, С. 6—9: ὁπως μ[η]δεὶς τῶ[ν] μ[η] παραγινόμενων ξέ[νων] εἰς τὴν πανήγυριν ἐρχαί[λ]εσας τινὶ τῶν τοιούτων καὶ μὴ τυχ[ῶ]ν τῶν δικταῶ[ν] ἀπ[ε]λλάσθηται.

³⁹ Strabo, XIV, 1, 29. Точной датировки этих событий нет. Возможно, это произошло во время правления Аттала III, как считают некоторые исследователи, например Поланд (Geschichte..., S. 140).

ях с внешним миром действовал как фактически независимое от города объединение. Следует учесть, что на протяжении III—II вв. до н. э. Теос сам зависел от Пергама, Антиоха III, Рима, и техниты, обычно пользовавшиеся поддержкой эллинистических правителей, могли добиваться осуществления своих претензий, опираясь на содействие последних.

Иная картина наблюдается в отношениях между афинским союзом технитов Диониса и Афинами. Источники свидетельствуют о единодушии города и союза. Союз воспринимается как неотъемлемый элемент Афин. В одной из надписей конца II в. до н. э. говорится, что афинский народ «первый из всех учредил синод технитов» (Syll. ³, 711, L). В этом декрете и в других постановлениях амфикионов похвалы Афинскому союзу технитов звучат одновременно с похвалами Афинам. Афинские техниты называются «благочестивыми и почитающими свой народ». — καὶ τὸν αὐτοσαστῶν δᾶμον τιμέ[οντ]ες (Syll. ³, 711, L. 64).

В отличие от Ионийского союза, члены которого были выходцами из различных мест, в Афинском союзе большинство технитов — местного происхождения ⁴⁰. В надписях они почти всегда называются афинянами, о некоторых из них почти с уверенностью можно сказать, что они были афинскими гражданами. Так, упоминаемые в декабре 278/7 г. до н. э. Астидам и Неоптолем — послы афинских технитов в Дельфы, по мнению Пикара-Кэмбриджа, — потомки известных деятелей IV в. до н. э. ⁴¹, афинских граждан.

Афинские техниты занимали даже важные посты в городе. Наибольший интерес представляет фигура Асклепиада, сына Гикесия, трагического поэта. Он был жрецом союза и главой посольства технитов в Дельфы, отправленного, чтобы просить Амфикионию встать на защиту союза в его споре с истмийскими технитами. В то же время он был представителем Афин в этой Амфикионии (Syll. ³, 704, E. 4; ср. 1, 25). По предположению Сифакиса, он и его отец были афинскими магистратами в 135/4 гг. до н. э., так как на монетах выпуска этого года выбиты имена Ἰέσιος и Ἀσκληπιάδης ⁴².

Член союза эпических поэтов, позднее вошедшего в союз технитов ⁴³, выступал в торжественной процессии афинян в Дельфы в 128 г. до н. э. как предводитель всадников (Syll. ³, 697, E. 7), а также был почтен дельфийцами в особом декрете в честь союза эпических поэтов (Syll. ³, 699, 6). Уже на основании только этих данных трудно согласиться с Гирон-Бистань, что техниты были независимы и не связаны с внутренней жизнью городов, где они жили ⁴⁴. Это положение имеет определенные основания для Ионийского союза, но не для Афинского. Напротив, справедливо утверждение До, что афинские техниты были тесно связаны с духовной и политической жизнью Афин ⁴⁵.

К сожалению, история этого союза на протяжении III в. до н. э. почти не освещена в источниках, что, возможно, объясняется тем, что союз в это время не играл еще значительной роли в жизни города. Во II в. до н. э., как показывают источники, союз становится чрезвычайно активным и выдвигается на видное место в Афинах. Во II в. до н. э. Афины

⁴⁰ Глушкина. Ук. соч., с. 89; Gauthier Ph. Symbola. Nancy, 1972, p. 236.

⁴¹ Syll. ³, 399.33—34; Pickara-Cambridge. Op. cit., p. 282.

⁴² В списках участников третьей и четвертой Пифанд члены союза эпических поэтов называются среди афинских технитов (Syll. ³, 711, 728).

⁴³ Sifakis. Op. cit., p. 25.

⁴⁴ Ghiron-Bistagne. Op. cit., p. 198.

⁴⁵ Daux. Op. cit., p. 564.

активизируют свои внешние связи, в основном религиозные и культурные. Параллельно с повышением роли Афин как центра культуры и образованности возрастает и роль Афинского союза технитов Диониса. Более тесными стали отношения Афин с Дельфами, более благосклонными стали и дельфийцы к афинским технитам. Как уже говорилось, именно во второй половине II в. до н. э. афинские техниты обратились в Дельфы с просьбой подтвердить их старинные привилегии (Syll.³, 692). Примерно в эти же годы Дельфийская амфикистия признала притязания афинских технитов в их споре с Истмийским союзом, подтвердив асилию афинских технитов, право ношения специальных ритуальных одежд (*χρυσόφορία*), и, главное, санкционировала их право выступать на праздниках в Фивах и Аргосе, городах, которые были издавна центрами деятельности Истмийского союза ⁴⁶.

Но наиболее ярким свидетельством как окрепших связей союза и Дельф, так и единства Афин и технитов являются списки участников торжественных процессий ⁴⁷ — Пифаид, которые афиняне посылали в Дельфы, руководствуясь определенными знаменами (Strabo, IX, 2, 11). После длительного перерыва с конца IV в. до н. э. Пифаиды были возобновлены в 137 г. до н. э. По не очень ясным причинам ⁴⁸ техниты в 137 г. до н. э. не стремились продемонстрировать свое расположение к Дельфам. Однако уже несколько лет спустя между ними и Дельфами устанавливаются теплые отношения. И в 128 г. до н. э. Афинский союз присоединился к торжественной процессии афинян в Дельфы. В этой и двух последующих (106 и 97 гг. до н. э.) Пифаидах делегация технитов была, пожалуй, самой многочисленной. Артисты шли с пением пеана, в самих Дельфах дали представления (Syll.³, 698). Дельфийцы удостоили союз особых благодарственных декретов, довольно пространных, в которых на все лады расхваливали технитов и афинский народ.

Возрастание активности союза в городе заметно в первую очередь в области культа. В афинском театре сохранились кресла жрецов с надписями: 35. *Ἰερῶς Μελοπομένου Διονύσου ἐξ Εὐνειδῶν*. 36. *Ἰερῶς Διονύσου Μελοπομένου ἐκ τελευτιῶν* (Michel, 860). Эвниды — аристократический род, в ведение которого был отдан культ Диониса Мельпомена. По мнению В. Иванова, этот род был подобен элевсинским Эвмолпидам ⁴⁹. Эвниды встречаются в списках участников Пифаид рядом с Эвпатридами и Кериками (Syll.³, 711, D. 24—40; 728, C). Связь между этим родом и технитами Диониса знаменательна и требует более тщательного изучения, однако данных для этого еще недостаточно.

Еще в большей степени важную роль союза в Афинах в конце II — начале I в. до н. э. свидетельствует надпись из Элевсина, датируемая большинством исследователей 80-ми годами до н. э. ⁵⁰ Она указывает на тесную связь технитов с Элевсинскими мистериями. По постановлению народа союз возобновляет обряды в Элевсине, восстанавливает свой темен и алтарь богиням, назначает своего эпимелета для проведения

⁴⁶ Syll.³, 704, E. О деятельности Истмийского союза в Фивах см. P.-C., № 4, в Аргосе — Michel, 1011.

⁴⁷ Syll.³, 697—699, 711, 728.

⁴⁸ По мнению До, в это время дельфийцы больше благоволили к другому союзу — технитам Истма и Немеи (Daub. Op. cit., p. 359).

⁴⁹ Иванов В. Дионис и прадионисийство. Баку, 1923, с. 162.

⁵⁰ Michel, 1010. Проблема датировки надписи обстоятельно рассмотрена еще Ленорманом. Он, как нам представляется, вполне убедительно обосновал отнесение надписи к событиям, связанным с I Митридатовой войной (Lenormant F. Recherches archéologiques à Eleusis. P., 1862).

представлений и совершения жертвоприношений. Видимо, союз взял на себя значительную долю расходов, связанных с проведением праздника в Элевсине, поскольку город после разгрома Афин Суллой не имел средств. Дозволение технитам совершать жертвоприношения в святилище свидетельствует о том, что они являлись фактически частью элевсинского жречества⁵¹. Опять мы видим технитов рядом с аристократическими родами, на этот раз с наиболее прославленными родами Элевсинских мистерий — Эвмолпидами и Кериками. В тяжелый для Афин период техниты действовали даже более активно, поскольку, вероятно, располагали значительными средствами, необходимыми для возобновления обрядов в Элевсине после войны. Все эти данные говорят о том, что роль технитов в Афинах в конце II в. до н. э. в области культа была велика, если не сказать исключительна. В связи с этим представляется мало убедительной концепция Мак Кендрика о сохранении в Афинах в эллинистический период ведущей роли аристократических родов в области культа⁵².

Элевсинская надпись говорит о разрушениях в Элевсине, которые коснулись в первую очередь темна и алтаря технитов (Michel, 1010). Эти разрушения связывают с их позицией во время Митридатовой войны: сохранилось свидетельство Посидония, приведенное у Афиня, о том, что афинские техниты заняли позицию, враждебную Риму. Как сообщает Посидоний, прибывшего в Афины посланца Митридата Афиниона вышли встречать техниты Диониса, призывая посланца Нового Диониса прийти в их темен на общее пиршество, обряды и возлияния (Athen., V, 49 — FGtH 87 F 36). Афинион, действительно, почти сразу по прибытии, только посетив дом богатейшего в Афинах человека, у которого он расположился, направился в темен технитов, где в его честь были совершены обряды и глашатай восхвалял его. Этот эпизод показывает, какую значительную роль в городе играли техниты Диониса: Афинион, прекрасно знавший обстановку в Афинах, так как сам жил там и в свое время был отправлен афинянами к Митридату, счел необходимым сразу же по возвращении направиться к ним, а делами занялся только на следующий день. Такие действия афинских технитов, вероятно, вызвали гнев Суллы, вообще-то благоволившего к технитам, в частности к ионийским⁵³.

У союза вроде бы не было причин быть недовольным Римом. В 96 г. до н. э. Рим поддерживал афинских артистов в их споре с Истмийским союзом (Syll.³, 705). Позиция технитов определялась, видимо, настроениями, преобладавшими в городе, демократические элементы которого были недовольны поддержкой Римом аристократии. Накануне выступления Митридата к власти в городе пришла олигархия⁵⁴, антидемократические действия которой, не жалея красок, обличал в своей речи тот же Афинион, призывая афинян перейти на сторону Митридата (Athen., V, 49). Павсаний утверждал (I, 20, 5), что Митридата поддержал «только простой народ и из простого народа особенно беспокойная часть». Техниты выступили в данном случае в единстве с афинской демократией.

Свидетельств о конфликтах, подобных острой вражде между ионийским союзом и Теосом, между Афинами и афинскими технитами нет. Наоборот, Афины активно выступили в поддержку союза, когда у него возник спор

⁵¹ Ibid., p. 110.

⁵² MacKendrick P. The Athenian Aristocracy 394 to 31 B. C. Cambr., 1969, p. 29.

⁵³ См., например, декрет Суллы о почестях Ионийскому союзу (P.-C., № 13) и свидетельство Плутарха, что Сулла проводил время с технитами (Plut., Sulla, 26,5).

⁵⁴ Ferguson. Op. cit., p. 440.

с Истмийским союзом. Среди связанных с этим конфликтом надписей есть постановление народного собрания отправить посольство к Амфикионам, «... чтобы стало ясно, что народ защищает данные технитам привилегии» (Syll.³, 704, F. 15). Дельфийская амфикиония, выступив арбитром в этом споре, приняла решение в пользу Афинского союза и отправила письмо также и афинскому народу: «... охранять данные нами народу почести, а также и привилегии... вашим технитам» ([τοῖς] παρ' ἡμῶν τεχνίταις— Syll.³, 704, H. 26). Но конфликт этим не был исчерпан, и дело перешло в Рим. Показательно, что вместо послов от Афинского союза технитов в Рим отправились представители афинского народа. А союз Истма и Немей представляли только его собственные послы. Энергичная поддержка Афинами своего союза, вероятно, сыграла решающую роль в победе афинских технитов (Syll.³, 705).

Несмотря на тесную связь с городом, афинские техниты имели некоторую самостоятельность, хотя и не в такой степени, как ионийские. Афинский союз самостоятельно посылает посольства в Дельфы (Syll.³, 399, 692, 704). Афинские Пифаиды в Дельфах тоже продемонстрировали определенную обособленность союза от города. Союз в этих процессах представлен своими собственными теорами во главе с архитектором и удостоен отдельных декретов (Syll.³, 698. 7—8; 711, L. 16). Интересна надпись союза в честь Ариарата V Каппадокийского (P.-C., № 7). Ариарат наряду со вниманием, которое он оказывал афинскому философу Карнеаду, посетил и афинских технитов, а также отправил им дары. Такое внимание Ариарата к технитам говорит о том, что они были важной организацией и своего рода достопримечательностью. Техниты не остались в долгу и учредили в честь царя и его жены праздник. Они отправили к нему посольство, чтобы сообщить о решении союза, а также с просьбой охранять привилегии артистов (P.-C., № 7. 75—80). Привлекает внимание в этом постановлении то, что союз назначает теородоков для прибывающих от царя (P.-C., № 7. 63—64). Обычно назначение теородоков было делом государства⁵⁵. В декретах городов о признании праздника магнетян говорится и о назначении ими теородоков из граждан города для послов магнетян (Syll.³, 558, 560). В данном случае эту обязанность по отношению к прибывающим из Каппадокии берет на себя союз.

Все эти факты свидетельствуют об определенной самостоятельности союза, но, главное, они показывают, что во II в. до н. э. союз технитов Диониса был важной организацией в Афинах и играл заметную роль не только во внутренней жизни города, но и в его внешних связях. Несмотря на относительную самостоятельность союза, Дельфы, Рим, да и сами Афины рассматривали афинских технитов как представителей Афин, а не как особое образование, как было в случае с союзом технитов Ионии и Геллеспонта. Теос — город, не имевший столь большого значения, как Афины; союз же, располагавшийся в нем, был влиятельным, имел широкие связи и мог не считаться со своей резиденцией. Напротив, Афины были прославленным городом, в конце II в. до н. э. к ним всячески благоволили римляне. Поддержка родного города для афинских технитов имела большое значение. К тому же союз не был чуждым элементом в Афинах, многие его члены были афинянами и не противостояли резко остальному населению.

Более тесная связь технитов Афинского союза с полисом, чем Ионийского, объясняется в значительной степени тем, что истоки Афинского

⁵⁵ Boesch. Op. cit., S. 40, 104.

союза находились в Афинах. Он возник внутри города и эволюционировал, не отрываясь от него⁵⁶.

Сложнее решить вопрос о взаимоотношениях союза Истма и Немеи со своей резиденцией, хотя бы потому, что не ясно, какой город играл эту роль. В одних надписях союз просто называется τὸ κοινὸν τῶν τεχνιτῶν τῶν ἐξ Ἰσθμοῦ καὶ Νεμέας. В других к этому еще добавляется название города: в Аргосе, Фивах, Опунте и др. Трудно с уверенностью сказать, существовал ли общий центр этих филиалов. Истмийский союз в споре с Афинским действует самостоятельно. Даже Фивы и Аргос, где находились филиалы союза и из-за проведения праздников которых разгорелся спор, остаются в стороне в противоположность Афинам, горячо вступившимся, как мы видели, за своих артистов (Syll.³, 704, F). В Рим отправляются послы только от Истмийского союза: ни один город не выступил в его поддержку. Это говорит об обособленности союза и слабой связи его с какой-либо резиденцией. Конфликт привел к расколу в самом союзе, от него отделился фиванский филиал, члены которого присоединились к Афинскому союзу. Остальные ушли в Сикион (Syll.³, 705). Эта легкость смены места резиденции также указывает на отсутствие глубоких корней в каком-либо городе.

Однако этот союз, особенно на протяжении III в. до н. э., был достаточно авторитетным. В этот период у него была тесная дружба с Дельфами, даровавшими кроме асили и асфалии привилегии в самих Дельфах (Syll.³, 460). Помощь его при учреждении праздников высокого ценилась. Такую поддержку он оказывал в первую очередь городам Беотии — Феспиям и Фивам. Вместе с фиванцами он обращается в Дельфы с просьбой признать священным праздник Диониса Кадмейского в Фивах (P.-C., № 4). Но союз и город выступают в этом декрете независимо друг от друга: «...распоряжаются на празднике жрец Диониса, и эпимелеты, выбранные от технитов, и агонифет фиванцев» (P.-C., № 4. 26—29). Таким образом, это постановление Амфиктионии, с одной стороны, является признанием праздника Диониса священным, а с другой — это как бы соглашение между городом и союзом о проведении праздника и правах каждой стороны на нем. Амфиктиония же выступает посредником и гарантом. Трудно представить себе подобное соглашение между Афинами и их союзом. Городские праздники союз проводил по постановлению афинского народа, как это видно из элевсинской надписи (Michel, 1010), и вряд ли был нужен дельфийский арбитраж для гарантий выполнения.

Не исключено, что отдельные филиалы Истмийского союза имели более тесную связь со своими резиденциями и создавались на местной основе. Так, например, в надписи, связанной с упоминавшимся конфликтом двух союзов в конце II в. до н. э., члены фиванского филиала все обозначены как фиванцы (Syll.³, 705). Возможно, это говорит об их местном происхождении. Один из ведущих деятелей филиала в Аргосе Зенон — аргивянин (Michel, 1011). Но, к сожалению, для более определенных выводов данных нет. Союз же как целое оказался слабо связанным с определенным полисом и опирался, видимо, не столько на поддержку определенного города, сколько на широкие связи, особенно с Дельфами. Этот союз представлял собой межполисное объединение не только по характеру своей деятельности, но и по своей организационной структуре.

⁵⁶ О своеобразии политики афинского полиса в отношении культовых сообществ в эллинистический период см. *Свенцицкая П. И.* Роль частных сообществ в общественной жизни полисов эллинистического и римского времени. — ВДИ, 1985, № 4, с. 47.

Рассматривая в совокупности весь материал об отношениях союзов технитов Диониса и полисов, где находились их центры, можно сказать, что дионисийские союзы представляли собой своеобразное и значительное явление эллинистической эпохи. Сам факт их существования, их организация и характер деятельности свидетельствуют о глубоких переменах во внутренней жизни греческих полисов и международных отношениях. Обслуживая как городские, так и панэллинские празднества, получая привилегии, признаваемые всем греческим миром, союзы технитов Диониса приобретали в известной мере космополитический характер. В то же время они были связаны в той или иной степени со своими городами-резиденциями. В одних случаях эти связи были прочными и дружественными, проявляясь во взаимной поддержке (Афинский союз), в других отношения усложнялись стремлением союза к независимости и его неоднородным составом (Ионийский союз и Теос), в третьих (Истмийский союз) раздробленность на филиалы, базирующиеся в различных городах, усиливала независимость, но в то же время лишала союз помощи полиса в случае конфликта с третьей стороной. Отношения союзов с их резиденциями показывают, насколько отличаются полисы эллинистического периода от классического. Внутри полиса появились объединения, в известной степени стоявшие вне полисной структуры. Ослабление связей дионисийских союзов с полисом сочеталось с развитием их роли во всем эллинистическом мире, политическая раздробленность которого не препятствовала развитию единой эллинистической культуры.

А. Б. Шарнина

LES ASSOCIATIONS DE *TEKHNITAI* DE DIONYSOS DANS LES *POLEIS* HELLENISTIQUES

А. В. Сарнина

Il s'agit d'établir à partir des sources épigraphiques existantes de la période hellénistique quels étaient les rapports entre les trois grandes associations de *tekhnitai* dionysiatiques et leurs villes de résidence. De par le caractère de leur activité, ces associations étaient des organisations «inter-politiques», en participant à l'organisation de jeux publics non seulement dans leurs propres villes, mais aussi dans d'autres centres. Compte tenu de l'importance accrue, aux IIIe—IIe ss. av. n. è., des fêtes dans la vie sociale et politique des Etats grecs, aussi bien les monarques hellénistiques que l'amphictionie delphique et les cités avaient grand besoin de leurs services. Aussi patronnaient-ils tous ces associations. De par leur composition, celles-ci dépassaient aussi les limites de leur *polis*, car elles comprenaient des membres originaires de divers lieux. Ceci est particulièrement vrai pour l'association ionienne qui constituait une formation particulière sur le territoire de Téos. Le gouvernement des Attalides et ses relations internationales permettaient à l'association de faire preuve d'indépendance, ce qui entraînait parfois des conflits avec la cité.

L'association athénienne s'était constituée pour une grande part sur le terrain local, était étroitement liée à sa ville de résidence et jouait un grand rôle dans la vie religieuse et culturelle d'Athènes, surtout au IIe s. av. n. è. Elle aspirait moins à l'indépendance que l'association ionienne. L'association isthmique était une organisation tout à fait «inter-politique», disposant de sections installées dans diverses cités.

En agissant hors des limites de leur *polis* de résidence, les associations dionysiaques dépassaient aussi le cadre de la structure de la cité; et par leurs larges contacts avec la totalité du monde grec, elles ont contribué à la constitution d'une culture hellénistique commune.

ИЗ ИСТОРИИ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО НА РУБЕЖЕ НАШЕЙ ЭРЫ

История Херсонеса Таврического рубежа нашей эры неоднократно привлекала внимание исследователей, однако, несмотря на значительное количество работ, так или иначе посвященных этому периоду, до настоящего времени он остается, пожалуй, наименее ясным¹. В 24 г. до н. э. в Херсонесе было введено летосчисление², которое, вне всякого сомнения, было вызвано каким-то исключительным событием в истории города³. В литературе существует несколько точек зрения по вопросу о причинах этого события. Одни авторы считают, что поводом для принятия новой эры послужило освобождение Херсонеса от боспорской зависимости⁴. Другие полагают, что введение нового летосчисления связано с получением «свободы» от Августа, который фактически подтвердил права, дарованные Херсонесу еще Цезарем⁵. Высказывалось также мнение о том, что введение новой эры следует связывать с «царствованием Девы», но в работах, вышедших в последние годы, оно было подвергнуто справедливой критике и не может считаться достаточно аргументированным⁶. Отсутствие единой точки зрения по вопросу о причинах введения в Херсонесе новой эры заставило вновь вернуться к анализу этой проблемы и попытаться по-новому осветить некоторые вопросы, связанные с историей Херсонеса рубежа нашей эры, а также рассмотреть характер боспоро-херсонесских взаимоотношений в этот период.

В настоящее время можно считать установленным, что в 46 г. до н. э. в результате посольства к Цезарю, возглавлявшегося Гаем Юлием Сатиром, Херсонесу была дарована элевтерия⁷, получение которой следует рассматривать в тесной связи с политикой Цезаря по отношению к греческим городам Востока, направленной на подрыв помпеянской оппозиции в этом районе⁸. В Херсонесе это событие было ознаме-

¹ *Ростовцев М. И.* К истории Херсонеса в эпоху ранней Римской империи.— Сб. в честь П. С. Уваровой. М., 1916, с. 6—11; *он же.* Цезарь и Херсонес.— ИАК, 1917, вып. 63, с. 1—18; *Гриневич Д. Э.* Херсонес и Рим.— ВДИ, 1947, № 2, с. 228—230; *Белов Г. Д.* Херсонес Таврический. Л., 1948, с. 96—99; *Голубцова Е. С.* Северное Причерноморье и Рим на рубеже н. э. М., 1951, с. 65 сл.; *Гайдукевич В. Ф.* История античных городов Северного Причерноморья.— В кн.: Античные города Северного Причерноморья. М.— Л., 1955, с. 89; *Кузьмина А. Г.* К вопросу о римской оккупации Херсонеса Таврического.— В кн.: Некоторые вопросы всеобщей истории. Тула, 1972, с. 97 сл.; *Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э.— XII в.). Киев, 1977, с. 74—77; *Кадеев В. П.* Херсонес, Боспор и Рим в I в. до н. э.— III в. н. э.— ВДИ, 1979, № 2, с. 56—60; *Он же.* Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков, 1981, с. 13—19.

² Подробнее об этом см. *Анохин В. А.* О начале эры Херсонеса Таврического.— НСФ, 1963, вып. 1, с. 66—75.

³ *Анохин.* Монетное дело..., с. 75; *Кадеев.* Херсонес Таврический..., с. 16.

⁴ *Ростовцев.* К истории..., с. 75; *Гриневич.* Ук. соч., с. 229; *Анохин.* Монетное дело..., с. 76 сл.

⁵ *Ростовцев.* Цезарь и Херсонес, с. 18; *Белов.* Ук. соч., с. 97—100; *Кадеев.* Херсонес, Боспор и Рим..., с. 57 сл.; *Он же.* Херсонес Таврический..., с. 16 сл.

⁶ Подробнее см. *Ростовцев.* К истории..., с. 9, прим. 2; *Кадеев В. И.* К вопросу о «царствовании» Девы в Херсонесе.— КСИА, 1976, вып. 145, с. 9—12; *Анохин.* Монетное дело..., с. 74; *Кадеев.* Херсонес Таврический..., с. 67—72.

⁷ IOSPE, I², 691; *Ростовцев.* Цезарь и Херсонес, с. 1—3; *Гриневич.* Ук. соч., с. 228; *Анохин.* Монетное дело..., с. 74; *Кадеев.* Херсонес Таврический..., с. 14.

⁸ Одной из причин, помимо уже указывавшихся в литературе (*Гриневич.* Ук. соч., с. 228; *Кадеев.* Херсонес Таврический..., с. 14), было, вероятно, желание полиса освободиться от уплаты дани боспорским царям, на которых лежала со времени Митри-

новано выпуском двух серий оболочек с изображением Девы, поражающей копьём льва, быка, монограммы ПАР и надписями ЕΛΕΥΘΕ. [ΧΕΡ-CONHC], ΧΕΡC. ΕΛΕΥ⁹.

Обычно считается, что «первая элевтерия» была утрачена Херсонесом либо сразу же после смерти Цезаря¹⁰, либо около 42 г. до н. э., когда Антоний лишил некоторые греческие города на Востоке дарованной ранее «свободы»¹¹. Для доказательства того, что Херсонес утратил в это время «свободу» и вновь был включен в состав Боспорского царства, используется нумизматический материал, который якобы свидетельствует об имевшем место при Асандре влиянии монетного дела Боспора на Херсонес¹². Однако, судя по наблюдениям В. А. Анохина, говорить об этом с уверенностью трудно. Монеты с кадуцеем и надчеканкой в виде пятилучевой звездочки над полумесяцем, в которых, как считалось, проявилось боспорское влияние, нельзя оценивать однозначно, так как этот материал требует дальнейшего специального изучения¹³.

Слова Страбона о том, что Херсонес со времени Митридата «...и до настоящего времени... подчинен властителям Боспора»¹⁴, на которые ссылаются, говоря о зависимости Херсонеса от Боспора, применительно к 40-м годам I в. н. э.¹⁵, также не могут рассматриваться в качестве надежного источника. Страбон в своей «Географии» при описании побережья Черного моря использовал исторические сведения, имевшиеся в трудах «Деяния Помпея» Феофана Митиленского, а также историков времени Митридата VI Евпатора — Гипсикрата из Амиса и Метродора из Скепсиса¹⁶. М. И. Ростовцев, всесторонне проанализировавший сообщения Страбона о Северном Причерноморье, полагал, что его разнообразные источники восходят к IV — началу I в. до н. э.¹⁷ В этом отношении показательно и то, что Страбон упоминает только о тех событиях херсонесской истории, которые были связаны с войнами Диофанта против скифов¹⁸. Это позволяет предположить, что сообщение Страбона о зависимости Херсонеса от боспорских правителей, которых назначают римляне, следует отнести, скорее всего, к первой половине I в. до н. э.¹⁹ Следователь-

дата VI обязанность защищать Херсонес от варваров. Военная помощь Боспора вряд ли была эффективной, и Херсонес старался установить прямые контакты с Римом, который в ряде случаев освобождал пограничные города от налогов с тем, чтобы эти средства были использованы для укрепления их обороноспособности (см. *Abbott F. F., Johnson A. C. Municipal Administration in the Roman Empire. Princeton, 1926, p. 53*).

⁹ Зограф А. Н. Античные монеты. — МИА, 1951, 16, табл. 37, 1, 2; Анохин. Монетное дело..., с. 60 сл., табл. XIII, 201.

¹⁰ Ростовцев. Цезарь и Херсонес, с. 18; Голенко К. В. Состав денежного обращения Херсонеса в I в. до н. э. — ВДИ, 1964, № 4, с. 50; Белов. Ук. соч., с. 97; Гайдукевич. История..., с. 89.

¹¹ Голубцова. Ук. соч., с. 72; Кадеев. Херсонес Таврический..., с. 15.

¹² Голенко. Ук. соч., с. 51—53; Кадеев. Херсонес Таврический..., с. 15.

¹³ Анохин. Монетное дело..., с. 61.

¹⁴ *Strabo*, VII, 4,3. Пер. Г. А. Стратановского.

¹⁵ Белов. Ук. соч., с. 96; Анохин. Монетное дело..., с. 74; Кадеев. Херсонес Таврический..., с. 15, 17.

¹⁶ Ростовцев М. И. Страбон как источник для истории Боспора. — Сб. в честь В. А. Бузескула. Харьков, 1914, с. 379; Стратановский Г. А. Страбон и его «География». — В кн.: Страбон. География в 17 книгах. Пер. Г. А. Стратановского. М., 1964, с. 787; «География» Страбона была закончена около 7 г. до н. э. и вышла в свет уже после смерти автора без авторской редакции.

¹⁷ Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Пг., 1925, с. 10, 43, 140.

¹⁸ *Strabo*, VII, 4, 7.

¹⁹ Непонятно, к какому времени относит слова Страбона (VII, 4, 3) о подчинении Херсонеса Боспору В. И. Кадеев (Херсонес Таврический..., с. 15) — здесь он указывает, что они косвенно свидетельствуют об утрате Херсонесом элевтерии при Ан-

но, вывод о зависимости Херсонеса от Боспора в конце 40-х — начале 30-х годов I в. до н. э. базируется на косвенных данных и в лучшем случае может рассматриваться в качестве гипотезы, построенной на допущениях и логических выводах, а не на данных надежных источников.

После смерти Фарнака на Боспоре власть захватил Асандр (47—17 гг. до н. э.)²⁰. Цезарь не признал законного характера его власти и поручил своему другу Митридату Пергамскому силой оружия свергнуть Асандра и занять боспорский престол. Однако в ходе борьбы с Асандром Митридат Пергамский был убит, и на Боспоре против воли Цезаря в качестве правителя утвердился Асандр. Заняв боспорский престол, Асандр женился на дочери Фарнака и внучке Митридата VI Динамии и тем самым укрепил свое положение на Боспоре²¹. Цезарь, занятый подготовкой к войне с Парфией, не предпринял против Асандра каких-либо действий и таким образом фактически признал его власть над Боспорским царством. Однако лишь после смерти Цезаря Асандр, вероятно, был признан боспорским царем, что и нашло отражение в его титулатуре на боспорских статерах²². Утвердившись на Боспоре, Асандр провел в жизнь ряд мер по укреплению границ Боспорского царства, одержал ряд крупных морских побед над пиратами и зарекомендовал себя в качестве сильного, энергичного правителя²³.

Внешнеполитическая обстановка, сложившаяся в начальный период правления Асандра, вероятно, позволила ему обратить свое внимание на Херсонес. Учитывая события, сопровождавшие его приход к власти на Боспоре²⁴, можно предполагать, что его действия против Херсонеса не были санкционированы Римом, а являлись личной инициативой царя, пытавшегося включить в состав Боспорского царства те города и области, которые входили в его состав при Митридате VI и Фарнаке. Момент для этого был выбран удачно, так как Рим, занятый после смерти Цезаря гражданскими войнами, не мог активно вмешиваться в боспорские дела. Это, очевидно, позволило Асандру, оставшемуся другом и союзником римлян²⁵, проводить относительно самостоятельную политику. Отсутствие надежных источников не позволяет говорить о том, как именно развивались события, но ряд весьма важных данных свидетельствует о стремлении Асандра подчинить своей власти Херсонес.

Важным источником по этому вопросу является сообщение Константина Багрянородного²⁶. В главе, посвященной истории Херсонеса, он писал о нескольких войнах Херсонеса, которые он вел с Боспором и варварами на Дунае. В свое время Т. Моммзен, исходя из легендарного характера сообщений Константина Багрянородного, не считал этот источник по

тонни около 42 г., до н. э., а на с. 17 сообщение Страбона используется им в качестве доказательства кратковременности эвтерии, подтвержденной Августом. Д. Б. Шелов относит это сообщение к митридатовскому времени (Города Северного Причерноморья и Митридат Евпатор.— ВДИ, 1983, № 2, с. 50).

²⁰ В. А. Анохин в своей новой книге о монетном деле Боспора, подготовленной к печати, полагает, что Асандр правил на Боспоре с 51/50 по 22/21 гг. до н. э.

²¹ Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.—Л., 1949, с. 313.

²² Там же, с. 314; он же. История..., с. 127; Голубцова. Ук. соч., с. 77.

²³ Гайдукевич. Боспорское царство, с. 314.

²⁴ Голубцова. Ук. соч., с. 75—80.

²⁵ Именно со времени Асандра в надписях боспорские цари начинают именоваться друзьями Цезаря и друзьями римлян. Подробнее см. КБН, с. 48, а также № 11, 30, 38, 40, 1046 и др.; Болтунова А. И. К надписи IOSPE, II, 400.— ВДИ, 1954, № 1, с. 173 сл.

²⁶ *Const. Porph.*, De adm. imp. 53.

истории Херсонеса достоверным²⁷. Несмотря на то что Р. Гарнетт, тщательно проанализировавший это место, признал события херсонесской истории, изложенные Константином Багрянородным, реальными²⁸, высокий авторитет Т. Моммзена привел к тому, что долгое время этот важный источник оставался вне поля зрения исследователей.

Только в 40-х годах В. Ф. Гайдукевич и Г. Д. Белов в своих работах учли данные Константина Багрянородного и отнесли описываемые им события к концу III — началу IV в. н. э.²⁹ Окончательную ясность в вопрос о «херсонесских легендах» Константина Багрянородного внес Я. Харматта, который убедительно показал, что эти сведения хорошо согласуются с содержанием сасанидской надписи из Пайкули и являются достоверным источником по истории боспоро-римской войны времени Диоклетиана³⁰. К этому можно добавить, что рассказ Константина Багрянородного о расширении территории Херсонеса к востоку вплоть до Феодосии подтверждается рукописью второй половины IV в. н. э., хранящейся в Гос. Историческом музее, в котором говорится о Херсонесе Таврическом с Кафой и Символоном (Балаклавой)³¹, и названы имена первых херсонесских архонтов, упомянутых в связи с описываемыми событиями³².

Таким образом, историческая основа данных Константина Багрянородного, использовавшего при написании своего труда херсонесские хроники³³, не вызывает сомнений. В связи с этим следует с большим вниманием, чем это делалось ранее, отнестись к подробностям рассказа Константина Багрянородного о подвиге Гикии, в котором упоминается сын боспорского царя Асандра, бывшего реальным правителем Боспорского царства во второй половине I в. до н. э. Это, а также ряд других данных позволили Р. Гарнетту, а вслед за ним Г. Д. Белову и В. А. Анохину отнести события, связанные с Гикией, не к IV в. н. э., а ко второй половине I в. до н. э.³⁴

Из рассказа о Гикии следует, что при царе Асандре имела место попытка Боспора захватить Херсонес, причем эта попытка осуществлялась не самим царем, а его сыном (мужем Гикии), которому Боспор оказывал в этом содействие. Однако благодаря патриотизму Гикии, раскрывшей заговор своего мужа против Херсонеса, план захвата города был сорван. Боспорские воины, тайно проникшие в Херсонес, были уничтожены, а Гикии «первенствующими» было обещано почетное погребение в пределах

²⁷ Моммзен Т. История Рима. Т. 5. М., 1949, с. 270, прим. 1.

²⁸ Garnett R. The Story of Gucia. — English Historical Review, 1897, XII, p. 100—105.

²⁹ Белов. Ук. соч., с. 129; Гайдукевич. Боспорское царство, с. 460 сл.

³⁰ Харматта Я. К истории Херсонеса Таврического и Боспора. — В кн.: Античное общество. М., 1967, с. 204—208.

³¹ Шангин М. А. Новый географический текст. — ВДИ, 1938, № 4, с. 252—254.

³² Кадеев. Херсонес Таврический..., с. 35, прим. 35.

³³ О летописании в Херсонесе уже в эллинистическую эпоху см. IOSPE, I², 344; Ростовцев М. П. Сприск — историк Херсонеса Таврического. — ЖМНП, 1915, т. 43, вып. 2, отдел классич. фил., с. 151 сл.; он же. Амага и Тиргатао. — ЗООИД, 1915, т. 32, в. 61; Струве В. В. Древнейший историк СССР. — В кн.: Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968, с. 147 сл. О наличии городских хроник в более позднее время свидетельствуют «Жития епископов херсонесских», в которых излагаются события позднеантичного времени. См.: Латышев В. В. Жития св. епископов херсонесских. — Записки АН, 1906, сер. VIII, т. VIII, № 3, с. 1—81.

³⁴ Garnett. Op. cit., p. 100—105; Белов. Ук. соч., с. 98 сл.; Анохин. Монетное дело..., с. 75 сл.

городской черты, а также воздвигнуты две статуи, одна из которых представляла геронню в боевом виде, защищающую город от врагов³⁵. В. А. Анохин отметил, что описание этой статуи совпадает с известным статуарным типом Девы, который со времен Фарнака появляется в качестве изображения на городских монетах³⁶. Правда, он не считает возможным прямо отождествлять изображение Девы на монетах с Гикией, но совершенно справедливо указывает, что популярность изображения Девы, защитницы города, в нумизматике Херсонеса конца I в. до н. э. — первых веков нашей эры и рассказ Константина Багрянородного о подвиге Гикии должны рассматриваться в тесной связи друг с другом³⁷. Они отражают попытку захвата Херсонеса и спасение города, которое было отнесено за счет чудотворного вмешательства богини Девы, как это уже случалось ранее³⁸. Впоследствии в связи с приспособлением к требованиям христианской идеологии языческие легенды были переосмыслены и в херсонесских хрониках, которые были отредактированы в эпоху раннего средневековья, появился рассказ о подвиге Гикии, спасшей Херсонес³⁹.

Исходя из рассказа Константина Багрянородного, а также учитывая косвенные данные нумизматики, можно сделать вывод о том, что в период правления Асандра на Боспоре была предпринята неудачная попытка захвата Херсонеса. Причем, судя по внешнеполитическим событиям, это могло произойти в период между смертью Цезаря (44 г. до н. э.) и битвой при Акцих (31 г. до н. э.), после которой Август, находясь на Востоке, приступил к упорядочению положения греческих городов⁴⁰.

В связи с этим особый интерес приобретает херсонесский декрет в честь неизвестного гражданина, по вопросу о датировке которого в литературе до последнего времени не было единого мнения⁴¹. В. И. Кадеев на основе сравнения палеографии этого декрета с эпиграфическими памятниками II—I вв. до н. э. доказал, что он может быть отнесен ко времени не позднее I в. до н. э.⁴² В. И. Кадеев считает, что такая датировка подтверждается и содержанием памятника. На основе того, что в тексте упоминается «величайший император и Сенат», В. И. Кадеев склонен датировать декрет временем между 29 и 23 гг. до н. э.⁴³

³⁵ *Constt. Porph.*, De adm. imp. 53.

³⁶ Зограф А. Н. Статуарное изображение Девы в Херсонесе по данным нумизматики. — ИРАИМК, 1922, II, с. 337—360; Анохин. Монетное дело..., с. 76.

³⁷ Анохин. Монетное дело..., с. 76.

³⁸ IOSPE, I², 343, 344, 353; Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1973, с. 84, № 125.

³⁹ Латышев Ук. соч., с. 16, 44; Анохин. Монетное дело..., с. 76.

⁴⁰ Машкин Н. А. Из истории римского гражданства. — Изв. АН СССР, 1945, сер. истории и философия, № 5, т. II, с. 365; он же. Принципат Августа. М. — Л., 1949, с. 486.

⁴¹ IOSPE, I², № 355. В. В. Латышев вслед за Р. Канья относил его ко времени Тиберия (IOSPE, I², р. 313). Е. С. Голубцова (ук., соч., с. 95 сл.) — к I в. до н. э.; М. И. Ростовцев (Из истории..., с. 15), В. Н. Дьяков (Оккупация Таврики Римом в I в. до н. э. — ВДИ, 1941, № 1, с. 90, прим. 3), К. Э. Гриневич (ук. соч., с. 230) и В. А. Анохин (Монетное дело..., с. 78) — к I в. н. э.; Б. Н. Граков и Ю. Г. Виноградов (Новые надписи из Херсонеса Таврического. — ВДИ, 1970, № 3, с. 128 сл.) — ко II в. н. э.

⁴² Кадеев. Херсонес, Боспор и Рим..., с. 57; он же. Херсонес Таврический..., с. 15. Эта датировка В. И. Кадеева была поддержана В. Ф. Шеловым-Коведяевым (Новый декрет из Херсонеса. — ВДИ, 1982, № 2, с. 83). Э. И. Соломоник, проведя специальный палеографический анализ надписи, пришла к выводу о том, что ее следует датировать рубежом нашей эры (Граффити с хоры Херсонеса. Киев, 1984, с. 9).

⁴³ Кадеев. Херсонес Таврический..., с. 15, прим. 4.

В тексте декрета говорится, что чествуемый, возвратившись в Херсонес, нашел граждан во власти тирана⁴⁴. Избранный, очевидно, для действий против тирана, он «без пролития крови сделал город счастливым». Далее речь идет о смятении, убийстве из-за гнева простого народа. Затем чествуемый гражданин был избран эпимелетом, заботился об укреплении города и хоры, провел ревизию средств города и помог хлебом согражданам ввиду угрозы войны с кем-то из соседей и видя бедственное положение граждан, «не щадя ни затраты денежных средств, ни тела, ни души». Как уже говорилось, в декрете упоминаются величайший император, сенат и римский народ, а также «исконная свобода херсонесцев». В декрете говорится, что сторонники изгнанного тирана начали в городе смуту и призвали на помощь свергнутого тирана, который с многочисленным войском подошел к Херсонесу, но благодаря усилиям чествуемого лица тиран ушел ни с чем. В заключительной части надписи упоминаются чьи-то сыновья и дочь, находившиеся «во власти противной стороны», и о «естественной к ним привязанности», которая побудила отца к каким-то действиям. К. Э. Гриневич и Е. С. Голубцова считают, что в данном случае речь идет о детях тирана, захваченных херсонесцами, и о вынужденной его уступчивости⁴⁵. Заканчивается надпись постановлением совета и народа об увековечивании памяти чествуемого лица и об установке ему в городе статуи.

Следует подчеркнуть, что в рассказе Константина Багрянородного и в тексте декрета в честь неизвестного херсонесского гражданина есть определенные совпадения. И в этом, и в другом случае речь идет не о самом боспорском царе, в котором можно видеть «тирана», упомянутого в декрете, а о его сторонниках и его сыне, которому «тиран» оказывал поддержку вооруженными силами. Кроме того, в рассказе Константина Багрянородного говорится, что муж Гикии был сыном Асандра, а сама Гикия — дочерью «венценосца и первенствующего» Ламаха. В декрете также упоминаются чьи-то сыновья и дочь. Таким образом, если датировка декрета, предложенная В. И. Кадевым, верна, то не следует ли в рассказе Константина Багрянородного о Гикии и декрете видеть отражение одних и тех же событий? Эти события, скорее всего, были связаны с попыткой боспорского царя Асандра захватить Херсонес, воспользовавшись пробоспорской ориентацией части херсонесских граждан, что вызвало не только военные действия, но и привело к вспышке социально-политической борьбы в Херсонесе.

Упоминание в декрете римского императора, Сената, римского народа и «исконной свободы херсонесцев», в котором обычно видят отголоски попыток Херсонеса получить от Рима элевтерию⁴⁶, не противоречит сказанному, так как угроза захвата города боспорским царем должна была побудить херсонесскую гражданскую общину обратиться за помощью к Августу. В сложившейся во второй половине I в. до н. э. обстановке только римский император был той реальной политической силой, которая могла выступить в качестве арбитра во взаимоотношениях Херсонеса с Боспором.

Очевидно, в результате посольства к Августу, в котором принял участие херсонесский гражданин, чествуемый в декрете, независимость Хер-

⁴⁴ Изложение надписи см.: *Ростовцев. К истории...*, с. 15; *Гриневич. Ук. соч.*, с. 230; *Голубцова. Ук. соч.*, с. 95; *Соломоник. Граффити...*, с. 9 сл.

⁴⁵ *Гриневич. Ук. соч.*, с. 230; *Голубцова. Ук. соч.*, с. 96.

⁴⁶ *Ростовцев. К истории...*, с. 15; *Гриневич. Ук. соч.*, с. 230; *Белов. Ук. соч.*, с. 100; *Голубцова. Ук. соч.*, с. 95; *Кадева. Херсонес Таврический...*, с. 16.

сонеса от Боспора была подтверждена ⁴⁷. Августом, вероятно, была определена правовая основа, на которой в дальнейшем должны были строиться взаимоотношения Херсонеса и Боспора. Это предположение хорошо согласуется с общим направлением политики Августа, которую он проводил по отношению к греческим городам восточной части империи после битвы при Акции ⁴⁸.

Какие-то мероприятия Августа по отношению к Херсонесу наряду с избавлением от прямой угрозы захвата города боспорскими правителями и могли послужить тем поворотным пунктом в истории Херсонеса, который был ознаменован введением нового летосчисления в 24 г. до н. э. Косвенно в пользу такого вывода свидетельствует и то, что подтверждение «свободы» Августом после битвы при Акции в греческих городах часто сопровождалось введением новых эр ⁴⁹. Интересно, что введение в Херсонесе в 24 г. до н. э. нового летосчисления хронологически близко дарованию элевтерии Хиосу (26 г. до н. э.), Митилене (25 г. до н. э.), Самосу (19 г. до н. э.) и другим греческим центрам ⁵⁰.

Новое летосчисление, введенное в 24 г. до н. э. в Херсонесе, обычно рассматривается как результат подтверждения Августом элевтерии городской общине, дарованной еще Цезарем. При этом исследователи оговаривают, что «свобода» была кратковременной и вскоре Херсонес вновь попадает в зависимость от Боспора ⁵¹. Однако отсутствие в херсонесской нумизматике каких-либо данных об элевтерии не позволяет безоговорочно принять этот вывод, так как хорошо известно, что при Цезаре и Антонине Пие, когда Херсонес получил «свободу» от римских императоров, городской монетный двор ознаменовал это событие специальным выпуском монет ⁵². Следовательно, применительно к событиям, сопровождавшим введение нового летосчисления, если они, конечно, были связаны с подтверждением элевтерии Августом, мы вправе ожидать такой же реакции херсонесской нумизматики, как это обычно было в других греческих городах, получивших элевторию ⁵³.

Права «свободных» городов на территории Римской империи регулировались не взаимным договором, как это было в случае с *civitates foederatae*, а на основании закона или решения Сената, имевшего силу закона ⁵⁴. К категории *civitates liberae* обычно причислялись города, добровольно перешедшие на сторону Рима или доказавшие свою верность в период военных действий, а также городские общины, пользовавшиеся милостями императоров за какие-то заслуги, дары или ходатайства ⁵⁵. Иными словами,

⁴⁷ Вполне возможно, что в этих событиях какую-то роль сыграл римский гражданин Корнелий Пудент (*Cornelius Pudens*), упоминающийся в одной херсонесской проксии, датирующейся временем Августа (*IOSPE*, I², № 356).

⁴⁸ Голубцова. Ук. соч., с. 92; Максимова М. И. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.—Л., 1956, с. 357.

⁴⁹ Ростовцев. Цезарь и Херсонес, с. 4; Кадеев. Херсонес Таврический..., с. 17.

⁵⁰ Jones A. H. M. *The cities of the Eastern Roman Provinces*. Oxf., 1940, p. 131; Машкин. Принципат Августа, с. 486—487; Максимова. Ук. соч., с. 357; Кадеев. Херсонес Таврический..., с. 16.

⁵¹ Белов. Ук. соч., с. 98; Зограф. Античные монеты, с. 155; Гайдукевич. История..., с. 89; Кадеев. Херсонес Таврический..., с. 17.

⁵² Аногин. Монетное дело..., с. 148, № 200—201; с. 152—156, № 250—308.

⁵³ RE, V, 1905, Sp. 2346 f.

⁵⁴ Marquardt J. *Römische Staatsverwaltung*. Bd I, Lpz, 1881, S. 71, 76—84; Жебелев С. А. АХАЙКА. В области древностей провинции Ахайи. СПб., 1903, с. 99 сл., 106—138; Abbott, Johnson. Op. cit., p. 40; Кудрявцев О. В. Эллинические провинции Балканского полуострова во II в. н. э. М., 1954, с. 120—122.

⁵⁵ Strabo, XVIII, 3, 34; Tac., Ann. XVI, 61; Marquardt. Op. cit., S. 76—84; Abbott, Johnson. Op. cit., p. 40. В 46 г. до н. э. Херсонес получил элевторию благодаря хода-

«свобода» греческим городам давалась как подарок или милость, однако эта милость ограничивалась определенным сроком, который зависел от решения сената или воли правящего императора. Такая «свобода», данная в одностороннем порядке, могла быть в любой момент аннулирована или вновь подтверждена⁵⁶.

Говоря о правах *civitates liberae*, следует учитывать, что в греческом языке этому правовому понятию соответствовали *ἐλευθερία* и *αὐτονομία*. Причем, насколько можно судить по имеющимся данным, *ἐλευθερία* была более широким понятием и соответствовала независимости в римском ее понимании⁵⁷. Города, ставшие *ἐλεύθεροι*, могли, видимо, по своему усмотрению изменять свои законы, даровать гражданские права и не были, хотя и формально, подчинены администрации провинции⁵⁸. В этом отношении показательна надпись из греческого города Акрефии, в которой говорится, что император Нерон даровал Греции «свободу» и автономию (*ἐλευθερία καὶ αὐτονομία*), присоединив к этому освобождение от налогов (*ἀνεισφορία*). При этом в надписи особо подчеркивается тот факт, что эти права дарованы в полном объеме (*ὀλοτελεῖ*), чего до Нерона еще никто не делал⁵⁹. Различает эти два понятия и Аристид, который в своей похвальной речи Риму говорит, что Афинам и Спарте было даровано право стать *ἐλευθέρους καὶ αὐτονόμους*⁶⁰.

Термин «автономия» в римское время часто применялся для обозначения правового положения греческих городских общин на Востоке империи⁶¹. Автономия гарантировала городу право *uti suis legibus*⁶², однако эта привилегия могла проводиться в жизнь только под наблюдением римской администрации⁶³. Очевидно, в данном случае дарование прав гражданства и изменение тех или иных местных законов должно было быть согласовано с наместником провинции⁶⁴.

Однако не следует думать, что дарование «свободы» всегда непременно сочеталось с иммунитетом. Освобождение от налогов даровалось одновременно со свободой только до времени Помпея⁶⁵, а впоследствии «свобода» и иммунитет четко разграничивались⁶⁶. Причем иммунитет был временной мерой, как правило, касался отдельных налогов и предоставлялся очень немногим городам⁶⁷. «Свободные» города, следовательно,

тайству Гая Юлия Сатира, очевидно лично знакомого с Цезарем (см. IOSPE I², 691; *Кадева*. Херсонес Таврический..., с. 14), а во II в. н. э. — благодаря вмешательству «отцов гераклеотов» (IOSPE, I², 423).

⁵⁶ *Suet.*, Tit. 8; *Кудряцев*. Ук. соч., с. 47.

⁵⁷ *Strabo*, XVII, 3, 24; *Кёне Б. В.* Исследования об истории и древностях города Херсонеса Таврического. СПб., 1848, с. 96 сл.

⁵⁸ *Marquardt*. Op. cit., S. 73; 84; *Abbott, Johnson*. Op. cit., p. 40.

⁵⁹ *Syll.*³, 814; *Жебелев*. Ук. соч., с. 89; *Кудряцев*. Ук. соч., с. 125.

⁶⁰ *Моммзен*. Ук. соч., с. 285, прим. 2. Русский перевод см.: *Турцевич И. Г.* Панегирик Риму Элия Аристида. Нежин, 1907, с. 1—33.

⁶¹ *Кёне*. Ук. соч., с. 96; *Abbott, Johnson*. Op. cit., p. 40.

⁶² *Plin.*, Epp. ad Trai. X, 92.

⁶³ *Marquardt*. Op. cit., S. 78; *Abbott, Johnson*. Op. cit., p. 40, not. 1; *Кудряцев*. Ук. соч., с. 121 сл.

⁶⁴ Для Тире императорским распоряжением было установлено, что дарование гражданских прав новым гражданам находилось под непосредственным контролем наместника провинции (IOSPE, I², 4).

⁶⁵ Впервые это было четко определено в Киренейских эдиктах 7—6 гг. до н. э. (*Sherwin-White A. N.* The Roman Citizenship. Oxf., 1939, p. 189).

⁶⁶ *Жебелев*. Ук. соч., с. 88 сл., 99 сл.; *Abbott, Johnson*. Op. cit., p. 44, 47; *Ранович А. Б.* Восточные провинции Римской империи в I—III вв. н. э. М.—Л., 1949, с. 29, 45 сл.

⁶⁷ *Жебелев*. Ук. соч., с. 365; *Кудряцев*. Ук. соч., с. 128.

были не только лишь формально свободными, но и не освобождались от бремени налоговой политики Рима⁶⁸. Естественно, что не везде и не в отношении всех «свободных» городов налоговая политика была одинаковой. Но даже если город по каким-то причинам освобождался от особенно разорительных налогов, «свободные» города должны были делать «добровольные» взносы, от которых не освобождали ни союзные отношения, ни иммунитет, дарованный по тому или иному поводу⁶⁹.

К категории «свободных» городов относились и городские общины, которые были подчинены Риму, но располагались за пределами римских провинций. Правовое положение таких городов определялось обычно *lex civitatis* в каждом конкретном случае в зависимости от условий и политической ситуации⁷⁰.

Приведенные данные позволяют предполагать, что при Августе в отношении Херсонеса, располагавшегося вне пределов территории Римской империи, был принят *lex civitatis*, в котором был оговорен юридический статус гражданской общины и права, дарованные городу. Отсутствие упоминания об элевтерии на херсонесских монетах, выпущенных после 24 г. до н. э., говорит о том, что Херсонес в это время не получил элевтерии в полном объеме, а городу были дарованы какие-то права, о содержании которых можно только догадываться. Возможно, эти права были близки автономии, которая часто предоставлялась греческим городам в восточной части империи⁷¹. Херсонесская нумизматика никак не отреагировала на это событие, что является дополнительным аргументом в пользу вывода об ограниченном характере этих прав. Высказанное предположение косвенно подтверждается и тем, что в отличие от Цезаря Август значительно уменьшил раздачу привилегий греческим городам, а для укрепления позиций империи пошел по пути устройства римских колоний, которые по его замыслу должны были стать опорой и проводником римской политики на Востоке⁷². В рамках этого закона или распоряжения императора могли быть урегулированы отношения города с боспорскими царями и оговорена необходимость вступления Херсонеса в оборонительный союз с Боспором⁷³.

В. И. Кадеев вслед за М. И. Ростовцевым, Г. Д. Беловым и В. Ф. Гайдукевичем полагает, что элевтерия, подтвержденная Августом, была кратковременной и вскоре по воле Рима город заключил союз с Боспором, который в дальнейшем привел к зависимости города от боспорских правителей, хотя формально «свобода» и не отменялась⁷⁴. В качестве косвенного аргумента в пользу такого вывода В. И. Кадеев ссылается на фрагмент письма Полемона I херсонеситам⁷⁵.

⁶⁸ *Diod.*, 37; 1; *Tac.*, Ann. XV. 45; *Plut.*, Caes. 4; *Juvenal*, VIII, 107a.

⁶⁹ *Strabo*, VIII, 5,5; SHA, Ant. Pius, III, 3, 105; *Ранович*. Ук. соч., с. 220; *Кудрявцев*. Ук. соч., с. 147; *Jones A. H. M.* The Greek City from Alexander to Justinian. Oxf., 1940, p. 138—140.

⁷⁰ *Marquardt*. Op. cit., p. 84.

⁷¹ *Кёне*. Ук. соч., с. 96; *Abbott, Johnson*. Op. cit., p. 40, not 1.

⁷² *Машкин*. Принципат Августа, с. 487; *Голубцова*. Ук. соч., с. 94; *Максимова*. Ук. соч., с. 357.

⁷³ О каких-то контактах между Херсонесом и боспорскими царями уже в III в. до н. э. позволяет говорить почетный декрет в честь Сирииска (IOSPE, I², 423). Скорее всего, эти отношения строились на взаимовыгодной основе и были направлены на достижение союза в борьбе с варварами. См. *Жебелев С. А.* Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре.— В кн.: Северное Причерноморье. М.—Л., 1953, с. 88.

⁷⁴ *Ростовцев М. И.* Эллинизма и иранство на юге России. Пг., 1918, с. 153; *Белов*. Ук. соч., с. 97; *Гайдукевич*. История..., с. 89; *Кадеев*. Херсонес Таврический..., с. 17.

⁷⁵ IOSPE, I², 704; *Кадеев*. Херсонес Таврический..., с. 17, прим. 6.

После смерти Асандра и непродолжительного самостоятельного правления Динамии⁷⁶ к власти на Боспоре пришел Скрибоний, который, женившись на Динамии, заявил свои претензии на боспорский престол. Однако захват власти Скрибонием произошел вопреки воле Рима, и зять Августа Агриппа отправил на Боспор понтийского царя Полемона, который должен был изгнать Скрибония и воцариться на боспорском престоле⁷⁷. Естественно, что при подготовке экспедиции Полемона римляне должны были использовать вооруженные силы Херсонеса, которые могли оказать деятельную поддержку Полемену против неугодного Риму правителя. В этом нет ничего необычного, так как даже формально «свободные» города должны были блюсти «величие римского народа» (*majestatem populi romani*) и поддерживать империю во всех ее внешнеполитических начинаниях⁷⁸. Поэтому помощь Полемену I, который действовал по воле и в интересах Рима, была обусловлена самим политическим статусом города, которому, как мы предполагаем, Августом около 24 г. до н. э. были дарованы определенные права.

Что же касается письма Полемона I херсонеситам, начинавшегося формулой «Царь Полемон, благочестивый, приветствует Совет и народ херсонесцев...»⁷⁹, то, как отметила К. М. Колобова, такая форма обращения царей всегда применялась в отношении городов, пользовавшихся правами самоуправления и элевтерий⁸⁰. Помимо этого, понятие «симмахия» (*συμμαχία*), упоминание о которой имеется в одной из херсонесских надписей времени Полемона I⁸¹, не обозначала какой-либо степени политического подчинения, а использовалась в греческом языке применительно к военным союзам⁸².

Следовательно, письмо Полемона I никоим образом не может рассматриваться в качестве требования к Херсонесу прислать в помощь Полемену I военный отряд. Скорее всего, это могла быть просьба о военной помощи на основании договора о союзе или же письмо, в котором выражалась благодарность за участие херсонесских войск в каком-то военном предприятии Полемона I⁸³. Вполне возможно, что это письмо послужило основанием херсонесскому Совету издать декрет в честь неизвестного гражданина, командовавшего вспомогательным отрядом, отправленным на помощь Полемену⁸⁴.

⁷⁶ В. А. Анохин (Монетное дело Боспора. Киев, 1986, с. 80) полагает, что после смерти Асандра на протяжении 21/20—17/16 гг. до н. э. на Боспоре самостоятельно правила царица Динамия.

⁷⁷ Гайдукевич. Боспорское царство, с. 315.

⁷⁸ Кареев Н. Государство-город античного мира. СПб., 1903, с. 198—299.

⁷⁹ IOSPE, I², 704; Колобова К. М. Политическое положение городов в Боспорском государстве. — ВДЦ, 1953, № 4, с. 55. Иногда в литературе говорится, что в этой надписи Полемон назван «спасителем херсонесцев» (Гайдукевич. Боспорское царство, с. 322). Однако с этим согласиться трудно, так как по боспорским надписям хорошо известно, что *εὐσεβής* и *σωτήρ* часто применялись в качестве эпитетов боспорских царей (КБН, 30, 32, 34, 36, 38—41, 935, 982 и др.).

⁸⁰ Традиционная точка зрения о зависимости Херсонеса от Боспора привела К. М. Колобову к противоречивым выводам (ук. соч., с. 55 сл.). Она пишет, что указанная форма обращения была характерна для обращения к городу, находившемуся в составе Боспорского царства. Но далее говорит о том, что такая форма обращения характерна для города, имевшего права самоуправления и элевтерий, а также признает право Херсонеса сохранять особое положение, но в составе Боспорского царства.

⁸¹ IOSPE, I², 419.

⁸² L — S — J, s. v. *συμμαχία*.

⁸³ Это предположение кажется очень вероятным, если учесть, что на протяжении своего царствования Полемон часто воевал и, очевидно, остро нуждался в военной помощи. Подробнее см. Гайдукевич. Боспорское царство, с. 316.

⁸⁴ IOSPE, I², 419.

Военный союз между Боспором и Херсонесом сохранялся и позднее, о чем свидетельствуют надписи с упоминанием посла царицы Динамии и фрагмент постаментов с посвящением боспорского царя Аспурга⁸⁵. Не исключено, что Херсонес участвовал в одной из войн с таврами и скифами, которых, как известно из надписей, покорил Аспург. Исходя из этих надписей, можно говорить о том, что Херсонес в правление Аспурга был независим от Боспора, так как в перечне подвластных этому царю народов и городов Херсонес не упоминается⁸⁶.

Трудно сказать, как долго просуществовал боспоро-херсонесский союз, но есть основания полагать, что он был разорван в связи с событиями боспоро-римской войны 45—49 гг. н. э.⁸⁷ Эта война, которая велась против Митридата VIII римскими войсками, приняла затяжной характер и, видимо, потребовала от Рима значительного напряжения сил. Херсонес, очевидно, не мог остаться в стороне от этого конфликта и выступил на стороне Рима против своего бывшего союзника⁸⁸. Именно с участием Херсонеса в боевых действиях против Митридата VIII В. А. Анохин связывает начавшийся в 47 г. н. э. выпуск городским монетным двором золотых статов с изображением божества Херсонес и Девы с луком и копьем⁸⁹. Несколько позже в городе начинается чеканка медных монет с изображением Ники с пальмовой ветвью на реверсе, которые, очевидно, ознаменовали окончание этой войны и победу над Митридатом VIII⁹⁰. Вполне возможно, что наряду с получением права выпуска золотых монет (выпуски 47 и 49 гг.) Херсонесу были дарованы еще какие-то льготы⁹¹, однако отсутствие на херсонесских монетах упоминания об элевтерии не позволяет предполагать дарование «свободы» городу в это время. Очевидно, право золотой чеканки, а возможно, и другие льготы были получены в тех юридических рамках, которые были определены для херсонесской гражданской общины еще Августом около 24 г. до н. э.

Проримская политика Херсонеса в это время, вероятно, привела к появлению монет, впервые датированных по херсонесской эре⁹². Это явление в херсонесской нумизматике было вызвано, очевидно, желанием подчеркнуть устойчивый характер внешнеполитической ориентации города и независимость его от Боспора еще со времен Августа, который выступил как арбитр при урегулировании отношений между этими северо-причерноморскими центрами. Устойчивые связи, а возможно, и оборонительный союз Херсонеса с Римом поддерживались и позднее, о чем свидетельствует обращение городской общины в третьей четверти I в. н. э. за помощью к наместнику провинции Мезия⁹³, вслед за которым последовал поход Плавтия Сильвана против скифов⁹⁴.

⁸⁵ IOSPE, I², 354, p. 477; 573.

⁸⁶ КБН, 39, 40.

⁸⁷ Шелов Д. Б. Римляне в Северном Причерноморье во II в. н. э. — ВДИ, 1981, № 4, с. 52 сл.

⁸⁸ Кадеев. Херсонес Таврический..., с. 19.

⁸⁹ Анохин. Монетное дело..., с. 77, 149, № 215.

⁹⁰ Там же, с. 77, 149, сл., № 219—222.

⁹¹ Косвенным аргументом в пользу такого предположения может служить указание Тацита (Ann. XII, 63) на то, что император Клавдий освободил Византий на пять лет от налогов в связи с истощением средств в ходе войн с фракийскими царями и Боспорским царством.

⁹² Анохин. О начале..., с. 72; он же. Монетное дело..., с. 64.

⁹³ IOSPE, I², 420.

⁹⁴ Кадеев. Херсонес Таврический..., с. 20 сл.

Приведенные соображения не позволяют считать твердо установленным, что после смерти Цезаря Херсонес вновь попал в зависимость от Боспора. Скорее наоборот, источники говорят об упорной борьбе Херсонеса за свою независимость, в которой арбитром между городом и боспорскими правителями выступила римская администрация. Очевидно, около 24 г. до н. э. при активном вмешательстве Рима были урегулированы взаимоотношения города с Боспором. Херсонесской гражданской общине были дарованы какие-то права, и, исходя из внешнеполитической ситуации, по инициативе и при содействии Рима между Херсонесом и Боспором был заключен военный союз. При этом следует особо подчеркнуть, что в эпиграфических источниках, имеющихся в нашем распоряжении и свидетельствующих о связях Херсонеса и Боспора в этот период, упоминаются только те боспорские цари, которые были признаны Римом и проводили проримскую внешнюю политику (Полемон I, Динамия, Аспург)⁹⁵.

Таким образом, точка зрения о зависимости Херсонеса от Боспора на рубеже нашей эры не может быть принята и должна быть критически пересмотрена на основании имеющихся данных. Херсонес уже в конце I в. до н. э. был прочно связан с Римом, включен в орбиту его внешней политики и впоследствии стал основным опорным пунктом Римской империи в Северном Причерноморье⁹⁶.

В. М. Зубарь

⁹⁵ Подробнее см. КБН, 38, 40, 978, 1046; *Гайдучевич*. Боспорское царство, с. 317, 323; *Болтунова*. Ук. соч., с. 173 сл.; *Блаватский В. Д.* О культуре римских императоров на Боспоре. — В кн.: *Античная археология и история*. М., 1985, с. 192.

⁹⁶ Интересно, что в договоре Фарнака I с Херсонесом, который датируется 179 г. до н. э., сказано, что «стороны будут соблюдать дружбу с римлянами и ничего не совершат против них» (*Ленер П. Х.* Херсонесские надписи. — ИАФ, 1912, вып. 45, с. 23 сл.). Этот эпиграфический источник, очевидно, пока является самым ранним документом, свидетельствующим об интересе Рима к Херсонесу.

CHERSONÈSE EN TAURIDE AU SEUIL DE NOTRE ÈRE

V. M. Zubar'

Une analyse des sources relatives aux rapports entre Chersonèse et le Bosphore à la fin du Ier s. av. n. è. et au début du Ier s. de n. è. permet de conclure que Chersonèse lut-tait obstinément à cette époque pour rester indépendant vis à vis du Bosphore avec pour arbitre l'administration romaine. Vers 24 av. n. è., les rapports entre Chersonèse et le Bosphore furent réglés grâce à une ingérence active de Rome. La communauté chersonésite se vit accorder certains privilèges et un statut juridique et, toujours à l'initiative et avec le concours de Rome, une alliance militaire fut conclue entre ces deux centres.

Le point de vue selon lequel Chersonèse serait tombé sous la coupe du Bosphore au seuil de notre ère — opinion maintes fois émise dans la littérature à ce sujet — ne peut plus être accepté sans réserves et doit être révisé avec esprit critique compte tenu des données existantes. Dès la fin du Ier s. av. n. è., Chersonèse était étroitement lié à Rome, intégré dans la sphère de la politique étrangère romaine et devint ultérieurement le principal appui de l'empire dans la Région pontique du Nord.

НЕКОТОРЫЕ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ КНИГ ПЛИНИЯ СТАРШЕГО

Географические книги Плиния Старшего (кн. III—VI) являются существенной частью его «Естественной истории», которая представляет собой энциклопедию научных знаний своего времени. Поэтому неудивительно, что общий план и структура описания отдельных провинций у Плиния вызвали большой интерес ученых. Рассмотрению этих вопросов посвятили свои труды крупнейшие исследователи Плиния — Д. Детлефсен¹, А. Клотц², О. Кунц³ и — относительно италийских книг — Р. Томсен⁴. В своих работах они показали, что описание каждой провинции у Плиния представляет собой соединение двух разнородных частей — хорографического перипла, восходящего к Варрону, и юридических таблиц, т. е. алфавитных списков городов провинции с указанием их правового статуса. Таблицы эти были составлены на материале цензовых списков по приказу Августа, а для Италии, вероятно, и при его личном участии. Обе части географического описания Плиния сохранили черты и особенности своих источников, поэтому они не представляют ни смыслового, ни стилистического единства.

Принимая в целом выводы этих исследователей, мы считаем, однако, что Плиний предполагал подвергнуть свои географические книги HN серьезной обработке, в результате которой обе части его труда должны были составить органическое целое. Видимо, он проделал эту работу (хотя и не до конца) только относительно первой из описываемых им провинций — Бетики и цель настоящей статьи состоит в попытке обосновать это предположение, ограничившись сопоставлением описания Бетики и Тарраконской провинции. Хорографические экскурсы касаются обыкновенно только прибрежных районов и представляют собой перечисление географических объектов — городов, рек, озер, гор, памятных мест — в том порядке, который дает береговая линия. Здесь же автор сообщает краткие исторические сведения о стране и населяющих ее племенах. Важной чертой хорографического перипла является четкая географическая локализация: если речь идет о городе, Плиний указывает, где он расположен, у какой реки, в скольких милях от морского берега, какие города находятся рядом; если описывается река, автор прослеживает все изгибы ее течения, сообщает, где ее истоки, судоходна ли она. Юридический статус городов в перипле, за немногими исключениями, не указывается.

Таблицы Августа, включенные Плинием в текст HN, напротив, являются, по его же выражению, *locorum nuda nomina* (III, 2), т. е. алфавитными списками, состоящими из одних названий городов с указанием их правового статуса. Так как они расположены по алфавиту, то, как предупреждает Плиний, реальное географическое положение городов не учитывается (III, 46) и кроме городов и племен списки не содержат иных географических объектов. Д. Детлефсен выделил две характерные особенно-

¹ *Detlefsen D.* Varro, Agrippa und Augustus als Quellenschriftsteller des Plinius für die Geographie Spanien. In: *Commentationes Philolog. in honorem Theodori Mommseni*, 1887, S. 23 ff.; *idem.* Die Anordnung der geographischen Bücher des Plinius und ihre Quellen. B., 1909.

² *Klotz A.* *Quaestiones Plinianaе geographicæ.* B., 1907.

³ *Cuntz O.* *De Augusto Plinii geographicorum auctore.* Bonn, 1888.

⁴ *Thomsen R.* *The Italic regions from Augustus to the Lombard invasion.* København, 1947.

сти таблиц, позволяющие с точностью определить, какие параграфы Плиния восходят к этому источнику: во-первых, разделение городов на правовые категории, во-вторых, алфавитный порядок расположения их внутри этих категорий⁵. О. Кунц обратил внимание на то, что в таблицах города именуются не по своему географическому названию, а по «этнокону». Это означает, что в таблицах вместо названия города (например, Дертоса) дается имя его жителей (дертосане). А. Клотц присоединяется к этому мнению. К такому же выводу на материале италийских книг пришел Р. Томсен⁶. Д. Детлефсен смог привести лишь один пример, когда это общее правило нарушается и в списках города значатся не по «этнокону», а именно, в списках для Бетики.

Обратимся непосредственно к главам Плиния, посвященным испанским провинциям. Описание Бетики и Тарраконской провинции, как отмечает Д. Детлефсен, составлено по одному плану⁷. Вначале Плиний помещает общую статистическую сводку, основанную на таблицах Августа. Здесь сообщается общее число городов провинции и сколько из них принадлежит к каждой юридической категории. Потом следует несколько параграфов, посвященных хорографическому описанию. Д. Детлефсен отмечает, что в ряде случаев и здесь указан юридический статус называемых общин. Это, по мнению исследователя, свидетельствует о том, что Плиний использовал таблицы Августа и для хорографического перипла. Однако деления на правовые категории здесь нет. После хорографического описания помещены списки городов провинции по конвентам, основанные на юридических таблицах Августа. Описание Тарраконской провинции полностью соответствует вышесказанному плану, поэтому начнем наше исследование именно с него, хотя первым помещено описание Бетики. Сначала помещена статистическая сводка: «Вся провинция разделена на семь конвентов: Карфагенский, Тарраконский, Цезаравгустанский, Клуниенский, конвент Астуров, Луценский конвент и конвент Бракаров... В провинции... 179 городов; из них 12 колоний, 13 городов римского гражданства, 18 — старого латинского, один город союзников, 135 — стипендиариев» (III, 18). Затем следует хорографическое описание провинции: названы важнейшие города и реки Тарраконской провинции, приведены данные о ее размерах. Расстояние дается в римских милях. Исторических сведений, а также экскурсов о происхождении местных племен здесь нет, зато указан юридический статус 11 общин: «Колония Новый Карфаген, иммунитетная колония Илици... приписанные к ней икоситане. Луцент, город латинских граждан, Дианий, город стипендиариев, колония Валенция, Сагунт — город римских граждан, колония Тарракон, колония Барцинон, города римских граждан Бетулон и Илурон» (III, 19—22). Как уже говорилось, это свидетельствует об использовании Плинием таблиц Августа и для хорографического перипла.

Завершив хорографическое описание, Плиний обращается к юридическим спискам. Начинает он эту часть фразой: *Nunc per singulos conventus reddentur insignia praeter supra dicta*⁸ — «Теперь будут перечислены замечательные города по отдельным конвентам, кроме названных выше».

⁵ *Detlefsen. Die Anordnung...*, S. 26—34.

⁶ *Cuntz. Op. cit.*, p. 506 sqq.; *Klotz. Op. cit.*, p. 89 sqq.; *Thomsen. Op. cit.*, p. 17 ff.

⁷ *Detlefsen. Die Anordnung...*, S. 39—41.

⁸ А. Клотц полагает, что Плиний имеет в виду *insignia oppida* (*op. cit.*, p. 93—94).

Список для каждого конвента разделен на юридические категории (III, 23): колонии, города римских граждан, города латинского гражданства, свободные муниципии, союзные и стипендиарии. Внутри этих категорий названия городов, во-первых, даются по алфавиту, а во-вторых, эти названия имеют форму «этникона». Все списки составлены по этому принципу. Для примера приведем список городов Тарраконского конвента: «К Тарракону относятся 42 народа: самые знаменитые из них — это из римских граждан: дертосане, бисгаргитане; из латинских граждан: авсетане, церретане, которых называют юлиане, и церретане, которых называют августане, эдетане, герунденсы, гессориенсы, теары юлиенсы; из стипендиариев: аквикальденсы, эсоненсы, бекулоненсы» (III, 23).

Как мы видим, список городов конвента имеет следующий вид: сначала сообщается общее число общин конвента, затем приводится алфавитный список важнейших из них для каждой юридической категории. Наименования везде даются по «этникону», из-за чего подчас получается грамматически некорректная фраза: *Caput Celtiberiae Segobrigenses, Carpetaniae Toletani* «Столица Кельтиберии сегобригенсы и Карпетании — толетане» (III, 25).

Как мы говорили, таблицы Августа представляли собой списки названий одних только городов, и поэтому всякое упоминание об их географическом положении следует признать вставками, внесенными в текст самим Плинием. Таких вставок в списках для Тарраконской провинции почти нет. Только в § 24 мельком упомянута река Сикорис, а в § 25 — Таг. Кроме того, коротко описана столица Цезаравгустанского конвента (III, 24). Это позволяет прийти к выводу, что Плиний почти не внес изменений в таблицы Августа. Таким образом, описание Тарраконской провинции вполне отвечает тому плану, который выявлен исследователями, в первую очередь Д. Детлефсеном. Это — соединение хорографического перипла и таблиц Августа, а так как эти источники построены по разным принципам, то соединение это производит впечатление довольно механического. Плиний сделал только одну попытку сблизить эти источники, оговорив в нескольких случаях юридический статус городов перипла. Зато таблицы Августа он перенес в текст почти без изменений, лишь сократив значительно список городов. Так, в приведенном выше списке городов Тарраконского конвента Плиний перечисляет по названиям 12 городов, между тем, как он сам говорит, таблицы Августа перечисляют 42 города.

Теперь перейдем к описанию провинции Бетики у Плиния. Оно открывается уже знакомой нам статистической сводкой, откуда мы узнаем, что в провинции четыре конвента, 175 городов, из них 9 колоний, 10 муниципиев римских граждан, 27 городов старого латинского гражданства, 6 свободных городов, 3 союзных и 120 стипендиариев (III, 7). Затем следует хорографический очерк, отличающийся от аналогичного очерка Тарраконской провинции большей подробностью. Плиний не просто приводит данные о длине и ширине провинции, как при описании Тарракона, но сравнивает их с данными своего предшественника М. Агриппы и исследует причины расхождения между ними (III, 16—17). Здесь можно отметить любопытный факт. Дело в том, что дошедшие до нас фрагменты сочинения Агриппы показывают, что данные этого писателя о длине и ширине Тарраконской провинции также не совпадали с Плиниевыми⁹,

⁹ Klotz A. Die geographischen Commentarii des Agrippas und ihre Überreste. — *Klio*, 1931, 24, S. 386—466.

однако Плиний не приводит цифр Агриппы в хорографическом экскурсе Тарраконской провинции.

Кроме того, в хорографическом перипле Бетики Плиний затрагивает более широкий круг вопросов, касаясь, например, проблемы происхождения здешних племен и народов (III, 8, 13). При этом он приводит мнения своих предшественников, Варрона и Агриппы. Обращает на себя внимание то, что если Плиний в ряде случаев привлекает мнение Варрона, говоря о происхождении народов, то нигде более на страницах «Естественной истории» в этой связи не упоминается Агриппа. Не будь этого места, мы вообще не знали бы, что Агриппа уделял внимание этим проблемам.

Описывая города провинции, Плиний упоминает знаменитые исторические события, происшедшие здесь: в § 9 говорится о битвах времен II Пунической войны, в § 12 — о войнах между Цезарем и Помпеем. Все это заставляет предположить, что хорографическое описание Бетики составлено более подробно и более тщательно, чем соответствующее описание Тарраконской провинции. Тем более удивительно, что, несмотря на подробности описания перипла Бетики, правовой статус не оговорен в данном случае ни для одного города в отличие от того, что мы наблюдаем при исследовании Тарраконского перипла. Ниже мы попытаемся дать этому объяснение, а теперь перейдем к рассмотрению юридических списков Бетики.

Первым помещен список городов Кордубенского конвента: «Самые знаменитые города между ним (т. е. Бетисом) и океанским побережьем в глубине страны — это Сегида, называемая Авгурина, Юлия, называемая Фиденция, Ургао, называемая Альба, Эбура, называемая Цериалис, Илиберры, называемые Либерины, Илипула, называемая Лаус, Астиги, называемые Юлиенсами, Весци, называемые Фавенцией, Сингили, Атегва, Ариальдунум, Агла Минор, Беброн, Кастра Винария, Цисимбрий, Гиппон Новый, Иллуркон, Оска, Оскуа, Суцелон, Ундитан, Старые Тукци — все это в той части Бастетании, которая обращена к морю; конвент же Кордубенский. Возле самой реки — Оссиги, называемые Латонием, Иллитурги, называемые Форум Юлиум, Ипра, Истурги, называемые Триумфал, Суция и Обулькон, называемый Понтифиценс, удаленный на 17 миль в глубь страны, рядом Рипа, Эпора, город союзников, Сацили Марциалий, Онуба и справа Кордуба, называемая колония Патриция; отсюда река Бетис становится судоходной, а города здесь — Карбула, Декума, река Сингилис, которая впадает в Бетис с этой же стороны» (III, 10).

Этот список городов сильно отличается от списков Тарраконской провинции. Как видим, сам конвент имеет четкую географическую локализацию («между Бетисом и океанским побережьем»); такую же локализацию имеет и ряд городов конвента: «все это в той части Бастетании, которая обращена к морю»; «возле самой реки»; «Обулькон, удаленный на 17 миль в глубь страны»; «рядом Рипа»; «справа Кордуба»; «отсюда Бетис становится судоходным»; «река Сингилис, которая впадает в Бетис с этой же стороны».

Обращает на себя внимание, что в юридическом списке реки упоминаются наряду с городами, что является признаком не таблиц Августа, но хорографического перипла. Таким образом, Плиний не просто перенес таблицы в свой текст, несколько сократив их, как он делал при описании Тарраконской провинции, но обработал список таким образом, что тот приобрел характер хорографического отрывка. Это первая особенность приведенного списка городов. Вторая — в том, что нарушен алфавитный

порядок. Действительно, в списке значатся Augurina, Fidentia, затем вдруг Alba; далее алфавитный порядок как будто выдержан: Cerialis, Piberri, Ilipula, Iulienses, но затем — Faventia, Singili и вновь алфавитный список городов. Последний город этого списка Unditanum; после этого совсем не по порядку идут Tucci Vetus, Ossigi, затем три города — по алфавиту, после чего порядок полностью нарушается.

Третьей особенностью приведенного списка является то, что в нем нет разделения городов на юридические категории, а между тем такого рода разделение и есть главная черта юридических таблиц Августа; правовой статус назван всего для двух городов: для колонии Кордубы и союзного города Эпоры. И четвертая особенность — в списке Кордубенского конвента почти не употребляется «этникон».

Иными словами, ни одного из отмеченных исследователями характерных признаков таблиц Августа мы в приведенном списке не находим. Этот отрывок почти не отличается от хорографического описания; только городов здесь названо значительно больше, чем в перипле. Прежде чем пытаться объяснить этот факт, рассмотрим списки для остальных конвентов, чтобы проверить, дадут ли они ту же картину. В § 11 книги III дан список городов Гиспаленского конвента. Этот список имеет те же особенности, что и список Кордубенского конвента. Называемые Плинием города имеют географическую локализацию, названия рек помещены рядом с именами городов: «На левом берегу колония Гиспалис... напротив город Оссет... река Менуба, правый приток Бетиса. А в пойме Бетиса город Набрисса... в глубине страны Асидон» (III, 11). Так же как в списке Кордубенского конвента, нарушен алфавитный порядок, и здесь отсутствует деление на юридические категории, оговорен правовой статус только для столицы конвента, города Гиспалиса, названного колонией Ромуленсис; «этникон» не употребляется.

Однако приведенные списки заключают не все города Кордубенского и Гиспаленского конвентов. Плиний отделил города, расположенные в Бетурии. Список для них он приводит ниже, в § 13—14 книги III. При этом самым спискам предшествует хорографическое описание Бетурии, исследуется происхождение населяющих эту страну племен. Списки городов Бетурии имеют все характерные особенности предыдущих списков: алфавитный порядок в них нарушен, нет разделения на юридические категории и правовой статус не оговорен ни для одного города. Все города, кроме четырех — Tereses, Fontales, Callenses, Aeneanici, названы по географическому названию, а не по «этнику».

Разделение списков Кордубенского и Гиспаленского конвентов на приморские города и города Бетурии представляет чрезвычайно большой интерес. Как мы помним, таблицы Августа не учитывали реального расположения городов, для каждого конвента давался единый список вне зависимости от того, где находился этот город. Важно было только, чтобы в правовом отношении он примыкал к описываемому конвенту. Так же поступал Плиний при описании Тарраконской провинции, но в данном случае он поступил иначе, разделив каждый список на две части и отдельно рассматривая города побережья и города Бетурии, хотя в правовом отношении они примыкают к одним и тем же конвентам, тем более что Бетурия не является областью с особой юрисдикцией.

Таким образом, как мы видели, списки первых двух конвентов не имеют особенностей таблиц Августа. Теперь рассмотрим списки городов следующих двух конвентов. Список для Астигитанского конвента приведен в § 12 книги III. И здесь мы видим значительные хорографические встав-

ки: «Река Сингилис, которая впадает в Бетис... омывает колонию Астигитану Августу Фирму, начиная отсюда река судоходна... недалеко от судоходной реки Менубы живут алонтигицелы» (III, 12). Есть также характерная для хорографических описаний историческая вставка: *Munda cum Pompeio filio rapta* (III, 12).

Таким образом, эта особенность первых двух списков Бетики есть и в списках Астигитанского конвента; как и в предыдущих списках отсутствует «этникон». Но на этом сходство кончается. Список Астигитанского конвента, подобно Тарраконским спискам, разделен на правовые категории, внутри которых названия городов расположены по алфавиту. В § 15 книги III приведен список последнего, Гадитанского конвента.

Перед нами список, состоящий из одних только названий городов, без единой хорографической вставки. Города разделены на юридические категории, внутри них соблюдается алфавитный порядок. Этот список ничем не отличается от списков Тарраконской провинции, за исключением одного — города названы по своему географическому названию, а не по «этнику».

Подведем некоторые итоги. Таблицы для первых двух конвентов сильно отличаются от списков для Тарраконской провинции. Они максимально приближены к хорографическим описаниям и фактически не имеют тех особенностей, которые исследователи считали характерными для таблиц Августа. Список для третьего, Астигитанского конвента занимает промежуточное положение между списками Кордубенского и Гиспаленского конвентов и списками Тарраконской провинции. Здесь имеются хорографические вставки и названия городов даны не по «этнику». Это сближает список Астигитанского конвента с первыми двумя. Но в этом списке есть разделение на правовые категории и соблюден алфавитный порядок, как в списках Тарраконской провинции. Наконец, список последнего, Гадитанского конвента ничем, кроме отсутствия «этника», не отличается от списков Тарраконской провинции. Д. Детлефсен полагает, что особенности эти восходят к самим таблицам Августа¹⁰. Однако в таком случае остается неясным, почему таблицы для Бетики так резко отличаются от таблиц для Тарраконской провинции. Обычно эти различия объясняют тем, что провинция Бетика в сильной степени подверглась романизации, в результате чего правовые категории, формально еще существовавшие, фактически утратили свое значение. Подтверждение этому можно видеть в словах Страбона, писавшего за поколение до Плиния: «Турдетанцы, особенно живущие у реки Бетис, совершенно изменили свой образ жизни и даже забыли родной язык. Большинство из них стало „латинскими гражданами“ и приняло в себя римских колонистов, так что все они почти совершенно обратились в римлян» (Strabo, III, 2,15. Пер. Г. А. Стратановского).

Стало быть, раз население получило латинское гражданство, можно было не перечислять устаревшие правовые категории. Но как тогда объяснить отсутствие «этника» в списках для Бетики? Д. Детлефсен предпологает, что в таблицах Августа, возможно, не всегда употреблялся «этникон» и, в частности, его могло не быть в таблицах для Бетики, но никаких аргументов в пользу своей гипотезы он не приводит. Между тем остается неясным, почему в списках первых трех конвентов Бетики такое большое количество хорографических вставок, почему города Бетурии отделены от городов побережья, почему нарушен алфавитный порядок в двух

¹⁰ *Detlefsen. Die Anordnung....*, S. 26—30.

первых списках, почему список четвертого конвента так резко отличается от остальных.

Приведенные выше объяснения не дают ответа на эти вопросы. Отсутствие юридических категорий в списках первых двух конвентов Бетики трудно объяснить высокой степенью их романизации; в противном случае правовые категории отсутствовали бы и в списках не менее романизованного Астигитанского конвента, куда выведено было пять из девяти колоний Бетики, и, конечно же, отсутствовали бы в списках наиболее подвергшегося романизации Гадитанского конвента. Что касается самих таблиц Августа, то в них, скорее всего, юридические категории существовали. Ведь именно из таблиц заимствована статистическая сводка, помещенная в начале описания Бетики, где четко прослеживаются все правовые деления. Неубедительным выглядит предположение, что в таблицах для одной только Бетики не принято было наименование общин по «этнику», ведь этот способ наименования принят для всех других провинций и для Италии. Даже если мы допустим, что по какой-то неизвестной причине в таблицах для одной лишь Бетики города назывались по своему географическому имени, на нашем пути возникнут неразрешимые трудности.

Как мы уже отмечали, в списках для Бетики изредка проскальзывают названия по «этнику». Обычно считается, что таблицы Августа — единственный источник, откуда Плиний мог заимствовать наименования по «этнику», в то время как хорография давала географические имена. При этом Плиний не изменял заимствованные из своих источников названия. Так, в списке городов первого региона Италии (III, 61) среди перечня городов по «этнику» встречается несколько географических названий. Однако исследователи давно показали, что эти названия заимствованы Плинием из хорографии; он сам вставил их в список, взятый из таблиц Августа, поэтому они нарушают алфавитный порядок¹¹. Но если мы предположим, что в таблицах Августа для Бетики не принято было наименование по «этнику», то откуда же в текст Плиния попало несколько этнических имен? Невозможно допустить, чтобы в тщательно составленном, официальном источнике — таблицах Августа — наблюдалась такая удивительная небрежность и среди географических названий вдруг попадались бы этнические имена. Справедливее было бы приписать подобную небрежность Плинию. Иными словами, можно предположить, что Плиний по какой-то причине сам изменил взятые им из таблиц Августа этнические названия на географические, при этом несколько имен по недосмотру остались в своем первоначальном виде.

Итак, как мы видели предложенные гипотезы выглядят не очень убедительно и, кроме того, не объясняют всех особенностей списков городов Бетики. Изложим теперь нашу точку зрения. Плиний подверг списки первых двух конвентов Бетики значительной переработке: исключил из текста правовые категории, разделил каждый из списков на две части, отделив города, расположенные в Бетурии. При этом он внес в текст таблиц Августа многочисленные хорографические отрывки и заменил названия по «этнику» географическими названиями. Иными словами, Плиний тщательно отредактировал свой текст, поэтому списки двух первых конвентов Бетики так сильно отличаются от списков Тарраконской провинции, являющихся по существу копиями августовских таблиц. Напомним,

¹¹ *Klotz. Quaestiones Plinianaе...*, p. 90; *Thomsen. Op. cit.*, p. 18 ff.

что и перипл Бетики составлен с особым тщанием, что также подтверждает гипотезу о дополнительной переработке глав, посвященных Бетике.

Заметим, что Плиний более всего внес изменений в списки первых двух конвентов, несколько менее — в списки третьего конвента и не довел до конца редактирование текста списков последнего конвента. Ответ на вопрос, с какой целью Плиний исключил из списков деление на юридические категории, следует искать, как нам представляется, в тексте самого Плиния. Заканчивая описание Испании, он пишет, что Веспасиан даровал провинции права латинского гражданства (III, 30). Сопоставляя это сообщение Плиния с юридическими категориями испанских конвентов, которые приведены в тексте, исследователи отмечают¹², что Плиний дает устаревшие уже в его время статусы городов. Между тем на дело можно взглянуть с другой стороны.

Веспасиан даровал Испании права латинского гражданства, по-видимому, в 74 г. н. э.¹³, а Плиний не стало в 79 г. н. э. Ясно, что энциклопедический труд Плиния не мог быть написан за пять лет, а значит, Плиний приступил к работе над ним задолго до реформы Веспасиана. Географии посвящены III—VI книги «Естественной истории» и, стало быть, они были закончены ранее всего. Бетика же — первая из описываемых Плинием провинций. Поэтому не подлежит сомнению, что описание испанских провинций было завершено за несколько лет до реформы Веспасиана. С другой стороны, «Естественная история», безусловно, дошла до нас в незавершенном виде и можно предполагать, что Плиний собирался подвергнуть географические книги окончательной редакции с целью устранения многочисленных ошибок и повторений, встречающихся в тексте.

Завершив вчерне работу над географическими книгами и приступив к их фундаментальной переработке, Плиний, естественно, начал, видимо, с первой описываемой им провинции — Бетики, описание которой отличается у него законченностью и стройностью. Однако за время работы в юридическом положении Бетики произошли значительные изменения: после реформы Веспасиана правовые категории Августа утратили смысл. Это должно было заставить Плиния убрать из текста деления на юридические категории. Он, вероятно, успел сделать это в отношении перипла и первых двух конвентов Бетики, однако относительно двух последних конвентов его работа осталась незавершенной; не убрал Плиний и статистическую сводку, помещенную в начале; упоминание же о реформе Веспасиана он поместил в конце между рассказом о природных богатствах края и определением границ провинции, и оно производит впечатление позднейшей вставки.

Коснемся теперь некоторых неясных вопросов, относящихся к описанию Бетики, начиная с нарушения алфавитного порядка в списках этой провинции. Как мы помним, алфавитный порядок нарушен в списках первых двух конвентов, т. е. именно тех, которые, скорее всего, подверглись редакторской правке. При этом порядок не просто нарушен, а перед нами несколько алфавитных списков. В чем причина этого? В таблицах Августа города разделены были на правовые категории, а внутри них названия шли по алфавиту. Теперь же, когда Плиний убрал правовые категории, список превратился в несколько алфавитных списков. Но зачем внесены остальные изменения — зачем сделаны хорографические вставки и «этни-

¹² Klotz. *Quaestiones Plinianaе...*, p. 52; *Dettefsen. Die Anordnung...*, S. 27—28.

¹³ По-видимому, в год своего цензорства; см.: *Thouvenot P. Essai sur la province Romaine de Bétique. P., 1940, p. 197; McEldery M. C. Vespasian's Reconstruction of Spain.— JRS, 1918, 1, p. 62.*

кон» заменен географическим названием? Поняв характер этих изменений, можно представить, какими должны были быть в окончательной редакции географические книги Плиния. Уничтожение правовых категорий было вызвано реформой Веспасиана и поэтому имеет значение только для Испании, но все остальное должно было относиться ко всем географическим книгам Плиния.

Хорографический очерк Плиний расширил, снабдил его экскурсами о происхождении местных племен и ссылками на своих предшественников. Но особенно интересны изменения, которые Плиний внес в таблицы Августа. Он локализовал упомянутые в списках названия, используя, вероятно, карту Агриппы, и внес в текст таблиц хорографические описания. Таким образом, списки «голых» названий превратились в органическую часть хорографических описаний. По существу эти отрывки ничем не отличались от перипла, кроме одного: для всех провинций, за исключением Испании, оговорен был юридический статус городов. Но и это различие, возможно, было бы устранено Плинием (мы видели, что в ряде случаев Плиний стремился оговорить правовой статус и для городов перипла) и, следовательно, обе части его произведения, действительно, слились бы в одно. Для полного единства требовалось еще одно условие — в обеих частях описания необходимо было перейти к единому названию городов, именно поэтому Плиний везде заменил «этником», употреблявшийся в таблицах Августа, географическим названием. Вполне вероятно, что в окончательной редакции Плиний уничтожил бы разделение описания каждой провинции на две резко различные части, «шитые белыми нитками». Поэтому то, что представляется сейчас у Плиния недостатками, свойственными бездумному компилятору, скорее всего было следствием незавершенности переработки дошедшего до нас текста.

Т. А. Лапина

LES SOURCES DES LIVRES GÉOGRAPHIQUES DE PLINE L'ANCIEN : QUELQUES ASPECTS DU PROBLÈME

Т. А. Лапина

Les livres géographiques sont une partie essentielle de *l'Histoire Naturelle* de Pline l'Ancien et attirent depuis longtemps l'attention des chercheurs. Ceux-ci ont établi que les descriptions de toutes les provinces ont chez Pline une même structure: ce sont des périple chorographiques, fondés peut-être sur les ouvrages géographiques de Varron, suivies de listes alphabétiques des villes de la province avec indication de leur statut juridique. Ces listes proviennent des tables juridiques d'Auguste.

L'article examine le rapport existant entre ces deux parties dans le cas de deux provinces d'Hispanie: la Bétique et la Tarraconaise. La conclusion est que, tandis que la description de la Tarraconaise suit le plan ordinaire de Pline, celle de la Bétique s'en écarte brutalement. L'auteur de l'article démontre que ces différences ne sont pas fortuites. La cause est à chercher dans le fait que les deux parties hétérogènes de la description de la Bétique ont été fortement révisées par Pline qui en a fait un tout homogène unique. Ce travail de révision a sans doute été effectué en 74 de n. è., car c'est cette année-là que Vespasien a accordé la citoyenneté romaine à toute l'Hispanie; or, si la description de la Tarraconaise précise les catégories juridiques des villes, celle de la Bétique n'en souffle mot. L'auteur en déduit que la Bétique serait la seule province dont la description nous est parvenue sous une forme presque achevée et peut donc nous donner une idée de l'aspect général qu'aurait eu la géographie de Pline s'il avait pu la mener à son terme.

РОСПИСЬ СКЛЕПА № 1 НЕКРОПОЛЯ ПОЗДНЕСКИФСКОЙ СТОЛИЦЫ

В 1946 г. на восточном участке некрополя столицы государства поздних скифов (на территории совр. Симферополя) был открыт склеп, вырубленный в скале¹. В плане он представлял собой трапецию. Размеры склепа: высота — 4,12 м, длина западной стены — 6,22 м, северной и южной стен — 4,10 м. Восточная стена склепа, в которой находился вход, была разрушена еще в древности. Сохранившиеся стены свидетельствуют о тщательной обработке камеры: они хорошо отесаны. Пол был также тщательно выровнен. В стенах склепа вырублены три ниши: одна прямоугольная и две треугольные². Оформление его довершалось росписями, сделанными черной и красной красками непосредственно на камне, без предварительной подготовки поверхности. Последнее обстоятельство является особенностью всех склепов некрополя позднескифской столицы³.

Датируется склеп № 1, видимо, тремя первыми веками н. э. В. П. Бабенчиков и вслед за ним Т. Н. Высотская определяли по находкам время использования склепа II—III вв.⁴ Однако П. Н. Шульц дает более раннюю дату его сооружения — I в. н. э.⁵ Росписи, являющиеся предметом исследования в предлагаемой статье, как будто бы подтверждают долговременность использования гробницы, на стены которой они были нанесены. Этот вывод следует из детального рассмотрения указанных росписей. Возможность проведения подробного анализа этого памятника получена благодаря полной публикации его Т. Н. Высотской⁶.

Росписи сохранились на всех трех уцелевших стенах склепа: западной, северной и южной (рис. 1). Основная сложность заключается в расшифровке самих рисунков. Первый их издатель, П. Н. Шульц, видел на западной стене изображения священных деревьев, чередующихся с фигурами мужчин и женщин, и солнце⁷. Композицию на северной стене он интерпретировал как изображение богини в рогатом головном уборе с крылатым конем, предлагая реконструкцию этой части росписи⁸. Исследователь считал, что здесь представлен обычный мотив богини с конями по обеим сторонам, а рисунок второго коня просто утрачен⁹. В целом П. Н. Шульц определил роспись склепа № 1 как результат эллинистических влияний: «Роспись многоцветна и имеет сочный декоративный ковровый характер с преобладанием растительных мотивов, дополненных изображениями женщин и птиц»¹⁰. О каких изображениях птиц писал П. Н. Шульц, теперь трудно даже предположить: либо они утрачены, либо он принял за птиц какие-то другие рисунки. В. П. Бабенчиков, разбиравший росписи склепов довольно подробно, о склепе № 1 гово-

¹ Шульц П. Н. Тавро-скифская экспедиция. — КСИИМК, 1947, XXVII, с. 64.

² Бабенчиков В. П. Некрополь Неаполя скифского. — ИАДК, 1957, с. 98.

³ Домбровский О. И. О технике декоративной живописи Неаполя скифского. — СА, 1961, № 4, с. 85.

⁴ Бабенчиков. Ук. соч., с. 112; Высотская Т. Н. Неаполь — столица государства поздних скифов. Киев, 1979, с. 162.

⁵ Шульц П. Н. Работы Тавро-скифской экспедиции (1945—1946). — Памятники искусства, 1947, № 2, с. 26.

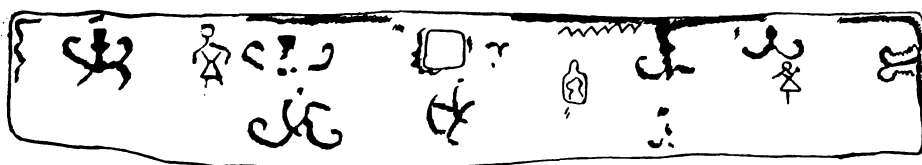
⁶ Высотская. Ук. соч., с. 162.

⁷ Шульц. Тавро-скифская экспедиция..., с. 64.

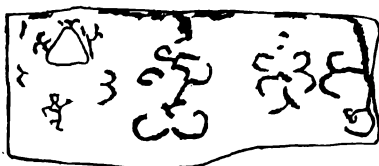
⁸ Шульц П. Н. Исследования Неаполя скифского (1945—1950). — ИАДК, 1957, с. 89 сл.

⁹ Там же.

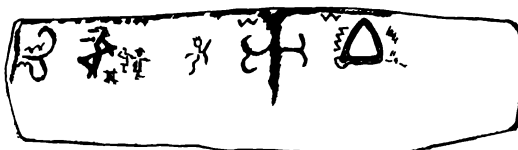
¹⁰ Шульц. Работы Тавро-скифской экспедиции..., с. 26.

Западная стена

Южная стена

Северная стена

Рис. 1. Роспись склепа № 1 некрополя позднескифской столицы

рил, однако, мало, отмечая лишь большое количество растительных мотивов, орнаментов из зубчатой линии и параллельных прямых и, упоминая о человеческой фигуре на южной стене и крылатом коне на северной, справедливо заметил, что окончательная расшифровка росписи этого склепа подлежит специальному исследованию¹¹. Значительный шаг к выполнению этой задачи был сделан О. И. Домбровским, определившим отдельные элементы росписи как изображение змееного божества¹². Такая трактовка, представляющаяся очень убедительной, дает ключ к расшифровке одной из композиций росписи склепа № 1. Предлагая подобное понимание некоторых ее элементов, О. И. Домбровский имел в виду, без сомнения, сохранившуюся практически целиком фигуру слева от прямоугольной ниши на западной стене (рис. 1). Здесь воспроизведено существо с завитками вместо рук и ног, загибающимися вверх. Туловище сохранилось хуже, однако уцелело изображение головы в уборе, весьма напоминающем калаф. Эта деталь видна несколько лучше на сохранившейся верхней части такой же фигуры, расположенной ближе к южной стене. Рассматриваемым рисункам можно привести аналогии изображений змееного божества, часто встречающихся в погребальном инвентаре скифских курганов. Для воспроизведения этого мифологического персонажа сложилась прочная, устоявшаяся изобразительная традиция — от реалистической трактовки его на налобнике из Цимбалки¹³ до весьма стилизованного на бляшке из Большой Близицы¹⁴. На более поздних изображениях змееного божества все чаще змеевидные части заменяются растительными побегам, как на упомянутой бляшке из Большой Близицы. Очень близка к последней бляшка, хранящаяся в Музее исторических драгоценностей УССР¹⁵. Она числится как найденная в Неаполе Скифском и датирована II в. до н. э., однако упоминаний о находке этой бляшки именно там нигде более нет, что не позволяет с уверенностью принять такую атрибуцию. Но если она верна, то это произведение торевтики может служить почти прямой аналогией росписи склепа № 1.

¹¹ Бабенчиков. Ук. соч., с. 112.

¹² Домбровский. Ук. соч., с. 85.

¹³ Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов. Л., 1966, табл. 186.

¹⁴ Там же, табл. 308.

¹⁵ Древнее золото. Альбом. Сост. И. В. Бондарь. Киев, 1975.

Иконография этого мифологического персонажа остается неизменной и в первые века н. э., когда культ змееногой богини был широко распространен не только в Скифии, но и в Херсонесе ¹⁶, и на Боспоре, где, как считает Д. Б. Шелов, он явился результатом влияния негреческого населения на его культурную жизнь ¹⁷. В склепе № 1 мы и имеем типичную для позднего времени иконографическую трактовку: змеевидные части заменяются растительными побегами, а на антропоморфной голове божества помещается калаф. Расшифровка отдельных элементов росписи позволяет дать полное и подробное описание ее целиком, что представляется необходимым для последующей семантической интерпретации.

Западная стена. В центре стены вырублена прямоугольная ниша, под которой хорошо видны остатки большого круга с радиусами внутри, несомненно изображавшего солнце (рис. 1). По левую сторону от ниши располагаются две уже упоминавшиеся фигуры змееного божества, между которыми, ближе к первой, нарисована фигура, видимо мужская, в коротком кафтане и лучистом головном уборе. Справа от ниши прослеживаются остатки изображений двух фигур змееногой богини, от правой сохранилась только верхняя часть и под правым завитком ее располагается человеческая фигура, видимо также мужская, в коротком кафтане, как и по левую сторону от ниши. Одно изображение справа от ниши разобрать, к сожалению, невозможно. Оно напоминает «сарматский знак», обведенный рамкой, однако ничего более определенного сказать о нем нельзя. Помимо солнечного круга, антропоморфных и змееногих существ в росписи стены присутствуют растительные и геометрические орнаментальные мотивы. Под потолком по всей длине стены проходят две линии — сплошная сверху и под ней зубчатая; такой же зубчатой линией обрамлена ниша. На стыке с северной стеной нарисовано стилизованное «дерево», от «ствола» которого ответвляется горизонтальная линия, расходящаяся в обе стороны завитками. «Ветка» оконтурена также зубчатой линией.

Северная стена. В центре стены, разделяя ее на две части, расположено стилизованное дерево с отходящими от него двумя горизонтальными «ветками» (рис. 1). По правую сторону от дерева вырублена треугольная ниша, обрамленная зубчатой линией. Слева от центрального «дерева» помещена композиция из трех человеческих фигур, поднявшегося на дыбы крылатого коня и «сарматского знака» в рамке. Центром композиции, вероятно, следует считать женскую фигуру с раскинутыми в стороны руками, в длинном одеянии и лучистом головном уборе ¹⁸ (рис. 2). Слева от нее, немного выше, изображена женская фигура меньшего размера, судя по остаткам, в таком же одеянии и позе. Слева от этих фигурок помещен вздыбленный крылатый конь, под передними ногами которого находится нечто вроде «сарматского знака», обведенного рамкой с растительным орнаментом, как определил данный фрагмент росписи П. Н. Шульц ¹⁹. Справа от этой группы нарисована человеческая фигура, вероятнее всего мужская (рис. 1). К сожалению, детальное рассмотрение ее невозможно, однако уцелевшая ее часть позволяет предположить сход-

¹⁶ Пятыхева Н. В. Культ греко-тавро-скифского божества в Херсонесе.— ВДИ, 1947, № 3.

¹⁷ Шелов Д. Б. К вопросу о взаимодействии греческих и местных культов в Северном Причерноморье.— КСИИМК, 1950, XXXIV, с. 65 сл.

¹⁸ Детали росписи даны по рисункам О. И. Домбровского, хранящимся в архиве ГМИИ им. А. С. Пушкина.

¹⁹ Шульц. Исследования..., с. 86.

Рис. 2. Деталь росписи северной стены

ство с мужскими фигурами в коротких кафтанах на западной стене (рис. 1). Из-за левого плеча человека высовывается длинный предмет — палка или копьё (рис. 1). Наличие здесь этой фигурки заставляет не согласиться с предложенной П. Н. Шульцем реконструкцией, предполагающей присутствие в этом месте второго коня²⁰. Против такой реконструкции, как кажется, свидетельствует и помещенная между конем и богиней в лучистом уборе женская фигурка, меньшего размера (рис. 2).

На стыке с западной стеной нарисован «ствол» дерева с «веткой», аналогичной «ветке» на западной стене (рис. 1). Под потолком виднеется орнамент из сплошной и зубчатой линий (рис. 1).

Южная стена. На этой стене также в месте ее стыка с западной располагается «ствол» дерева с ответвляющимися от него горизонтальными «ветками», которые оканчиваются завитками (рис. 1). В центре стены нарисована змееногая богиня, справа от нее расположено аналогичное изображение, но меньшего размера (рис. 1). Слева от центральной фигуры богини, под потолком, вырублена треугольная ниша, обрамленная сплошной и зубчатой линиями и отходящими от сплошной линии завитками (рис. 3). Под ней помещается рисунок мужской фигурки в лучистом уборе и коротком кафтане (рис. 1, 3).

Рассматриваемые росписи исследовались очень мало. В литературе были сделаны только две попытки их интерпретации. Это прежде всего упоминавшиеся выше описания П. Н. Шульца, однако им присущ один существенный недостаток — дробность, оторванность отдельных фрагментов росписи от общего контекста, что и привело к неверной реконструкции композиции на северной стене. Вторая попытка семантической

²⁰ Там же, с. 89 сл.

Рис. 3. Деталь росписи южной стены

интерпретации была предпринята Т. Н. Высотской. Ссылаясь на Геродота и Псевдо-Гипократа, исследовательница трактует роспись склепа как изображения энареев, носивших женские одежды; женские фигурки она считает жрицами Афродиты, а сама богиня «предстает перед нами в модифицированном воплощении змееного божества»²¹. Здесь же

²¹ *Высотская. Ук. соч., с. 162.*

Т. Н. Высотская утверждает, что роспись склепа свидетельствует о происшедшем слиянии культа Афродиты с культом богини плодородия и змееногим божеством.

Однако и эта попытка представляется неудачной, и согласиться с такой трактовкой трудно. Не только потому, что использование сообщения Геродота об энареях для столь позднего времени вряд ли приемлемо из-за специфичности этого института, тогда как у нас нет указаний на его существование у скифов в первые века н. э., и не только потому, что роспись не дает оснований предполагать слияние культов Афродиты и змееногой богини. Нельзя согласиться и с утверждением Т. Н. Высотской, что одеяния, в которые облачены мужские фигурки, могут пониматься как женские. Уже П. Н. Шульц определенно называл эти фигурки мужскими. Действительно, здесь явно нарисованы короткие скифские кафтаны, изображения которых встречаются, например, на всаднике из росписи склепа № 9 и на лучнике из склепа № 2 неапольского некрополя, а также на персонаже каменного рельефа (стелла № 3) из Заветного²². Женские одеяния отличаются от мужских большей длиной, но не закрывают ног совсем, как и у богини из рассматриваемого склепа. Подобные одеяния присутствуют на персонажах позднескифских каменных рельефов Северо-Западного Крыма — из Поповки, Марьина, с Чайки²³. Основной же недостаток интерпретации Т. Н. Высотской, служащий причиной для возражений, заключается в том, что она рассматривает росписи как связанные одним сюжетом и композиционным замыслом, тогда как здесь правильнее предположить разновременность нанесения отдельных их частей и различное семантическое звучание.

На мысль о двух хронологических пластах живописи в склепе № 1 наводит прежде всего разнотильность ее элементов. Часть рисунков сделана в декоративном стиле из закругленных линий, составляющих композицию из растительных мотивов и стилизованных фигур змееногого божества (рис. 1), очень напоминающих орнаменты, выполнявшиеся греческими торевтами на вещах, изготовлявшихся для скифов в раннее время (например на Чертомлыцкой вазе). Вероятно, П. Н. Шульц имел в виду именно эту часть росписи склепа № 1, говоря об отражении в ней эллинистических влияний.

Другая часть рисунков резко контрастирует по стилю с упомянутыми выше. Здесь мы имеем геометризованные изображения человеческих фигур и коня (рис. 1—4). Туловища людей сделаны в виде треугольников и прямоугольников, ноги-палочки с треугольными стопами даны в профиль, головы обозначены кружками или овалами. Разница в стилях этих двух частей росписи очевидна. Заметив ее, О. И. Домбровский объяснил эти различия тем, что, хотя часть рисунков и выполнена в условном стиле, характерном для других склепов, где люди и животные нарисованы в виде «восьмерок» и треугольников, мастер «сознательно остался в рамках, освященных временем и культом»²⁴. Однако помимо стилистического разнобоя есть и другие основания предполагать разновременность рисунков.

²² Попова Е. А. О декоративном оформлении склепа № 9 восточного участка некрополя позднескифской столицы. — ВДП, 1984, № 1, рис. 1; *Бабенчиков*. Ук. соч., с. 106; *Богданова Н. А.* Скифские и сарматские стелы Заветнинского могильника. — СА, 1965, № 3, с. 233 сл., рис. 1.

²³ *Дашевская О. Д.* Археологические исследования близ о. Донузлав. — АО за 1966 г. М., 1967; *Шульц П. Н.* Надгробный рельеф сарматского круга. — В кн.: *Культура античного мира*. М., 1966; *он же*. Надгробный рельеф из с. Марьино. — СХМ, 1963, III; *Попова Е. А.* Рельеф с городища Чайка. — СА, 1974, № 4.

²⁴ *Домбровский*. Ук. соч., с. 85.

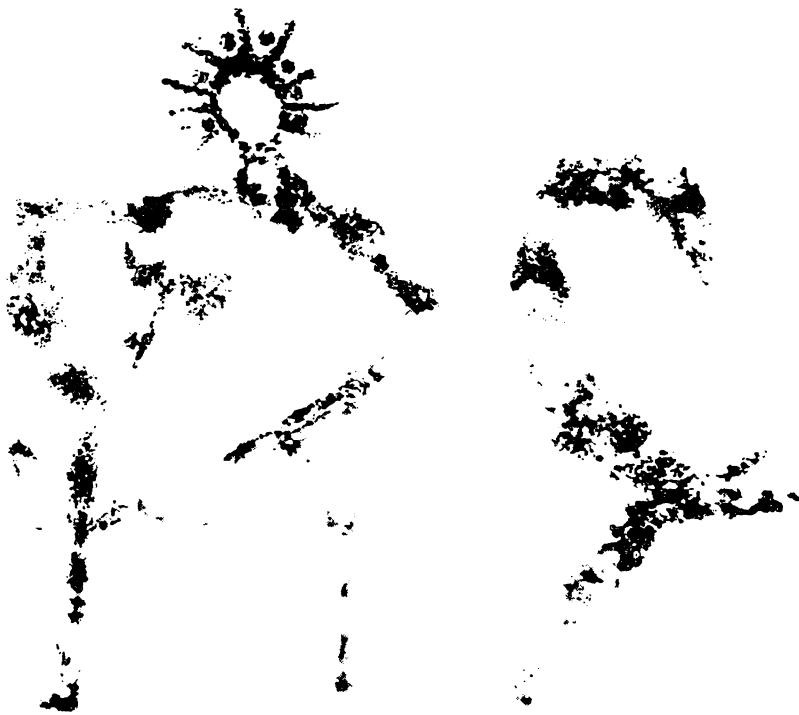

Рис. 4. Деталь росписи западной стены

Имеется в виду размещение человеческих фигурок на западной и южной стенах. На западной стене достаточно четко прослеживаются ритмически повторяющиеся изображения змееной богини, которых было четыре (рис. 1). Целиком сохранилась только одна из них — слева от прямоугольной ниши. Хуже всего сохранность второго изображения, расположенного справа от ниши. Здесь под верхним завитком нарисована человеческая фигура. Напрашивается вывод о нанесении рисунка позже, после частичной утраты изображения змееного божества. Тот же вывод о более позднем нанесении рисунка следует и из размещения фигурки на южной стене, под треугольной нишей (рис. 3). Ниша обрамлена по контуру двумя полосами — сплошной и зубчатой. Если бы все рисунки в склепе выполнялись одновременно, то полоса, оканчивающаяся завитком, неизбежно задевала бы головной убор на фигурке под нишей (рис. 3). Кроме того, человек располагается несколько сбоку, что также свидетельствует в пользу предположения о ее более позднем нанесении, чем изображений змееной богини и растительных орнаментов. Другими словами, рисунки условно-геометрического стиля наносились позднее, в местах, где более ранняя роспись была повреждена. Такое предположение делает понятным не только стилистические различия в росписи склепа, но и ставит на свои места композиционные и сюжетные особенности.

Если следовать предложенному разделению на хронологические пласты, то нетрудно различить и подчиненность каждой части росписи определенной системе. Более ранний пласт с воспроизведениями растительных мотивов и змееной богини основан на ритмическом повторении фигур

последней и священных деревьев в углах склепа, которые под потолком смыкаются с орнаментом, идущим вдоль всей стены. На северной стене древо жизни размещено в центре. Стремление к соблюдению симметрии в первом хронологическом пласте прослеживается также в помещении треугольных ниш на северной и южной стенах друг против друга (рис. 1).

Второй хронологический пласт росписи связан с солярной символикой. Центром этой композиции, вероятно, мыслился солнечный диск, расположенный в центре западной стены (рис. 1). Слева и справа от него нарисованы человеческие фигуры, вероятно мужские (рис. 1, 4). К сожалению, у нас есть возможность детально рассмотреть только одну из них, левую (рис. 4). Эта одетая в кафтан фигура представлена в странной позе: ноги широко расставлены, одна как бы согнута в колене; руки упираются в бедра. Голова нарисована как кружок, от которого отходят девять широких лучей, а между ними нарисованы маленькие кружочки. Связь этого персонажа с солярным культом очевидна. То же семантическое звучание определяет и фигурку на южной стене (рис. 3). Человек одет в такой же короткий кафтан, но на голове у него убор, окруженный лучами с кружочками между ними, только не по всему периметру (рис. 3). Кроме того, этому персонажу придана другая поза: левая рука с растопыренными пальцами согнута в локте и поднята ладонью вверх, в правой руке, также согнутой, но опущенной вниз, человек держит какой-то предмет — длинную палку или копьё (рис. 3). Ноги широко расставлены, на левом боку висит какой-то овальный предмет.

И наконец, композиция на северной стене, представляющая собой также часть солярного сюжета. Она состоит из фигурки, подобной описанным на западной и южной стенах, и группы из двух женских фигур и крылатого коня (рис. 2). Здесь центр составляет фигура богини в лучистом уборе, который определенно указывает на связь и этого персонажа с солнцем.

Предложенное разделение двух хронологических пластов на две композиции с различным семантическим звучанием позволяет проанализировать и объяснить присутствие именно этих сюжетов в погребальном сооружении. Последнее обстоятельство уже само по себе предполагает их семантическую направленность. Оформление склепа росписями первого хронологического пласта, представляющими собой изображения змееногой богини, священных деревьев, растительных орнаментов, вполне объяснимо. Изображения змееногой богини, как известно, весьма часто встречаются в погребальном инвентаре раннескифских курганов. Б. Н. Граков называл это божество «хтонической нимфой», связанной с плодородием²⁵. В. Клингер, отмечая ее связь с землей, считал змееногую богиню олицетворением «обиталища мрака и смерти»²⁶. Д. С. Раевский рассматривает змееногую богиню — скифскую прародительницу — как амбивалентный образ, совмещающий в себе и ту, и другую функции, что вполне согласуется с характерным для архаических космологий сознанием неразрывности этих функций — рождающей и заупокойной²⁷. Подобная интерпретация образа змееногой богини доказывает, что ее изображения в погребальном сооружении уместны и оправданны, так как само по себе назначение склепа предполагало присутствие в его оформлении «вечных» тем: непрерывность процесса перехода от жизни к смерти и

²⁵ Граков Б. Н. Скифский Геракл. — КСИИМК, 1950, XXXIV, с. 8.

²⁶ Клингер В. Сказочные мотивы в истории Геродота. Киев, 1903, с. 104.

²⁷ Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977, с. 45 сл.

вновь возрождение²⁸. Недаром изображениями змееной богини украшались саркофаги²⁹.

Помимо выяснения семантики образа змееного божества требует объяснения и множественность его изображений в склепе № 1. В скифской мифологии находит отражение представление о четырехугольном горизонтальном строении мира³⁰. Эта идея реализована, видимо, и в росписи склепа № 1. В углах его размещены изображения деревьев, символизировавших четырехугольность пространства. На западной стене помещены четыре фигуры змееной богини, сгруппированные попарно, на южной стене также парное воспроизведение этого божества (рис. 1). Повторение одного и того же персонажа в росписи выражает, видимо, опять-таки идею четырехсторонности пространства³¹. Интересно в этом смысле оформление Свещарской гробницы в Болгарии, где, правда, пластически, а не графически и более реалистично выражены те же идеи, что в склепе № 1. Вдоль стен даны скульптурные изображения женских фигур с растительными побегам, начинающимися от бедер, с калафами на головах³². На стене против входа, как и в склепе № 1, помещены четыре фигуры, причем в центре, разбивая их попарно, воздвигнута колонна, на боковых стенах располагается по две фигуры.

Плохая сохранность рисунков в склепе № 1 и отсутствие восточной стены не позволяют с полной уверенностью реконструировать всю систему росписи, что вносит, конечно, в предложенную трактовку значительный момент гипотетичности. Однако рассмотренные сохранившиеся части росписи первого хронологического пласта свидетельствуют о том, что они сделаны в исконных скифских традициях.

Второй пласт — композиция с солярным сюжетом — представляет для интерпретации больше трудностей. Три элемента росписи практически не поддаются расшифровке: одна фигура и знак на западной стене, а также фигура справа от композиции «богиня — крылатый конь» на северной стене (рис. 1). Несмотря на это, в целом и в этой части росписи также прослеживается определенная система. Центром композиции, видимо, мыслится солнечный диск под нишей на западной стене (рис. 1). Изображения богини с лучами вокруг головы и мужских фигур с аналогичными лучами позволяют также с уверенностью говорить о том, что более поздние рисунки условного стиля представляют собой отражение солярного культа. В ранней скифской традиции нет ярко выраженного солярного культа, связанного с погребальным. В позднее время о связи этих культов свидетельствуют орнаменты курильниц из погребений³³. Других свидетельств о связи погребального культа с солнцем у нас как будто бы нет. Однако время, к которому относятся солярные рисунки склепа № 1, — II—III вв. — для религиозной жизни античного мира характеризуется распространением солярных культов, начиная от митраизма и культа «Непобедимого Солнца» в Риме³⁴ и кончая местными со-

²⁸ Фрейдберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. Л., 1936, с. 71.

²⁹ Бессонова С. С. Религиозные представления скифов. Киев, 1983, с. 94.

³⁰ Раевский. Ук. соч., с. 84.

³¹ Антонова Е. В. Орнаменты на сосудах и «знаки» на статуэтках анаусской культуры (к проблеме значения). — В кн.: Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М., 1981, с. 14.

³² Чичикова М. Гробница от Свещари. — Искусство, 1983, № 4, с. 18—27; Маразов И. За семантиката на изображенията в гробницата от Свещари. — Искусство, 1984, № 4, с. 28—38.

³³ Дашевская О. Д. О скифских курильницах. — СА, 1980, № 1, с. 20.

³⁴ Ленцман Я. А. Происхождение христианства. М., 1958, с. 92.

лярными культами, отражением одного из которых и были, вероятно, рисунки склепа № 1. Появление же солярных мотивов в погребальном сооружении объясняется, по-видимому, верованиями, согласно которым душа в конечной стадии сливается с солнцем ³⁵.

Центр композиции — солнце в виде колеса со спицами, где видна ступица (рис. 1). Уподобление солнца колесу относится к очень ранним мифо-поэтическим изобразительным традициям, и солнце в виде колеса со спицами встречается начиная с бронзового века ³⁶. Подобные изображения известны и в археологических материалах из Крыма также с бронзового века ³⁷. Несомненным представляется значение солнечного символа в росписи склепа как объекта почитания.

Врослым объектом с тем же значением, но антропоморфизированным можно считать женскую фигуру с лучами вокруг головы в композиции с крылатым конем (рис. 2). Во II—III вв. значительное развитие получили культы именно женских божеств, причем часто по объему своих функций они заменяли прочих богов ³⁸. Тот же процесс, видимо, происходил и в религиозной жизни Северного Причерноморья. Доказательством этого служит изображение богини в лучистом уборе на штампе из Илурата, уже приводившееся П. Н. Шульцем в качестве аналогии фигуре из склепа № 1 ³⁹.

Интересно отметить, что парные женские фигурки, подобные изображенным в склепе № 1, воспроизведены на двух уже упоминавшихся каменных надгробных рельефах из Поповки. Здесь мы видим те же разномасштабные изображения, причем одна фигурка всегда расположена немного выше другой. У всех трех пар схожи и одеяния, не закрывающие концы ног. Подобная композиция присутствует на более поздних вещах, например русских вышивках. В. А. Городцов пишет о вышивке, где перед богиней с поднятыми руками показан всадник, а выше, в меньшем масштабе, представлена женская, по его мнению, «менее важная фигура» ⁴⁰. Возможно, в склепе № 1 перед нами исток этого сюжета.

Сюжет композиции с крылатым конем, таким образом, может быть близок к сюжету сцены «предстояния». Образ крылатого коня был характерен для индоевропейских мифологий как спутник бога солнца, переносящего души умерших ⁴¹. В скифской традиции прослеживается такое же значение этого образа ⁴².

И наконец, четыре мужские фигуры, как бы обрамляющие объекты почитания. Судя по двум фигурам, расположенным на западной и южной стенах, все они были представлены в разных позах. Чрезвычайно важной кажется разница в изображении лучистых уборов этих двух образов. У одного из них вся голова окружена лучами, у второго — только половина (рис. 3, 4). Причем обозначающий лицо круг у фигуры с лучами вокруг всей головы закрашен красной краской. В росписи склепа № 1, безуслов-

³⁵ *Cumont F.* Die orientalischen Religionen im römischen Heidentum. Lpz — В., 1910, S. 148.

³⁶ Мифы народов мира. Т. II. М., 1982, с. 462.

³⁷ *Щепинский А. А.* Солярные изображения эпохи бронзы из Крыма. — СА, 1961, № 2, с. 227—231.

³⁸ *Ленцман.* Ук. соч., с. 89.

³⁹ *Шульц.* Исследования..., с. 89 сл.

⁴⁰ *Городцов В. А.* Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве. — Труды ГИМ, 1926, I, рис. 6.

⁴¹ *Кузьмина Е. Е.* О семантике изображений на Чертомлыцкой вазе. — СА, 1976, № 3, с. 71 сл.

⁴² *Раевский Д. С.* Скифо-авестийские мифологические параллели и некоторые сюжеты скифского искусства. — В кн.: Искусство и археология Ирана. Всесоюзная конференция 1969 г. Доклады. М., 1971, с. 271.

но, очень большое значение имеет цветовая символика. О. И. Домбровский, говоря о том, что для местного населения наиболее доступными были черный и красный красители, признает несомненность значения и обрядовой традиции, «генетически восходящей. . . к черно-красным орнаментированным разрисовкам местных погребальных сооружений эпохи бронзы»⁴³.

Фигура на западной стене вся окрашена в красный цвет, черным сделаны только круг вокруг головы и отходящие от него лучи. Фигура на южной стене, напротив, вся нарисована черным цветом, кроме атрибутов персонажа (палка в правой руке и округлый предмет на боку) и кружочков между лучами. В композиции с богиней и крылатым конем также чувствуется, что цветам придавалось определенное значение. Богиня раскрашена красным цветом, по краям обведена черным, лучи вокруг ее головы также черного цвета. Вторая женская фигура целиком красная, как и крылатый конь. Наличие черного цвета (и именно лучей) в раскраске персонажей, связанных с солнцем, навеивает представления о черном солнце нижнего мира⁴⁴.

Различные позы мужских фигур, обрамляющих объекты почитания, вероятно, указывают на выполнение ритуально-обрядовых действий, связанных с культом мистериального характера в разных стадиях. Возможно, эти фигуры изображают участников ритуала, воспроизводящих фазы движения солнца и т. п. Количество фигур также, вероятно, имело значение: в наличии четыре, но поскольку восточная стена разрушена, можно предположить, что на восточной стене было еще две, а всего, следовательно, шесть.

Роспись второго хронологического пласта в склепе № 1 свидетельствует, видимо, о том, что в Малой Скифии происходил процесс, общий для античного мира II—III вв. Поиски монотеистической религии привели к созданию отдельных божеств, в частности солярных⁴⁵.

В этом смысле интересно сопоставление росписи второго пласта в склепе № 1 с рисунками керченских склепов «сабазиастов». О сходстве последних с условными рисунками неапольских склепов писали еще П. Н. Шульц и А. П. Иванова, имея в виду склепы № 2 и 8⁴⁶. О. И. Домбровский распространил это сравнение на все склепы некрополя позднескифской столицы, причем увидел между ними не просто сходство, но даже родственность⁴⁷. Последний эпитет без сомнения может употребляться в отношении рисунков второго пласта склепа № 1 и рисунков склепов «сабазиастов», но не только в отношении стиля, но и сюжетов, в которых в том и другом случае чувствуется солярная направленность. Так, под нишей керченского склепа, обнаруженного в 1912 г., нарисованы два солярных знака в виде колес со спицами⁴⁸. Этот мотив сопровождается изображениями фигурок людей в позах, свидетельствующих об отправлении ими обрядово-ритуальных действий, причем часто в руках персонажей из склепов «сабазиастов» находятся культовые предметы — палки и тимпаны, иногда круглые предметы с отходящими от них «лучами»

⁴³ Домбровский. Ук. соч., с. 85.

⁴⁴ Штернберг Л. Я. Первоытная религия в свете этнографии. Л., 1936, с. 503; Мифы народов мира. Т. II, с. 462.

⁴⁵ Луконин В. Г. Искусство древнего Ирана. М., 1977, с. 138 сл.

⁴⁶ Шульц. Работы Тавро-скифской экспедиции..., с. 26; Иванова А. П. Боспорская живопись. — В кн.: Археология и история Боспора, Симферополь, 1952, с. 203.

⁴⁷ Домбровский. Ук. соч., с. 86.

⁴⁸ Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914, табл. С, 2.

(бубны?)⁴⁹. В неапольском склепе № 1 сохранность рисунков хуже, но наличие палок или копий в руках у фигурок на западной и южной стенах позволяет предположить то же культовое значение указанных предметов. Еще один момент, который представляется интересным при сопоставлении росписей склепа № 1 и склепов «сабазиастов», — это изображение людей с птичьими головами в склепах «сабазиастов» и солярных уборов на персонажах из склепа № 1. Кажется возможным предположить, что в обоих случаях мы имеем изображения головных уборов-масок, надевавшихся для совершения ритуальных действий. Отмеченное сходство заставляет видеть в росписях склепа № 1 позднескифской столицы и керченских явления одного культурного порядка. Однако несомненны иконографические различия, указывающие на то, что способы, которыми выражена одна идея, — различны, т. е. налицо самостоятельное развитие этого явления в упомянутых районах. Поэтому не следует приписывать имеющееся сходство непременно прямому влиянию боспорской культуры на позднескифскую. Оно свидетельствует просто об общности процессов, происходивших на периферии античного мира на рубеже н. э., приводивших к «нивелировке» культуры, ее «варваризации», а также о причастности Малой Скифии к этим процессам.

Роспись второго пласта в склепе № 1 свидетельствует о полном отсутствии у ее создателей владения какими бы то ни было специальными изобразительными приемами. Это позволяет предположить, что обращение к «языку изображений» в это время стало обычным для населения поздней Скифии, тогда как раньше любое изображение, имевшее ритуально-мистическое значение, было делом рук исключительно ремесленника-профессионала. О. И. Домбровский справедливо предполагал, что рисунки делались лицами, выполнявшими культовые обряды, — родственниками умерших или жрецами, совершавшими погребальные церемонии⁵⁰. Однако это касается только второго хронологического пласта росписи.

Проведенный анализ росписей склепа № 1 позволяет сделать некоторые выводы относительно их содержания. Росписи имели, безусловно, культовый, магический характер. Возможно, это подтверждает идею Д. С. Раевского о принадлежности склепов жреческому сословию⁵¹. Кроме того, росписи демонстрируют две тенденции в культуре Малой Скифии и, в частности, в изобразительном искусстве. С одной стороны продолжение традиций предшествующего этапа скифской истории (змееногая богиня), с другой — появление определенных новшеств (солярный культ). Последнее указывает на влияние на культуру поздних скифов процессов, общих для античного мира во II—III вв.

Е. А. Попова

LES PEINTURES DU CAVEAU № 1 DE LA NÉCROPOLE DE NEAPOLIS SCYTHICA

Je. A. Popova

Le caveau n° 1 fut découvert en 1946 dans la nécropole de Neapolis scythica et date des Ier—IIIe ss. Les dessins couvrant les trois murs conservés ont été faites à la peinture noire et rouge. On peut diviser les peintures en deux groupes d'après leurs particularités

⁴⁹ Там же, табл. CI, 2.

⁵⁰ Домбровский. Ук. соч., с. 85.

⁵¹ Раевский. Очерки идеологии..., с. 152.

stylistiques. Certains dessins sont exécutés dans un style ornemental et se composent de lignes incurvées qui bâtissent une composition où figurent des déesses à jambes—serpents et un décor végétal. D'autres présentent des images géométrisées de personnages humains et d'un cheval. Les différences de style témoignent en faveur de dates différentes pour chaque groupe. En outre, certains dessins recouvrent des surfaces antérieurement décorées de motifs végétaux. La composition à déesses témoigne de la continuité des traditions anciennes dans l'art des Scythes de basse époque. La deuxième couche de peintures reflète un culte solaire ainsi que, sans doute, la participation de la Petite Scythie au processus en cours aux IIe—IIIe ss. dans le monde antique de quête d'une religion monothéiste, processus qui avait contribué à la diffusion des cultes solaires. La thématique solaire est une innovation dans l'art scythe de basse époque. La ressemblance thématique et stylistique entre les dessins du second groupe et les peintures des caveaux des sabaziastes en révèle la communauté culturelle et, par conséquent, la communauté du «nivellement» de la culture, de sa «barbarisation» qui se déroulaient à la périphérie du monde antique.

ВОЙНЫ ГЕРМАНСКИХ ПЛЕМЕН С РИМОМ В III в. И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ДРЕВНЕГЕРМАНСКОГО ОБЩЕСТВА НА РЕЙНЕ

В истории взаимоотношений Рима и варварских племен Центральной Европы важное место принадлежит событиям III в., когда опустошительные набеги варваров в империю ознаменовали собой крушение прежнего равновесия сил. Определение социально-экономических причин, приведших к появлению в древнегерманском обществе потребности в войнах против Рима, а также значение этих войн для развития германских племен на Рейне и их отношений с Римом представляют особенно важными. Не останавливаясь подробно на освещении военной истории III в., поскольку она детально изучена¹, мы намерены ограничиться лишь сжатым изложением событий, уделив основное внимание тем военным аспектам вторжений на Рейне, которые, на наш взгляд, наиболее отражают специфику событий III в.

Основная масса информации о войнах III в. на Рейне — это компилятивные данные авторов IV—V вв. (писатели истории Августов, Аврелий Виктор, Евтропий, Орозий, Зосима и др.). Они не содержат в большинстве случаев точной хронологии и локализации событий и сообщают зачастую о сражениях с германцами в виде констатируемых фактов, что не всегда позволяет судить о характере и масштабах столкновений. То же самое можно сказать о победных титулах императоров и победных легендах римских монет. Особым видом информации являются данные топографии и хронологии монетных кладов в пограничных провинциях.

¹ Из числа довоенных работ большой фактический материал содержится в монографии Л. Шмидта (*Schmidt L. Die Westgermanen. Unter Mitwirkung von H. Zeiss. München, 1970*), из современных авторов следует назвать Г. Паркера (*Parker H. M. D. A History of the Roman World. A. D. 137—337. L., 1963*), Э. Цёлльнера (*Zöllner E. Geschichte der Franken bis zur Mitte des sechsten Jahrhundert. München, 1970*), Э. Демужо (*Demogeot E. La formation de l'Europe et les invasions barbares. T. I. P., 1969*).

В качестве корректирующего источника важное значение имеют свидетельства Аммиана Марцелина о тактике варварских вторжений, которая оставалась в общих чертах неизменной на протяжении III—IV вв.

Переход Рима в начале II в. к оборонительной политике выразился в отводе легионов за Рейн и в сооружении мощной системы лимеса. Это означало для германских племен, проживавших в междуречье Рейна и Везера, а также к северу от Верхнего Дуная, прекращение войн, опустошений вследствие походов римлян, появление возможности для стабилизации племенных территорий и дальнейшего подъема производства. Существенное значение для последнего имели импорт римских орудий труда, знакомство германцев с сельским хозяйством и ремеслом римлян в результате торговых контактов и службы в римской армии². К III в. наметились прогрессивные сдвиги в хозяйственном развитии германцев, связанные с углублением общественного разделения труда. Данные раскопок позволяют говорить о появлении слоя ремесленников, не занятых производством продуктов питания и обеспечивавших свое существование исключительно ремесленным трудом³. Часть ремесленной деятельности, связанная с переработкой сельскохозяйственной продукции (размол зерна, прядение, ткачество, обработка кож, а также обработка дерева и изготовление лепной посуды), традиционно осуществлялась еще в рамках домохозяйства. К категории профессионального ремесла относились прежде всего те отрасли, функционирование которых превышало технологические возможности отдельной семьи, либо было несовместимо с занятием сельским хозяйством: металлургия и металлообработка, производство глиняной посуды с помощью гончарного круга, обработка кости и рога, изготовление повозок и щитов. К III в. металлообработка распространилась по всей территории Германии. Германцам к этому времени были известны горячая и холоднаяковка, наваривание железа, техника заклепок⁴.

Развитие металлообработки оказало революционизирующее воздействие на остальные виды производства. Ускорились темпы корчевания леса под пахотные площади. В III в. начался переход к плужному земледелию, но находки железных сошников пока единичны⁵. По-прежнему на ряде почв более рациональным оставалось использование сохи⁶. Данные палеозотоботаники свидетельствуют о разнообразии зерновых культур, ведущие позиции среди которых занимал ячмень⁷. Значительные сдвиги наметились в скотоводстве, где основной группой домашних животных стал крупный рогатый скот: доля костей этого скота среди костных останков домашних животных в поселениях достигает 40—50%. К III в. средний рост скота повысился до 109—114 см (в галльских провинциях —

² Deutsche Geschichte. Bd. 1. Von Anfängen bis zur Ausbildung des Feudalismus. Unter Leitung von J. Herrmann. B., 1982, S. 134—145.

³ При раскопках поселения Феддерсен Вирде (округ Везермюнде, ФРГ) выявлены дома ремесленников, в которых не было стойл для содержания скота, в отличие от домов других ремесленников, где имелись 1—2 стойла для мелкого или крупного скота. См. Haarnagel W. Die Grabung Feddersen Wierde. Wiesbaden, 1979, S. 133—135.

⁴ Pleiner R. Die Eisenverhüttung in der «Germania magna» zur römischen Kaiserzeit. — BRGK, 1965, 45, S. 11—87.

⁵ Gringmuth-Dallmer E. Ein Hortfund landwirtschaftliche Geräte von Guhrow, Kr. Cottbus. — ZfA, 1979, 2, S. 281—300.

⁶ Zimmermann W. H. Untersuchungen zur Landwirtschaft während der Römischen Kaiserzeit in der Siedlungskammer Flögeln, Kr. Cuxhaven. — Abhandl. d. Akad. d. Wiss. in Göttingen. Phil.-hist. Kl., 3 Folge. № 115, 1979, S. 240—249.

⁷ Lange E., Gringmuth-Dallmer E. Ackerbau. — In: Die Germanen. Unter Leitung von B. Krüger. Bd. 2. B., 1983, S. 101.

до 124 см), что объяснимо бессознательной гибридизацией с римскими породами скота, попадавшего к германцам в ходе торговли и набегов, а в глубинных районах — более хорошими почвенно-растительными условиями⁸. Большого успеха достигло коневодство, средний рост коней до холки составлял 135—138 см (римских — 140 см). О германских конях высоко отзывались римляне (SHA, Claud. 9, 6; Prob. 15, 6). Указанные изменения в земледелии и скотоводстве знаменовали собой начало перехода к высокопроизводительному сельскому хозяйству на основе широкого внедрения железных орудий, количественного и качественного улучшения тягловых средств, и это в свою очередь вело к увеличению производства продуктов питания и тем самым к ускоренным темпам роста населения.

Однако этот процесс шел в рамках экстенсивной системы хозяйствования, зависевшей во многом от природной среды и требовавшей постоянного освоения новых земель⁹. Аммиан Марцеллин (28, 5, 14) сообщал о неурожаях у бургундов. В приморских районах суровый климат, нехватка кормов зимой вели к убою и падежу большой части молодняка¹⁰. В литературе также отмечена роль ландшафта для развития экстенсивного хозяйства и для возникновения миграционных потоков¹¹. В условиях прочной военной мощи империи попытки поселения варваров на римских землях жестоко подавлялись римлянами¹², поэтому потребности в новых землях в I—II вв. реализовывались исключительно за счет внутригерманских конфликтов¹³.

Древнегерманское общество накануне III в. представляло собой образование племен с несколькими окончательно не закрепившимися по сословно-классовому признаку социальными слоями¹⁴. Это были: постепенно выходящий из непосредственной производственной деятельности привилегированный слой родовой и военно-служилой знати с ее дружинами; основная масса полноправного свободного населения, носящая оружие и представленная в политической жизни народным собранием; слой рабов и экономически зависимых свободных общинников. Доминирующие позиции в общественной и хозяйственной сфере занимал слой свободных общинников-земледельцев. Подобное явление объясняется натуральным характером производства и воспроизводства древнегерманской общины, где в рамках семейной группы производилось все необходимое, а также ведущей

⁸ Teichert M. Die Tierreste aus einer germanischen Siedlung bei Kablo, Kr. Königs Wusterhausen.— VMP, 1971, 9, S. 135.

⁹ Подсечно-огневое земледелие обеспечивало высокий урожай только в первый год, в дальнейшем почва выщелачивалась и урожайность падала. Через 2—3 года участок забрасывался, после подсок он должен был отдыхать от 18 до 40 лет (Петров В. П. Подсечное земледелие. Киев. 1968, с. 196—197; Шевченко А. Я. Природные, демографические и материально-производственные условия в Европе раннего средневековья.— В кн.: История крестьянства в Европе. Под ред. З. В. Удальковой. Т. 1. М., 1985, с. 32—33). При норме потребления 1—1,5 центнера зерна в год на 1 взрослого урожайность зерновых у германцев гипотетически оценивается не выше 2—3 ц с 1 га — Schlette F. Germanen zwischen Thorsberg und Ravenna. Lpz., 1971, S. 53.

¹⁰ В Феддерсен Вирде костные останки коров в возрасте до 3 мес. составили 13,3% от общего количества костей коров; лошадей в возрасте до 9 мес. — 28,1%, 9—12 мес. — 12,4% всех костей лошадей (Haarnagel. Op. cit., S. 254 f.).

¹¹ Неусыгин А. И. Проблемы европейского феодализма. М., 1974, с. 392.

¹² Тас., Ann. 13, 54, 56.

¹³ Тас., Ann. 2.44; 12, 28—29; 13, 55; Germ. 33.

¹⁴ Неусыгин. Ук. соч., с. 388; Корсунский А. Р. О социальных революциях в докапиталистических формациях.— В кн.: Проблемы социальной революции. М., 1976, с. 37; Гуревич А. Я. Аграрный строй варваров.— В кн.: История крестьянства в Европе, с. 124—126.

ролью свободного общинника в войне, относившейся к условиям воспроизводства «...по мере того как прирост населения, при традиционном и единственно для него возможном примитивном способе производства, создает потребность в новых средствах производства»¹⁵. Народное собрание полноправных общинников, несмотря на то, что тон в нем задавали представители знати, продолжало играть роль основного общественно-правового института, оставаясь также главным носителем антиримских настроений. Цари¹⁶ и знать пытались узурпировать прерогативы публичной власти. Свободные общинники были вынуждены противодействовать им¹⁷ и постоянно браться за оружие ради приобретения земель. Подобные расхождения общинников со знатью не были антагонистическими и представляли собой либо стихийный протест против нарушения принципов военной демократии¹⁸, либо результат вовлечения в борьбу различных групп знати между собой, нередко на почве антиримских выступлений¹⁹.

Антиримская позиция массы общинников и народного собрания формировалась прежде всего под влиянием разорений и упадка их хозяйств в результате военных мероприятий Рима (например, описанных Тацитом походов Германика). Для мирного времени причины более или менее выраженных антиримских настроений, видимо, следует искать во взаимоотношениях общинников со знатью. Согласно концепции Э. А. Томпсона, отсутствие в древнегерманском обществе сильного общественного института для защиты позиций знати от «эгалитарных» поползновений народного собрания (одной дружины для противодействия ему было недостаточно) толкало часть знати к сотрудничеству с Римом в целях получения материальной и военной помощи для поддержания внутреннего баланса сил и распространения принудительной власти на соплеменников. Поэтому вопрос об отношении к Риму, особенно по мере усиления знати как все более обособляющегося слоя, вызывал, по мнению Э. А. Томпсона, раскол в обществе и выступления общинников против проримских групп знати и их внешнего союзника²⁰.

К III в. ускорилось социально-экономическое расслоение свободного населения. По данным раскопок, об имущественной дифференциации свидетельствуют размеры жилых домов, зерновых амбаров, а также количество стойл для содержания скота²¹. Получила дальнейшее распространение эксплуатация обедневших хозяйств зажиточными соплеменниками. В пределах поселений появились большие хозяйственные комплексы, включавшие в себя дом зажиточной семьи, два-три зависимых дома, нередко дом ремесленника, колодец, амбары и другие подсобные

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 21; т. 25, ч. 2, с. 471; т. 46, ч. 1, с. 471—472.

¹⁶ Мы предпочитаем перевод термина *gex* применительно к древнегерманскому правителю — «царь».

¹⁷ Аммиан сообщает, что перед битвой при Аргенторате (357 г.) под давлением простых воинов знатные слезают с коней в знак того, что не бросят соплеменников в случае поражения (16, 12, 34). В 378 г. рядовые германцы вынудили царя Приария, имевшего союзные отношения с Римом, пойти на их разрыв и поддержать поход за Рейн (31, 10, 5—10).

¹⁸ Прежде всего из-за справедливого раздела добычи, как в случае столкновения Хлодвига с одним из своих воинов по поводу драгоценной чаши (*Greg. Tur.*, 2, 27).

¹⁹ Во время конфликта между Сегестом, занимавшим проримскую позицию, и Арминием последнего поддержала «сила соплеменников» (*Tac.*, Ann. 1, 57, 1).

²⁰ *Thompson E. A. The Early Germans. Oxf.*, 1965, p. 88; *idem. Romans and Barbarians. Wisconsin*, 1982, p. 40—41, 233—238.

²¹ *Donat P. Stallgrösse und Viehbesitz nach Befunden germanischer Wohnstallhäuser.* — In: *Archäologie als Geschichtswissenschaft. B.*, 1977, S. 251—263.

постройки, обнесенные общей изгородью²². Признавая со всей очевидностью имущественное и социальное расслоение германцев, возможно констатировать, что объективным следствием этого стало зарождение ранних форм эксплуатации одних свободных другими (кабальное рабство, наймитство) с последующей централизацией производства вокруг жилищного дома.

Древнегерманская знать за счет эксплуатации труда рабов и зависимых общинников получала прибавочный продукт (главным образом продукцию сельского хозяйства), который она использовала для обмена на предметы римского импорта и содержания дружин. Знать постепенно превращается в единственный слой, концентрирующий в своих руках подавляющую часть изделий из золота и серебра. Показателем развития слоя знати (с которой также постепенно смыкалась разбогатевшая часть общинников) в период до III в. являются «княжеские погребения» Любешево (повят Грифице, ПНР). Эта группа погребений характеризуется обособленным положением по отношению к остальным захоронениям, наличием могильной насыпи, деревянной погребальной камеры с каменной основой и большим количеством римской импортной продукции. При наличии некоторых спорных вопросов в интерпретации погребений несомненно, что они связаны с представителями социальной верхушки, чей образ жизни ориентировался на римский мир²³. Но данные археологии показывают, что так называемый «образ жизни знати» доказуем только для небольшого круга населения: в бассейне Эльбы примерно из 4 тыс. погребений I—II вв. только 20 имеют особо богатый инвентарь²⁴. Усиление позиций знати в хозяйственной сфере базировалось на эксплуатации труда рабов и зависимых общинников, но такой тип хозяйствования знати еще не превратился в обособленный хозяйственный уклад. Предполагается, что число несвободных, несмотря на общественную дифференциацию, в период до Маркоманских войн и войн III в. было невелико²⁵.

Особым фактором социальной динамики древнегерманского общества все более становилась дружина²⁶. Во время войны она представляла собой обособленный организм, обеспечивавший себя за счет грабежа (см. Тас., Germ. 14). Дружина была невелика²⁷, но лично предана своему

²² Данное явление археологически зафиксировано только для поселений германцев на побережье Северного моря, где удалось проследить эволюцию отдельных поселений на протяжении нескольких веков. См. *Гуревич*. Аграрный строй варваров, с. 121—124.

²³ *Steuer H.* Frühgeschichte Sozialstrukturen in Mitteleuropa. — Abhandl. d. Akad. d. Wiss. in Göttingen. Phil.-hist. Kl., 1982, № 128, S. 209—220.

²⁴ *Leube A.* Probleme germanischer Adelentwicklung im 1. und 2. Jh. unter dem Aspekt der römischer Beeinflussung. — In: *Römer und Germanen in Mitteleuropa*. В., 1975, S. 186.

²⁵ *Grünerth H.* Unfreie bei den germanischen Stämme zu Beginn unseres Zeitrechnung. — In: *Archäologie als Geschichtswissenschaft*, S. 236.

²⁶ В. Шлезингер, положивший начало дискуссии о генезисе дружины, особое внимание обращает на укрепление политического положения предводителя дружины как основу возникновения королевской власти, связанной с предводительством над войском (Heerkönigtum). Историографический обзор по проблеме дружины см. *Kristensen A. K. G.* Tacitus' germanische Gefolgschaft. København, 1983. Дружина определена как «специфическая структурная форма и базис зарождающегося господствующего класса» в статье: *Herrmann J.* Die Rolle gentilgesellschaftlicher Stämme und des Klassenkampfes der Volksmassen bei der Herausbildung und Entwicklung vorkapitalistischer Gesellschaftsformationen. — *ZfG*, 1977, № 10, S. 1050.

²⁷ У царя Хонодомара, выделявшегося своим могуществом среди прочих царей, после битвы при Аргенторате (357 г.) уцелело около 200 дружинников (*Amm. Marc.*,

вождю²⁸. В мирных условиях ставка вождя дружины на ее содержание за счет собственных средств при полной зависимости сельскохозяйственного производства от природных условий, естественно, не могла быть гарантированной. Кроме того, интеграционные процессы с конца II—начала III в. частично ослабляли противоречия между племенами, входящими в племенные объединения, и тем самым лишали дружины части их «промысла». Поэтому часто дружины переходили на римскую службу или совершали набеги на римские земли.

Развивающаяся царская власть имела тенденцию к ограничению прав народного собрания. Избрание царя зависело от поддержки основной массы воинов-общинников, что требовало с его стороны учета потребностей этого слоя в приобретении новых земель. Мирная политика по отношению к соседним племенам и сотрудничество с Римом вызывали оппозицию не только общинников, но также и военно-служилой знати²⁹.

На основе крупных сдвигов в хозяйстве, упрочения межплеменных связей, роста населения непрерывный процесс консолидации германских племен вошел в качественно новую стадию. В одних случаях племя, ставшее ядром объединения, силой присоединяло и поглощало мелкие племена, оставаясь по структуре разросшимся крупным племенем, как бургунды, лангобарды, вандалы. В других случаях путем добровольной интеграции возникал союз равноправных племен, и его название означало не какую-либо однородную племенную общность, а целую совокупность разнородных племен, как франки, алеманны. Появление союзов племен позволило увеличить общий военный потенциал (дружины и примыкающие к ним общинники-добровольцы), которым могла распоряжаться знать³⁰. Но присвоение знатью прибавочного продукта за счет эксплуатации зависимого населения, получения добровольных даров от свободных общинников (*Tac., Germ.* 15) в условиях экстенсивных форм хозяйствования и возможных конфликтов с народным собранием из-за чрезмерных эксплуататорских побуждений не могло быть безграничным. Отчуждение свободного общинника как основного производителя от средств производства еще только начиналось, что побуждало знать искать внешние пути обогащения, в первую очередь за счет грабительских войн и набегов. Наилучшие возможности для использования знатью своего военного потенциала появились в результате ослабления обороны римского лимеса под влиянием кризиса III в.

Развитие производительных сил германцев служило совершенствованию приемов и методов ведения войны. Одной из отраслей металлообработки было изготовление оружия³¹. Самостоятельное производство оружия пока не обеспечивало полностью потребности в нем. Традиционно считается, что оружие было исключено из легальной торговли и основными путями знакомства германцев с римским оружием и его получения были

16, 12, 60), и, видимо, численность в 200—300 чел. была наивысшей для дружины в то время.

²⁸ Вместе с Марободом и Катувальдой уходят в изгнание и их дружинники (*Tac., Ann.* 2, 63, 6).

²⁹ Признано, что причиной свержения Маробода послужило недовольство знати его мирными отношениями с Римом (*Неусыхин. Ук. соч.*, с. 403).

³⁰ Для определения того, насколько велики были людские ресурсы, которыми могла распоряжаться знать, приведем тот факт, что восемь германских *reguli* предоставили Пробу 16 000 воинов для службы в римской армии (*SHA, Prob.* 15, 3).

³¹ *Raddatz K. Die Bewaffung der Germanen in der jungeren römischen Kaiserzeit.* — *Nachrichten d. Akad. d. Wiss. in Göttingen. I. Phil.-hist. Kl. Göttingen*, 1967; *idem. Bewaffung.* — *RL*, 2, § 10, S. 425—430; *Schlette. Op. cit.*, S. 126—140; *Uslar R. von. Germanische Sachkultur in der ersten Jahrhundert nach Christus. Köln*, 1975, S. 26—36.

военные трофеи и служба в римской армии. Немалую роль в этом сыграли Маркоманские войны. Мечи римского производства и остатки ножен прослеживаются археологически³². К III в. меч германцев эволюционировал от меча с одной режущей стороной к обоюдоострому мечу длиной 60—65 см, имевшему образцом римский короткий меч для колющего удара. Наиболее частой была имитация римского типа меча с кольцеобразным навершием на рукояти. В вооружении германцев большую роль продолжало играть копьё. Вегеций писал (1, 20), что варвары-пехотинцы носят по два-три копьё. Наконечники копий достигали длины (включая трубку-насадку) более 40 см. Началом III в. датируются первые находки боевых узколезвийных топоров, но широкое распространение они получают только с конца IV в. В особую отрасль выделилось производство щитов. Известны находки как целых щитов, так и большого количества рукоятей и железных умбонів сферической или конической формы с выпуклым наконечником в виде штока или шиповидного острия, позволявшим использовать щит в качестве наступательного оружия. Германцы продолжали отставать в области защитного вооружения: хотя и известны такие образцы доспехов германского производства, как, например, кольчуга II—III вв. с о-ва Фюнен (Дания)³³, но их изготовление требовало большого мастерства и было исключением. Если ранее германцы испытывали недостаток качественного железного оружия (Тас., Germ. 6, 1—3; Ann. 2, 14, 2), то в III в. успехи в металлообработке делали их серьезными противниками для тяжеловооруженной римской пехоты. Успехи коневодства и совершенствование германской конницы позволяли увеличить мобильность и тактическую оперативность вторжений. Не случайно Аврелий Виктор (Caes. 21, 2) характеризовал алеманнов как «удивительно сражающееся на конях племя».

Римский лимес на Рейне и Верхнем Дунае по своему назначению представлял пограничную оборонительную зону с фортификационными сооружениями, сетью дорог и системой связи³⁴. Декуматский участок лимеса (382 км) с его небольшой концентрацией вспомогательных частей, удаленностью лагерей легионов и отсутствием естественного защитного

³² Kellner K.-J. Zu den Römischen Ringknaufschwerten und Dosenortbänden in Bayern.— JRGZM, 1966, 13, S. 190—191; Geisler H. Der römische Import auf dem kaiserzeitlichen Urnengräberfeld vom Kemnitz, Kr. Potsdam-Land.— In: Römer und Germanen in Mitteleuropa, S. 133—136; Laser R. Der römische Gladius von Lansen, Kr. Waren.— In: Archäologie als Geschichtswissenschaft, S. 199—207.

³³ Schlette. Op. cit., Taf. 36.

³⁴ Подробное описание лимеса, о котором имеется обширная литература, не входит в задачи статьи, поэтому мы ограничимся краткой справкой. Декуматские поля были присоединены при Домициане, при котором был построен участок лимеса от р. Ланд до впадения Кинцига в Майн, при Траяне — участок между Майном и Неккаром. Реконструкция лимеса с заменой деревянных укреплений на каменные началась при Адриане. При Антонине Пие оденвальдский участок лимеса был продвинут на восток примерно на 30 км. Первая линия лимеса состояла из частокола (высотой до 4 м) и V-образного рва (ширина — до 6 м, глубина — до 3 м), затем следовали сторожевые башни высотой до 6—7 м. На ретийском участке лимеса (166 км) вместо частокола была сооружена невысокая каменная стена. На небольшом удалении от рвов и башен находились кастиеллы вспомогательных ал и когорт. См. Limesforschungen. Studien zur Organisation der römischen Reichsgrenze an Rhein und Donau. Bd 1—22. В., 1959—1982; Schleiernmacher W. Der römische Limes in Deutschland. В., 1959; Schönberger H. The Roman Frontier in Germany.— JRS, 1969, 59, p. 144—197; Baatz D. Der römische Limes. В., 1974; Planck D. Neue Forschungen zum obergermanischen und raetischen Limes.— ANRW, Principat, Bd. 5, S. 404—456.

рубежа в виде крупной водной преграды представлял наиболее слабое звено в обороне на Рейне ³⁵.

Первым военно-политическим союзом германцев на Рейне стал союз алеманнов, о котором сообщал Дион Кассий (78, 13, 14) при описании германского похода Каракаллы в 213 г. О первоначальной территории союза письменные источники не сообщают ничего определенного. Только Аврелий Виктор (Caes. 21, 2) отметил, что народ алеманнов является довольно многочисленным и был некогда разбит Каракаллой у Майна. В начале III в. алеманны проживали на землях к югу от верховьев Майна. Наряду с гермундурами, обитавшими в этом районе, в состав объединения вошла часть семнонов, мигрировавших сюда из долины Хавеля ³⁶. Сплочение германцев вблизи границ империи вынудило римлян принять меры по ликвидации потенциальной опасности. Объединение алеманнов в это время еще только складывалось и более вероятно, что победа над ними досталась Каракалле без особых усилий. Возвращаясь после разгрома алеманнов, Каракалла нанес поражение хаттам ³⁷.

Угроза алеманнских нападений возросла в правление Александра Севера, когда часть рейнской армии была переброшена на войну с персами. В 220-х годах в районе Тауна проводились работы по укреплению ряда кастеллов, что трактовалось как свидетельство напряженности в этом районе ³⁸. В 231 г. надпись легионеров I легиона Minervia сообщает о какой-то победе, одержанной ими, но неизвестно, кто был противником римлян ³⁹. Набеги алеманнов на Декуматские поля усилились в 233—234 гг. и вызвали, судя по данным топографии кладов, беспокойство населения даже в районе Лугдуна (Лиона) ⁴⁰. От набегов пострадали некоторые кастеллы в Реции ⁴¹. В 235 г. при подготовке похода против алеманнов во время солдатского мятежа погиб Александр Север и поход был осуществлен Максимином Фракийцем. Геродиан (7, 2) сообщает о направлении похода довольно неопределенно, указывая лишь, что боевые действия велись в болотистой местности. Среди предполагавшихся мест сражений Максимиана с германцами более вероятным считают район Германии к востоку от Рейна и северу от Дуная ⁴².

Источники с конца 230-х годов и до начала 250-х годов в отношении рейнской границы противоречивы. С одной стороны, некоторые данные о гражданском строительстве на Декуматских полях могут быть рассмотрены как свидетельства мирной обстановки, однако обнаруженные на

³⁵ Mann J. C. The Frontier of the Principate.— ANRW, Principat, Bd. 2, Teil 1, p. 520; Luitwak E. N. The Grand Strategy of the Roman Empire. Baltimore — London, 1976, p. 89.

³⁶ Geisler H. Semnonen — Alamannen.— In: Archäologie als Geschichtswissenschaft, S. 283—289. Византийский историк Агафий (VI в.), ссылаясь на историка III в. Азияна Квадрата, писал, что алеманны — «смешанный народ и это показывает само их название» (I, 6). Об этимологии названия см. Kuhn H. Alamannen.— RL, 1, S. 137 f.

³⁷ Хатты проживали к северу от Лана в бассейне рек Эдер и Димель (Laser R. Die Chatten.— In: Die Germanen, Bd 2, B., 1976, S. 577 f.).

³⁸ CIL, 13, 7441a 7466, 7612; Schmidt. Op. cit., S. 228 f.

³⁹ Предполагалось, что это были хатты (Schmidt. Op. cit., S. 229) или франки (Корсунский А. П., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств. М., 1984, с. 132).

⁴⁰ Roeren R. Zur Archäologie und Geschichte Südwestdeutschlands im 3. bis 5. Jh. n. Chr.— JRGZM, 1960, 7, S. 215.

⁴¹ Kellner K.-J. Ein neuer Münzschatz beim Kastell Gunzenhausen und der Fall der raetischen Limes.— Germania, 1953, 31, S. 167 f.

⁴² Lippold A. Der Germanenfeldzug des Kaisers C. Iulius Verus Maximianus im Jahre 235—236.— BVbl, 1984, 49, S. 197—213.

территории ряда кастеллов клады монет чеканки Гордианов, Филиппа, Деция, Галла ⁴³ относятся также к этому же времени. По данным монетных кладов военная напряженность на ретийском участке возросла после 242 г.⁴⁴ Осенью 253 г. в ходе обострения внутривосточной борьбы часть армии из Верхней Германии и Реции была выведена Валерианом в Италию для борьбы со своими противниками (Zos., 1, 28, 5; 29, 1). Под влиянием ослабления римской обороны алеманны с 254 г. усилили набеги на Верхнюю Германию, о чем свидетельствует увеличение кладов монет чеканки Галла и Волузиана ⁴⁵.

В это время на Рейне появился новый противник — союз франков. Определение первоначального состава союза в III в. вызывает затруднения. Он сложился к северу от Майна на основе племен амсвариев, бруктеров, хамавов, хаттуариев, узипетов, тенктеров, тубантов. Высказано мнение, что в состав союза также вошли бродячие дружины ⁴⁶. Первое упоминание о франках относится к сообщению Аврелия Виктора (Caes. 33, 3) о прорыве франков при Галлиене в Испанию и разрушении ими Тарраконы, которое датируется между 257 и 264 гг.⁴⁷ Из биографии Аврелиана известно, что тот в должности трибуна VI Галльского легиона примерно в 253—255 гг. разгромил под Могонциаком (Майнцем) отряд франков (SHA, Augel. 7, 1). Об обострении обстановки на Нижнегерманском лимесе в это время свидетельствует прибытие в колонию Агриппину (Кельн) вексилярной XX легиона из Британии (CIL, XIII, 6780). Начало активных действий франков на Рейне относится к 256 г., когда они осуществили набеги в направлении Кельна и долины Мозеля ⁴⁸. Ввиду нехватки войск для отражения германцев, переправлявшихся через Рейн, Галлиен вступил в союз с одним из германских вождей: «Он... заключил с ним договор и с тех пор этот вождь сам не допускал своих соплеменников переходить реку и прогонял тех, которые прорывались» (Zos., 1, 30, 5).

В 259—260 гг. после того как римляне вывели большую часть рейнских войск в Паннонию для подавления узурпации Ингенуя, германцы прорвали ослабленную оборону лимеса ⁴⁹. Основное направление набегов франков — участок лимеса между Рейном и Ланом: сильные разрушения в некоторых кастеллах этого участка соотносят с вторжением 260 г.⁵⁰ Но основным районом прорывов германцев, прежде всего алеманнов, в Нарбоннскую Галлию и Италию стала южная часть Декуматских полей, граничащая с Рецией. В этом районе наблюдается повышенная концен-

⁴³ Schmidt. Op. cit., S. 232.

⁴⁴ Roeren. Op. cit., S. 217.

⁴⁵ Demougeot. Op. cit., p. 486—487.

⁴⁶ Корсунский, Гюнтер. Ук. соч., с. 132. Фюстель де Куланж выводил этимологию названия от термина *wrang* (бродяга), таким образом, по его мнению, слово «франки» означало людей, ушедших с родины в поисках ратных приключений (Фюстель де Куланж Н. Д. История общественного строя древней Франции. Т. 2. СПб., 1904, с. 567).

⁴⁷ Zöllner. Op. cit., S. 8; Schulten A. Tarraco.— RE, 4A, Sp. 2403.

⁴⁸ Demougeot. Op. cit., p. 490.

⁴⁹ Упомянутое ранее сообщение Аврелия Виктора о прорыве франков в Испанию и аналогичные данные Евтропия (9, 8, 2) и Орозия (7, 22, 8; 41, 2) не дают никакого точного отсчета для датировки прорыва лимеса. Последняя из римских надписей района Декуматских полей, известная к настоящему времени, относится к 258 г., что с учетом хронологии монетных кладов дает примерную дату — 259—260 гг. (Laser R. Römisch-germanische Beziehungen in 3. Jahrhundert.— In: Die Germanen. Bd 2, S. 40f.; Johne K.-P. Die Krise des 3. Jahrhundert.— In: Die Römer an Rhein und Donau. Hrsg. von R. Günther und H. Köpstein. B., 1975, S. 84).

⁵⁰ Baatz. Op. cit., S. 80, 88.

трация кладов римских монет чеканки 260-х гг.⁵¹ Прорываясь на юго-запад, алеманны разрушили Авентикум (Авенш, Швейцария)⁵². Этот маршрут варварских вторжений объясняется, на наш взгляд, тем, что с 260 г. район в верховьях Рейна представлял собой своеобразную «буферную зону» между владениями галльского узурпатора Постума и областью влияния Галлиена, где ни та, ни другая сторона не имела военного преобладания и соответственно не могла организовать должного отпора варварам⁵³.

Захват германцами Декуматских полей,— пожалуй, одна из самых неясных страниц военной истории III в. Предлагаемая нами гипотеза о характере захвата германцами Декуматских полей сводится к следующему. Прорывы франков в Галлию в районе Веттерау и алеманнов на юго-запад через «буферную зону» по сути дела означали охват германцами Декуматских полей с севера и юга и делали нецелесообразным пребывание гарнизонов на центральном участке Декуматского лимеса. Оставшиеся там гарнизоны, вероятно, были отведены к Рейну для удержания переправ или каких-то других целей, что привело к возникновению «военно-политического вакуума» на Декуматских полях. Не отвергая ведущего значения хозяйственных потребностей в движении германцев на новые земли, в отношении Декуматских полей мы склонны признать, что именно наличие в этом районе «военного вакуума» послужило главной причиной для заселения германцами Декуматских полей. Потребность общинников в захвате новых земель в условиях III в. реализовывалась в значительной мере стихийно и зависела от успешных действий дружин знати. Вторжения III в. в пределы империи по своему характеру не были переселениями племен, ищущих с оружием в руках новые земли, а представляли собой набеги дружин знати или организованных по типу дружин групп из разных племен с целью захвата добычи, которые действовали обособленно, крайне редко согласовывая свои действия⁵⁴. Набеги дружин, как обычно было на территории самой Германии, постепенно выявляли район наименьшего сопротивления, куда представлялось наиболее возможным переселение племени или распространение его влияния. Ввиду отсутствия на Декуматских полях реального отпора со стороны римской армии и городов как наиболее крупных объектов грабежа вторгшиеся дружины устремились далее в Галлию и Италию. Заселение Декуматских полей германцами демонстрирует пример того, как захват новых земель «приобретал различные формы в зависимости от особенностей внешних условий (разрядка наша.— В. Д.) существования и исторических судеб разных племен»⁵⁵. Постепенно на оставленные римлянами Декуматские поля вслед за дружинами стала переселяться основная

⁵¹ *Stahelin F.* Die Schweiz in Römischen Zeit. Basel, 1948, S. 261—264.

⁵² *Fredeg. Chron.* 2, 40.

⁵³ Для этого времени неясна политическая позиция VIII Августова легиона из Аргентората (Страсбурга), который, видимо, колебался между Постумом и Галлиеном (*Штаерман Е. М.* Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957, с. 461) и в чью задачу входила оборона участка лимеса к северу от границы Декуматских полей с Редией (*Oldenstein-Pferdehirt B.* Die Geschichte der Legio VIII Augusta.— *JRGZM*, 1984, 31, S. 417 f.).

⁵⁴ *Krüger B.* Zusammenstoss und Auseinandersetzung zwischen römischer Sklavengesellschaft und germanischer Gentilgesellschaft in Mitteleuropa vom Ende des 2. Jh. bis zur Mitte des 4. Jh.— In: *Römer und Germanen in Mitteleuropa*, S. 29; *idem.* Zum Problem germanischer Wanderungen.— In: *Archäologie als Geschichtswissenschaft*, S. 230.

⁵⁵ *Неусылин.* Ук. соч., с. 394.

масса алеманнов, вынуждаемых к этому давлением бургундов с востока ⁵⁶. Таким образом, заселение алеманнами Декуматских полей началось, во-первых, не как завоевание с оружием в руках, а как заполнение естественно возникшего «вакуума» и, во-вторых, не было единовременным актом, а протекало вплоть до середины 290-х годов.

Прорыв лимеса и последующие набеги не были равноценны вторжениям в империю масс германцев, что на первый взгляд, казалось бы, явствует из данных о людских потерях варваров в сражениях III в. ⁵⁷ Фантастические цифры убитых варваров, переходившие от одного автора к другому, появились в источниках под влиянием: а) политических соображений историков, стремившихся превознести того или иного императора: на наличие такого мотива искажения данных о потерях варваров указывал Аммиан (31, 10, 5); б) представлений римлян о многолюдности варварских земель; в) общей деморализации населения. Главной ударной силой вторжений были дружины германской знати, объединявшиеся в группы численностью в пределах тысячи человек ⁵⁸. Такие группы прорывались через лимес в целях захвата добычи. Рассыпаясь по дорогам и распространяя панику среди провинциалов, грабительские шайки создавали впечатление, что данная местность или провинция всецело находятся в руках германцев ⁵⁹.

Прорвавшиеся группы старались захватить врасплох и разграбить города ⁶⁰. В руках германцев временно были Луддун и Августодун ⁶¹. Сообщения о том, что германцы во время набегов разрушали жилые дома и храмы чуть ли не до фундаментов ⁶², естественно, не могут быть приняты на веру. В противном случае надо было бы признать, что варвары имели с собой необходимые орудия и время для разрушения каменных строений. Разрушение последних — результат пожаров, когда рушились деревянные опорные конструкции, крыша и т. п. ⁶³ Если не удавалось захватить город, то германцы, скрываясь в лесах от крупных римских отрядов ⁶⁴, рассеивались по окрестностям городов, подвергая разграблению деревни

⁵⁶ «Готы с трудом изгнали бургундов, в свою очередь вооружаются побежденные алеманны... Бургунды захватили поля алеманнов, которых они добивались из-за своего поражения. Алеманны потеряли земли, но вновь стремятся их добыть» (Pan. Lat. 3, 17, 1—3).

⁵⁷ Сообщалось, что при Клавдии вторглось 320 000 варваров (SHA, Claud. 6, 4); Проб в Галлии якобы уничтожил 400 000 германцев (SHA, Prob. 13, 7).

⁵⁸ Источники упоминают отряды германцев в 600 (Amm. Marc., 16, 2, 1), 1000 бойцов (SHA, Aurel. 7, 1).

⁵⁹ Gallias... quae omnes... a Germanis possessae (SHA, Prob. 13, 5).

⁶⁰ Amm. Marc., 16, 11, 4; Aur. Vict., Caes. 35, 2; SHA, Tyr. Trig. 5, 4. Римляне традиционно считали варваров неспособными к осадам городов по правилам полиоркеттики (Dio Cass., 56, 22, 2; Amm. Marc., 16, 4, 2; 29, 12, 1), и захват городов германцами зависел от использования эффекта паники, ветхости стен (Amm. Marc., 16, 11, 4; 27, 10, 1—2). Варвары могли применять осадные орудия с помощью пленных солдат или ремесленников. См. Ремеников А. М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. М., 1964, с. 59.

⁶¹ Koethe H. Zur Geschichte Galliens in dritten Viertel des 3. Jh.—BRGK, 1942, 32, S. 205.

⁶² Григорий Турский (I, 32) сообщает о бесчинствах отряда Хрока в Галлии: «...все дома, которые были построены с древних времен, разрушил до оснований (a fundamentis subvertit) ... Храм... поджег, разграбил и разрушил».

⁶³ После грабежа германцы забрасывали факелами деревянные строения (Tac., Hist. 4, 60, 3); обычно после разграбления варвары поджигали города (Amm. Marc., 16, 11, 4; Iord., Get. 156).

⁶⁴ Barbari... per valles abdiderant (Amm. Marc., 21, 3, 3).

и виллы⁶⁵, уводя за собой скот и пленников⁶⁶. Часть грабительских отрядов возвращалась на родину, другая оставалась для продолжения грабежей и погибала во время стычек с римлянами, от нехватки провианта и болезней⁶⁷.

Основной источник о проникновении германцев в глубь провинций — данные топографии монетных кладов. Франки через Северный Люксембург доходили до района Реймса и Парижа, алеманны через Эльзас прорывались до Клермон-Феррана на юге и верховьев Луары на севере⁶⁸. По Агрипповой дороге через Диводурум (Мец) — Лингоны (Лангр) — Дибю (Дижон) — Кабиллон (Шалон-сюр-Сен) — Лугдун — Араузион (Оранж) алеманны вышли в долину Роны. Из Нарбоннской Галлии германцы проникли на побережье Испании, где ими были разрушены многие виллы в окрестностях Лериды, Тарраконы, Барселоны⁶⁹. Захватив здесь корабли, они совершили набег на берега Северной Африки (Aug. Vict., Caes. 33,5). Из долины Роны через Коттиевы Альпы германцы прорвались в Северную Италию⁷⁰, куда через центральноальпийские горные проходы проникла также часть алеманнов из Реции. В 261 г. отдельные отряды германцев доходили до Равенны (Eutr., 9,7) и Рима (Zos., 1, 37, 2). Галлиену удалось нанести им поражение у Медиолана, но по-прежнему открытой для набегов германцев оставалась Реция⁷¹. переброска войск с Дуная для борьбы с алеманнами в Северной Италии создавала благоприятные условия для действий придунайских племен⁷².

На Рейне основную борьбу с германцами вели галльские узурпаторы. В условиях политической ненадежности легионов Постум создал ударные части из германских наемников, в числе которых источники называли франков (SHA, Gall. duo, 7, 1; Tug. trig. 6,2). Находки золотых монет галльских узурпаторов в верховьях Эльбы позволяют предполагать, что в войсках узурпаторов служили и выходцы из глубинных племен⁷³. Галльским узурпаторам удалось остановить набеги германцев и даже перенести боевые действия на другой берег Рейна⁷⁴. Однако нет полной уверенности в том, что им удалось отбить Декуматские поля.

В 268 г. алеманны предприняли ряд вторжений в Италию, где совершали набеги до Медиолана (SHA, Aurel. 17, 3). Клавдий II разгромил прорвавшихся германцев в битве при Бенакском озере у Вероны (Ps.-Aug. Vict., Epit. 34, 2). В 270 г. алеманны совместно с ютунгами и маркоманна-

⁶⁵ Extra oppidum potuit inveniri vastassent (Amm. Marc., 16, 11, 4); Direptis villis (ibid., 27, 2, 2).

⁶⁶ «Варвары напали на сельское население, занятое сбором жатвы, перебили большую часть, а оставшихся в живых увели вместе с множеством различного скота» (Amm. Marc., 29, 6, 6).

⁶⁷ Последнее — как результат вспышек эпидемий в Римской империи в середине III в. или как следствие походного быта вторгшихся дружин. См. Pan. Lat. 2, 5, 2.

⁶⁸ Koethe. Op. cit., S. 204.

⁶⁹ Gorges J.-G. Les villas hispano-romains. P., 1979, p. 42—47.

⁷⁰ Alamanni vastatis Galliis in Italiam irruerunt (Eutr., 9, 6).

⁷¹ Sub principe Gallieno... amissa Raetia (Pan. Lat. 4, 10, 1—2).

⁷² Ременников. Ук. соч., с. 120.

⁷³ Такой вывод строится на основе находок золотых монет галльских узурпаторов, серебряной и бронзовой посуды галльского производства в бассейне р. Заале. См. Werner J. Bemerkungen zur mitteldeutschen Skelettgräbergruppe Hassleben-Leuna. Zur Herkunft der ingentia auxilia Germanorum des gallischen Sonderreiches in den Jahren 259—274 n. Chr.— In: Festschrift für W. Schlesinger. Bd 1. Köln — Wien, 1973, S. 1—30.

⁷⁴ Источники упоминают «укрепления, построенные Постумом за семь лет на варварской земле» (SHA, Tug. trig. 5, 4); на правом берегу Рейна найден милоевой камень с именем галльского узурпатора Викторина (Laser. Römisch-germanische Beziehungen..., S. 44).

ми через Большой Сен-Бернар вновь вторглись в Италию⁷⁵. Под Плаценцией они разбили римлян (SHA, Augel. 21, 1—3). Часть вторгшихся германцев по Эмилиевой и Фламиниевой дорогам дошла до Метавра, но была разгромлена. В 271 г. Аврелиан нанес поражение остальным силам германцев на реке Тицин. В 274 г. после ликвидации Галльской империи Аврелиан воевал с франками на Рейне и затем вновь с ютунгами, которые осадили Августу Винделиков (Аугсбург).

В 275—276 гг. франки и алеманны возобновили вторжения на Рейне. По данным источников, германцы в это время разграбили в Галлии 60 или 70 городов (SHA. Prob. 13, 6; 15, 3). Отличительной чертой вторжений с этого времени стало стабильное участие в них племен из глубины Германии — *interiores gentes* (SHA, Prob. 15, 2). В 278 г. римляне в Реции впервые столкнулись с бургундами (Zos., 1,67). Во II в. бургунды проживали на Среднем Одере, откуда постепенно начали движение на запад⁷⁶. Основная борьба Проба с германцами развернулась на Декуматских полях, где впоследствии у Гейдельберга были найдены надгробия римских солдат конца III в.⁷⁷ Можно говорить о частичной оккупации римлянами Декуматских полей при Пробе (SHA, Prob. 14,5). Но несмотря на заключенный мир, германцы около 280 г. совершили внезапный набег на колонию Агриппину, где сожгли рейнскую флотилию (SHA, Von. 15,1).

В Галлии в середине 280-х годов движение багаудов сковало действия римлян в борьбе с германцами. Вместе с франками, алеманнами и бургундами в набегах участвовали хайбоны и эрулы из «отдаленных мест» (Pan. Lat. 2, 5, 1)⁷⁸. Борьба с германцами активизировалась с прибытием на Рейн Максимиана. Мамертин сообщал о его зарейнских экспедициях и победах (Pan. Lat. 3, 5, 4; 16, 1). В 292 г. Максимиан сражался с германцами, возможно с ютунгами, которые позже упоминаются как неоднократно разгромленные в Реции (4, 10, 4), где Максимиан переправился за Рейн и пленил царя германцев (Pan. Lat. 4, 2,1). Походы Максимиана за Рейн, видимо, нельзя рассматривать как борьбу за возвращение Декуматских полей. Примерно с начала 290-х годов в Реции началось сооружение новой оборонительной линии от Кастра Регина (Регенсбурга) к реке Лех и далее по реке Иллер к Боденскому озеру и Рейну⁷⁹, что можно расценивать как окончательный отказ Рима от борьбы за возвращение Декуматских полей и укрепление на вновь сложившихся границах.

С конца 280-х годов усилились пиратские набеги франков и саксов на берега Галлии и Британии. С этими событиями связано упоминание о союзе саксов у Евтропия (9, 21). Этот союз сформировался в низовьях Эмса, Везера и Эльбы, где ранее проживали хавки, ангриварии, авионы и другие мелкие племена⁸⁰. Борьба с пиратством была возложена на командующего флотом М. Аврелия Мавзея Караузия, который затем провозгласил себя императором в Британии. В 288 г. Максимиан нанес пораже-

⁷⁵ Ютунги представляли собой племенную группу, сформировавшуюся на основе части гермундуров севернее Регенсбурга (*Schmidt*. Op. cit., S. 237). Согласно Дексиппу, силы ютунгов тогда составляли 40 тыс. всадников и 80 тыс. пехоты (*Dexipp.*, fr. 24).

⁷⁶ *Leube* A. Die Burgunden. — In: Die Germanen. Bd 2, S. 362.

⁷⁷ *Schmidt*. Op. cit., S. 242 f.

⁷⁸ По мнению Эд. Галлетье, хайбонов возможно соотнести с авионами Тацита (Germ. 40, 1), обитавшими в районе устья Эльбы; с побережьем Балтики также связывают и эрулов (*Galletier E.* Panégyriques latins. T. 1. P., 1949, p. 28).

⁷⁹ *CIL*, 13, 5249, 5256; Pan. Lat. 5, 18,4.

⁸⁰ Название саксов связывалось с термином *Sachnôtas* (Schwertgenossen, Schwertleute — *Schmidt*. Op. cit., S. 37), букв. «товарищи по мечу», или с названием особого боевого ножа, распространенного в тех районах Германии, — *sahs*, *skramasachs* (*Leube* A. Bewaffung und Kampfweise. — In: Die Germanen. Bd 1. B., 1976, S. 337).

ние германцам на море (Pan. Lat. 3,7,1), но начавшиеся вторжения франков на Нижнем Рейне затруднили дальнейшие действия против Караузия. Достоверность союза Караузия с германцами на континенте, несмотря на скудный характер источников, все же не может быть отвергнута. Соглашение Караузия с франками имело место в целях отвлечения сил римлян от Британии⁸¹. В начале 290-х годов франки вторглись в область между низовьями Шельды и Рейна. В числе противников римлян панегирист упоминал — помимо общего названия франков — фризов и хамавов (Pan. Lat. 4, 9, 3). К 296 г. римлянам удалось разгромить франков на континенте и затем ликвидировать в Британии узурпацию Аллекта, сменившего Караузия.

Набеги и войны германцев против Рима в III в. были вызваны не только ростом их хозяйственного и военного потенциала, появлением союзов племен как качественно новых субъектов германско-римских отношений, но также и спецификой социального развития германских племен. К III в. претерпела значительную эволюцию древнегерманская знать. Часть старой родовой верхушки погибла во внутренних конфликтах⁸²: на основе дружинных отношений постепенно формировалась и крепла военная прослойка знати. Вместе с тем свободные общинники, носившие оружие и игравшие главную роль в войне как важнейшей предпосылке воспроизводства варварского общества, представляли прочную общественную силу, когда «действительная власть сосредоточивалась у народного собрания»⁸³. Поэтому к III в. могла сложиться определенная диспропорция между укреплением материального положения знати и невозможностью для нее расширить свои социальные позиции в условиях военно-демократического строя. То, что противостояние общинников и знати не принимало острых конфликтных форм, объяснимо не только отсутствием у знати особого аппарата принуждения. Ввиду войн и переселений возникала текучесть состава знати, что не позволяло ей окончательно обособиться от основной массы свободных. В период до великих переселений народов древнегерманская знать как социальный слой по своей структуре представляла совокупность «отдельных господствующих лиц»⁸⁴, еще не сплотившихся в господствующий класс. В данный исторический период тип хозяйствования знати посредством эксплуатации зависимых лиц еще не превратился в достаточно зрелую хозяйственную систему (уклад). В рамках разлагающегося родового строя материальные основы для претензий знати на первенствующее положение в общественной жизни племен формировались двумя путями — за счет эксплуатации труда зависимых лиц и за счет военной добычи. Последняя в условиях грабительских набегов на ослабшую Римскую империю давала наибольшие возможности для укрепления политических позиций знати, особенно предводителей племен и связанных с ними служилых слоев. Видимо, преимущественно по этой причине вторжения III в. осуществлялись дружинами знати⁸⁵, а ввиду слабой степени ее сплоченности координация

⁸¹ White D. A. *Litus Saxonicum*. Madison, 1961, p. 28—29.

⁸² *Amissis per interna bella nobilibus* (*Tac.*, Ann. 11, 16, 1).

⁸³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 142.

⁸⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 184.

⁸⁵ Для Фюстеля де Куланжа признание такого характера вторжений III в. вытекало из его концепции упадка социальной организации германцев накануне III в., в чем более всего были виновны якобы дружины. Ослабление власти предводителей племен, гибель части родовой знати под влиянием межплеменных усобиц, вызывавшихся во многом действиями дружин, привели к тому, что уже никакая социальная сила не могла удержать дружины и остальное население от набегов на империю (*Фюстель де*

действий во время вторжений была спорадической или вообще отсутствовала. Можно также предположить, что основная масса общинников держалась пассивно в отношении участия в военных мероприятиях знати и поддержала ее лишь тогда, когда германцы заняли оставленные римлянами Декуматские поля и возникла совместная потребность в защите захваченной территории.

Захват германцами Декуматских полей радикально изменил обстановку на Рейне. Для защиты Северной Италии римляне начали строительство новой оборонительной линии в Реции. В районе прежней «буферной зоны» была выделена новая провинция — Максима Секванов, где разместился один легион для противодействия прорывам германцев в Юго-Восточную Галлию. На Нижнем Рейне крупной операционной базой римлян для действий против германцев стала Августа Треверов (Трир).

Вторжения германцев нанесли большой ущерб экономике провинций. Нехватка рабочей силы в сельском хозяйстве и рекрутов для комплектования армии как одно из последствий кризиса рабовладельческой экономики стимулировали обращение империи к людским ресурсам варваров. С конца III в. зародилась особая форма использования пленных германцев — поселение их как летов в римских провинциях⁸⁶. Леты представляли собой этнически обособленную группу социально-зависимых земледельцев варварского происхождения. Поселение летов — косвенное подтверждение повышения уровня хозяйственного развития германцев, приемы и навыки которых в обработке земли и разведении скота стали соответствовать минимуму римских норм и потребностей. Леты селились на заброшенных или опустошенных вторжениями местностях. В их задачу входило возделывание зерновых и разведение скота для снабжения продовольствием городов и армии. Из них набирались рекруты. Именно леты, поселенные в Галлии в конце III — начале IV в., составили основу армии Константина в 312 г.⁸⁷ По своему социальному положению леты определяются как промежуточная группа между римскими ветеранами и колонатами, которая по мере правового оформления колоната постепенно приближалась к нему⁸⁸.

В древнегерманском обществе в результате войн III в. наметились важные изменения социально-экономического и политического характера. Возникновение более стабильных по сравнению с I—II вв. племенных союзов и вторжения III в. положили начало образованию устойчивых этнических общностей типа народностей с особой террито-

Куланж. Ук. соч., с. 395—397). В историографии ФРГ признание дружинного характера вторжений связано преимущественно с работами направления «современной школы», рассматривающими германские завоевания как результат господства знати, когда дружины и их вожди играли роль «творческой силы» (см. *Barz M. A.* Проблемы социальной истории в освещении современной западной средневековедения. М., 1973, с. 140—144). Обычно признание ведущей роли дружин делается с упором на их стремление к военным приключениям и грабежу (*Dannenbauer H.* Die Entstehung Europas. Bd. 1. Stuttgart, 1959, S. 10, 12). В историографии ГДР дружинный характер вторжений III в. объясняется слабой степенью интеграции союзов племен, в связи с чем в основу организации групп вторжения был положен военный, а не этническо-племенной принцип (*Krüger.* Zusammenstoss..., S. 29—30).

⁸⁶ *Günther R.* Laeti, Foederati und Gentilen in Nord- und Nordostgallien im Zusammenhang mit der sogenannten Laetenzivilisation. — *ZfA*, 1971, 5, S. 39—59; *Simpson C. J.* Laeti in Northern Gaul: A Note on Pan. Lat., 8, 21. — *Latomus*, 1977, 36, p. 169 f.

⁸⁷ *Hoffmann D.* Das spätrömische Bewegungsheer und die Notitia Dignitatum. Bd. 1. Düsseldorf. 1969. S. 140.

⁸⁸ *Held W.* Die Vertiefung der allgemeinen Krise im Westen des Römischen Reiches. В., 1974, S. 127.

ально-политической организацией⁸⁹. В их рамках продолжилось социальное расслоение и разложение родо-племенного устройства. Ускорению социально-экономического развития германцев способствовало их поселение на Декуматских полях. В частности, Э. А. Томпсон отмечал, что последнее привело к сильному влиянию римских социальных институтов на алеманнов и формированию здесь области с более высоким уровнем распространения рабовладения, чем в остальной Германии. По его мнению, термин «вилла», использованный Аммианом в отношении некоторых поселений на Декуматских полях⁹⁰, означает «производственную единицу с высокой степенью развития и сложности» и может относиться к большим хозяйствам (*large estates*) знати, где часть работ выполнялась рабами⁹¹. Однако латинские дефиниции не всегда адекватны явлениям германской действительности и термин «вилла» — в особенности⁹². Можно предположить, что в восприятии римлянина под «виллой» на Декуматских полях могло подразумеваться хозяйство, организованное по типу ранее упомянутых нами жилищных комплексов на побережье Северного моря, тем более что археологически выявлены некоторые черты сходства с ними алеманнских поселений на Декуматских полях⁹³. Вероятно, в этом районе после 260 г. осталась часть римского населения (преимущественно из бедных слоев), что способствовало сохранению здесь элементов римского образа жизни и заимствованию алеманнами некоторых конструктивных особенностей римских жилищ⁹⁴. В ряде вилл обнаружены следы проживания алеманнов (погребения, остатки построек), что служит основой для гипотезы, согласно которой нельзя исключать возможность использования германской знатью в ограниченном объеме римских вилл и их земельных угодий⁹⁵.

Небезынтересен вопрос о судьбах пленных римлян. Общая их численность неизвестна, в отношении же аналогичных данных IV в. трудно

⁸⁹ Колесницкий Н. Ф. Этнические и политические образования у германцев I — V вв. — СВ, 1985, 48, с. 16, 26.

⁹⁰ «Наши солдаты... грабили богатые скотом и хлебными запасами поселения (*villas*) и никому не давали пощады. Затем римляне подожгли их жилища, построенные по римскому образцу и более тщательно, чем обычно, предварительно взяв в плен их обитателей» (*extractisque captivis* — *Amm. Marc.*, 17, 1, 7).

⁹¹ *Thompson E. A. Slavery in Early Germany.* — In: *Slavery in Classical Antiquity.* Ed. M. Finley. Cambr., 1960, p. 202. Относительно применения рабского труда в этих хозяйствах Томпсон ссылаясь на *extractisque captivis*, имея в виду освобождение пленных римлян, трудившихся в хозяйствах знати. Аналогичной точки зрения придерживаются историки ГДР (*Deutsche Geschichte.* Bd 1. В., 1982, S. 195), и такой перевод Аммиана дан В. Зейфартом (*Ammianus Marcellinus. Römische Geschichte.* Teil 1. 1968, S. 209). Но контекст не дает четких оснований для подобного перевода. Видимо, здесь более всего имеется в виду пленение германцев, нежели освобождение римлян. Таков перевод А. И. Неусыхина (*Древние германцы.* М., 1937, с. 179), принятый нами. Мы согласны с общим выводом Э. А. Томпсона о том, что рост рабства у германцев был временным явлением под влиянием притока пленных.

⁹² Такие места из Тацита как *Cruptorigis villa* (*Ann.* 4, 73, 4) возможно трактовать как свидетельства неравенства земельных владений у германцев с учетом того, что организация крупного рабовладельческого хозяйства, требовавшего более или менее обширного рынка, была невозможна в древнегерманском обществе. В варварских правдах характер поселений, названных «вилла», не всегда ясен, и в зависимости от контекста под «виллой» понималось либо однодворное поселение, либо небольшая деревня с окружающей территорией (*Грацианский Н. П.* К толкованию термина *villa* в Салической правде. — СВ, 1946, 2, с. 73—81).

⁹³ *Deutsche Geschichte.* Bd 1, S. 175.

⁹⁴ *Böttger B.* Die Landwirtschaft. — In: *Die Römer an Rhein und Donau.* S. 187.

⁹⁵ *Schmidt B.* Die Alamannen. — In: *Die Germanen.* Bd 2, S. 349 f.; *Weidemann K.* Untersuchungen zur Siedlungsgeschichte des Landes zwischen Limes und Rhein vom Ende Römerherrschaft bis zum Frühmittelalter. — JRGZM, 1972, 19, S. 100—112.

решить, насколько они соответствуют истине и могут быть применены для условий III в. ⁹⁶. Во время Маркоманских войн варвары захватили большое число римлян из провинции, которых они затем возвратили по условиям мира ⁹⁷. Но это еще не является доказательством широкого знакомства варваров с трудом рабов. Рабовладельческие отношения никогда не были существенной частью древнегерманской социальной системы, и для большого числа пленников-римлян просто не находилось производственного применения. В пределах варварской территории оставалась только та часть пленников (например высококвалифицированные ремесленники), для использования труда которой имелись технологические возможности и общественные потребности. Оставшуюся часть пленников было выгоднее вернуть за выкуп, а под военным нажимом римлян это делалось и без всякого выкупа (Amm. Marc., 17, 10, 4; 18, 12, 19).

Особым показателем возросшего уровня развития германцев является строительство с конца III в. укрепленных городищ в междуречье Рейна и Дуная. Некоторые из таких городов возникли на захваченной территории Декуматских полей. По своему характеру подобные городища, устраиваемые на возвышенностях, могли представлять убежища для населения в случае опасности, в мирное время — быть центрами ремесла и торговли (о чем свидетельствуют находки ремесленных изделий и предметов римского импорта) и местом пребывания предводителя племени, но для доказательства последнего отсутствуют археологические данные ⁹⁸.

В результате набегов и овладения Декуматскими полями население ближней варварской периферии значительно обогатило свои технические и технологические знания путем захвата римских орудий труда и использования опыта пленных ремесленников ⁹⁹. Под влиянием набегов стимулировалось развитие отраслей производства, связанных прямо или косвенно с обеспечением дружин, и производство оружия в данном случае может быть принято как показатель развития производительных сил вообще. Об увеличении использования германцами в IV в. мечей, копий, дротиков с железными наконечниками красноречиво свидетельствует описание Аммианом Марцеллином (16, 12, 23—54) битвы при Аргенторате в 357 г.

Приток награбленной добычи усилил процесс социальной дифференциации и обогащения военной верхушки племен. Это особенно ощущается при сравнении любешевских погребений с погребениями «типа Хасслебен-Лойна» на территории ГДР, также относимых к категории «княжеских захоронений». Хасслебенские погребения содержат большое количество золотых и серебряных украшений, римскую бронзовую и серебряную посуду. Специфической находкой являются серебряные шпоры и наконечники стрел. Хасслебенские погребения трактуются как могилы предводителей дружин, участвовавших вместе с алеманнами в прорывах лимеса и набегах вплоть до Северной Италии ¹⁰⁰.

В процессе войн III в. возросли профессионализация дружин и их дальнейший отрыв от основной массы производящего населения, продол-

⁹⁶ Император Юлиан сообщал, что в 357—361 гг. он освободил из плена 20 000 чел. (*Julian.*, Ad SPQ Athen. 280 C). Согласно Евнапию, только у одного алеманнского царя Вадомара в то время было 3000 пленных (*Eunap.*, fr. 15).

⁹⁷ *Dio Cass.*, 71, 11, 2; 16, 2; 72, 3, 2.

⁹⁸ *Milojičič V.* Der Runden Berg bei Urach.— In: *Ausgrabungen in Deutschland.* Teil 2. Mainz, 1975, S. 196.

⁹⁹ *Schmidt B.* Die Durchbrechung des Limes im 3. Jh. und ihre Auswirkung auf Wirtschaft und Gesellschaft in der Germania libera — Rom und Germanien. В., 1983, S. 73—74.

¹⁰⁰ *Schmidt B.* Die Thüringer.— In: *Die Germanen*, Bd 2, S. 543.

жалось расслоение дружинников по внутридружинным рангам, о наличии которых сообщал Тацит (Герм. 13, 2). На почве личной преданности, общности интересов и института сотрапезничества из дружинной верхушки постепенно складывалось особое сотоварищество, противопоставленное узам кровного родства и развивавшееся в свиту-совет при царе (вожде). О постоянном присутствии при алеманнских царях представителей служилой верхушки свидетельствует Аммиан (16, 12, 60): вместе с царем Хонодомаром и его дружиной в плен к римлянам также попали трое «наиболее ближайших друзей» царя. В целях оказания давления на царя Гортара римляне задержали четырех *comites* из его окружения, и царь был вынужден согласиться с требованиями римлян (Амш. Магс., 17, 10, 8). Свита-совет представляла качественно иной, чем племенные институты, орган, который формировался на основе дружинных отношений и способствовал присвоению функций публичной власти предводителями дружин.

Войны III в. послужили толчком к углублению неравномерности развития германских племен. Они способствовали усилению дифференциации свободного населения и формированию в недрах племенного строя элементов государственности.

В. Н. Дряхлов

LA LUTTE DE L'EMPIRE ROMAIN CONTRE LES GERMAINS SUR LES BORDS DU RHIN ENTRE 250 ET 300

V. N. Dr'akhlov

Les guerres offensives des Germains, au IIIe s., sont le résultat direct de la croissance de leur production matérielle et de leur renforcement militaro-politique, ce qui, compte tenu du caractère extensif de l'économie barbare, a aiguë le besoin de se rendre maîtres de nouveaux moyens de production, c'est-à-dire de terres nouvelles. La crise de 235—284 de la société esclavagiste avait affaibli la défense tactique du *limes* et facilité la percée des Germains. La force de frappe principale de l'invasion était constituée de troupes de guerriers conduites par des membres de la noblesse germane. Les guerres du IIIe s. montrèrent la nécessité de procéder à des réformes radicales économiques et militaires dans l'Empire romain. La percée du *limes* et la conquête des *agri decumates* eurent d'importantes conséquences économiques, militaires et sociales pour les Germains: la deuxième division sociale du travail, la différenciation de la population libre, le renforcement des formes précoces d'exploitation et la gestation au sein du système tribal d'éléments d'une superstructure politique connurent un nouveau développement.

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ОНОМАСТИКИ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО, РИМСКОГО И ПОЗДНЕРИМСКОГО ЕГИПТА

Египет принадлежал к числу наиболее населенных стран древности, и многолюдье (πολυανθρωπία) Египта отмечалось античными авторами. Другой особенностью Египта было подавляющее численное преобладание коренного (египетского) этнического элемента. Тем не менее даже в фараоновское время Египет не был полностью этнически однородным государством¹. В саисское и персидское время уже засвидетельствованы греки², персы³, иудеи⁴. Завоевание Египта греками и включение его в состав эллинистического мира, а позднее в состав Римской и Византийской империй привели к резкому возрастанию пестроты населения⁵,

¹ См. *Helck W.* Fremde in Ägypten.— *LA*, 1975, II, 2, S. 306—310.

² См. *Mallet D.* Les premiers établissements des Grecs en Egypte (VII et VI siècles). P., 1893 (Mémoires publiés par les membres de la Mission archéologique française au Caire, 12); *idem.* Les rapports des Grecs avec l'Égypte (de la conquête de Cambyses, 525 à celle d'Alexandre, 331). Le Caire, 1922 (MIFAO, 48); *Schur W.* Zur Vorgeschichte des Ptolemäerreiches.— *Klio*, 1926, XX, S. 270—302; *Smith E. M.* Naukratis. A Chapter in the History of the Hellenization of Egypt.— *The Journal of the Society of Oriental Research*, 1926, X, p. 119—206; *Cook R. M.* Amasis and the Greeks in Egypt.— *JHS*, 1937, LVII, p. 227—237; *Peremans W.* Vreemdelingen en Egyptenaren in Vroeg-Ptolemaeisch Egypte. Louvain, 1937, p. 224—227 (Univ. de Louvain. Recueil de travaux publiés par les membres des Conférences d'Histoire et de Philologie. 2 sér., 43 fasc.); *Zucker F.* Athen und Ägypten bis auf den Beginn der hellenistischen Zeit.— In: *Aus Antike und Orient*. Lpz, 1950, S. 146—165; *Борухович В. Г.* Греки в Египте (от древнейших времен до Александра Македонского): Автореф. дис. на соискание уч. ст. д-ра ист. наук. Л., 1966; *Decker W.* La délégation des Éléens en Égypte sous la 26e dynastie (Her. II 160 — Diod. I 95).— *CdE*, 1974, XLIX, p. 31—42; *Bresson A.* Rhodes, l'Hellénion et le statut de Naucratis (VIe—IVe s. av. n. è.). — *Dialogues d'histoire ancienne*, 1982, VI, p. 291—349; о позднем Египте: *Kienitz F. K.* Die politische Geschichte Ägyptens vom 7. bis zum 4. Jahrhundert vor der Zeitwende. B., 1953; *Gyles M. F.* Pharaonic Policies and Administration, 663 to 323 B. C. Chapel Hill, 1959 (The James Sprunt Studies in History and Political Science, 41).

³ Это было неизбежным следствием персидского завоевания и почти двухвекового (с перерывами) персидского господства; о персах в Египте: *Bianchi R. S.* Perser in Ägypten.— *LA*, 1982, IV, S. 943—951.

⁴ Основные сведения содержатся в арамейских папирусах из Элефантины, о которых см. литературу, приводимую Ж. Мелез-Моджеевским: *Mélèze-Modrzejewski J.* Sur l'antisémitisme païen.— In: *Pour Léon Poliakov. Le racisme. Mythes et sciences*. Bruxelles, 1981, p. 429, not. 15; *idem.* Splendeurs grecques et misères romaines. Les Juifs d'Égypte dans l'antiquité.— In: *Juifs du Nil...*, P. [1981], p. 238. См. также: *Волков И. М.* Арамейские документы иудейской колонии на Элефантине V в. до Р. X. М., 1915 (Культурно-исторические памятники древнего Востока, 2); *Struve W.* Zur Geschichte der jüdischen Kolonie von Elephantine. — *ИАН СССР*, 1926, сер. VI, т. XX, № 5—6, с. 445—454; *Струве В. В.* Подлинная причина разрушения иудейского храма в Элефантине в 410 г. до н. э. — *ВДИ*, 1938, № 4, с. 99—119.

⁵ Об этническом составе населения Египта в греко-римское и византийское время см. *W. Grundz.* S. 19—28, 53—65, 84—88; *Schubart W.* Einführung in die Papyruskunde. B. 1918. S. 304—334; *Calderini A. et alii.* Ricerche etnografiche sui papiri greco-egizi.— *SSP*, 1920, III, p. 1—85; *Engers M.* Griechen in Ägyptenaren in Egypte onder de Ptolemaëen.— *TG*, 1921, XXXI, blz. 31—44; *Modica M.* Egiziani, Greci, Romani ed Ebrei nell' antico Egitto e loro rapporti politici. Palermo, 1922; *Wenger L.* Volk und Staat in Ägypten am Ausgang der Römerherrschaft. München, 1922; *Heichelheim F.* Die auswärtige Bevölkerung im Ptolemäerreich. Lpz, 1925 (Klio, Beiheft 18) + Nachträge: *APF*, 1930, IX, S. 47—54; 1936, XII, S. 54—64; *Peremans W.* Egyptiens et étrangers en Égypte au IIIe siècle avant J. C.— *CdE*, 1936, XI, p. 151—162; *Préaux Cl.* Politique de race ou politique royale? — *CdE*, 1936, XI, p. 111—138; *Peremans W.* Vreemdelingen...; *Zucker F.* Die Bevölkerungsverhältnisse Ägyptens in hellenistisch-römischer Zeit.—

к глубоким изменениям в соотношении и значимости различных компонентов этнической структуры, к возникновению острой проблемы их сосуществования и взаимодействия, оказавшей огромное влияние на весь ход политического, социально-экономического и культурного развития страны на протяжении целого тысячелетия. Пестрота населения, изменения в его составе и взаимовлияние различных его компонентов в плане этническом, религиозном и культурном нашли свое отражение в ономастике населения, о которой мы хорошо знаем благодаря папирусам, острака, надписям и другим источникам, сохранившим нам многие тысячи имен, невероятно разнообразных по происхождению и способу образования: египетских, греческих, балканских, малоазиатских, семитических, латинских и т. д.⁶ Изучение ономастики греко-римского Египта, увлекательное само по себе, имеет поэтому большое значение как важное средство исследования различных аспектов истории и культуры Египта.

In: *Das neue Bild der Antike*. I. Lpz, 1942, S. 369—388; *Ранович А. Б.* Восточные провинции Римской империи в I—III вв. М.—Л., 1949, с. 172—174; *он же.* Эллинизм и его историческая роль. М.—Л., 1950, с. 186—190; *Davis S.* Race-Relations in Ancient Egypt. L., 1953; *Schwind F.* von. Zur griechisch-ägyptischen Verschmelzung unter den Ptolemäern.— In: *Studi in onore di V. Arangio-Ruiz*. II. Napoli, 1953, p. 435—451; *Taubenschlag R.* The Law of Greco-Roman Egypt in the Light of the Papyri (332 B. C.—640 A. D.). Warszawa, 1955², p. 625—644; *Martin V.* L'onomastique comme indice des rapports entre indigènes et occupants dans l'Égypte gréco-romaine.— In: *Akten des VIII. Internationalen Kongresses für Papyrologie Wien*, 1955. Wien, 1956, S. 85—90 (MPSÖN. 5); *Préaux Cl.* Les étrangers à l'époque hellénistique (Égypte — Delos — Rhodes).— In: *Recueils de la Société Jean Bodin*. 1958, IX, 1, p. 141—193; *Peremans W.* Egyptiens et étrangers dans l'Égypte ptolémaïque.— In: *Fondation Hardt pour l'étude de l'antiquité classique*. Entretiens. VIII. Grecs et barbares. Vandoeuvers — Genève, 1962, p. 123—166; *idem.* De nationale factor in de geschiedenis van Ptolemaëisch Egypte. Brussel, 1962 (MKAWLSK, XXIV, 2); *MacMullen R.* Nationalism in Roman Egypt.— *Aegyptus*, 1964, XLIV, p. 179—199; *Peremans W.* Ethnies et classes dans l'Égypte ptolémaïque.— In: *Recherches sur les structures sociales dans l'antiquité classique*. P., 1970, p. 213—223; *idem.* Sur l'identification des Égyptiens et des étrangers dans l'Égypte des Lagides.— *AS*, 1970, I, p. 25—38; *idem.* Égyptiens et étrangers dans l'administration civile et financière de l'Égypte ptolémaïque.— *AS*, 1971, II, p. 33—45; *idem.* Égyptiens et étrangers dans l'armée de terre et dans la police de l'Égypte ptolémaïque.— *AS*, 1972, III, p. 67—76; *Montevecchi O.* La Papirologia. [Torino, 1973], p. 97—101; *Peremans W.* Égyptiens et étrangers dans le clergé, le notariat et les tribunaux de l'Égypte ptolémaïque.— *AS*, 1973, IV, p. 59—69; *Stern M., Murray O.* Hecateus of Abdera and Theophrastus on Jews and Egyptians.— *JEA*, 1973, LIX, p. 159—168; *Peremans W.* Égyptiens et étrangers dans l'agriculture et l'élevage en Égypte ptolémaïque.— *AS*, 1974, V, p. 127—135; *idem.* Égyptiens et étrangers dans le commerce et l'industrie, le transport sur terre et la flotte, la domesticité.— *AS*, 1975, VI, p. 61—69; *Фухман Н. Ф.* Оксиринх — город папирусов. М., 1976, с. 41—45; *Peremans W.* Égyptiens et étrangers dans le milieu d'Alexandrie au temps des Lagides.— *AS*, 1976, VII, p. 167—176; *idem.* Classes sociales et conscience nationale en Égypte ptolémaïque.— *OLP*, 1976, VI—VII, p. 443—453; *Mooren L.* Macht und Nationalität.— In: *Das ptolemäische Ägypten...*, Mainz am Rhein, 1978, S. 51—57; *Bingen J.* L'Égypte gréco-romaine et la problématique des interactions culturelles.— *Proceedings of the Sixteenth International Congress of Papyrology...* [Chico], 1981, p. 3—18 (ASP, 23); *Peremans W.* Étrangers et Égyptiens en Égypte sous le règne de Ptolémée Ier.— *AS*, 1980—1981 [1982], XI—XII, p. 213—226; *idem.* Les Égyptiens dans l'armée de terre des Lagides.— In: *Althistorische Studien H. Bengtson...*, Wiesbaden, 1983, p. 92—102 (*Historia-Einzelschriften*, 40); *idem.* Le bilinguisme dans les relations gréco-égyptiennes sous les Lagides.— In: *Egypt and the Hellenistic World...*, Lovanii, 1983, p. 253—280 (*St. Hell.*, 27). См. также нижеследующие примечания.

⁶ Об ономастике греко-римского Египта см.: *Spiegelberg W.* Ägyptische und griechische Eigennamen aus Mumienetiketten der römischen Zeit auf Grund von grossenteils unveröffentlichtem Material. Lpz, 1901 (*Demotische Studien*, 1); *Crönert W.* Zu den Eigennamen der Papyri und Ostraka.— *Stud. Pal.*, 1902, II, S. 36—38; *idem.* Zur Bildung der in Ägypten vorkommenden Eigennamen.— *Ibid.*, S. 39—43; *Schubart.* Einführung.... S. 331—334; *Montevecchi.* La Papirologia, p. 98—101, 103 и названную ниже литературу.

Составление списков имен, упоминаемых в текстах, и их всестороннее изучение связано с большими сложностями. Дело не только в обилии документов и соответственно собственных имен, не всегда поддающихся правильному прочтению (см. ниже об «именах-призраках»), но и в трудности правильной атрибуции имени к соответствующей ономастической группе, учета локальных особенностей ономастики, степени ее консерватизма или, наоборот, подверженности изменениям под воздействием политических, идеологических и иных соображений и т. д. Только постоянный учет всей суммы разнообразных факторов, оказавших влияние на формирование и эволюцию ономастики, может обеспечить успешное ее изучение и использование исследователем в качестве ценного источника исторической информации.

Основную массу имен, в особенности в деревнях, составляли египетские и греко-египетские (типа Аммоний⁷, Апион, Исидор и т. п. и их многочисленные производные), что и естественно, так как египтяне были преобладающим этническим компонентом населения⁸. Очень большое место занимали греческие, малоазийские и балканские имена, в особенности в птолемеевское время, поскольку это были имена тех, кто завоевал Египет и колонизировал его. Если в III и в известной мере во II в. до н. э. имена отражали этническую принадлежность носителей имен, то в дальнейшем в связи со смешанными браками⁹, с эллинизацией еги-

⁷ Некоторые исследователи (например, *Schubart. Einführung...*, S. 331 f.) относят это имя и аналогичные ему к греческим, другие (например, *Samuel A. E. The Greek Element in the Ptolemaic Bureaucracy.* — In: *Proceedings of the Twelfth International Congress of Papyrology...*, Toronto, 1970, p. 444, not. 2; p. 447, not. 10; p. 450, not. 14; p. 451, not. 15) — к египетским. Д. Кроуфорд (*Crawford D. J. Kerkeosiris. An Egyptian Village in the Ptolemaic Period.* Cambr., 1971, p. 197, tabl. XXII) считает имя Аммоний греческим, а Амунис — египетским (*ibid.*, p. 192, tabl. XXI), хотя это разные формы одного и того же теофорного имени. Поскольку речь идет об именах египетского происхождения, подвергшихся греческому воздействию («грецизированные») по выражению В. Переманса, то имена типа «Аммоний» были распространены и в греческой и в египетской среде, особенно в среде со смешанной ономастикой. Поэтому такие имена лучше называть греко-египетскими. Имелись и аналогичные римско-египетские образования, например Аммонииан.

⁸ Об египетском компоненте см. (помимо указанной выше литературы): *Schubart W. Rom und die Ägypter nach dem Gnomon des Idios Logos.* — ZAS, 1920, LVI, S. 80—95; *Milne J. G. Egyptian Nationalism under Greek and Roman Rule.* — JEA, 1928, XIV, p. 226—234; *Peremans W. Ptolémée II Philadelphie et les indigènes égyptiens.* — RBPhN, 1933, XII, p. 1005—1022; *Préaux Cl. Les Égyptiens dans la civilisation hellénistique d'Égypte.* — CdE, 1943, XVII, p. 148—160; *Peremans W. De Egyptenaren in het leger van de Lagiden.* Brussel, 1951 (MKAWLSK, XIII, 3); *Swiderek A. La société indigène en Égypte au IIIe siècle avant notre ère d'après les archives de Zénon.* — JJP, 1953—1954, VII—VIII, p. 231—284; *Welles C. B. The Role of the Egyptians under the First Ptolemies.* — Proceedings of the Twelfth Congress of Papyrology..., p. 505—510; *Peremans W. Ptolémée IV et les Égyptiens.* — Le monde grec... Hommages Cl. Préaux. Bruxelles, 1975, p. 393—402; *Barns J. W. B. Egyptians and Greeks.* Bruxelles, 1978 (Pap. Brux. 14); *Peremans W. Les indigènes égyptiens dans l'armée de terre des Lagides. Recherches anthroponymiques.* — AS, 1978, IX, p. 83—100; *Van't Dak E., Hauben H. L'apport égyptien à l'armée navale lagide.* — In: *Das ptolemäische Ägypten...* p. 59—94; *Reinhold M. Roman Attitudes toward Egyptians.* — Ancient World, 1980, III, p. 97—103; *Reekmans T. Archives de Zénon: situation et comportement des entrepreneurs indigènes.* — In: *Egypt. and the Hellenistic World...*, p. 325—350.

⁹ Смешанные браки заключались между лицами, принадлежавшими к одной социальной среде, но чаще всего на низших ступенях социальной лестницы; см. *Peremans. Vreemdelingen...*, blz. 226—228; *Schwind. Zur griechisch-ägyptischen Verschmelzung...*, S. 440; *Peremans. Classes sociales et conscience nationale...*; *idem. Les révolutions égyptiennes sous les Lagides.* — In: *Das ptolemäische Ägypten...* p. 45, 47—48; *Mooren. Macht und Nationalität...*; *Mélèze-Modrzejewski J. Un aspect inconnu du couple interdit dans l'antiquité: les mariages mixtes dans l'Égypte hellénistique.* — In: *Le couple interdit. Entretiens sur le racisme...* Paris — La Haye — New York, 1980, p. 54—60

петской верхушки (частично и иудейского населения)¹⁰. с ассимиляцией местным египетским населением низших слоев чужеземного этнического элемента ономастику последующего периода следует использовать с известной осторожностью¹¹, тем более что при всем государственном контроле над личными именами¹² известны случаи смены имени, принадлежащего к одной ономастической системе, на другое, свойственное иной системе (например египетского на греческое или латинское)¹³. Кроме

(École des Hautes Études en sciences sociales, Le savoir historique, 13); *Peremans W.* Les mariages mixtes dans l'Égypte des Lagides.— In: Scritti in onore O. Montevocchi. Bologna, [1981], p. 273—281; *Mélèze-Modrzejewski J.* Dryton le Crétois et sa famille ou les mariages mixtes dans l'Égypte hellénistique.— Aux origines de l'hellénisme. La Crète et la Grèce. Hommages à H. Van Effenterre. P., 1984, p. 353—377 (Publications de la Sorbonne. Histoire ancienne et médiévale, 15).

¹⁰ Некоторые имена греческого происхождения (Досифей, Феофил, Дорофей, Феодор, Феодот и др.) получили широкое распространение среди иудеев, так что эти имена, в особенности Досифей, стали показателями этнической принадлежности (CPJud., I, p. XIX; 29); в то же время имена на первый взгляд иудейские в действительности могут оказаться иного происхождения (ibid., p. XVIII, not. 6). Иудеи носили и египетские, и римские имена. Об ономастике иудейского населения Египта см. ibid., I, p. 27—30, 84—85, 94—96; II, p. 116—118; III, p. 43—56.

¹¹ Вопрос о соотношении ономастики и этнического происхождения, о степени доверия к имени как к этническому показателю подробно дебатировался в литературе: *Peremans W.* Persoonsnamen en nationaliteit bij het begin van het Hellenistisch tijdperk.— Phil. Stud., 1931—1932, III, blz. 180—192; *idem.* Egyptiens et étrangers en Égypte...; *idem.* Vreemdelingen..., blz. 4; *idem.* Noms de personnes et nationalité dans l'Égypte ptolémaïque.— Le Muséon, 1946, LIX, p. 241—252; *idem.* Anthroponymie et prosopographie.— Troisième Congrès International de toponymie et d'anthroponymie... II. Actes et mémoires. Louvain, 1951, p. 277—282; *Hardy E. R.* Christian Egypt. Church and People. Christianity and Nationalism in the Patriarchate of Alexandria. N. Y., 1952, p. 73—74; *Zucker F.* Studien zur Namenskunde vorhellenistischer und hellenistischer Zeit. B., 1952 (SBDaw, 1951, 1); *Martin.* L'onomaistique...; CPJud., I, p. XVII—XIX; *Peremans.* Egyptiens et étrangers dans l'Égypte ptolémaïque, p. 153, 161; *Leclercq H.* Notes concernant les noms doubles en Égypte ptolémaïque.— Aegyptus, 1963, XLIII, p. 192—194; *Braunert H.* Die Binnenwanderung. Studien zur Sozialgeschichte Ägyptens in der Ptolemäer- und Kaiserzeit. Bonn, 1964, S. 20—22 (там же, с. 21, прим. 24 — дополнительная литература); S. 303; Anm. 60; *MacMullen.* Nationalism in Roman Egypt..., p. 188—190; *Swinnen W.* Onderzoek op prosopographische grondslag naar de waarde van de persoonsnaam als index van nationaliteit in Ptolemaeisch Egypte. Louvain, 1964 (Thèse de licence non publiée); *Vandoni M.* Appunti delle lezioni di Papirologia. Milano, 1966, p. 43; *Peremans.* Ethnies et classes...; *idem.* Sur l'identification...; *Samuel.* The Greek Element..., p. 445 f.; *Crawford.* Kerkeosiris..., p. 133—135; *Montevocchi.* La Papirologia..., p. 99; *Peremans.* Classes sociales et conscience nationale...; *Velkov V., Fol A.* Les Thraces en Égypte gréco-romaine. Sofia, 1977, p. 9—21 (Studia Thracica, 4); *Peremans.* Les indigènes égyptiens dans l'armée de terre des Lagides...; *Samuel D. H.* Greeks and Romans at Socnopaiou Nesos.— Proceedings of the Sixteenth International Congress..., p. 395—397; *Mélèze-Modrzejewski J.* Le statut des Hellènes dans l'Égypte Lagide: bilan et perspectives de recherches.— REG, 1983, XCVI, p. 244—250. В своих последних работах В. Переманс (см. *Mélèze-Modrzejewski.* Le statut des Hellènes..., p. 246, not. 20), опираясь на тематическое изучение данных «Prosopographia Ptolemaica», приходит к выводу, что ономастика сохраняет значение показателя этнической принадлежности и во II—I вв. до н. э.; см. *Mooren.* Macht und Nationalität..., S. 56—57.

¹² См. *Taubenschlag.* Law..., p. 626—629 (с. 626, прим. 5 — литература вопроса); *Mélèze-Modrzejewski.* Le statut des Hellènes..., p. 244—250.

¹³ См. Pros. Ptol., I, p. XVI; *Taubenschlag.* Law..., p. 627—628. Известны случаи, когда добивались разрешения на смену имен родителей; см., например, W. Chrest., 52 = Sel. Pap., II, 301 (Несит. ном, 194 г. н. э.), в котором египтянин Евдемон (уже получивший новое греческое имя) просит (и получает) разрешения у идиолога на смену египетских имен родителей на греческие, очевидно, в целях полного устранения следов принадлежности к египтянам, так как за редчайшим исключением лица, сменившие законным образом свое имя, не указывали уже больше своего прежнего (египетского) имени; см. *Martin.* L'onomaistique..., p. 87. Если подобная смена в гражданской жизни происходила не часто, то смена имени в связи со службой в армии была обычным явлением; см. *Lesquier J.* L'armée romaine d'Égypte d'Auguste à Dioclétien. De Caire,

того, было распространено присвоение одному лицу (это касалось и мужчин, и женщин) двух имен¹⁴ одной и той же или разных, ономастических систем. Второе имя нередко было переводом первого или иным способом с ним ассоциировалось. Данное лицо могло обозначаться в текстах только одним именем без упоминания второго. Наконец, в пределах одной семьи встречались имена, принадлежавшие к разным ономастическим системам¹⁵.

С римским завоеванием появляется большое число латинских имен, особенно в среде высшей администрации и в армии, но латинское имя — не обязательно этнический показатель, а свидетельство римского гражданства. Однако даже наличие полной ономастической формулы, так называемых *tria nomina*, т. е. *praenomen*, *nomen gentile* и *cognomen* не всегда, как показали исследования¹⁶, может считаться бесспорным доказательством права на римское гражданство. Римская администрация, опиравшаяся на поддержку греческого (и эллинизированного) элемента, привилегированное положение которого сохранялось и передавалось в условиях определенной социальной замкнутости, своей политикой неизбежно должна была привести к некоторому сокращению смешанных браков в этой среде и к укреплению более «престижной» греческой ономастики, о чем свидетельствует упомянутая выше смена имен и, возможно, динамика двойных имен, достигших наивысшей точки распространения во II — первой половине III в.¹⁷

После известного эдикта Каракаллы (так называемой *Constitutio Antoniniana*) жители Египта, в том числе и египтяне, проживавшие в деревнях, получили римское гражданство, что нашло внешнее отражение в ономастике в виде помещения перед именем *nomen Aurelius* (Ἀὐρήλιος) — *nomen gentilicium* императора Каракаллы, в результате чего их собственное имя превратилось в *cognomen*. Но если эти изменения имели все-

1918, p. 222—223 (MIFAO, 41); *Taubenschlag*. Law..., p. 628, not. 16, 17; *Montevecchi*. La Papirologia..., p. 98. Классический пример: ВГУ, II, 423 = W. Chrest., 480 = Sel. Pap., I, 112 (II в.), см. и примеры, приводимые Д. Хэгедорном (*Hagedorn D. Marci Aurelii in Agypten nach der Constitutio Antoniniana*. — *BASP*, 1979, XVI, S. 52, Anm., 27a).

¹⁴ См. *Calderini R. Ricerche sul doppio nome personale nell'Egitto greco-romano*. — *Aegyptus*, 1941, XXI, p. 221—260; 1942, XXII, p. 3—45; *Leclercq*. Notes concernant les noms doubles...; *Crawford*. Kerkeosiris..., p. 134—135; *Pestman P. W.* L'agoranomie: un avant-poste de l'administration grecque enlevé par les Egyptiens. — In: *Das ptolemäische Ägypten...*, p. 208; *Méleze-Modrzejewski*. Le statut des Hellènes..., p. 246—247; см. и P. Petaus., p. 54—63, где рассматривается родственная проблема — проблема кличек. Имеются и лица с тремя именами, см. *Calderini*. Ricerche..., p. 254.

¹⁵ См., например, P. Mil. Vogliano, II, 97 (Оксиринх, ок. 245 г. н.э.): отец — Σιλβανός, мать — Θαυώρις ἡ καὶ Ἀρτεμιδώρα дочери — Στεφανῶς, Ταττεφανῶς — PSI, III, 207 (Оксиринх, III—IV вв.): отец — Στεφανός, мать — Θερμοῦθιον сыновья — Γεραξ и Κορνήλιος.

¹⁶ См. *Montevecchi O.* Quaedam de civibus Romanis in Aegypto ante Constitutionem Antoninianam. — RIL, 1951, LXXXIV, p. 279—288; *Biezuńska-Matowist I.* La famille du vétérân romain C. Julius Niger de Karanis. — *Eos*, 1957—1958, XLIX, p. 153—156 (там и предыдущая литература); *eadem*. L'extension du droit de cité romaine en Egypte aux I et II siècles de l'Empire. — *Proceedings of the IX International Congress of Papyrology...*, Oslo, 1961, p. 277—279; *Oates J. F.* The Evidence of Egypt. — *BASP*, 1965, II, p. 61—62; *Biezuńska-Matowist I.* Su cittadini romani in Egitto durante il primo Impero. — *Atti e Memorie dell'Accad. Patavina di Sc., Lett. ed Arti*, 1972—1973, LXXXV, 3, p. 310—311 = *eadem*. Rozpowszechnianie się obywatelstwa rzymskiego i rola obywateli rzymskich w Egipcie w okresie wczesnego cesarstwa. — *Meander*, XXIX, 1974, s. 57—58; *eadem*. Les citoyens romains à Oxyrhynchus aux deux premiers siècles de l'Empire. — *Le monde grec...*, p. 742.

¹⁷ *Calderini*. Ricerche..., p. 3—4; *MacMullen R.* Provincial Languages in the Roman Empire. — *AJPh*, 1966, LXXVII, p. 9—10.

общий характер¹⁸, то присвоение помен Valerius (Ουαλέριος) (помен gentilicium императоров с Диоклетиана до Константина), засвидетельствованное с конца III в. до 324—325 г., и Flavius (Φλάβιος) (помен gentilicium императоров, начиная с Константина) имело ограниченный характер; это были почетные помина, которых удаивались лишь немногие¹⁹. К этим изменениям в ономастике, связанным с государственными мероприятиями и политической историей, следует добавить ономастические сдвиги «снизу», в основе которых лежала культурная, религиозная, национальная реакция населения. Так, например, после победы христианства большое распространение получили библейские имена, имена, связанные с культом святых, и т. д.²⁰, а поскольку египетская церковь имела в основном выраженный национальный характер, то это привело к значительному усилению египетского ономастического элемента.

Следует, однако, отметить, что в основном ономастика была консервативна. В пределах одной семьи часто наблюдалось чередование имен (звук обычно носил имя деда)²¹, в пределах определенных регионов, даже деревень, некоторые имена преобладали, причем существовало единство и в звучании, и в письменной передаче²². Так, например, Кл. Прео²³ указала, что среди 5000 фиванских острака только раз упоминается фаямское имя Петесух. Еще более поразительные результаты дало исследование Л. Юти об именах в архиве Петавса (P. Petaus. S. 48—53; 51—32—tabl.). Оказалось, что в каждой деревне были «любимые» имена, преобладающие в документах одной деревни и почти не фигурирующие в списках имен других деревень (см. подробнее ВДИ, 1971, № 2, с. 161). Выяснилось также, что самое имя Πεταός, равное по смыслу имени Исидор («Дар Исиды»), было распространено только в северной части Фаюма²⁴, в то время как на юге наряду с общефаямской формой Πεθεός преобладали формы Πεθεός (Πετηρος), Πετηρίς. Это показывает, какое зна-

¹⁸ Привилегированная часть новых граждан ставила иногда перед своим именем не только помен, но и граеномен императора, т. е. Marcus Aurelius (см. *Hagedorn. Marci Aurelii...*).

¹⁹ Подробнее: *Keenan J. G. The Names Flavius and Aurelius as Status Designation in Later Roman Egypt.*— ZPE, 1973, XI, p. 33—63; 1974, XIII, p. 283—304; *Hagedorn. Marci Aurelii...*; *Keenan J. G. An Afterthought on the Names Flavius and Aurelius.*— ZPE, 1983, LIII, S. 245—250, а также P. Oxy., XLVI, 3306 (314 г.), прим. к стк. 5 и введение к P. Oxy., XLVI, 3308—3311.

²⁰ О составе христианских имен: *Bagnall R. S. Religious Conversion and Onomastic Change in Early Byzantine Egypt.*— *BASP*, 1982, XIX, p. 110 f.

²¹ Это позволило восстановить стеммы семейств, установить родственные связи между членами одной семьи и между различными семьями; см., например, *Lewis N. A Centurion's Will Linking Two of the Fourth-Century Karanis Archives.*— In: *Akten des XIII. Internationalen Papyrologenkongresses Marburg/Lahn, München, 1974*, S. 225—226 (MPPAR, 66) и P. Col., VII, p. 4—9. По-видимому, бывали случаи, когда по делу назывались два сына; см., например, P. Oxy., XLI, 2956 (148—149 г.), где упоминаются два Клеохара, сыновья Херимона, он же Антоний, сына Клеохара (одному 70 лет, второму — 36). Известны случаи, когда три брата носили то же имя; см. данные, приводимые Д. Кроуфорд (Kerkeosiris..., p. 138, not. 2), а также P. Strasb., VI, 527₅₋₈ (Тевт., 138—161 гг.), в котором упоминается Иракл третий.

²² Разумеется, наблюдается и разная графия одного и того же имени; см., например, P. Abinn., S. 6—7 (по поводу его имени); P. Cair. Isidor., S. 113, прим. к стк. 1 с отсылкой на P. Mich., VIII, S. 490, прим. к стк. 1; P. Petaus, S. 17, Anm. 2; S. 12, прим. к стк. 2—6 и 59, прим. к стк. 16 и т. д.

²³ *Préaux Cl. La stabilité de l'Égypte aux deux premiers siècles de notre ère.*— CdE, 1956, XXXI, p. 327—328.

²⁴ Поэтому единственным носителем этого имени во всем архиве является сам комограмматевс, родом из Караниды. Подробнее: *Youlie H. C. Pétaus, fils de Pétaus, ou le scribe qui ne savait pas écrire.*— CdE, 1966, XLI, p. 128—129 = *Youlie H. C.*

чение имеет изучение местной ономастики²⁵ и какую помощь оно может оказать в локализации текстов неизвестного происхождения.

Потребность в знании ономастики ощущается на каждом шагу. Оно помогает восстанавливать правильный текст папирусов²⁶, неполностью сохранившиеся имена²⁷, датировать и локализовать папирусы²⁸, выяс-

Scriptiunculae. II. Amsterdam, 1973, p. 678—679, введение к P. Petaus. S. 17—18 (Д. Хагедорн).

²⁵ Сюда относятся как работы, группирующие всю местную ономастику или только ономастику отдельных групп населения данной местности, например: *Paulus F.* Prosopographie der Beamten des Ἀραιοῦτις τοῦβς in der Zeit von Augustus bis Diocletian. Diss. Greifswald, Borna — Leipzig, 1914; *Girgis V. A.* Prosopografia e Aphroditopolis. В., 1938; *Gisser C. E.* Götter und Kulte im ptolemäischen Alexandria. Diss. Amsterdam, 1938. S. 103—127; *Pistorius P. V.* Indices Antinoopolitani, Proefschrift..., Leiden, 1939, p. 1—38; *Crawford.* Kerkeosiris..., p. 192—200; Pros. Ars., I; *Jones B. W.*, *Whitehorne J. E. G.* Register of Oxyrhynchites. 30 B. C. — A. D. 96, Chico, [1983] (ASP, 25); BGU, XIV, S. 222—226, так и отдельные текстов, архивов, например: *Kuentz Ch.* À propos des noms propres du papyrus Baraize. — EP, 1933. II, 1, p. 40—57; *Vergote J.* Les noms propres du P. Bruxelles Inv. E. 7616. Essai d'interprétation, Lugdunum Batavorum, 1954 (P.L. Bat., VII); *Yoyotte J.* Une étude sur l'anthroponymie gréco-égyptienne du nome Prosôpîte. — BIFAO, 1955, LV, p. 125—140; *Zucker F.* Personennamen in J. Schérens Papyrus von Philadelphie. — Symbolae R. Taubenschlag dedicatae II. Vratislaviae — Varsaviae, 1957. S. 171—174 (Eos, XLVIII, 2); *Bingen J.* Remarque d'onomastique oxyrhynchite. — ZPE, 1967, I, p. 189—195; *idem.* — SB, VI, 9375 et l'onomastique de Tebtynis. — CdE, 1969, XLIV, p. 123—129; P. Petaus, S. 46—63; *Masson O.* De la Sicile à l'Égypte: les noms Ὀρνιχίς, Ὀρνιθίς et le substantif ὀρνιθίς — CdE, 1974, XLIX, p. 175—178; *idem.* Quelques noms de Cyrénéens dans l'Égypte ptolémaïque. — Le monde grec..., p. 709—715; *Youtie H. C.* Personal Names in O. Mich. I. — ZPE, 1975, XVIII, p. 83—88 = *Youtie H. C.* Scriptiunculae posteriores. I. Bonn, 1981, p. 211—216; *Vattioni F.* Gli antroponomi del catasto della Marmarica e del periodo tolemaico. — StP, 1981, XX, p. 25—31.

²⁶ Помимо того, что имена собственные часто неправильно прочитывались из-за неразборчивости почерка и сокращений (в особенности в острака и аналогичных им типах документов), их нередко принимали за имена нарицательные (наименования профессий, должностей и т. п.), за топонимы (и наоборот). Известны случаи разделения имен на составные части, объединения слов (или отдельных частей слов) в имена и т. д. См., например, *Olsson B.* Die Gewerbenamen auf -ίς in den Papyri. — Aegyptus, 1925, VI, S. 247—249; *Крюгер О. О.* Рец. на «Корпус боспорских надписей». — ВДИ, 1966, № 2, с. 177—179; *Bingen J.* — SB, VI, 9375...; *Masson O.* Quelques noms de métier grec en -ίς et les noms propres correspondants. — ZPE, 1973, XI, p. 1—13; *Bingen J.* Égypte et onomastique macédonienne. À propos de quelques inscriptions de Pélagonie. — CdE, 1974, XLIX, p. 196—199; *Masson.* De la Sicile...; *Sijpesteijn P. J.* Names and Ghost-Names. — CdE, 1975, L, p. 304—311; *Masson O.*, *Clarysse W.* Le substantif χηρᾶς et le nom d'homme Χηρᾶς. — ZPE, 1976, XX, p. 231; *Straus J.-A.* À propos de papyrus et de publications concernant l'esclavage dans l'Égypte romaine. — ZPE, 1977, XXV, p. 210—211; *Bingen J.* Onomastica: P. Berl. Leihg. II 42B et 43B. — CdE, 1978, LIII, p. 148—149; *Youtie L. C.* A Lost Geographical Name. — ZPE, 1978, XXXI, p. 180, а также работы, приведенные ниже по поводу так называемых «имен-призраков».

²⁷ Наряду с обычными ономастическими словарями (о них см. ниже) огромную пользу приносят обратные словари имен. Такой словарь готовила Э. Бегенер; см. сообщения А. Кальдерини (Aegyptus, 1945, XXV, p. 25, not. 1) и М. Омбера (CdE, 1947, XXII, p. 361). В настоящее время мы располагаем только словарем: *Hansen B.* Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Eigennamen. В., 1957 (Berichte über die Verhandlungen der Sächsischen Akad. d. Wiss. zu Leipzig. Phil.-hist. Kl., 102, 4); обратный словарь имен, упоминаемых в архиве Зенона, приведен в P. L. Bat. 1982, XXI, p. 458—466.

²⁸ См., например, *Yoyotte.* Une étude...; *Préaux.* La stabilité..., p. 327; *Martin V.* Relevé topographique des immeubles d'une métropole (P. Gen. Inv. 108). — RP, 1962, II, p. 59—63; *Lüddeckens E.* Bericht über die Arbeit am demotischen Namenbuch. — In: Actes du Xe Congrès International de Papyrologues. Wrocław — Varsovie — Cracovie, 1964, S. 229; *Bingen.* Remarques d'onomastique...; *idem.* — SB, VI, 9375; введение к P. Petaus (см. выше); *Quaеgebeur J.* Dialektische Namensformen und die Lokalisierung von Urkunden. — ZPE, 1969, IV, S. 183—185; *Sijpesteijn P. J.* The Proper Name Μαρπηχίς/Μαρπηχίς. — ZPE, 1978, XXXI, p. 123—125; *Youtie L. C.* P. Mich. inv. 5576: Φασγάνος. — ZPE, 1979, XXXIII, p. 215—216.

нять в ряде случаев этническую²⁹ и религиозную³⁰ принадлежность лиц, носящих то или иное имя, социальную среду, к которой они относятся³¹, правовой статус³² и т. д. Наконец, ономастика имеет большое значение для просопографических исследований³³.

Квалифицированное использование ономастического материала предполагает уверенность в том, что имена верно прочитаны и интерпретированы. Между тем, как уже говорилось, многие имена прочитаны плохо или вообще не являются именами. Такие псевдонима принято называть ghost-names («имена-призраки»). Их довольно много в уже изданных текстах, и, как правило, любая большая публикация текстов приводит к обогащению ономастических словарей «новыми именами» (словари обычно составляются по указателям к папирологическим изданиям), которые не всегда являются таковыми. Поэтому папирологическая критика давно борется с псевдонимами, пытается очистить от них словари³⁴, а в пос-

²⁹ Как уже отмечено, в этом плане данные ономастики не всегда надежны, их необходимо брать не изолированно, а в контексте всего ономастического окружения, с учетом исторической обстановки.

³⁰ См., например, *Hopfner Th.* Gräzisierte, griechisch-ägyptische bzw. ägyptisch-griechische und hybride theophore Personennamen aus griechischen Texten, Inschriften, Papyri, Mumientäfelchen u. dgl. und ihre religions-geschichtliche Bedeutung.— *ArOr*, 1944, XV, S. 1—64; *O'Callaghan.* I nomi propri nelle lettere cristiane (Papiiri greci del V secolo).— *Aegyptus*, 1961, XLI, p. 17—25; *Martin.* Un relevé..., p. 59—63; *Dunand F.* Les noms théophores en -αμμων. À propos d'un papyrus de Strasbourg du IIIe siècle p. C.— *CdE*, 1963, XXXVIII, p. 134—146; *Lüddeckens.* Bericht..., S. 228 f.; *Swinnen W.* Problèmes d'anthroponymie ptolémaïque. I Nom et nationalité des prêtres du culte éponyme d'Alexandre et des Lagides.— *CdE*, 1967, XLII, p. 156—171; *idem.* Philammon, chantre légendaire et les noms gréco-égyptiens en -αμμων.— *Antidorum W.* Peremans sexagenario... Louvain, 1968, p. 237—262 (*St. Hell.*, 16). Как показала Э. Кадэлл (*Cadell H.* *Papyrologica*: P. Fouad, 16, PSI, III, 183; SB, III, 6266 (= 6704); P. Strasb. 15 et P. Vade, 91; P. Berl. Zilliacus, 13; P. Heim. Rees, 11.— *CdE*, 1967, XLII, p. 199), египетские монахи помимо чисто египетских и библейских имен предпочитали абстрактные имена, обозначавшие моральные качества. Анализ египетской ономастики Р. Рапор. Beatty, 1 обнаружил усиление языческой реакции среди греческих литургов (см. *Borkowski Z.* Local Cults and Resistance against Christianity.— In: XVI International Congress of Papyrology... Abstracts, N.Y., 1980, p. 3), а анализ ономастики некоторых архивов IV в. показал быструю победу христианства; см. *Bagnall.* Religious Conversion...

³¹ О рабских именах вообще см. *Lambertz M.* Die griechischen Sklavennamen. Wien, 1907 (*Separatabdruck aus den LVII und LVIII Jahrsberichten über das k.k. Staatsgymnasium im VIII Bezirke Wiens*); *Baumgart J.* Die römischen Sklavennamen. Diss. Breslau, 1936; об именах рабов и вольноотпущенников в папирусах: *Perdrizet P.* *Copria*.— REA, 1921, XXIII, p. 85—94; *Biezuńska-Matowist I.* L'esclavage dans l'Égypte gréco-romaine, II. Période romaine. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdansk, 1977, p. 171—177 (список имен); *Bingen.* Onomastica..., p. 147—148; *Bonneau D.* L'apotropaïque «Abaskantos» en Égypte.— *Revue de l'histoire des religions*, 1982, CXCI, p. 23—36; *Heinen H.* Zum militärischen Hilfspersonal in P. Med. inv. 69.65.— In: *Egypt and the Hellenistic World*..., p. 138—140: конечно, не все имена, присвоенные рабам, исключительно рабские, см. указанный выше список; *Pomeroy S. B.* Copronyms and the Exposure of Infants in Egypt.— In: XVII Congress Internazionale di Papirologia... Il libro delle comunicazioni, Napoli, 1983, p. 92; об унизительных именах см. *Vandoni M.* Note di onomastica greco-egizia. III.— *Le monde grec*..., p. 796—798; об именах, свойственных греческим и эллинизированным слоям, см. *Zucker F.* *Plotin* и *Lycopolis*. В., 1950, S. 9 (*SBDaw*, 1950, 1), а также упомянутые выше работы Дж. Кинена и Д. Хагедорна.

³² См. отмеченные выше работы о римском гражданстве.

³³ *Peremans.* Anthroponymie et prosopographie...; *Swinnen.* Onderzoek...

³⁴ Еще в 1925 г. У. Вилькен предложил издавать каждые пять лет Addenda et Corrigenda к «Именнику» Ф. Прайзигке (см. *Leclercq H.* A propos d'un essai de complément du Namenbuch.— In: *Studi in onore di A. Calderini e R. Paribeni*. II. Milano, 1957, p. 397). Исправления собственных имен отмечаются в «Berichtigungsliste», в которых начиная с V тома (1969 г.) введены отдельные указатели: указатели пред-

леднее время эта борьба по искоренению «имен-призраков» приняла невиданные масштабы, о чем свидетельствует огромная литература, посвященная этой проблеме ³⁵.

Интерес к ономастике нашел отражение в ряде работ, в которых рассматриваются либо более общие проблемы ³⁶, либо отдельные имена ³⁷.

ложенных новых чтений» и «указатели отклоненных чтений», в том числе и имена. Новые имена, не фигурирующие в «Именниках» Ф. Прайзигке и Д. Форабоски (о них см. ниже), отмечены звездочкой.

³⁵ См., например, из последних работ: *Bingen. Remarques...*; *idem.* — SB, VI, 9375...; *Vandoni M. Note di onomastica greco-egizia: I* — Acme, 1970, XXIII, p. 211—213; II — *Ibid.*, 1974, XXVII, p. 309—314, III — *Le monde grec...*, p. 796—798; IV — *Actes du XVe Congrès International de Papyrologie. IV. Papyrologie documentaire, Bruxelles, 1979*, p. 247—250 (Pap. Brux., 19); *Bingen J. Particularités onomastiques dans l'inscription de Philae 270* = SB, 8412. — CdE, 1971, XLVI, p. 367—370; *idem. Sur quelques prosynèmes grecs de l'Ouadi Hammamat.* — CdE, 1972, XLVIII, p. 283—289; *Boyaval B. Remarques sur quelques étiquettes de momies du Musée du Louvre.* — ZPE, 1973, XI, p. 251—255; *idem. Nouvelles remarques sur quelques étiquettes de momies.* — *Ibid.*, 1973, XII, p. 217—224; *idem. Remarques sur quelques noms propres égyptiens.* — *Ibid.*, p. 177—182; *Youtie L. C. Ghost-Names.* — ZPE, 1973, XI, p. 271—273; *Borkowski Z. Some «Ghost Names» to Disappear from Egyptian Onomastics.* — JJP, 1974, XVIII, p. 223—226; *Boyaval B. Ghost-Names?* — ZPE, 1974, XIV, p. 288—292; *idem. Nouvelles remarques sur l'anthroponyme Tsonenontis.* — *Ibid.*, p. 66—70; *idem. L'anthroponyme Παζόκ un Ghost-Name.* — *Ibid.*, p. 52; *Masson O. Pape Benseleriana I. Les malheurs d'Aristis.* — *Ibid.*, p. 179—183; *Coles R. The Naucratis and their Ghost-Names: P. Oxy. 2338 Revised.* — ZPE, 1975, XVIII, p. 199—204; *Sijpesteijn P. J. Names and Ghost-Names.* — CdE, 1975, L, p. 304—311; *idem. Another Ghost-Name: Οβερπώδς.* — ZPE, 1975, XVII, p. 255 f.; *Boyaval B. SB 3897.* — ZPE, 1976, XXI, p. 42; *idem. SB 3896.* — *Ibid.*, p. 62; *Clarysse W. Some Ghost Names in Ptolemaic Papyri.* — OLP, 1976, VI—VII, p. 53—58; *Masson O. SB 5121a—b: nomina delenda.* — ZPE, 1976, XXIII, p. 262; *Youtie H. C. P. Ryl. IV 706.* — ZPE, 1976, XXI, p. 199—201 = *Youtie H. C. Scriptiunculae posteriores...*, I, p. 313—315; *idem. P. Rendel Harris 93.* — *Ibid.*, p. 202 = *Youtie H. C. Scriptiunculae posteriores...*, I, p. 316; *Sijpesteijn P. J. The Proper Name Χρωμάτιος.* — ZPE, 1977, XXIV, p. 94; *idem. Polyphantos — Polyphantès et l'inscription Pan. 69.* — CdE, 1977, LII, p. 342—344; *Boyaval B. Dix notes d'onomastique.* — ZPE, 1978, XXXI, p. 115—118; *Sijpesteijn P. J. The Proper Name Μαρτυκίδης/Μαρτυκαίρις.* — ZPE, 1978, XXXI, p. 123—125; *White L. C. A Note on P. Fay. 133.* — BASP, 1978, XV, p. 279—280; *Youtie H. C. Κορυβάς.* — ZPE, 1978, XXXI, p. 164—165 = *Youtie H. C. Scriptiunculae posteriores...*, I, p. 482—483; *Clarysse W. Forgeries and Ghost-Names.* — ZPE, 1980, XL, p. 76—77; *Diethart J. M. Ghost-Names und andere Berichtigungen zu Wiener Papyri.* — ZPE, 1980, XXXIX, S. 189—192; *Boyaval A. Notes d'onomastique.* — *Anag.*, 1982, II, p. 185—211. Сюда же следует отнести и работы, в которых рассматриваются имена животных, включенные в антропонимические словари; например, *Vandoni. Note di onomastica...*, IV. Исправления имен имеются в многочисленных статьях по критике текста, в рецензиях на публикации папирусов и острака.

³⁶ Помимо отмеченной выше литературы, см. *Döttling Ch. Die Flexionsformen lateinischer Nomina in den griechischen Papyri und Inschriften.* Diss. Basel, Lausanne, 1920; *Holm C. E. Griechisch-ägyptische Namenstudien.* Diss. Göteborg, Uppsala, 1936; *Zucker F. Studien zur Namenkunde...*; *O'Callaghan J. I nomi propri nelle lettere cristiane...*; *Daris S. Note di lessico e di onomastica militare.* — *Aegyptus*, 1964, XLIV, p. 47—51; *Leclercq H. Note concernant la translittération en caractères latines des noms de personne attestés par les sources grecques.* — *Orbis*, 1964, XIII, p. 299—308; *O'Callaghan J. Los nombres personales y su determinacion en las cartas cristianas del siglo VI.* — *StP*, 1964, III, p. 35—54; *Lüddeckens E. Die ägyptischen Namen der griechisch-römischen Zeit und ihre Bedeutung.* — *Akad. d. Wiss. und Lit. zu Mainz, Jahrbuch 1969*, Wiesbaden, 1969, S. 255—265; *Quaegebeur J. The Study of Egyptian Proper Names in Greek Transcription.* — *Onoma*, 1974, XVIII, p. 403—420; *Masson O. Quelques noms de Cyrénéens dans l'Égypte ptolémaïque.* — *Le monde grec...*, p. 709—715; *idem. Vocabulaire grec et anthroponymie. Mesychius σίραμβος et le nom d'homme Σήραμβος.* — *RPh*, 1975, XLIX, p. 13—18; *Brunsch W. Untersuchungen zu den griechischen Wiedergaben ägyptischer Personennamen.* — *Enchoria*, 1978, VIII, S. 1—142.

³⁷ *Quaegebeur J. Le nom propre Tsonenontis.* — CdE, 1971, XLVI, p. 158—172; *Hahn I. Papyrologisches zum Namen Aprians.* — *Philologus*, 1973, CXVII, S. 97—101;

Особое значение имеют исследования, словари или списки имен, принадлежащих к определенной ономастической группе³⁸. Наконец в распоряжении папирологов имеются два именника; «Именник» Ф. Прайзигке (NB)³⁹ и его продолжение, составленное Д. Форабоски (OAP)⁴⁰. Ономастические исследования предполагают постоянное обращение к ономастическим словарям и исследованиям в смежных областях⁴¹.

Настоящий обзор посвящен изучению основных проблем ономастики греко-римского Египта. При всей ее специфике, в частности преобладании египетской ономастики, большинство неегипетских имен, упоминаемых в текстах египетского происхождения, встречается и в памятниках, относящихся к другим регионам древности, а проблемы, возникающие перед исследователями ономастики греко-римского Египта, и способы

Quaegebeur J. Considérations sur le nom propre égyptien Teēphtaphônukchos.— OLP, 1973. IV. p. 85—100; *Boyaval B.* Nouvelles notes sur quelques étiquettes de momies.— ZPE, 1974, XIV, p. 69—70; *Nagel M.* Un samaritain dans l'Arsinoïte au IIe siècle après J.C. (à propos du nom Sambas).— CdE, 1974, XLIX, p. 356—365; *O'Callaghan J.* El nombre personal «Iklamoul» en P. Palau Rib. inv. 180.— Emerita, 1974, XLII, p. 305—306; *Quaegebeur J.* À propos de Teiloutelou nom magique et de Terouterou nom de femme.— Enchoria, 1974, IV, p. 19—29; *Shelton J. C.* Hiereus, Aeis.— ZPE, 1974, XIII, p. 240; *Sijpesteijn.* The Proper Name Χρωράτιος; *idem.* Polyphantos...; *Vattioni F.* Maris nei papiri di Dura Europos.— StP, 1977, XVI, p. 117—119; *Sijpesteijn.* The Proper Name Μαρτελλῆμις; *Masson O.* Notes d'anthroponymie grecque: Π Κλεοφᾶς, Κλεοφᾶς et Saint Cléophas.— BCH, 1981. CV, p. 199—202; *Quaegebeur J.* Sēnēnoughis, nom de femme et nom d'homme.— CdE, 1981, LVI, p. 350—359; *Bonneau D.* L'apotropaïque «Abaskantos»...; *Quaegebeur J.* Eseremphis.— In: Das römisch-byzantinische Ägypten..., p. 68—71, 74—75.

³⁸ Египетские: *Spiegelberg.* Ägyptische und griechische Eigennamen...; *Vergote.* Les noms propres de P. Bruxelles Inv. E 7616...; коптские (с подразделением на египетско-коптские, греческие, латинские, иудейские, арабские и т. д.): *Heuser G.* Die Personennamen der Kopten I (Untersuchungen), Lpz. 1929 (SEP, I, 2); иудейские: (*Preisigke.* Namenbuch...; *Heuser.* Die Personennamen..., S. 105—111; CPJud., III, p. 166—196; *Ruozzi Sala S. M.* Lexicon nominum semiticorum quae in papyris graecis in Aegypto repertis ab anno 323 a.Ch.n. usque ad annum 70 p.Ch.n. laudata reperiuntur. Milano, 1976 (TDSA, 46); *Delling G.* Biblisch-jüdische Namen im hellenistisch-römischen Ägypten.— BSAC, 1974—1975 [1976], XXII, S. 1—42; латинские: *Meinersmann B.* Die lateinischen Wörter und Namen in den griechischen Papyri. Lpz, 1927, S. 66—102 (SEP, I, 1); *Heuser.* Die Personennamen..., S. 98—105; семитические: *Wuthnow H.* Die semitischen Menschennamen in griechischen Inschriften und Papyri des Vorderen Orients. Diss. Tübingen, Leipzig, 1930 (= SEP, I, 4); *Ruozzi Sala.* Lexicon nominum...; *Vattioni.* Gli antroponimi...; персидские: *Schmitt E.* Einige iranische Namen auf Inschriften und Papyri.— ZPE, 1975, XVII, S. 15—24; фракийские: *Velkov, Fol.* Les Thraces en Égypte...; германские: *Kortenbeutel H.* Germanen in Ägypten.— MDAIK, 1938, VIII, S. 177—184 и т. д.

³⁹ *Preisigke F.* Namenbuch enthaltend alle griechischen, lateinischen, ägyptischen, hebräischen, arabischen und sonstigen semitischen und nichtsemitischen Menschennamen soweit sie in griechischen Urkunden (Papyri, Ostraka, Inschriften, Mumienschildern usw.) Ägyptens sich vorfinden. Heidelberg, 1922.

⁴⁰ *Foraboschi D.* Onomasticon alterum papyrologicum. Supplemento al Namenbuch di F. Preisigke. Milano — Varese, 1971 (TDSA, 16); *Leclercq.* A propos d'un essai... Сейчас готовится общий словарь греческих имен под редакцией П. М. Фрейзера, в котором будут представлены и имена, упоминаемые в папирусах (эту часть работы взял на себя Р. Коульз); см. *Davies J.-K.* Lexicon of Greek Proper Names: A Progress Report.— In: L'onomastique latine. Actes du Colloque International sur l'onomastique latine..., P. 1977, p. 469.

⁴¹ Помимо хорошо известных греческих, латинских и иных именников, особое значение в данном случае приобретают египетский именник (*Ranke H.* Die ägyptischen Personennamen. I—III. Glückstadt — New York, 1935—1977), демотический (*Lüddeckens et alii.* Demotisches Namenbuch. I.— Wiesbaden, 1980); (*Heuser.* Die Personennamen...). Об египетской ономастике см. и *Vernus P.*, Name.— LA, 1982, IV, S. 320—326; *idem.* Namengebung.— Ibid., S. 326—333; *idem.* Namensbildung.— Ibid., S. 333—337.

их разрешения представляют несомненный интерес и для специалистов по истории смежных территорий. Поэтому изучение ономастики греко-римского Египта, как, впрочем, и других вопросов, которыми занимается папирология⁴², выходит за узко локальные рамки и может принести большую пользу широкому кругу исследователей античности.

И. Ф. Фихман

⁴² Подробнее см. *Фихман И. Ф.* Введение в документальную папирологию. М., 1986.

Addendum. После окончания работы над статьей вышло еще несколько работ по ономастике греко-римского Египта: *Bingen J.* Critique et exploitation de l'onomaistique. Le cas de l'Égypte gréco-romaine.— Actes du VIIe Congrès de la Fédération Internationale des Associations d'Études classiques. II. Budapest, 1984, p. 557—565; *Masson O.* Sur le nom de Bilistiché, favorite de Ptolémée II.— *Studia in honorem I. Kajanto.* Helsinki, 1985, p. 109—112 (Arctos. Suppl. 2); *Van Minnen P.* A Change of Names in Roman Egypt after A.D. 202? A Note on P. Amst. I 72.— *ZPE*, 1986, LXII, p. 87—92; *Wipszycka E.* La valeur de l'onomaistique pour l'histoire de la christianisation de l'Égypte. À propos d'une étude de R. S. Bagnall.— *ZPE*, 1986, LXII, p. 173—181.

L'ONOMASTIQUE DE L'ÉGYPTE HELLENISTIQUE
ET ROMAINE DE HAUTE ET BASSE ÉPOQUE:
LES PROBLÈMES DE SON ÉTUDE

I. F. Fikhman

Sont abordés les problèmes principaux posés par l'étude de l'onomaistique de l'Égypte gréco-romaine: composition du nom, son évolution en rapport étroit avec les changements dans la vie politique, culturelle et religieuse du pays, comment lire les noms correctement et purger les textes et les dictionnaires des «noms-fantômes» (*ghost names*), importance des études d'onomaistique pour nombre de problèmes de l'histoire et de la culture de l'Égypte gréco-romaine, principaux répertoires consacrés à l'onomaistique égyptienne de cette période.

И. Р. ПИЧИКЯН. Малая Азия — Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. М.: Наука, 1984, 294 с., 100 рис.

Историко-культурные связи Малой Азии и Северного Причерноморья представляют особый интерес для отечественного антиковедения, так как большинство древнегреческих полисов на нашей территории было основано в архаический период малоазийскими греками. Естественно, переселение эллинов из Восточного Средиземноморья на северные берега Понта Евксинского имело следствием перенесение сюда языковых, культурных, социально-политических и экономических традиций и установлений, выработанных предшествующими поколениями¹. Каковыми оказались пути дальнейшего развития малоазийских традиций в новой среде и какие формы принимали затем культурно-исторические взаимовлияния — эта чрезвычайно непростая и многоплановая проблема остается пока одним из наиболее значительных пробелов в античной историографии. Несмотря на весьма внушительные достижения причерноморской и средиземноморской археологии за последнее столетие, указанный круг вопросов в монографическом плане пока не рассматривался. Поэтому нельзя не приветствовать появление исследования И. Р. Пичикяна о формировании архитектурно-художественных стилей в Ионии и их последующей эволюции в Северном Причерноморье.

Как справедливо заметил автор во введении, памятники античной архитектуры олицетворяют собой один из наиболее устойчивых этнокультурных признаков. Исходя из этой посылки, главную цель своей монографии он видит в исследовании культурных влияний «в процессе становления и распространения ионийской ордерной архитектуры». Хронологические рамки рассматриваемых автором явлений охватывают весьма значительный период — от ионийского переселения в Малую Азию и создания там городов до поздней античности в Северном Причерноморье. Далее приводится характеристика источников и краткий очерк истории изучения античной ордерной архитектуры в Восточном Средиземноморье и Северном Причерноморье.

В соответствии с решаемой проблемой в целом исследователем весьма логично построена композиция монографии. Рассматриваемый круг вопросов во времени и пространстве как бы расчленяется на две большие части, — с одной стороны, позднемикенское, геометрическое и архаическое Средиземноморье, с другой — Северное Причерноморье.

Средиземноморскому району посвящены три главы. Глава I «Континентальная Греция — Малая Азия» представляет собой сжатый очерк истории возникновения греческих малоазийских полисов и их последующих взаимоотношений с древневосточными монархиями на основании письменных источников с привлечением археологических данных. В главе II «Эволюция греческого храма и формирование ионийского стиля» собраны и проанализированы материалы начиная от примитивных эллинских святилищ и храмов Балканской Греции и ионийской Малой Азии до вы деления типов

¹ О преемственности политических и культовых институтов в греческой колонизации вообще и в ионийской в частности см.: *Graham J. Colony and Mother City in Ancient Greece. Manchester, 1964; Ehrhardt N. Milet und seine Kolonien. Frankfurt am Main — Bern — New York, 1983.*

протоионийских капителей. В главе III «Становление и эволюция монументальной ордерной архитектуры Ионии» автор подошел к главному моменту своего исследования в «средиземноморской» части работы — формированию концепции ионийской ордерной архитектуры; эта глава завершается выявлением ареала распространения ионийской архитектуры и подводит читателя к «причерноморской» части работы, связующим звеном между которыми служит глава IV «Иония — Северное Причерноморье», где кратко изложены основные сведения об ионийской колонизации, образовании северо-причерноморских полисов и их взаимоотношениях с метрополиями.

Античной ордерной архитектуре Северного Причерноморья посвящены три главы, расположенные в хронологической последовательности. В главе V «Античная ордерная архитектура Северного Причерноморья архаического и классического периодов» приводятся письменные источники, а также сведения об архитектурных остатках общееллинических святилищ на Понте Евксинском и государственных храмов Ольвии и Пантикапея, а также выявляются их параллели в Малой Азии. В главе VI «Античная ордерная архитектура Северного Причерноморья эпохи эллинизма» рассмотрено развитие архитектуры северопонтийских государств в период их наивысшего расцвета и прослежены связи, кроме Ионии, с Афинами. В главе VII «Античная ордерная архитектура Северного Причерноморья первых веков нашей эры» исследуются особенности ордерной архитектуры северного побережья Понта в период последнего экономического подъема греческих государств этого региона после позднеэллинистического кризиса и выявляются два направления архитектурных школ — малоазийское и римское.

Завершается монография приложением, в котором изложена разработанная автором методика реконструкции ордерных фасадов античных храмов, заключением, списком сокращений и библиографией, содержащей 588 работ. Досадно, что в книге нет краткого резюме на одном из иностранных языков, что было бы весьма существенно для зарубежных читателей.

Следует особо подчеркнуть, что исследование И. Р. Пичикяна насыщено большим количеством фактического материала, иллюстрированного сотней высококачественно выполненных рисунков и фотографий. На 15 рисунках представлены графические реконструкции и геометрические композиции античных монументальных сооружений, выполненные самим автором, которые в значительной степени расширяют и дополняют имевшиеся представления об античной ордерной архитектуре Средиземноморья и Причерноморья.

Одно из основных достоинств рецензируемой книги заключается в том, что автор не замыкается исключительно на архитектуре, хотя последняя и составляет основной источник для решения поставленных проблем. Работа И. Р. Пичикяна носит синтетический характер — античная архитектура выступает в нем не только на историческом фоне, но и сама трактуется как исторический источник. На основании данных архитектуры автором сделан целый ряд ценных наблюдений и выводов исторического плана. Не будучи специалистом в области архитектуры, я ограничусь здесь лишь общей оценкой исторического аспекта рассматриваемой книги.

Начиная свою работу с истории переселения ионийцев на рубеже II—I тыс. до н. э. из Балканской Греции в Малую Азию, исследователь рассматривает вопросы становления Паниониона и взаимоотношений греков со своими соседями — древневосточными монархиями². Важным представляется вывод о том, что так называемые эолийские капители следует считать разновидностью протоионийского ордера. Свою

² Нужно сказать, что в этом разделе упущены работы И. С. Свенцицкой, посвященные указанной теме (Греческие города в составе Лидийского царства. — ВДИ, 1978, № 1, с. 26—38; Ионийские города в составе Лидийского царства. — В кн.: Проблемы античной истории и культуры. Т. I. Ереван, 1979, с. 254—259).

точку зрения на этот счет автор резонно аргументирует хронологией исторических событий в Эолии, отмечая, что так называемые эолийские капители найдены в тех городах, которые уже были завоеваны ионийцами.

Как известно, период процветания ионийских городов был весьма непродолжительным³, однако в это время искусство Ионии развивалось семимильными шагами. В частности, формировавшаяся в этот период концепция ионийской архитектуры была реализована в постройке самых крупных в Элладе храмов — Геры на Самосе, Артемиды в Эфесе и Аполлона в Дидимах. Причину этого феномена автор справедливо усматривает в накоплении средств от интенсивной торговли ионийских городов с колониями. Действительно, в результате греческой колонизации архаического периода произошли существенные изменения в экономике античного мира благодаря географическому расширению ареала эксплуатации природных ресурсов и рынков сбыта готовой продукции, что, в свою очередь, вызвало рост товарного производства и развитие торговли⁴.

Проанализировав культовую архитектуру Восточного Средиземноморья XII—X вв. до н. э., исследователь приходит к выводу об общности путей ее развития как в Балканской Греции (включая и архипелаг), так и в Малой Азии — «от установления алтаря и изображения ксоана к постройке небольшого наоса для хранения инвентаря, а впоследствии и к возведению храма со статуей божества больших размеров» (с. 71). Важно и продуктивно заключение автора о том, что основные достижения в области архитектуры быстро становились общим достоянием эллинского мира благодаря постоянству многосторонних культурных связей Балканской Греции и Ионии. Указанный вывод можно подкрепить и другим видом источников — керамикой. Несмотря на ряд своеобразных признаков, присущих каждому центру производства в отдельности (благодаря которым мы, собственно, и проводим между ними различия), налицо панаэллинские тенденции в общих закономерностях эволюции отдельных функциональных групп сосудов. Иногда керамические формы и декор весьма удаленных друг от друга полисов настолько близки, что длительное время оставались вообще неразличимыми. В качестве примера достаточно сослаться на широкоизвестные восточногреческие и аттические килики, орнаментированные горизонтальными полосами⁵.

На основе анализа архитектурных остатков автором предложена классификация протоионийских капителей, которые, по его мнению, представлены тремя типами — кипро-финикийским, эолийским и афино-делосским. В оформлении капителей собственно ионийского стиля исследователь усматривает культовую семантику, появившуюся в результате влияния апотропейческой символики протоионийских капителей первого типа.

Изучение архитектурных деталей и сооружений периода формирования ионийского стиля привело автора к мысли, что в это время, несмотря на выработку ордерного канона и основных композиционных решений плана, сам процесс становления еще не был завершен. Другой существенный вывод, основанный на материалах второй половины VII — первой половины VI в. до н. э., заключается в том, что преобладающими культовыми сооружениями этого времени в Восточном Средиземноморье были примитивные храмы раннеархаического облика, в постройке которых приме-

³ *Akurgal E.* The Early Period and the Golden Age of Ionia. — *AJA*, 1962, 66, № 4, p. 369—379.

⁴ Обзор современных представлений об этом процессе см. в статье: *Кошеленко Г. А.* Полис и проблемы развития экономики. — В кн.: *Античная Греция*. Т. I. М., 1983, с. 218 сл.

⁵ *Hayes J.* The Pottery. — In: Boardman J., Hayes J. *Excavations at Troca 1963—1965. The Archaic Deposits I* (BSA, suppl. v., № 4). Oxf., 1966, p. 111—134; *Sparkes B. A., Talcott L.* *Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B. C. The Athenian Agora*. V. XII. Princeton — New Jersey, 1970, p. 88.

нялся сырцовый кирпич, деревянные конструкции и облицовочная терракота. Особую ценность указанное наблюдение представляет для изучения архаических материальных остатков Северного Причерноморья, поскольку отнюдь еще не изжит тенденция у некоторых археологов объявлять без каких-либо достаточных оснований так называемые примитивные формы античной материальной культуры «варварскими» или какими-то абстрактными «местными».

Период возникновения ионийского ордера и возведения гигантских культовых комплексов Ионии — Артемисиона, Дидимейона и Герайона — совпадает с интенсивной колонизационной деятельностью ионийцев во главе с Милетом. Предваряя анализ ордерной архитектуры архаического и классического времени в Северном Причерноморье очерком истории эллинического освоения этого района в VII—VI вв. до н. э., И. Р. Пичикян выделяет две волны колонизации. Правда, нельзя не отметить, что такая точка зрения не может пока считаться единственно возможной. Хронология городов и поселений Левого и Северо-Западного Понта позволяет полагать, что ионийское заселение берегов Черного моря, не считая древнейшего неудачного основания Синопы, проходило в четыре этапа — с середины VII в. по начало V в. до н. э.⁶

Многочисленные эпиграфические и литературные данные свидетельствуют о перенесении культов метрополии в колонии Северного Причерноморья⁷. Места почитания божеств в молодых полисах требовали соответствующего архитектурного оформления. В этом регионе находились три панэллинских святилища — храм Афродиты Апатуры, храм Ахилла на Левке и храм Девы на мысе Парфений. В качестве другого типа культовых архитектурных комплексов в монографии рассматриваются городские сооружения. В итоге анализа всех этих данных констатируется соответствие архитектурным традициям Ионии, что, по мнению автора, объясняется этническим единством населения, экономическими и политическими связями, а это согласуется с общей теорией миграции населения⁸.

В Северном Причерноморье наряду с развитым монументальным строительством отмечается существование более примитивных культовых построек, носивших архаические черты. Аналогичное явление было характерно и для Восточного Средиземноморья с той лишь разницей, что там такое сосуществование известно лишь для архаического периода, тогда как на Понте оно задерживается до классического времени. Это наблюдение тем более интересно, что и в других элементах материальной культуры (гражданские домостроительство, керамика и т. д.) архаических и классических поселений Северного Причерноморья многие восходящие к глубокой архаике черты сохранялись гораздо дольше, чем в метрополии.

Особого внимания заслуживает мысль автора о существовании Боспорской симмахии в виде амфикистии по типу Паниониона, высказанной на основании огромных размеров пантикапейского храма Аполлона, строительство которого было не под силу одному городу. И. Р. Пичикян датирует образование этого союза не позже начала V в. до н. э.⁹

⁶ Ср.: Рубан В. В. Основные этапы ионийской колонизации Западного и Северо-Западного Причерноморья. — В кн.: Археологические исследования на Украине в 1976—1977 гг. Ужгород, 1978, с. 88—89.

⁷ Ehrhardt. Op. cit., S. 127—191.

⁸ Покишишевский В. В. Население и география. Теоретические очерки. М., 1978; Хорев Б. С., Чалек В. Н. Проблемы изучения миграции населения. М., 1978; Шувалов Е. Л. География населения. М., 1985.

⁹ Реконструируя генезис Боспорского государства, Ю. Г. Виноградов пришел к выводу об образовании в начале V в. до н. э. симмахии греческих полисов этого района перед лицом скифской угрозы (Vinogradov Ju. G. Die historische Entwicklung der Poleis des nördlichen Schwarzmeergebietes im 5. Jh. v. Chr. — Chiron, 1980, Bd 10, S. 95; он же. Полис в Северном Причерноморье. — В кн.: Античная Греция. Т. I. М., 1983, с. 416). Интерпретируя боспорские монеты с АПОΛ, он же одновременно с автором рецензируемой книги пришел к выводу о существовании на Боспоре в V в. религиозной амфикистии (см. с. 147, прим. 2 рец. книги).

Существование каких-то союзнических отношений или, во всяком случае, тенденции к ним между ионийскими городами в районе Боспора Киммерийского не исключено еще на начальном этапе их истории, как это полагала Т. В. Блаватская¹⁰. Действительно, в настоящее время излишне приводить дополнительную аргументацию в пользу того, что эмигранты из Ионийской Греции принесли с собой в Северное Причерноморье культурные, идеологические и экономические традиции, сформировавшиеся у них на родине. Если не отказываться от элементарной логики, то нельзя считать невероятной мысль о привнесении ионийскими колонистами на берега Понта панионийских идей, которые прочно должны были укорениться в их психологии в течение жизни нескольких поколений. Напротив, представляется вполне логичной постановка такой проблемы с целью проведения специальных исследований в этом направлении, тем более что о возможности существования других подобных объединений на Черном море свидетельствует уже привлекавшийся Т. В. Блаватской пример¹¹ системы взаимоотношений Синопы с Котиторой, Герасунтом, Трапезунтом и другими городами Юго-Восточного Причерноморья¹².

Видимо, какое-то объединение ионийцев существовало и в западной половине Понтийского бассейна, где давно уже известны находки так называемых монет-стрелок, которые я, правда, склонен рассматривать в несколько ином семантическом аспекте, а именно в качестве изображения, символизирующего листья священного дерева, связанного с культом Аполлона Врача, одного из главных божеств в пантеоне ионийцев (в символике более поздних монет в виде дельфина прослеживается связь с культом Аполлона Дельфиния). В последние годы надежно доказано, что эти монеты (будем называть их листовидными) выпускались всеми ионийскими колониями западной половины Черного моря — от Борисфениды до Аполлонии включительно — в древнейший период их существования¹³. Поэтому, учитывая, что во всех этих полисах циркулировала единая денежная единица, нельзя не признать вероятности существования в указанном регионе некоего Левопонтийского Панниопона. Подтверждение тому, видимо, можно найти и в материалах, приводимых в рецензируемой книге. Речь идет об архаическом барабане колонны с острова Левка, хранящемся во внутреннем дворе Одесского археологического музея (рис. 55). Если допустить, что он является архитектурной деталью храма, то его монументальность, подобно пантикапейскому храму Аполлона, также свидетельствует о том, что он был сооружен общими усилиями нескольких полисов. В этой связи нелишним будет заметить, что автору рассматриваемого исследования не повредило бы привлечь и данные об архитектуре западнопонтийских городов, особенно Истрии, от чего книга только бы выиграла, либо же осуществить в будущем специальное исследование подобного рода о Западном Причерноморье.

В эллинистический период ордера архитектура античных государств Северного Причерноморья получила дальнейшее развитие, заключающееся в большем разнообразии, монументальности и нарядности построек. Широкое применение ордера автор отмечает как в общественных, так и в частных сооружениях. В это время круг куль-

¹⁰ Блаватская Т. В. Очерки политической истории Боспора в V—IV вв. до н.э. М., 1959. с. 10—16.

¹¹ Там же, с. 15.

¹² См. Максимова М. И. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.—Л., 1956, с. 70—76.

¹³ Димитров Б. За стрелите-пари от Западного и Северного Черноморско крайбрежие.— Археология, 1975, кн. 2, с. 43—48; *Poenaru-Bordea G., Oberländer-Tirmoveanu E.* Contributions à l'étude des monnaies-pointes de flèche à la lumière des trésors de Juri-lovka, dép. de Tulcea.— In: Actes du IIe Congrès International de Thracologie. V. II. București, 1980, p. 141—151; *Рубан В. В.* О хронологическом соотношении литых стрело- и дельфиницидных бронзовых монет на территории Нижнего Побужья.— В кн.: Нумизматика античного Причерноморья. Киев, 1982, с. 15—20.

турных связей северопонтийских городов значительно расширяется, о чем свидетельствует проникновение сюда традиций аттических архитектурных школ и влияний архитектуры других областей Эллады. Причину большого размаха дорогостоящего строительства в Северном Причерноморье эллинистического периода исследователь справедливо усматривает в сильно возросшем потенциале городов, основанном на хлебной торговле. Археологические исследования последних десятилетий действительно выявили весьма развитую и плотную систему расселения на сельских территориях античных государств Северного Причерноморья¹⁴. А рассмотрение истории северопонтийских полисов с учетом событий на хоре свидетельствует о том, что их благосостояние прямо зависело от благополучия аграрной зоны.

После кризиса и упадка позднеэллинистического периода в первые века н. э. началось оживление экономической, политической и культурной жизни северопонтийских государств, которые попадают в зависимость от Рима. На этом заключительном этапе античной истории Северного Причерноморья автором выделены два основных направления в ордерной архитектуре — одно из них отмечено сильной приверженностью к эллинистическим традициям, что, в частности, присуще и для Малой Азии, для другого же характерно ярко выраженное римское влияние, заключающееся в сущности и схематизации сооружений, несших на себе явный отпечаток ремесленничества, что вело к вырождению самой идеи ордера.

Давая общую оценку исследованию И. Р. Пичикяна, прежде всего необходимо подчеркнуть, что в его монографии впервые представлена полная картина эволюции ордерной архитектуры в одном из больших регионов греческой колонизации, начиная от предистории ордера в метрополии и кончая его деградацией почти через полтора тысячелетия в Северном Причерноморье на пороге средневековья. Охват большого количества разнообразных категорий источников — от мелких граффити до гигантских строительных комплексов, большой пространственно-временной диапазон, новизна постановки проблемы в целом и оригинальность решения более частных вопросов — все это позволяет рассматривать работу И. Р. Пичикяна в качестве весьма весомого вклада в науку.

В заключение следует особо подчеркнуть, что автору удалось убедительно продемонстрировать, насколько продуктивен и перспективен метод исследования античной истории Северного Причерноморья (как, впрочем, и любого другого эллинистического региона), основанный на поисках истоков определенной категории памятников в древнейшей истории метрополии. С другой стороны, проделанная автором работа со всей очевидностью показывает, что перед отечественным антиковедением давно уже стоит в самом назревшем виде вопрос об изучении других элементов материальной и духовной культуры северопонтийских эллинов в аналогичном аспекте. Поэтому одной из первоочередных задач нашей науки о классической древности должно стать исследование планировки городов и поселений, святилищ и некрополей, орудий труда, керамики и других предметов быта, экономики, политико-правовых и религиозных институтов, языка, — одним словом, всего комплекса древностей на базе традиций, выработанных в Ионийской Греции со времени ее появления на исторической арене. Надо полагать, что детальное изучение истории и культуры метрополии в X—VI вв. до н. э., которое должно явиться основой анализа северопричерноморской античности, в конечном счете поможет решить многие дискуссионные в настоящее время вопросы.

В. В. Рубан

¹⁴ *Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство Боспора. М., 1975; *Щеглов А. Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978; *Охотников С. Б.* Археологическая карта Нижнего Поднестровья в античную эпоху (VI—III вв. до н. э.). — В кн.: Материалы по археологии Северного Причерноморья. Киев, 1983, с. 101—122; *Рубан В. В.* Проблемы исторического развития ольвийской хоры в IV—III вв. до н. э. — ВДИ, 1985, № 1, с. 26—46.

В работе И. Р. Пичикяна на фоне различных историко-культурных связей рассматриваются происхождение и развитие античной ордерной культовой архитектуры в двух тесно связанных между собой областях античного мира — Малой Азии и Северном Причерноморье.

Аналогичные труды, специально обобщающие так же подробно столь обширный материал, отсутствуют в научной литературе: соответствующий материал рассеян либо по общим работам по античной архитектуре, либо по отдельным публикациям. Если среди работ по античной архитектуре Малой Азии трудно назвать подобную работу, то из монографий по античной архитектуре Северного Причерноморья можно привести лишь работу С. Д. Крыжицкого¹, посвященную, однако, иной теме — античной светской, жилой архитектуре. Уже одно это делает работу И. Р. Пичикяна актуальной.

Работа состоит из «Введения», глав I—VII, Приложения и Заключения. Основной текст явно распадается на две различные и по теме и по характеру части. В первой части основного текста, включающей первые три главы «Континентальная Греция — Малая Азия», «Эволюция греческого храма и формирование ионийского стиля» и «Становление и эволюция монументальной ордерной архитектуры Ионии», на фоне культурных связей Малой Азии с различными областями античного и древневосточного мира и в связи с происхождением и развитием античной ордерной культовой архитектуры вообще рассматривается происхождение, развитие и распространение античной ионической ордерной культовой архитектуры Малой Азии вплоть до V в. до н. э., т. е. времени переориентации культурных связей Северного Причерноморья с бывшей метрополией — Малой Азии — на континентальную Грецию. Этот раздел основан преимущественно на изучении и обобщении литературы о соответствующих памятниках.

Во второй части основного текста, включающей главы IV—VII — «Иония — Северное Причерноморье», «Античная ордерная архитектура Северного Причерноморья архаического и классического периодов», «Античная ордерная архитектура Северного Причерноморья эпохи эллинизма», «Античная ордерная архитектура Северного Причерноморья первых веков нашей эры», за чем следуют «Приложение» и «Методика реконструкций ордерных фасадов античных храмов», — на фоне культурных связей Северного Причерноморья с различными областями античного мира рассматриваются происхождение и развитие античной ордерной культовой архитектуры Северного Причерноморья. Этот раздел основан преимущественно на изучении самих соответствующих памятников.

Структура работы вполне логична. Текст сопровождается множеством иллюстраций, которые, особенно во второй части основного текста, являются не просто его дополнением, но итогом теоретически обоснованной в приложении кропотливой реконструкции фасадов памятников по немногим сохранившимся фрагментам и поэтому уже сами по себе представляют научную ценность.

В первой части основного текста активно привлекается имеющийся материал по влиянию архитектуры древнего Востока на античную ионическую и вообще ордерную культовую и наоборот.

Нужно согласиться с автором тогда, когда он становится на точку зрения В. Ф. Маркузона² о быстром сложении и распространении античной ионической и

¹ Крыжицкий С. Д. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья (VI в. до н. э. — IV в. н. э.). Киев, 1982.

² Маркузон В. Ф. Архитектура Греции древнейшей эпохи (XII — середина VIII в. до н. э.). — В кн.: Всеобщая история архитектуры. 2-е изд. Т. 2. М., 1973; он же. Архитектура Греции архаической эпохи (750—480 гг. до н. э.). — Там же, он же.

вообще ордерной культовой архитектуры в ее наиболее сложных вариантах: подобная закономерность отмечена для иранской (ахеменидской) светской и культовой архитектуры ³, а также для римской христианской архитектуры ⁴. Подобная закономерность отмечена не только в централизованных государствах, таких, как ахеменидский Иран, христианский Рим или страны Месопотамии и Нила ⁵, но — как и у греков — при отсутствии централизованных государств, например у финикийцев и народов Средней Азии ⁶.

Можно сделать два существенных дополнения по поводу влияния архитектуры древнего Востока на античную ионическую и вообще ордерную культовую и наоборот, поскольку автор в связи с этим подробно останавливается на античных ионических ордерных колоннах и вскользь касается планов и фасадов. К сожалению, в первой половине I тыс. до н. э., когда возникает первая мировая империя древности — Новоассирийское царство — и вместе с ней восточный пределеинизм ⁷, культурные связи становятся настолько интенсивными, что трудно с уверенностью установить, объясняется ли генезис тех или иных элементов архитектуры на Переднем Востоке диффузией или конвергентной эволюцией.

Однако можно не согласиться с автором тогда, когда он становится на общераспространенную точку зрения ⁸ об уникальности планов с перистасисом в античной ордерной культовой архитектуре по сравнению, в частности, с архитектурой древнего Египта. Перистасис известен в древнем Египте уже в эпоху Среднего царства, например, в храме-киоске Сенусерта I в Карнаке (XX в. до н. э.) ⁹ и в заупокойном храме Ментухотепа I в Дейр эль-Бахри (XXI в. до н. э.) ¹⁰, причем во втором случае — двойной и даже тройной. Перистасис известен и в эпоху Нового царства, в восходящих к упомянутому храму-киоску Сенусерта I специфических храмах-периптерах, служивших для хранения ладей богов ¹¹, например, в храме-периптере Хатшепсут и Тутмоса III в Мединет Абу (XVI—XV вв. до н. э.) ¹² или в принятом первыми европейскими исследователями за греческий храм-периптере Аменхотепа III на острове Элефантина (XV—XIV вв. до н. э.) ¹³. Наконец, перистасис известен и в египетской архитектуре Позднего царства, в специфических храмах-«маммизи» ¹⁴, например,

Современные проблемы древнегреческой архитектуры. — В кн.: Материалы научной конференции «Культура и искусство античного мира». 1979 г. М., 1980. Ср. *Воронов А. А.* Проектирование и порядок в древнегреческой архитектуре. — Там же.

³ *Луконин В. Г.* Искусство древнего Ирана. М., 1977, с. 4 сл., 56—101.

⁴ *Krauthheimer R.* Introduction to an «Iconography of Medieval Architecture». — Journal of the Warburg and Courtauld Institutes, 1942, v. 5; *idem.* The Constantinian Basilica. — Dumbarton Oaks Papers, 1967, v. 21; *idem.* Early Christian and Byzantine Architecture. Harmondsworth, 1975 ², p. 39—103.

⁵ *Матье М. Э.* Роль личности художника в искусстве древнего Египта. — Труды Отдела Востока Гос. Эрмитажа, 1947, т. 4; *Михайловский К.* Создатель канона египетского храма. — ВДИ, 1956, № 4; *Матье М. Э.* Искусство древнего Египта. М. — Л., 1961, с. 204—207.

⁶ *Массон В. М.* Согдийская эпоха и культурная интеграция. — В кн.: Всесоюзная научная конференция «Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана». Тезисы докладов. Душанбе, 1977; *Распопова В. И.* Строительное дело Согда и Тохаристана в раннем средневековье. — В кн.: Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. Тезисы докладов конференции, посвященной десятилетию Южно-Таджикистанской археологической экспедиции. М., 1983.

⁷ *Римшнейдер М.* От Олимпии до Ниневии во времена Гомера. М., 1977; *Вейнберг И. П.* Пределеинизм на Востоке. — В кн.: История древнего мира. Т. 2. Расцвет древних обществ. М., 1982.

⁸ *Маркузон.* Архитектура Греции..., с. 42—52, 111—113.

⁹ *Матье.* Искусство..., с. 146, рис. 66; *Кинк Х. А.* Древнеегипетский храм. М., 1979, с. 23, рис. 2.

¹⁰ *Матье.* Искусство..., с. 133—135, рис. 61, 110.

¹¹ Там же, с. 228; *Кинк.* Ук. соч., с. 23 сл.

¹² *Матье.* Искусство..., с. 228; *Кинк.* Ук. соч., рис. 3—4.

¹³ *Шуази О.* История архитектуры. Т. 1. М., 1935, с. 51, рис. 54; *Матье.* Искусство..., с. 228; *Кинк.* Ук. соч., с. 23.

¹⁴ *Кинк.* Ук. соч., с. 23 сл.

в храме Нектанеба II в Дендере (IV в. до н. э.)¹⁵. Греки могли быть знакомы с перистасисом древнего Египта не позднее чем с основания Навкратиса в конце VII в. до н. э. Во всяком случае, храм-«маммизи» на острове Филе (II в. до н. э.), как и храм-кiosk Траяна там же (II в. до н. э.)¹⁶, являются результатом наложения античного ордера на старую местную схему.

Можно не согласиться с автором и тогда, когда он становится на общепринятую точку зрения¹⁷ о независимости фасадов с колоннадой-портиком и двухскатным фронтоном в ионической и вообще ордерной культовой архитектуре от догреческой архитектуры Малой Азии. Памятники с колоннадой-портиком известны в архитектуре Малой Азии хеттской эпохи: таковы, например, гипостиль «здания D» в Хаттусасе¹⁸ и бит-хилани «здание E» там же (II тыс. до н. э.)¹⁹. Памятники с двумя нефами и гипотетическим источником двускатного фронтона также известны в архитектуре Малой Азии хеттской эпохи: таковы, например, мегарон («здание C») в Трое-VI (XVIII — XIV вв. до н. э.)²⁰ и мегарон («здание W») в Трое-VI (XVIII — XIV вв. до н. э.)²¹. Аналогии греческим храмам в антах и греческим храмам-простилям известны в архитектуре Сирии позднехеттской эпохи, в архитектуре Финикии и Палестины рубежа II — I тыс. до н. э. и в архитектуре Урарту: например, храм в Телль Тайинате в Сирии (IX в. до н. э.)²², возможно, известный по описанию (3 Цар., 6; 7, 12—51) построенный финикийцами храм Соломона в Иерусалиме (X в. до н. э.)²³, и, возможно, известный по изображению на ассирийском рельефе урартский храм в Мусасире (IX в. до н. э.)²⁴, причем последний — с двухскатным фронтоном. Наконец, аналогии греческим храмам с двухскатным фронтоном известны в архитектуре Малой Азии постхеттской (фригийской и лидийской) эпохи: таковы, например, гробница в Гамбаркайе в Пафлагонии (VIII в. до н. э.)²⁵, гробница Мидаса во Фригии (VI в. до н. э.)²⁶ и гробницы в Мире в Ликии (VI — IV вв. до н. э.)²⁷, причем первая — с колоннадой-портиком. К сожалению, архитектура Малой Азии постхеттской (фригийской и лидийской) эпохи слишком плохо известна²⁸. Во всяком случае, гробница в Тельмессосе в Ликии (VI — IV вв. до н. э.)²⁹ и гробница в Антифеллосе в Ликии (VI — IV вв.

¹⁵ Там же, с. 23.

¹⁶ *Jéquier G.* Les temples prolémaiques et romains. P., 1924.

¹⁷ *Маркузон.* Архитектура Греции..., с. 42—52, рис. 10.

¹⁸ *Naumann R.* Architektur Kleinasien von ihren Anfängen bis zum Ende der hethitischen Zeit. Tübingen, 1971², Abb. 571—572, Beilage 2.

¹⁹ *Ibid.*, Abb. 573, Beilage 2.

²⁰ *Ibid.*, Abb. 367.

²¹ *Ibid.*, Abb. 368.

²² *Ibid.*, Abb. 611. Судя по части описания (3 Цар., 7, 15—22), перед храмом стояли две опоры, однако из-за противоречивости переводов трудно установить, имелись ли здесь в виду две колонны колоннады-портика или две обелископодобные колонны вне его.

²³ *Myres J. L.* King Solomon's Temple and Other Buildings and Works of Art. — Palestine Exploration Quarterly, 1948.

²⁴ *Пиотровский Б. Б.* Искусство Урарту VIII—VI вв. до н. э. Л., 1962, рис. 8. Судя по изображению, перед храмом стояли шесть опор, однако неясность изображения не позволяет точно установить, были ли здесь одни колонны, колонны и пилоны или одни пилоны. Ср. *Kleiss W.* Zur Rekonstruktion des urartäischen Tempels. — *Istanbuler Mitteilungen*, 1963/1964, Bd 13/14.

²⁵ *Major M.* Geschichte der Architektur. Bd 1. Budapest, 1957, Abb. 91.

²⁶ *Haspels C. H. E.* The Highlands of Phrygia. Sites and Monuments. Princeton, 1971, fig. 598—600.

²⁷ *Kjeldsen K., Zahle J.* Lykische Gräber. — AA, 1975, Bd 90.

²⁸ См. *Bossert T. H.* Altanatolien. Kunst und Handwerk in Kleinasien von den Anfängen bis zum völligen Aufgehen in der griechischen Kultur. B., 1942; *Akurgal E.* Die Kunst Anatoliens von Homer bis Alexander. B., 1969.

²⁹ *Dinsmoor W. B.* The Architecture of Ancient Greece. London — New York — Toronto — Sydney, 1950³, pl. 19.

до н. э.)³⁰ — памятники архитектуры Малой Азии ахеменидской эпохи, как и названные выше памятники архитектуры древнего Египта эллинистической и римской эпохи, результат скорее наложения античного ордера на старую местную схему, чем его полного заимствования.

Хотя это и логично, досадно, что первая часть рецензируемой книги хронологически ограничена памятниками V в. до н. э. и тематически — памятниками ионического ордера в Малой Азии: и в первой и во второй части автор неизбежно переходит и эту хронологическую границу — начало V в. до н. э., и первоначальную тематическую границу. Кроме того, во второй части он отмечает проникновение влияния архитектуры Рима на архитектуру Северного Причерноморья через архитектуру Малой Азии. Наконец, в первой части он отмечает первое появление в Малой Азии дорического ордера начиная с известного по описанию Витрувия (4, 1, 5) храма Аполлона в Папионии. Памятники дорического ордера, начиная с храма-периптера в Ассосе³¹, известны в Малой Азии не позднее, чем с середины VI в. до н. э., что не исключает влияния на архитектуру Северного Причерноморья архитектуры континентальной Греции, выразившегося в памятниках дорического ордера, начиная с храма в антах в Пантикапее (V в. до н. э.), через ту же архитектуру Малой Азии. Так или иначе, полный перечень более поздних памятников ионического ордера и всех памятников дорического ордера в Малой Азии со сносками на литературу был бы не лишним.

Если первая часть основного текста в чем-то уязвима для критики, то вторая — почти безукоризненна. В ней впервые обобщается весь имеющийся материал об античной ордерной культовой архитектуре Северного Причерноморья, особенно ее памятниках, которые допускают графическую реконструкцию фасадов. Обобщается и весь имеющийся материал об античной ордерной светской архитектуре этого региона, хотя ее памятники и не могут быть столь же уверенно реконструированы графически. Опущены лишь не опубликованные ко времени завершения второй части материалы о храме в антах в Фанагории³², дорическом храме-периптере в Горгииппии и ионическом храме-простиля там же³³, хотя, возможно, их фрагменты не исключают и иной интерпретации.

Автор дает графические реконструкции фасадов дорического храма в антах в Пантикапее, дорического антового храма в Мирмекии, ионического храма-простиля в Херсонесе, ионического храма-простиля с масками Сильвана в Пантикапее, коринфского храма-периптера в Горгииппии и ионического храма-простиля Афродиты в Херсонесе, а также алтаря Пасада в Херсонесе. Даются и новая графическая реконструкция фасада ионического храма-периптера Аполлона в Пантикапее, старая и новая графические реконструкции фасада ионического храма в антах Аполлона Дельфиния в Ольвии и старая графическая реконструкция фасада дорического храма-периптера Аспурга в Пантикапее. Опущены лишь графические реконструкции фасадов дорического храма-толоса на Тамани³⁴ и названных выше дорического храма-периптера и ионического храма-простиля в Горгииппии.

Отрадно, что археологические открытия со времени завершения книги подтверждают правильность графических реконструкций фасадов памятников автором и его методики, а также других выводов. Например, новая графическая реконструкция автором фасада ионического храма-периптера Аполлона в Пантикапее, а также его локализация на акрополе подтверждаются открытием на акрополе Пантикапея соот-

³⁰ *Duhn J.* Die Baukunst der Griechen. Lpz, 1910³, Abb. 261.

³¹ *Ibid.*, Abb. 358; *Dinsmoor.* Op. cit., fig. 33.

³² *Кобылина М. М.* Раскопки Фанагории. — АО 1972 г. М., 1973, с. 130 сл.; *Кобылина М. М., Долгоруков В. С.* Раскопки Фанагории. — АО 1973 г. М., 1974, с. 111 сл.; *Кобылина М. М.* Раскопки центральной части Фанагории. — АО 1974 г. М., 1975, с. 111.

³³ *Савостина Е. А.* Об архитектурных фрагментах из Горгииппии. — В кн.: Горгииппия. Т. 1. Краснодар, 1980.

³⁴ *Сокольский Н. И.* Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976.

ветствующих фрагментов³⁵, а новая графическая реконструкция автором фасада ионического храма в антах Аполлона Дельфиния в Ольвии с базами колонн малоазиатского варианта подтверждается открытием в Ольвии соответствующей базы во вторичном использовании³⁶.

В заключение хотелось бы высказать частные замечания. Автору вряд ли стоило вслед за некоторыми советскими археологами и искусствоведами³⁷ сохранять «рейхлиновы» чтения греческих слов (за исключением традиционных). Вряд ли стоило также вслед за В. Д. Блаватским³⁸ использовать термин «спира» для обозначения малых валов и выкружек баз колонн малоазиатского варианта ионического ордера: античные тексты не дают подобного значения греческого слова *σπείρα*³⁹ и латинского слова *spira*⁴⁰, а существующая научная литература — примеров широкого использования термина «спира» с подобным значением. Не лишним был бы и указатель памятников.

Так или иначе, сделанные выше замечания не могут заслонить явные достоинства работы И. Р. Пичикяна: они либо вызваны дискуссионностью обсуждаемых вопросов в сочетании с ограниченностью объема работы, либо носят частный характер, не ставя под сомнение основные выводы. Поэтому она заслуживает исключительно положительной оценки и, вероятно, надолго станет незаменимым справочником по античной ордерной культовой архитектуре Северного Причерноморья.

А. М. Высокский

³⁵ Толстикова В. П. Раскопки Пантикапея. — АО 1979 г. М., 1980, с. 346; *он же*. Раскопки Пантикапея. — АО 1980 г. М., 1981, с. 315.

³⁶ Крыжицкий С. Д. Ольвия. Историко-архитектурно-строительных комплексов. Киев, 1985, с. 84, илл. на с. 12.

³⁷ Ср. Полевой В. М. Искусство Греции. Древний мир. М., 1970; *он же*. Искусство Греции. Средние века. М., 1973, с. 19, прим.

³⁸ Блаватский В. Д. Строительное дело Пантикапея по данным раскопок 1945—1949 и 1952—1953 гг. — МИА, 1957, № 56, с. 31 («спира или плинт») (sic! — А. В.). Ср. Bunner B. P. Искусство древней Греции. М., 1972, с. 93.

³⁹ L — S — J, s.v. *σπείρα*, 8 — rounded moulding in the base of an Ionic or Corinthian column [or] torus. Ср. Pollux, 7, 121 (*σπείρα δὲ ἡ τοῦ Ἴωνικοῦ [κίονος] βάσις*).

⁴⁰ Дворецкий П. X. Латинско-русский словарь. 2-е изд. М., 1976, s.v. *spira*: 4 — круглый базис колонны. Ср. Vitruv., 3, 5, 3.

BERNADETTE MENU. *Recherches sur l'histoire juridique, économique et sociale de l'ancienne Egypte*. Préface de Joseph Méléze-Modrzejewski. Brassac-les-Mines, 1982, 349 p. ISBN 2-903971-01-3

BERNADETTE MENU. *Droit-économie-société de l'Egypte ancienne* (Chronique bibliographique 1967—1982). Préface de Jean Yoyotte. Aurillac, 1984, 331 p. ISBN 2-903971-03-X

Два сборника работ известного исследователя в области юридической и социальной истории древнего Египта Б. Меню, сотрудника института папирологии и египтологии при университете в Лилле, изданные ею на собственные средства, дают представление как о ее собственной работе, так и о деятельности прежде всего французских и бельгийских ученых в этих областях за последние полтора десятилетия.

В первом сборнике собраны 18 статей и рецензий, опубликованных в 70-х годах в различных журналах и сборниках, но переработанных специально для нового издания. Поскольку не все эти издания имеются в наших библиотеках, стоит перечислить названия работ.

1. Юридическое положение земель в фараоновском Египте (с. 1—42); 2. Понятие частной собственности на землю в египетском Старом царстве (с. 43—73); 3. Управление земельным «имением» Хеканахта (с. 74—100); 4. Обсуждение доклада Ж. Моджеевского «Поземельные отношения и социальный статус в птолемеевском Египте» по источникам фараоновского периода (с. 101—106); 5. *ts prt* в египетском языке и роспись засева (с. 107—113).

Первая из статей в зародышевом виде содержит идеи, развитые автором в написанных позже работах, но возникшие еще при написании диссертации¹ и касающиеся исторической эволюции юридического статуса земель. Новые наблюдения западных египтологов, предпочитающих сейчас воздерживаться от определения формационной принадлежности древнеегипетского общества, здесь причудливо смешиваются с устаревшими представлениями о «феодализме» в эпоху Среднего царства или о системе бенефиций — во времена Нового царства, основанными только на административной и хозяйственной раздробленности страны, но не на изучении производственных отношений. При этом, однако, высказываются полезные и важные соображения по поводу отдельных терминов и терминологических словосочетаний (*šk 3 m kdb* «обрабатывать (за земельную ренту)», «обрабатывать за плату», *hbs* «царские земли», *m lk 3w*), правовой смысл которых остается еще проблематичным, поскольку нам пока не известны законы или нечто их заменяющее. Б. Меню вовсе не так слепо следует за Э. Гардинером, как почему-то считает П. А. Стучевский². Например, она считает различными понятиями египетское *ts prt* букв. «закрепление семян» («семенное предписание») и эллинистическое египетское *διαγραφῆ τοῦ σπέρου*, хотя и не исключает возможности, что второе произошло от первого. Такая сдержанность разумна, так как пока убедительно не разъяснено, какой характер имеют поставки земледельцев в 200 (зрелые мужчины) и 100 (юноши) мешков зерна. Для нормы поставок с одного земледельца (так считали Э. Гардинер и В. Хелк) это слишком много (здесь П. А. Стучевский прав), а для засева — тем более. К тому же *ts prt* измеряется в мешках, а *διαγραφῆ* — в единицах площади. Средней нормой урожайности она считает 10 мешков с 1 *št 3t* площади, а не 5³, как Э. Гардинер, а за ним и И. А. Стучевский. Есть и много других расхождений с исследователями, прежде всего — по вопросам существования частной собственности на землю и по вопросу о социальном статусе *nmh 3w*. Однако это уже больше относится ко второму разделу.

II раздел. Труд и зависимость

1. Некоторые принципы организации труда по текстам египетского Среднего царства (с. 114—133); 2. Внутренняя организация Р. Brooklyn Museum 36.1446 (рецензия на публикацию У. К. Хэйса) (с. 134—139); 3. Заметки об уголовном праве в египетском Среднем царстве по Р. Brooklyn Museum 35.1446 (recto): ответственные работники и их зависимые лица (с. 140—167); 4. Картина товарооборота у ремесленников Дейр эль-Медина на протяжении рамессидовского периода (рецензия на книгу Як. Й. Янсена) (с. 168—175); 5. Культовое установление, согласованное с Шешонком, и уступка прав на службу (с. 176—183); 6. Отношения зависимости в Позднем Египте (с. 184—199).

Если в I разделе реальное незнание содержания исследований Ю. Я. Перепелкина о частной собственности в Египте Старого царства (при том, что сделана ссылка на его

¹ *Menu B. Le régime juridique des terres et du personnel attaché à la terre dans le Parurus Wilbour. Lille, 1970.*

² *Стучевский И. А. Земледельцы государственного хозяйства древнего Египта эпохи Рамессидов. М., 1982, с. 6—7.*

³ 5 мешков зерна получали с 1 *št 3t* земли-*k 3jt*, 7,5 мешков с 1 *št 3t* земли-*tnj*, 10 мешков с 1 *št 3t* земли-*nhb* (соответственно — 1387, 2080 и 2774 л зерна с 1 га площади).

книгу как первую работу в этой области) или В. А. Головиной существенно не сказывается на содержательности статей Б. Меню, потому что она осторожно обходит общие проблемы собственности, стараясь ограничиться частными вопросами поземельных отношений, то весь раздел II страдает от незнания фундаментальных исследований О. Д. Берлева по социально-экономической истории. Это относится не только к статьям по Среднему царству, но в такой же мере и к статьям по Позднему Египту, так как после появления работ О. Д. Берлева сама перспектива исторического бытия понятий, носимых словами $\text{b} \{ \text{k}$ и особенно hm , принципиально и необратимо изменилась. Без их учета работа в области социально-экономической истории невозможна — она сразу отбрасывает исследователя на уровень до 70-х годов. Переиздавать в 1982 г. эти статьи без учета результатов исследований О. Д. Берлева так же странно, как странно всерьез в наши годы ссылаться на хаотическую сводку разнородных, далеко не всегда имеющих отношение к социально-экономической истории терминов, составленную Ж. Байе и тянущую нас в XIX в., когда египетские тексты только начинали читать. Однако некоторые наблюдения Б. Меню все-таки представляют интерес, например — исследование двух форм зависимости в Позднем Египте. Это наиболее полное, хотя и не исчерпывающее исследование очень сложных для понимания текстов, написанных демотикой и изученных Б. Меню под руководством ее учителя — замечательного демотиста М. Малинина. Следует только помнить, что реконструируемые на основе демотических папирусов социальные отношения в Египте первой половины I тыс. до н. э. нельзя переносить на III и II тыс. до н. э. Особенно это касается действительно существовавшего в первой половине I тыс. до н. э. противопоставления раба свободному.

III раздел. Договорные отношения

А. Передачи imyt-pr . Несколько заметок к сравнительному изучению юридической стелы Карнака и «стелы» Ахмес-Нефертари (с. 200—215);

Б. Договоры, которые содержат срок действия: наем и продажа на время: 1. Наём в древнеегипетском праве (Новое царство и Поздний период (с. 217—300); 2. Демотический договор о найме, заключенный в правление Птолемея IV Филопатора (=P. Marseille, Inv. № 297) (с. 301—311); 3. Заметка о продаже на время и понятие кредита в древнеегипетском праве (с. 312—317); 4. Продажа урожая на корню (реп. на публикацию Р. Х. Пиэсом трех демотических папирусов Бруклинского музея) (с. 318—322). С. Договорное обязательство о содержании: 1. Заметка о надписи $\text{s} \{ \text{mw} \{ \text{t}$, называемого куку (с. 325—331); 2. Столбец 2 «Гермопольского кодекса» (с. 332—341).

В этом разделе содержатся наиболее интересные и важные наблюдения. К ним относятся, во-первых, замечание о трансформации содержания понятия imyt-pr от должностного держания к наследственному владению с отрывом от должности вплоть до возможности (правда, в исключительных случаях) продажи; во-вторых, подтверждение существования понятия «кредит» ($\text{r}^{\text{c}}\text{-w} \{ \text{h} \}$) в египетском языке; в-третьих, доказательство бесспорного существования пенсий (алиментов) с древнейших времен ($\text{c}^{\text{c}}\text{-h} \{ \text{b} \}$ букв. «пища-одежда» в смысле «содержание») до птолемеевской эпохи включительно.

Четверть всего объема книги занимает самая большая статья сборника — статья о найме и суде в древнем Египте. В связи с ней прежде всего нужно говорить о неполно собранных источниках как главной причине неудачи. Из 84 изданных текстов (73 из них происходят из Дер эль-Медина) исследовательнице были известны только 48⁴. Отсюда ошибочная общая картина и неверные выводы. Например, о том, что после трехмесячного найма скот, взятый в наем, переходил в собственность нанимателя, потому что сумма платы за наём превышала рыночную стоимость скота. Мне уже дово-

⁴ Пропущены O.DM 62, 73, 131, 133, 242, 292, 297, 305, 424, 432, 627, 1068; O. Gardiner 106, 132, 140, 165, 182; O. A. Gardiner 1, 3, 90; O. IFAO 290, 291; O. Petrie 9, 14; O. Torino 133, 9622, 57151, 57159, 57171, 57173, 57225, 57236; O. Berlin 1121; O. Michaelidis 5; O. München 1547. Здесь не названы тексты, изданные в 1982 г. и позже, так как Б. Меню не могла их учесть в книге, напечатанной в 1982 г.

дилось обращать внимание Б. Меню на источники, которые опровергают это заключение: скот оставался собственностью прежнего владельца, а наниматель — нанимателем⁵. Однако Б. Меню, перерабатывая статью для нового издания, не дополнила ее пропущенными источниками и, очевидно, не прочитала моей статьи, хотя она и учтена в составленном ею томе библиографии, как и статья В. А. Головиной. И все-таки и эта статья представляет определенную ценность уже потому, что в ней впервые обследован и выделен целый ряд юридических формул и терминов, протокол договора, отношение суда к договорным отношениям и еще немало существеннейших частных.

Том библиографии по теме «Право, хозяйство и общество древнего Египта» за последние 15 лет составлен из библиографических обзоров Б. Меню в «Revue historique de droit français et étranger», перепечатанных в новое издание. Он включает только немногие из работ, опубликованных в мире до 1982 г. включительно, в основном же кончается на 1980 г. Слова профессора Сорбонны Ж. Йойотта «l'entreprise ne saurait évidemment prétendre à une totale exhaustivité» в предисловии мягко отражают состав тома. Полно учтена только франкоязычная литература (французская, бельгийская, швейцарская); германоязычная же учтена хуже, причем встречаются многочисленные ошибки в английском и немецком языках, которые невозможно посчитать опечатками. Содержание таких журналов, как «Altorientalische Forschungen», «Etudes et travaux», «Archiv Orientalní» и некоторых других, а также ряда западногерманских египтологических серий почти не учитывается независимо от языка публикации. Даже содержание «Вестника древней истории» по сравнению с ними учитывается несколько больше. Что же касается книг, то учтено множество романоязычных работ по искусству, литературе, быту, лексикографии, но пропущен целый ряд трудов по истории права, общества и хозяйства древнего Египта, а содержание целого ряда работ в аннотациях либо на раскрыто, либо раскрыто неверно⁶. В этом отношении русскоязычная египтология пострадала даже больше, чем германоязычная. Содержание большей части упомянутых работ, если они не имеют аннотаций на английском языке, вообще не раскрыто (например, книг и статей Ю. Я. Перепелкина, О. Д. Берлева, И. А. Стучевского, Т. Н. Савельевой и др.).

Нам следует признать, что в этой картине есть доля и нашей собственной вины. Западные египтологи испытывают такие же трудности с получением иноязычной литературы, как и мы с получением иностранной. Но самое главное — они плохо информированы о том, что у нас вышло и выходит. Сейчас в ФРГ подготавливается новая всемирная египтологическая библиография. В 1979 г. я опрометчиво оповестил египтологов о составлении Т. Н. Савельевой библиографии отечественных работ по египтологии⁷, которая, к сожалению, так и не пошла в печать. Между тем один из составителей новой всемирной библиографии, озабоченный неполнотой сведений из СССР и некоторых других (прежде всего арабских) стран, спрашивает, не вышла ли библиография Т. Н. Савельевой из печати⁸. Эта библиография очень нужна и прежде всего — зарубежным ученым, следует опубликовать ее как можно быстрее. Иначе наша наука и в новейшей библиографии будет представлена так, как она представлена в библиографической хронике Б. Меню, т. е. случайно ставшими доступными составителю

⁵ *Богословский Е. С.* Собственность и должностное владение в древнем Египте (По материалам из Дер эль-Медина). — ВДИ, 1979, № 1, с. 18—19.

⁶ Например, *Берлев О. Д.* Трудовое население древнего Египта в эпоху Среднего царства. М., 1972; *он же.* Общественные отношения в Египте эпохи Среднего царства. М., 1978; *Стучевский И. А.* Зависимое население древнего Египта. М., 1966; *он же.* Земледельцы государственного хозяйства древнего Египта эпохи Рамессидов. М., 1982 (книга вообще не учтена); *он же.* Колониальная политика Египта в эпоху XVIII династии. М., 1967; *Савельева Т. Н.* Как жили египтяне во времена строительства пирамид. М., 1971 (книга не учтена) и мн. др.

⁷ *Bogoslovsky E. S.* Egyptology in the USSR. — Göttinger Miszellen, 1979, Ht 35, p. 7.

⁸ *Beinlich-Seeber Ch.* Ägyptologische Bibliographie 1822—1946. Ein Arbeitsbericht. — Göttinger Miszellen, 1985, Ht 86, S. 47, Anm. 2.

трудами, а не основной массой исследований. Если советские египтологи хотят, чтобы их исследования систематически входили в мировой научный оборот, им следовало бы активнее, чем до сих пор, информировать Л. М. И. Зонховена, составителя «Annual egyptological bibliography», хотя бы о своих собственных, вышедших из печати работах. У Л. М. И. Зонховена очень мало помощников, и он просто не в состоянии уследить за всем и дать аннотации ко всем выходящим в самых различных, часто малотиражных изданиях египтологическим трудам. Он начал печатать даже авторские аннотации, что избегали делать его предшественники, и постоянно публикует призывы к коллегам во всех странах мира о помощи ему в действительно нелегком деле. Сейчас наука, как показывают книги Б. Меню, не должна замыкаться в национальных рамках.

Книги Б. Меню дают представление о достижениях французской египтологии и информацию о выходящей литературе. Не ее вина, а ее беда в том, что эта литература и информация о ней не поступают во Францию полностью и своевременно. И за то, что сделано, мы должны быть ей благодарны.

Е. С. Богословский

M. J. GREEN. The Wheel as a Cult-Symbol in the Romano-Celtic World. Bruxelles, 1984

Новая книга Миранды Джейн Грин «Колесо как культовый символ в римско-кельтском мире» естественно продолжает направление, взятое в двух ее недавних крупных исследованиях¹. Как и предыдущие книги, эта работа содержит одновременно и корпус материалов по данной проблеме, и весьма обстоятельный их анализ. Однако если в прошлых исследованиях мы знакомились с территориальным и в некотором смысле социальным срезом источников, то теперь речь идет о несколько ином принципе их отбора и организации. В центре внимания Грин находится то преломление, которое получил на чисто кельтской и романзированной почве один из универсальнейших мировых символов — колесо. Однако уже при самом беглом знакомстве с работой становится понятно, что оно не рассматривается в отрыве от того, что или кого оно символизирует. По сути эту книгу можно было бы назвать исследованием о верховном небесном боге кельтов и «кельто-римлян».

Очевидно, что в условиях отсутствия связанных письменных памятников континентальных кельтов и при скупом освещении их религии английскими авторами ее приходится реконструировать более или менее гипотетически. Известно, что именно романизация, т. е. процесс, в той или иной степени трансформировавший социальный и духовный мир кельтов, дал нам впервые возможность взглянуть на него глазами создателей многочисленных памятников изобразительного искусства (не имевших широкого распространения у кельтов до прихода римлян). После римского завоевания в большом количестве стали появляться самые разные типы памятников, от чисто римских до чисто местных с множеством переходных ступеней. На первый взгляд, стоило бы изучать их в этом диапазоне, но уже достаточно давно было осознано, что даже практически не несущие на себе стилистического или смыслового отпечатка римской культуры памятники

¹ *Green M. J. A Corpus of Religious Material from the Civilian Areas of Roman Britain. Oxf., 1976; eadem. Small Cult Objects from the Military Areas of Roman Britain. Oxf., 1978.*

ки все же являются не меньшим порождением романизации, чем все остальные. Об этом говорит самый факт их существования. Именно поэтому синхронный срез «римско-кельтского» времени лишь с большим трудом и осторожностью может быть перенесен в диахронию: он останется прежде всего сосуществованием тенденций в некотором новом единстве, а не моделью процесса вытеснения одного пласта мышления другим.

Не будем повторять здесь широко известные аргументы в пользу вышесказанного. Достаточно указать на факт многократно подтвержденной зависимости чистоты местного типа памятников от контекста находок. В виде некоторого исключения отметим распространенные практически повсеместно еще до романизации кельтские монеты, многие символические характеристики которых не ограничены конкретной территорией. Таким образом, одной из первых трудностей при анализе «кельто-римских» памятников является уяснение самих законов их бытования и распространения в эпоху романизации.

Второй трудностью надо признать не вполне удовлетворительное знание нами закона сочетания этих памятников, отражающего, без сомнения, происходивший процесс отождествления (или, точнее, наложения) римских и кельтских божеств. Иконографический тип и функции первых из них нам теоретически известны. Теоретически — так как не всегда можно заранее сказать, какие функции хорошо знакомых нам богов становились ведущими и определяли их характер в новой социальной и мировоззренческой среде провинций. Безусловно, менялись и приспосабливались и кельтские божества, с той лишь разницей, что мы не знаем, каковы были в точности их изначальный облик и связанные с ними представления. И наконец, можно априорно утверждать, что «кельто-римские» религиозные представления никогда не сформировались в более или менее определенную систему, а остались набором «вариаций на темы», ибо сам процесс романизации (а также противоположный — кельтизации) был в разной мере активным до конца империи.

Таким образом, перед нами необыкновенно разнообразный и пестрый набор фрагментов некоего целого без всяких точных правил, по которым полагалось бы его воссоздать. Сообщения античных авторов, и даже наиболее важная среди них информация Цезаря, лишь в малой мере облегчают задачу. Отсюда понятно, какое значение для исследования приобретает возможно более широкий охват материала, максимально полный учет различных комбинаций, которые дают его элементы. Таким требованиям удовлетворяют своего рода корпусы источников по проблемам в соединении с разбором их важнейших закономерностей, работы, подобные книгам Грин.

Рецензируемая работа Грин посвящена одному из широко распространенных в мировой и европейской культуре символов и соотносимому с ним специфически кельтскому божеству, которого исследовательница полагает верховным небесным богом. При этом она сразу же становится на позиции большинства ученых, считающих колесо и сходные символы (свастику, диагональный крест и пр.) имеющими отношение прежде всего к солнечному культу. Эта линия отождествления была намечена ровно сто лет назад Гайдозом, однако и сейчас некоторые исследователи считают колесо атрибутом бога-громовержца.

В первой главе своей работы М. Грин рассматривает предысторию солярного символизма в Европе начиная с эпохи бронзы. Устраняясь от собственной точки зрения на ранние, достаточно туманные этапы этногенеза кельтов, она справедливо отмечает консерватизм элементов культа и, следовательно, неизбежное влияние, которое они оказали на собственно кельтские религиозные представления, с какого бы времени ни считать их окончательно оформившимися. В поле зрения Грин попадают здесь многочисленные «солярные» диски из бронзы и золота, амулеты, детали украшения и оружия, наскальные рисунки типа памятников из Валь Камоника и пр. Уже на этом материале она устанавливает ряд важных впоследствии символических рядов — связь солярных символов с изображениями водяных птиц, змеи, быка, правда, опираясь тут не столько на собственные изыскания, сколько на работы таких ученых, как М. Гимбутас. Обзор-

ный характер носит и обращение уже непосредственно к кельтскому материалу эпохи гальштатта и латена.

Основная часть исследования разбита на главы соответственно рассматриваемому материалу, который детально описан в относящемся к каждой из них каталоге памятников. Автор отмечает, что эти каталоги нельзя считать исчерпывающими, однако вряд ли вообще можно думать об учете огромного множества подобных находок. Между тем перечень обследованных Грин музеев и коллекций дает возможность считать собранные ею материалы надежным рабочим инструментом.

В первой главе исследуются памятники мелкой пластики: миниатюрные модели колеса, фибулы с изображением колеса или свастики, изображения колеса на оружии. Прежде всего выясняется, что, хотя они и встречаются на большей части территории кельтской Европы, центрами их распространения являются прибрежные области и северо-восток Галлии. Центр Галлии дает гораздо меньшую плотность находок, а к юго-западу они становятся уже случайными. Археологический контекст, рассмотренный далее Грин, по ее собственному суждению, практически ничего не дает нам для понимания роли подобных предметов в культе: он достаточно равномерно распределяется между различными типами памятников. Исследование стилистических характеристик находок также само по себе не приводит к существенным результатам, ибо оказывается, что основной элемент колеса — спицы — не обнаруживает каких-либо количественных закономерностей.

Обращаясь к сходному британскому материалу, Грин не обнаруживает каких-либо существенных новых закономерностей, исключая, возможно, тот факт, что здесь модели колеса ни разу не найдены в храмовых комплексах. Наиболее значительные центры их распространения — районы стены Адриана и юго-восток острова.

Следующая глава работы Грин призвана компенсировать малую информативность рассмотренного ею выше материала. Широко привлекая данные из различных областей Средиземноморья, автор демонстрирует устойчивость солярного символизма в связи с самыми разнообразными изображениями колеса, связь колеса с небесными и солнечными божествами: Зевсом, Аполлоном и т. д. Сходные типы предметов и их функций (амулеты, votivные приношения, детали украшений) ведут к естественному выводу о сходстве стоявшей за ними религиозно-культурной практики. Углубить эти самые общие сопоставления можно только за счет попыток прояснения «внутреннего символизма» изображений колеса в западных провинциях, которые предпринимает далее автор. Как уже говорилось, количество спиц, а также материал для их изготовления выбирались совершенно произвольно. Однако некоторые элементы декоративного украшения моделей могут носить специфически культовый характер, ибо имеют параллели в скульптуре и мелкой пластике подобного типа. Примером могут служить шарообразные навершия в месте касания спицами обода на некоторых из моделей колес, которые мы встречаем, к примеру, на концах рогов фигурок трехрогих быков. Это сопоставление тем более любопытно, что солярные символы вообще часто выступают в связи с изображениями быка. На моделях колес встречается также орнамент в виде концентрических кругов или диагонального креста, тоже, по мнению автора, имеющий культовый смысл. Между тем, несмотря на скрупулезность анализа Грин, понятно, что на этом уровне он не выходит за рамки сугубо гипотетических утверждений.

Новое измерение получает исследование лишь при обращении к памятникам скульптуры, связанным с изображениями колеса. В каталоге Грин насчитывается около 200 подобных изображений, подразделяющихся на следующие группы: бог с колесом, бог с колесом в соседстве с фигурой «великана» и, наоборот, персонажем маленького роста, прочие боги в связи с колесом, погребальные памятники, алтари с надписями и без таковых.

Помимо этого необходимо учитывать и трудно поддающийся классификация облик скульптур, изменяющийся от типично местного до чисто римского типа. Эта характеристика вообще часто отмечается в книге, но редко влияет на выводы, что, как кажется,

не совсем верно. В рецензии трудно дать представление о той тщательности, с какой Грин пытается учесть различные комбинации мельчайших признаков исследуемых памятников; можно с уверенностью утверждать, что любые возможные поправки к ее выкладкам и таблицам будут иметь исключительно частный характер. Отметим здесь лишь один интересный момент, а именно, что каменная скульптура «бога с колесом» и изображения колеса на алтарях и погребальных памятниках находятся в дополнительных отношениях со скоплениями находок моделей колеса, о которых говорилось выше. Так, большие скопления памятников первого типа встречены в областях по нижнему течению Роны и в Пиренеях. Наложение двух зон отмечается только в районах северо-востока Галлии (группа погребальных памятников из Эльзаса, колонны Юпитера на территории лингонов). Отдельную группу изображений бога с колесом можно выделить в географическом центре Галлии.

Небольшой раздел работы Грин посвящен характеристике нетипичного материала, способного что-то добавить к пониманию символики колеса, — глиняных и металлических поделок, изображений колеса на случайных предметах и пр. Затем автор переходит к собственно интерпретации описанного материала. На основе фактов Грин приходит к выводу, что фигура бога с колесом появляется после романизации и объединяет два типа представлений о верховном небесном боге, воплощенных в образе римского Юпитера и некоего кельтского божества. Разница между ними заключается прежде всего в том, что Юпитер был небесным богом-громовержцем, а у кельтов основным в данном случае был солярный символизм. Это в принципе необычное для римского мышления схождение двух религиозных представлений стало, по мнению Грин, отправной точкой для множества ассоциативных рядов и символических соответствий. В сущности, полагает исследовательница, романизация в области религии представляла собой своего рода взрыв традиционного пантеона и культа и последующее «притягивание» набора кельтских символических элементов к новым, «кельто-римским» смысловым единицам. Так появлялись и новые божества, в сложной и не всегда очевидной форме сочетавшие традиции двух систем верований.

Таким образом, становится если и не до конца понятной, то все же объяснимой вызывающая много споров «подвижность» связей местных и римских божеств и их атрибутов в римское время. На примере таких известных памятников, как «колонны Юпитера», и более массового материала Грин показывает, как многие символы солнечного божества кельтов могли переходить не только к Юпитеру, но и к другим римским божествам — Аполлону и особенно Марсу, а также выступать в связи с богами местного пантеона — Эпоной (связь лошади с солярными символами отлично видна на примере кельтских монет), богинями-матерями и т. п. То же самое можно заключить и из анализа местных эпитетов классических богов, рассмотренных исследовательницей. Особый интерес вызывает возможная ассоциация римского Юпитера с местным богом Таранисом (этимологически — «громовержцем»). Как известно, это был один из богов, имевших общекельтское распространение. Таранис упоминается у Лукана и в средневековых схолиях на него, где этот бог также в одном варианте отождествляется с верховным богом римлян. Немало исследователей придавало фигуре Тараниса первостепенную важность, делая вывод, что отождествление Таранис=Юпитер логически предполагает и то, что Таранис — бог с колесом. Воздерживаясь от окончательных выводов, Грин интересно и аргументированно показывает маловероятность такой цепочки, полагая, что Таранис объединялся с Юпитером достаточно случайно на основе совпадения лишь с одной из функций римского божества. Вполне гипотетическим, однако очень интересным является мнение автора, что этот момент схождения мог породить новую и достаточно распространенную в римское время фигуру бога с молотом (комбинации кельтского молота и скипетра Юпитера, откуда длинная рукоять) — Суцелла.

Отдельная глава исследования посвящена особенностям символизма колеса и почитания небесного бога в Британии. В заключительной части работы подводятся

итоги анализа. Грин особенно выделяет здесь кельтские компоненты фигуры романизированного верховного бога (солнечный и одновременно хтонический символизм, связь со стихией воды и с культом источников, характерная и для романизированных вариантов Аполлона, многозначность и подвижность символических связей с другими божествами и т.п.). Это позволяет ей сделать общий и, по нашему мнению, совершенно правильный вывод о равноправной активности двух участвовавших в романизации культурных комплексов — кельтского и римского. Сохранившиеся памятники логично воспринимать именно как бесконечно подвижное поле взаимодействия. Необходимо все же задать вопрос, насколько книга М. Грин способствует пониманию множества обуславливавших его структуру закономерностей. Безусловно, она является этапной и даже исчерпывающей в том, что касается избранного автором среза памятников. Исключая возможность уникальных находок, накопление массового материала скорее всего долго еще ничего не изменит в оценке подмеченных автором законов структуры и распределения материала. Лишь один момент, хотя и вполне сознательно, был ею выпущен из поля зрения — кельтские монеты. Беглых упоминаний о них в тексте исследования явно недостаточно, ибо этот исключительно массовый материал вносит некоторые коррективы в оценки других типов источников. Во-первых, он позволяет подметить дополнительные и не учтенные Грин типы изображений колеса, и, во-вторых, дать более точную картину их географического распространения. Кроме того, небезынтересно проследить, как серии монет (многие из которых, как известно, имели классические прототипы) постепенно переводят колесо из чисто функциональной детали изображения в разряд многозначных и связанных со многими другими символами. Мало внимания обращает Грин и на социальный контекст рассмотренных ею комплексов находок. Этот аспект позволил бы ей более определенно применять в каждом конкретном случае совершенно верные сами по себе положения о существовании романизации. Само отсутствие находок в тех или иных районах сделалось бы в таком случае более значащим фактором.

В связи с работой М. Грин возникают, наконец, и более общие соображения. Ее достойные уважения осторожность и реалистичность при оценке источников, позволившие не впасть в фантастические преувеличения, резко оттеняют и следующий факт: не выйдя из круга памятников, лишенных всякого письменного «комментария», исследователи обречены оставаться на почве более или менее интересных гипотез. Из самого материала нам никогда не удастся вычитать законы, по которым сохранившиеся осколки выстроились бы в подобие целостной картины. Для преодоления этой трудности есть только два пути: привлечение островных кельтских источников и сопоставление с другими индоевропейскими культурными комплексами. Этот еще очень слабо разработанный подход — единственный шанс получить более полное представление о кельтской религии и ее судьбах в римское время в частности. Не заявляя этого прямо, работа М. Грин между тем приводит прежде всего к такому выводу.

С. В. Шкунев

P. BERNARD. Fouilles d' Ai Khanoum. IV. Les monnaies hors trésors. Questions d'histoire gréco-bactrienne. Paris: De Boccard, 1985 (Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan, tome XXVIII)

Французская археологическая делегация в Афганистане приступила к систематической публикации результатов раскопок на городище Ай Ханум, осуществлявшихся под руководством П. Бернара в 1965—1978 гг. Специалистам хорошо известны отчеты, которые появлялись в печати после каждого сезона раскопок, исследования, посвященные наиболее выдающимся находкам, и другие публикации — все, однако, в общем предварительного характера. Теперь начата серия, целью которой является подведение итогов, в отношении как отдельных исследованных комплексов, так и различных категорий вещественного материала. В этой серии уже опубликованы два тома, представляющие оба варианта итоговых публикаций: один из них представляет собой отчет о раскопках пропилей, расположенных на главной улице города¹, второй — публикацию находок, сделанных при исследовании «храма с нишами»². В ближайшее время ожидается также публикация результатов раскопок гимнасия и исследований городских укреплений.

В нашей рецензии рассматривается один из томов данной серии, написанный П. Бернаром. Основой его служит издание монетных находок из археологических слоев городища, полученных при раскопках Ай Ханум. В книге специально не исследуются клады, обнаруженные на городище и в его непосредственных окрестностях, поскольку они уже были опубликованы³, однако (что естественно) при решении общих вопросов истории денежного обращения города и Бактрии в целом этот материал П. Бернаром используется самым широким образом.

Монография делится на две части. Первая из них — собственно публикация монет и исследование тех вопросов (как чисто нумизматического, так и более широко — исторического плана), для решения которых эти монеты дают новую информацию. Эта часть состоит из пяти глав: «Общее представление о монетах», «Комментированный каталог монет», «Греческая Арахосия и договор между Селевком I и Чандрагуптой», «Конец Евкратиды I. Его эра», «Распространение монет Евкратиды I за пределы Центральной Азии».

Вторая часть книги состоит из дополнений (Appendices), первое из них имеет «служебный» характер — в нем приведены данные о местах находок монет в Ай Ханум, а остальные посвящены обсуждению некоторых частных вопросов («Переселение Бранхидов в Центральную Азию», «Причины восстания греческих наемников верхних сатрапий в 323 г. до н. э.», «Бактриана и „Самиянка“ Менандра», «Евтидем I Бактрийский и Магнесия на Меандре», «Предполагаемое бактрийское происхождение Гиспаосина Харакенского») или представляют собой публикацию ранее неизвестных или малоизвестных небольших коллекций греко-бактрийских монет («Коллекция греко-бактрийских монет А. Сотирадидаса в Национальном музее в Афинах», «Греко-бактрийские монеты в музее г. Тбилиси, Грузинская ССР»). Наконец, в конце монографии име-

¹ *Guillaume O.* Fouilles d' Ai Khanoum. II. Les propylées de la rue principale. P., 1983.

² *Francfort H.-P.* Fouilles d' Ai Khanoum. III. Le sanctuaire du temple à niches indentées. 2. Les trouvailles. P., 1984.

³ См. *Audouin R., Bernard P.* Trésor de monnaies Indiennes et Indo-Grecques d' Ai Khanoum (Afghanistan). I: Les monnaies indiennes.— RN, 6e série, 1973, 15; *idem.* Trésor de monnaies Indiennes et Indo-Grecques d' Ai Khanoum (Afghanistan). II: Les monnaies Indo-Grecques.— RN, 6e série, 1974, 16; *Bernard P.* Trésor d' Ai Khanoum. Note sur la signification historique de la trouvaille.— RN, 6e série, 1975, 17; *Petitot-Biehler P.* Le trésor de monnaies gréco-bactriennes trouvées à Ai Khanoum en 1973.— RN, 6e série, 1975, 17; *Holt F.* The Euthydemid Coinage of Bactria: Further Hoard Evidence from Ai Khanoum.— RN, 6e série, 1981, 23.

ется особый раздел «Addenda», где П. Бернар разбирает некоторые положения книги Е. В. Зеймалю⁴, вышедшей уже после того как рукопись рецензируемой монографии была сдана в печать. Монография также снабжена указателями и таблицами, на которых воспроизведена большая часть монет, найденных при раскопках Ай Ханум.

Поскольку первая и вторая главы теснейшим образом взаимосвязаны, целесообразно рассмотреть их совместно. Всего при раскопках Ай Ханум (вне кладов) было найдено 284 монеты. Определению поддавались 224, 50 монет — столь плохой сохранности, что определить их не представлялось возможным. Наконец, было обнаружено 10 монетных кружков, отлитых, но не отчеканенных. Последнему обстоятельству П. Бернар придает очень серьезное значение, видя в этом свидетельство наличия местного монетного двора в Ай Ханум. Из 224 определенных монет 184 — доселевкидские, селевкидские, греко-бактрийские и индо-греческие, 28 монет — индийские, происходящие из слоев греко-бактрийского времени. Кроме того, найдено 5 кушанских и 7 мусульманских монет. Подобное соотношение различных хронологических групп монет, как отмечает П. Бернар, совершенно естественно, поскольку после оставления города греками его территория в последующее время обживалась крайне мало.

П. Бернар обращает особое внимание на следующее обстоятельство: большая часть монет, найденных при раскопках, — бронзовые. Этим монетные находки из слоя решительно отличаются от находок монет в кладе. В кладах Ай Ханум все монеты из серебра. Резкое преобладание бронзовых монет среди находок в слое — картина, типичная для греческого города эллинистического времени. Это монеты, участвовавшие в каждодневном денежном обороте, и монеты случайно утерянные жителями. При раскопках Ай Ханум была обнаружена 31 серебряная монета, причем 24 монеты были найдены в одном месте — в руинах здания, которое исследователи определяют как дворцовую сокровищницу. Видимо, справедливо мнение автора, что эти монеты — остатки дворцовой казны, которая была разграблена при взятии города врагами. Таким образом, только семь найденных серебряных монет было утеряно жителями города, а до этого они реально участвовали в денежном обращении Ай Ханум. Кроме того, была найдена и одна золотая монета — статер Антиоха II.

Очень важный итог раскопок Ай Ханум — обнаружение большого числа новых, ранее неизвестных монетных серий. Из общего числа 25 зафиксированных среди находок серий девять до раскопок Ай Ханум совершенно не были известны. Из них восемь новых серий принадлежат доселевкидскому и селевкидскому бронзовому чекану, одна серия — чекану Диодота. Новые серии отличаются от ранее известных следующими особенностями: 1) наличием новых иконографических типов, 2) соединением ранее уже известных типов, 3) применением в бронзовом чекане типов, известных ранее в золотом чекане.

Хронологическое распределение монет дает следующую картину. Самая большая по количеству группа монет включает доселевкидские и селевкидские монеты. Среди селевкидских монет представлены только те, которые выпускались первыми царями династии: Селевком I, Антиохом I и Антиохом II. Автор монографии обращает внимание на два обстоятельства: селевкидская группа монет составляет примерно 37% всех монетных находок. Это очень много, особенно учитывая то обстоятельство, что селевкидские слои вскрыты, в общем, на незначительной площади. Второе обстоятельство, которое также заслуживает особого внимания, это то, что из всех зафиксированных доселевкидских и селевкидских серий только одна — не местная, произведенная на монетном дворе Селевкии-на-Тигре при Антиохе I. Все остальные были выпущены на местных монетных дворах: центральноазиатских, вероятнее всего бактрийских. Следовательно, по крайней мере в отношении бронзовой монеты Бактрия удовлетворяла свои потребности за счет местного чекана. Бактрия, по словам П. Бернара,

⁴ Зеймалю Е. В. Древние монеты Таджикистана. Душанбе, 1983.

в это время обладала своего рода экономической и монетарной автономией, которая подготовила ее политическую независимость.

П. Бернар полагает (видимо, имея на это основания), что в Бактрии были несколько монетных дворов, в том числе и в Ай Ханум. Как указывалось выше, при раскопках в Ай Ханум было найдено 10 неотчеканенных монетных кружков. Автор монографии считает, что для выявления чеканки монетного двора Ай Ханум важнейшую роль должен играть количественный критерий. Как известно, бронзовые монеты обычно не распространяются широко за пределы той области, для которой они чеканятся. В силу этого вполне вероятно является предположение, что монеты, наиболее часто встречающиеся при раскопках Ай Ханум, представляют собой продукцию местного монетного двора. Следуя этому принципу, П. Бернар выделяет ряд серий, которые могли быть чеканены в Ай Ханум. К их числу он относит следующие серии (латинская цифра означает порядковый номер правителя, список которых расположен в хронологической последовательности, а арабская — номер серии внутри чекана данного правителя): IV, 3; IV, 4 (Антиох I); VI, 1, VI, 2 (Диодот)⁵; VII (Евтидем I), хотя вполне вероятно, что часть монет этой серии относится к чекану Бактр. Имеется также некоторое число серий, которые также предположительно могут быть отнесены к чекану монетного двора Ай Ханум, хотя и с меньшей уверенностью, чем предшествующие: IV, 6 (Антиох I); VIII (Деметрий I); IX (Евтидем II). При этом П. Бернар вполне допускает и такую возможность, что монетный двор Ай Ханум вообще прекратил свое существование после Евтидема I, что нам, однако, представляется маловероятным. Если считать, как это делает П. Бернар, что Ай Ханум в конце своего существования был переименован в Евкратидею (предположение вполне вероятное, учитывая грандиозные по масштабам перестройки, относящиеся к этому времени), то маловероятно, чтобы в период царствования Евкратиды, придававшего столь большое значение этому городскому центру, в нем не работал монетный двор.

Вопрос о чеканке серебра на местном дворе, как отмечает автор, к сожалению, на базе имеющихся материалов решить невозможно.

Среди публикуемых П. Бернаром монет особое внимание привлекает гомогенная группа из девяти экземпляров (все бронзовые), найденных в слое, а также входящие в нее два экземпляра — случайные находки: на лицевой стороне (л. с.) — изображение повернутой вправо головы Афины в шлеме, на оборотной стороне (о. с.) — изображение совы. Данная группа является в сущности подражанием афинским монетам, и в силу этого близка к трем ранее известным сериям серебряных монет: 1) тетрадрахмы, дидрахмы, драхмы и гемидрахмы — подражания афинским «совам»; 2) драхмы и диоболы: л. с. — голова Афины (на некоторых диоболах — голова Зевса); о. с. — орел вправо; 3) драхмы и более мелкие номиналы: л. с. — голова правителя вправо (или голова Афины в шлеме вправо), легенда «Софит», о. с. — изображение петуха. Уже давно было доказано, что первые две серии чеканились в Бактрии. Третья настолько близка к ним, что нет никаких сомнений в том, что она также была выпущена если не на том же самом монетном дворе, то по крайней мере, на соседнем, принадлежавшем той же самой области. В современной литературе, как отмечает П. Бернар, существуют две точки зрения относительно времени чеканки этих монет. Согласно одной, монеты выпускались в период, непосредственно предшествующий походам Александра Македонского. Согласно второй, монеты выпускались в период времени от смерти Александра до завоевания Бактрии Селевком I. Автор считает, что первая точка зрения должна быть полностью отброшена. В центрально-азиатском регионе еще не созрели тогда условия для становления и развития товарно-денежных отношений, и поэтому эту группу монет нельзя датировать столь ранним временем. Наиболее вероятным является вто-

⁵ П. Бернар, с нашей точки зрения, совершенно справедливо указывает, что все ранее предпринимавшиеся попытки разграничить чекан Диодота I и Диодота II были безуспешными. В силу этого он также рассматривает эту группу монет как гомогенную.

рое из предложенных решений. При этом необходимо подчеркнуть, что П. Бернар помимо чисто нумизматических соображений в подтверждение своей мысли приводит еще и общ исторические (которые нам представляются чрезвычайно весомыми): данные источников бесспорно показывают, что Бактрия и соседние с нею области (Согдиана, Арея, Маргиана) весь рассматриваемый период (от смерти Александра до установления селевкидской власти) находились под контролем греко-македонян. Здесь продолжали существовать греческие города, основанные Александром. В силу этого неизбежным является и существование монетарной экономики. Греческий город раннеэллинистической эпохи немислим вне товарно-денежных отношений. Значительная роль мелких денежных номиналов в упомянутой выше группе монетных эмиссий является подтверждением этого тезиса.

Таким образом, подводит итог П. Бернар, есть все основания считать, что в тот период, который он называет доселевкидским, в Бактрии функционировал по крайней мере один монетный двор. Правда, не исключено, что монеты этих типов продолжали чеканиться и в первые годы селевкидской власти. Имеется несколько примеров (самый яркий — монетный двор Вавилона), когда монетный двор некоторое время продолжал выпускать монеты старых (доселевкидских) типов, поскольку они стали популярным средством обращения на местных рынках.

Особого внимания заслуживают некоторые вопросы, связанные с проблемой селевкидского монетного чекана в Бактрии. В частности, очень интересна трактовка П. Бернаром вопроса о начале чеканки монет собственно селевкидских типов на монетном дворе Бактр. Э. Ньюэлл считал⁶, что этот монетный двор начал функционировать около 285 г. до н. э. Основанием для такого вывода были следующие соображения: изображение головы Зевса на самой ранней, по мнению Э. Ньюэлла, монетной серии Бактр ESM, № 657 является совершенно бесспорным подражанием изображению головы Зевса на тетрадрахмах серии ESM, № 69, 71 (монетный двор Селевкии-на-Тигре), датированных 290—289 г. до н. э. и входящих в группу, начало выпуска которой приходится примерно на 300 г. до н. э. Недавно было доказано, как подчеркивает П. Бернар, что начало чеканки этой группы монет приходится на 305 г. до н. э.⁷ и, соответственно, все серии, входящие в эту группу, сдвигаются во времени. Естественно думать, что и датировка той бактрийской серии, которая подражает серии Селевкии-на-Тигре, должна быть изменена. Вероятнее всего, по мысли П. Бернара, ту серию, которую Э. Ньюэлл относил к 285—280 г. до н. э., необходимо теперь датировать 290—285 г. до н. э. Эта дата лучше согласуется и с ходом исторических событий. Антиох был назначен правителем восточных сатрапий около 292 г. до н. э., и было бы нелогично думать, что он ждал несколько лет, прежде чем начать чеканить монету на монетном дворе своей столицы Бактр.

П. Бернар также ставит (и решает) вопрос о чекане бронзовой монеты на монетном дворе Бактр в рассматриваемый период. Он, в частности, приходит к выводу, что серию бронзовых монет Селевка I (ESM, № 751—753), которую Э. Ньюэлл несколько условно относил к производству бактрийского двора, теперь можем твердо считать выполненной на этом монетном дворе. Автор полагает, что в это время действовал и монетный двор Ай Ханум, к чекану которого он относит небольшую серию ESM, № 661—663, возможно, подражания монетам Александра Македонского ESM, № 747—748, а также тетрадрахмы и гемидрахмы с монограммой \times ⁸.

⁶ Newell E. The Coinage of the Eastern Seleucid Mints from Seleucus I to Antiochus III, with a Summary of Recent Scholarship Additions and Corrections by O. Mørkholm. N.Y., 1978 (далее — ESM).

⁷ Waggoner N. The Early Alexander Coinage at Seleucia on the Tigris. — ANS MN, 1969, 15, p. 21—30.

⁸ См. Troxell H. A., Waggoner N. M. Th Robert F. Kelly Bequest. — ANS MN, 1978, 23.

Среди довольно многочисленных монетных находок, выпущенных в годы царствования Антиоха I (281—261 гг. до н. э.), особого внимания, по мысли П. Бернара, заслуживает серия IV, 2, чрезвычайно точно копирующая монету, найденную ранее при раскопках Ай Ханум и отнесенную Ж. Ле Ридером к чекану Селевкии-на-Тигре (на основании близости к типам ESM, № 167—168)⁹. Монета Селевкии-на-Тигре и монеты Бактр различаются только монограммами.

Автор монографии также публикует ряд монет, относящихся к ряду ранее совершенно неизвестных серий, выпущенных на монетных дворах Бактри и Ай Ханум в период вплоть до времени Антиоха II, последнего из селевкидских царей, реально осуществлявших контроль над Бактрией.

В общей массе монетных находок значительное место занимают монеты греко-бактрийских царей от Диодота до Евкратиды I. Среди монет этих царей самая значительная по объему группа — монеты Евтидема (27% от общего числа монет). Это обстоятельство, по мысли П. Бернара, служит еще одним аргументом в пользу достаточно популярного мнения о том, что именно в период его царствования Бактрия переживала значительный экономический подъем. Следующее место по числу монет занимает чекан Диодота (14% общего числа монет). Монеты Евкратиды I—6,5% общего числа находок. Это в общем не очень значительное количество—свидетельство того, что в период Евкратиды I Греко-Бактрия уже начинала испытывать значительные трудности. Кроме того, П. Бернар указывает и на второй вероятный фактор: среди находок в Ай Ханум основную часть составляют монеты производства местного монетного двора, активность же его в очень значительной степени зависела от того, находился ли царь в городе или нет. Поскольку известно, что Евкратид вел почти постоянные войны, естественно думать, что в Ай Ханум он бывал довольно редко.

Помимо монет Диодота, Евтидема I и Евкратиды I среди монетных находок в Ай Ханум представлен также чекан следующих греко-бактрийских царей: Деметрия I, Евтидема II, Антимаха I, Деметрия II, Агафокла, Аполлодота I. Как подчеркивает автор, в этом нет ничего неожиданного. Некоторое недоумение вызывает только отсутствие монет двух царей: Платона и Панталеона. В отношении первого из них возможны следующие объяснения: Платон в качестве младшего соправителя Евкратиды I чеканил свои монеты в небольшом числе и на каком-то отдаленном монетном дворе, результатом чего явилось их полное отсутствие на денежном рынке Ай Ханум. Второе объяснение, которое автору кажется более близким к исторической реальности,— Платон царствовал непосредственно после Евкратиды I, хотя и очень короткое время, так что реальным преемником Евкратиды I можно считать Гелиокла. Труднее объяснить отсутствие монет Панталеона, поскольку он явно царствовал раньше Евкратиды I. П. Бернар также считает естественным, что среди находок монет греко-бактрийских царей монеты практически всех из них (за исключением Диодота, Евтидема I и Евкратиды I) представлены в общем незначительным числом экземпляров. Это объясняется исторической ситуацией: после Евтидема I территория Греко-Бактрии резко расширилась. В нее были включены Арахосия, Паропамисады, Северо-Западная Индия. Кроме Деметрия I, никто из упомянутых греко-бактрийских царей не осуществлял политического контроля над всеми территориями, расположенными к северу от Гиндукуша. Некоторые из этих царей не были суверенными правителями, а выступали в роли соправителей, действовавших далеко на юге. У Агафокла и Аполлодота все основные интересы были сконцентрированы в зоне, расположенной к югу от Гиндукуша. Кроме того, необходимо также учитывать то обстоятельство, что при Евтидеме I было выпущено значительное число бронзовых монет, надолго обеспечивших потребности рынка.

Рассматривая чекан Диодота I, П. Бернар обращается и к вопросу о времени возникновения Греко-Бактрийского государства, традиционно датируя это событие около

⁹ *Le Rider G. Les monnaies.— In: Fouilles d’Ai Khanoum. I (Campagnes 1965, 1966, 1967, 1968). Rapport préliminaire publié sous la direction de P. Bernard. P., 1973, p. 204, № 11.*

250 г. до н. э. (а не 239 г. до н. э., как предполагает И. Вольский). Все монеты Диодота, найденные при раскопках Ай Ханум, относятся к уже известным типам. Наибольший интерес вызывает серия V, 2 (л. с. — голова Гермеса вправо, о. с. — Афина, стоящая прямо, опираясь одной рукой на щит, в другой руке — копьё, легенда ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΔΙΟΔΟΤΟΥ). Недавно было высказано предположение, что монеты этой серии чеканились на монетном дворе Александрии в Арее (на том основании, что два экземпляра были найдены в Гератском оазисе)¹⁰. Однако тот факт, что при раскопках Ай Ханум было найдено 12 экземпляров (8 — в слове и 4 монеты — случайные находки) и монеты этого типа были обнаружены также в Тахт-и Сангине и Дильберджине, заставляет думать, что чеканились они все-таки в Бактрии, вероятнее всего, на монетном дворе Ай Ханум.

Среди монет, принадлежащих чекану Аполлодота I, привлекают внимание монеты индо-греческого характера. П. Бернар объясняет этот факт тем, что Аполлодот I, являвшийся соправителем Евкратиды I, правил в районе Кабула и Гардеза и поддерживал тесные связи с Бактрией.

Рассматривая чекан Евкратиды I, П. Бернар приходит к выводам, достаточно сильно расходящимся с общепринятыми. Он, в частности, указывает, что среди бронзовых монет этого царя резко преобладают монеты индо-греческих типов, при этом характер монет, найденных при раскопках Ай Ханум и Беграма, практически один и тот же. Совсем иную картину дает серебряный чекан: подавляющее число типов — греко-бактрийские, индо-греческих — чрезвычайно мало. Все эти наблюдения приводят П. Бернара к мысли, что эта ситуация — результат сознательной политики Евкратиды, стремившегося к тому, чтобы обе разновидности его монетного чекана имели равное обращение в двух частях его державы: бактрийской и индийской. Вполне вероятно, считает автор, что этими мерами Евкратид I стремился упрочить политическое единство своей державы.

Рассмотрев монеты индийского чекана, найденные при раскопках Ай Ханум, П. Бернар пришел к выводу, что эти монеты не участвовали в денежном обращении города. Все они были найдены в руинах царской сокровищницы, куда, по мысли автора, поступили в качестве военной добычи или податей, полученных в Индии, и хранились здесь как резерв драгоценного металла.

Третья глава книги носит название «Греческая Арахосия и договор между Селевком I и Чандрагуптой». Этот договор известен по кратким и не совсем ясным сообщениям античных авторов. Исследователей в первую очередь интересовали два его пункта: характер территориальных уступок Селевка I и упоминавшаяся в тексте клаузула об эпигамии. По первому из пунктов уже давно шли довольно оживленные дискуссии. Высказывались две различные точки зрения. Согласно одной, Селевк I уступил Чандрагупте Гандхару, Синд, Паропамисады, Гедрозию, Арахосию (некоторые авторы говорили даже об уступке Ареи до Герата), а согласно второй — только самую восточную часть этого региона — территорию вдоль западного берега реки Инд. Открытие надписей Ашоки в Кандагаре полностью подтвердило справедливость первой точки зрения. После этого стала возможной дискуссия только о том, когда эти области перешли под власть Маурьев: в соответствии с договором 303 г. до н. э. или позднее, в результате индийского вторжения в первой половине II в. до н. э. Однако сравнительно недавно Л. Шобер¹¹ предложил совершенно новое решение. По его мнению, Арахосия никогда не входила в состав державы Маурьев, а находилась в «свободной ассоциации» с Селевкидским царством.

П. Бернар на основе анализа надписей Ашоки из Кандагара, свидетельств Страбона, Полибия и данных нумизматики показал, насколько беспочвенным является

¹⁰ *McDowell D. W., Ibrahim M. Pre-Islamic Coins in Herat Museum. — Afghan Studies, 1979, v. 2, p. 48, № 4, 5.*

¹¹ *Schober L. Untersuchungen zur Geschichte Babylonien und der oberen Satrapien von 323—303 v. Chr. Frankfurt. — Berne, 1981.*

предположение Л. Шобера. Вслед за этим П. Бернар ставит следующий вопрос: когда Арахосия была включена в состав маурийской державы? Здесь, как нам кажется, автор также дает единственно возможный ответ: Арахосия была завоевана индийцами еще до похода Селевка I. П. Бернар также доказывает, что между Чандрагуптой и Селевком I не было военного конфликта. Найдя Арахосию уже захваченной Чандрагуптой, Селевк согласился признать суверенитет Маурьев в этом районе взамен чего получил боевых слонов. По мнению П. Бернара, только подобное развитие событий может объяснить условия договора.

Касаясь проблемы эпигамии, П. Бернар вопреки тому, что обычно утверждается, приходит к выводу, что в договоре речь шла не о возможностях браков между династиями, а о браках между греками и верхушкой местного населения. Пока греки были владыками страны, этот вопрос, естественно, не возникал, однако когда Арахосия вошла в состав державы Маурьев, этот вопрос приобрел значительную актуальность, ибо он в сущности означал — какое место займут греки в варновой системе. Селевк в этом договоре, оговаривая право эпигамии, стремился к тому, чтобы греческое население Арахосии сохранило свое привилегированное положение. Можно думать, что та реконструкция событий, которую предлагает автор монографии, — единственно возможное (на данном уровне изученности) решение этих сложных и запутанных проблем.

Четвертая глава книги носит название «Конец Евкратиды I. Его эра». П. Бернар в этой главе исходит из двух твердо установленных фактов: 1) город прекратил существование при Евкратиде I, что подтверждается монетами (при раскопках не было найдено ни одной монеты, принадлежавшей чекану какого-либо из последующих греко-бактрийских царей); 2) при раскопках сокровищницы были найдены остраконы с надписями документального характера, в одной из которых стояла дата «24 год». Опираясь на эти факты, автор доказывает, что при Евкратиде I была введена новая эра, «эра Евкратиды», которая начиналась примерно в 170 г. до н. э.¹² (соответственно падение Ай Ханум имело место где-то около 145 г. до н. э.); этот год отмечал начало его восстания против Деметрия I. П. Бернар справедливо указывает, что царствование Евкратиды I было более длительным, чем предполагалось ранее. За время его правления привычка датирования новой эрой укрепилась и данная система летоисчисления продолжала существовать очень значительное время¹³.

П. Бернар в этой главе также касается некоторых вопросов политической истории Греко-Бактрии на позднем этапе. Он, в частности, доказывает, что на рубеже царствований Евкратиды I и Гелиокла (≈ 145 г. до н. э.) греки утрачивают контроль над северным берегом Амударьи и равниной Ай Ханум (возможно, Согдиана была утрачена раньше). К концу царствования Гелиокла (130 г. до н. э. или несколько позднее) начался вторая фаза движения кочевников, в результате чего греки полностью исчезли с политической карты Центральной Азии. П. Бернар также доказывает, что должна быть отброшена как полностью не отвечающая данным источников концепция А. К. Нарайна о существовании в течение длительного времени после падений Греко-Бактрии небольшого греческого «анклава» в Бадахшане (вплоть до ≈ 70 г. до н. э.). П. Бернар указывает, что эта концепция родилась после обнаружения Кундузского клада, в котором имелось некоторое количество монет поздних греческих царей (Антиалкид, Лисий, Теофил, Аминта, Архебий, Филоксен, Гермай), чеканенных в соот-

¹² П. Бернар указывает на наличие нововведений, которые зафиксированы в целом ряде сфер жизни при Евкратиде I (он единственный, кто выпускал золотые монеты в 20 статеров, первым принял титул «великий царь» и «царь царей», первым стал на монетах изображаться в шлеме и кирасе и т. д.), что объяснялось именно тем, что он был узурпатором, восставшим против «законной» династии.

¹³ По мнению П. Бернара, «эра Евкратиды» — это та эра, которую часто исследователи называют «старой сакской эрой» или «эрой Менаандра».

ветствии с греко-бактрийскими принципами (аттическая весовая система и легенды только на греческом языке).

Поскольку считалось твердо установленным, что монеты греко-бактрийского типа чеканились только на монетных дворах, расположенных к северу от Гиндукуша, и предназначались для обращения исключительно на этих территориях, а монеты греко-индийского типа соответственно чеканились на монетных дворах, расположенных к югу от Гиндукуша и предназначались для обращения только в этих областях, то, естественно, это открытие было истолковано в том смысле, что некоторые греческие цари сохраняли под своей властью часть бактрийской территории и после кочевнического завоевания и что таким греческим «анклавом» стал считаться удаленный и труднодоступный Бадахшан. П. Бернар доказывает, что, напротив, Бадахшан был утрачен греками очень рано, в момент оставления ими равнины Ай Ханум, а факт чеканки поздними индо-греческими царями монет греко-бактрийского типа объясняется потребностями экономических связей. Он подчеркивает, что правило чеканки греко-бактрийских типов к северу от Гиндукуша и индо-греческих типов к югу систематически никогда не соблюдалось.

Концепция П. Бернара, бесспорно, гораздо лучше согласуется с фактами, чем ранее предложенные. Однако она, с нашей точки зрения, также не может объяснить все факты. Мы бы хотели обратить внимание на одно обстоятельство. Китайские источники, повествующие о кочевническом завоевании Бактрии, четко говорят о двух этапах этого процесса, что в последнее время особенно настоятельно подчеркивала Е. А. Давидович (третий этап — это уже становление кушанского государства)¹⁴: на первом этапе (информация относится к 130—125 гг. до н. э.) Большие Юечжи завоевали область Дахя (к югу от Амударьи), но сами обосновались к северу от реки и вели там кочевой образ жизни. Е. А. Давидович в связи с этим считает существенным, что при описании границ государства Больших Юечжи южной границей названа Дахя. Следующий этап («Хань шу» завершена около 80 г. н. э., события изложены до 25 г. н. э.) дает иную картину: царь страны Больших Юечжи имеет резиденцию в городе к северу от реки; южная граница уже не Дахя, а область Габинь; имеется пять кочевнических владений (си-хоу), которые подчинены Большим Юечжи.

Следовательно, ситуация на первом этапе очень сильно отличалась от ситуации на втором. Большие Юечжи осуществляли суверенитет над Южной Бактрией, но не непосредственный политический контроль. В связи с этим особое внимание привлекает информация о политической ситуации в Дахя: «У них нет больших царей или правителей, но всюду в своих укрепленных стенами городах и поселениях они возвели маленьких правителей». Кем могут быть эти «маленькие правители»? Судя по контексту сообщения, они не могут быть представителями Больших Юечжи, это, вероятнее всего, — старые местные, т. е. греко-бактрийские, правители. Ситуация, с нашей точки зрения, на первом этапе (до формирования пяти отдельных си-хоу) имеет следующий характер: Северная Бактрия находится под непосредственным контролем кочевников, а в Южной существует несколько владений поздних греко-бактрийских правителей, находящихся в зависимости от кочевников. Думается, что рассмотрение монетного чекана поздних греко-бактрийских царей необходимо вести с учетом этого исторического факта.

В главе V «Распространение монет Евкратиды I за пределами Центральной Азии» П. Бернар указывает на широкое распространение монет Евтидема I и Евкратиды I (вплоть до Италии). П. Бернар считает, что наиболее популярное сейчас в литературе объяснение этого факта — посредством политических связей — неправомерно. Он полагает, что основная причина — широкие торговые связи, которые приводили

¹⁴ Давидович Е. А. Первый клад тетрадрахм кушанца «Герая». — ВДИ, 1976, № 4, с. 56 сл.

к тому, что монеты этих греко-бактрийских царей (особенно Евкратиды I) распространились далеко за пределы Греко-Бактрии.

Думается, что это объяснение односторонне (как, впрочем односторонне и первое). Можно указать на следующий слабый пункт в концепции П. Бернара в отношении, например, проникновения монет Евкратиды I на территорию Кавказской Албании. П. Бернар, следуя своей концепции, считает, что монеты Евкратиды I пришли на территорию Кавказской Албании через Мидию (по известному торговому пути через Экбатаны). Однако имеющийся нумизматический материал заставляет сомневаться в том, что в селевкидское время этот путь функционировал. Если бы он функционировал в это время, неизбежным было бы присутствие на территории Кавказской Албании селевкидских монет, чеканенных на монетном дворе Экбата (очень активном в то время). Но все известные до сего времени селевкидские монеты, найденные на территории Кавказской Албании, были чеканены на западных (сирийских) монетных дворах Селевкидов. Широкое распространение продукции экбатанского монетного двора в Кавказской Албании началось только после того, как этот монетный двор оказался под контролем парфян. Это обстоятельство заставляет думать, что появление монет Евкратиды I в этом регионе связано с иными, нежели чисто экономические, причинами.

Как указывалось выше, в конце книги имеется раздел, в котором автором собраны исследования по отдельным частным вопросам. Из числа этих небольших исследований особое внимание привлекает публикация небольшой коллекции греко-бактрийских монет А. Сотирадидаса, хранящейся в Национальном музее (г. Афины). П. Бернар с полным основанием доказывает, что все эти монеты, приобретенные в начале XX в. в г. Самарканде, происходили из различных мест долины Зарафшана и Амударьи (вероятнее всего — ее северного берега). В связи с рассмотрением этого нумизматического материала П. Бернар касается и вопроса относительно распространения власти греко-бактрийских царей на Согдиану. Он решительно не согласен с мнением Е. В. Зеймалья¹⁵, считающего, что пределы Греко-Бактрии на севере в сущности ограничивались узкой полоской земли по северному берегу Амударьи. П. Бернар приводит убедительные аргументы как археологического, так и нумизматического характера, опровергающие эту точку зрения. Привлекает также внимание и публикация греко-бактрийских монет, хранящихся в Музее истории Грузии (г. Тбилиси), до сего времени не включенных в общий фонд нумизматических источников.

Можно полностью согласиться с теми выводами, к которым приходит автор в очерках «Евтидем I Бактрийский и Магнесия на Меандре» и «Предполагаемое бактрийское происхождение Гиспаосина Харакенского». В первом случае П. Бернар доказывает, что предки Евтидема происходили из Магнесии-на-Меандре, а не из Магнесии-на-Сипиле и что, вероятнее всего, эмигрировал в Бактрию отец Евтидема. Он также в связи с этим указывает, что долина Меандра дала Селевкидам значительные людские контингенты для их колонизации. Во втором случае П. Бернар опровергает предположение Э. Беллинджера о бактрийском происхождении Гиспаосина — основателя государства Харакены и доказывает, что имя Гиспаосин — иранское, но не специфически бактрийское. Общий характер развития политических событий в этот период был таков, что очень трудно допустить появление бактрийца во главе государства, расположенного у устьев Тигра и Евфрата.

Несколько более подробно рассматривает небольшой очерк «Причины восстания наемников верхних сатрапий (323 г. до н. э.)», где П. Бернар выступает против предложенной автором настоящей рецензии интерпретации событий¹⁶ и предлагает видеть причину восстания в более «прозанческих» мотивах, таких, как желание вернуться на родину, и т. д. Позиция П. Бернара не совсем понятна, поскольку

¹⁵ Зеймаль. Ук. соч., с. 47 сл.

¹⁶ Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979.

ку, с другой стороны, сам он приводит аргументы, подтверждающие наш тезис. Кроме того, желание вернуться на родину вполне естественно могло появиться в силу того, что греки не были удовлетворены своим положением в Бактрии (именно это мы и пытались доказать). Нельзя забывать также, что позднее все-таки существовало Греко-Бактрийское царство и, следовательно, греки остались здесь. Невозможно допустить, чтобы это произошло только вследствие насилия центральной власти.

Подводя итоги, мы можем утверждать, что новый значительный нумизматический материал, полученный (что особенно важно) из археологических слоев греческого города, очень резко изменил наши представления о характере монетной чеканки и денежного обращения в этом регионе, дав ту информацию, в которой особенно нуждалась наука. Образцовое издание этого материала позволило использовать его как первоклассный исторический источник, и сам П. Бернар на базе этого нового материала создал серию глубоких и тщательных исследований, которые представляют собой, на наш взгляд, лучшее, что было написано по греко-бактрийской нумизматике за последние 20—25 лет.

Г. А. Кошеленко

НОВЫЕ РАБОТЫ ПО ЭПИГРАФИЧЕСКИМ ПАМЯТНИКАМ И ЯЗЫКАМ ДРЕВНЕЙ АНАТОЛИИ

E. NEU. Althethitische Ritualtexte in Umschrift. Studien zu den Boğazköy-Texten, Heft 25. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1980; XXIII+250 S. +2 Taf.

E. NEU. Glossar zu den althethitischen Ritualtexten. Studien zu den Boğazköy-Texten, Heft 26. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1983, 370 S.

Книга известного хеттолога Э. Ноя «Древнехеттские ритуальные тексты в транскрипции» посвящена древнехеттским ритуалам, воспроизводимым в латинской транслитерации на основании работы автора в 1973—1977 гг. с подлинниками клинописных табличек, большинство которых хранится в музее Анкары и издано в автографик в сборнике КВо XXV и некоторых других публикациях. Э. Ной тщательно исследовал каждый текст с точки зрения того, насколько начертания клинописных знаков, слитные написания (лигатуры), расстояния между знаками и другие особенности письма отвечают критериям «древнехеттского дукта», выявленным на протяжении последних 25 лет в трудах Г. Оттена и его школы. Поскольку одна табличка исторического содержания, составленная древним дуктом, достоверно относится к археологическому слою периода Древнего Царства, вероятно, что и основная масса других текстов древнего дукта могла быть записана в то же время (XVIII—XVII вв. до н.э.), тогда как нахождение их в архивах новохеттского времени объясняется сохранением древних табличек (в частности ритуальных) в более поздних книгохранилищах (с. XV, прим. 8¹). Часть находок табличек древнего дукта стратиграфически связывается с новохеттским периодом, что объясняется постоянной перестройкой хеттской столицы. Проблемы хеттской клинописной палеографии остаются весьма дискуссионными: ряд

¹ В скобках здесь и далее приводятся страницы книги; тексты даются согласно их нумерации у Ноя.

табличек, относимых в книге Ноя к древнему дукту, в предшествующих трудах А. Камменхубер (со свойственной ей полемической остротой отрицающей многие хронологические доводы школы Оттена) признавались «бесспорно новохеттскими»; Э. Ной с основанием указывает на значение не только палеографических, но и языковых критериев при решении вопроса о датировке памятника (с. 23). Вместе с тем очевидно, что древнехеттские языковые черты могли быть сохранены и в позднейших (средне- и новохеттских) копиях (в этой связи выборочно приводимых в книге Ноя), если они были достаточно близки к оригиналу.

Э. Ной включил в книгу в качестве основного ее матерпала только 150 ритуальных текстов, по признаваемым им критериям строго относимых к древнехеттским; в их число входит лишь один текст (№ 120), относящийся к хаттско-хеттским двуязычным воспеваниям богов «на языке богов» и «на языке людей» и представляющий собой такую копию древнего текста, где бесспорно сохранены некоторые весьма архаичные написания (с. XV, 201).

Внутри текстов древнего дукта Ной в развитие некоторых идей Оттена выделяет более древний дукт I, оставляющий впечатление большей монументальности знаков, и дукт II, промежуточный по отношению к дукту I и среднехеттскому (ок. XV в. до н. э.), характеризуемый как «элегантный» (с. XVI). Различие между двумя этими подвидами древнего дукта пояснено фотографиями двух показательных текстов, приложенными на особых таблицах (I, II) в конце книги. В детальном указателе (с. 239—243) для каждого из приведенных в книге текстов отмечен тип дукта. При современном состоянии слабой изученности писцовых школ и вообще истории клинописной традиции в Анатолии пока еще рано признавать, что эти палеографические выводы дают надежные критерии абсолютной датировки, но значение их для относительной хронологии текстов несомненно. Что же касается «начала» традиции, кажется возможным предположение, что в Богазкейском архиве могли сохраниться либо в более поздней копии, либо в оригинале такие ранние хеттские и хаттские тексты, которые первоначально относились к клинописной литературе Несы (Кавиша), исторически предшествующей богазкейской. В качестве гипотезы, в принципе проверяемой археологически, можно высказать допущение, что архив Несы был наиболее древним хеттским (и хаттским) клинописным архивом Малой Азии, отдельные части которого (либо в копиях, либо в перенесенных из него оригиналах) могли дойти до нас в составе позднейшего Богазкейского архива. Поэтому все ссылки на Несу (Кавиш) в древних текстах вызывают особый интерес.

В этом отношении обращает на себя внимание ритуал № 59, представляющий собой описание шестого дня большого праздника с участием царя, где за перечислением ряда воспеваемых богов дважды следует (Vs I 17; II 14) $LU.MES$ Ne-šu-me-ne-eš SIR^{RU} «люди из Несы поют»; учитывая параллельное обозначение nešumnilī «по-несийски» = «по-хеттски», эту ремарку следует отнести к певцу по-хеттски, а не по-хаттски (hattili), хотя хаттские певцы часто встречаются в тех же текстах. Несомненно, что в том же значении в фрагменте праздника *килам* (№ 12, Vs II 22'), изученном Сингером в одном из следующих (Heft 27—28) выпусков серии StBoT, используется аккадограмма KA-N[I—I]S SIR^{RU} «(люди) Кавиша поют». Обозначение людей «несийских» (из Несы) как Ne-šu-me-ne-eš в цитированном ритуале морфологически аналогично обозначению (хаттских) «волчьих людей» (LU^{MES} UR.BAR.RA) «из Салапы» (URU Sa-lam-pu-u-me-ne-eš, навание, возможно, содержит основу šala- [хет. šal(l)-i- «большой» → «царский», ср. šala- в составе хеттских и лувийских топонимов: хет. Sala-ḫašuca- «Велико-царский», лув. Sala-tiwaga- «Великий (город) бога Солнца»; к хет. am-ra- ср. -ba- в других топонимах), «из Кадабы» (URU Ka-da-bu-ḫu-u-me-ne-eš с неясным -ḫ-: хурритский суффикс?) в ритуале праздника *килам*, текст № 13, Vs I 6'—8', 15'—17', текст № 14, Vs IIx+1—3', 6'; ср. в 8', 9', 11' — обозначения с помощью названий тех же городов без суффикса -um(e)n-: URU Sa-lam-pa, URU Ka-a-da-ba, URU Kar-da-ba.

Подавляющее большинство ритуальных текстов, транслитерированных Ноем, содержит в основном хаттские имена богов (или их хеттские эквиваленты, хаттский оригинал которых известен из билингв, как в случае хет. ^Dḫalki- «бог Зерна», хат. Kait- и т.п.) и названия культовых центров, а также отдельные хаттские ритуальные призывы типа aḫa и т.д. Поэтому, хотя число собственно билингв, отмеченных Ноем, невелико, для основной массы текстов кажется почти несомненным, что в части, содержащей обращения к богам, молитвы и т. п. (а не ремарки, описывающие ритуал, которые изначально могли писаться по-хеттски), наличие хеттского исходного текста более чем вероятно. Поэтому теперь, когда, благодаря работе Ноя, очерчен круг наиболее архаичных древнехеттских ритуалов, стала значительно яснее высокая степень зависимости древнехеттской ритуальной традиции от хаттской.

Из числа вопросов, встающих при сравнении древнехеттских ритуалов с хаттско-хеттскими билингвами и представляющих интерес для истории не только духовной, но и материальной культуры древней Малой Азии и сопредельных стран, можно отметить появление в ритуальном тексте № 19, 45 имени хаттского бога-кузнеца ḫa-ša-am-mi-l[i-, после чего (47) говорится, что «приходят кузнецы по золоту» — LU^{MES}GUSKIN.DIM.DIM u-en-z[i] и «кузнецы по золоту поют» — LU^{MES}GUSKIN.DIM.DIM SIR^{RU}, а далее (50—51) кузнецы по железу и серебру приносят дары соответственно из железа и серебра, затем (52) несут дары кузнецы по меди, после чего (54) поют (в честь) того же хаттского бога-кузнеца². Последовательность *золото-железо-серебро-медь* соответствует ценностной иерархии металлов в хаттской и хеттской традициях. Символическое использование металлов в этом и других подобных текстах представляет интерес и для выяснения восточных корней древнегреческой символики металлов, в частности у Гесиода.

При бесспорном перевесе хаттских элементов в мифологических именах, упоминаемых во всех ритуалах, тем больший интерес представляет и вкрапление индоевропейских (хеттских), например, ^DSi-i-na-at-ta-aš «бога Дня» (из и.-е. *d(e)içot, др.-инд. dyút) на втором месте после хаттского божества подземного мира Лельвани в перечне девяти богов в тексте № 27 Vs 9'—17' (с богом-кузнецом на предпоследнем месте). Время начала хаттско-хеттского религиозного и языкового взаимодействия в свете датировки подобных текстов отодвигается к III тыс. до н. э. В пользу этого говорят и такие названия культовых центров, как URUḫa-an-ḫa-na (тексты № 68, Rs 4 — с. 144, прим. 480; № 71, Rs III 11 — С. 148, прим. 500), тождественное редуцированному имени женского божества ḫannaḫanna, упоминаемого в хеттском тексте хаттского мифа о Телепину (интенсивное удвоение от хет. ḫanna- «бабка», родственно др. армян. han «idem» < и.-е. *han-). Появление таких архаичных топонимов, основанных на хеттских именах родства, предполагает длительный процесс установления эквивалентов между исконными хаттскими и переводившими их хеттскими терминами родства, а позднее и географическими наименованиями.

В свете работ последнего времени, выявляющих вероятное происхождение греч. βύρα «шкура», «руно» из хет. kurša- «руно» (и в целом образа золотого руна в связи с хеттскими представлениями о священном руно) значительный интерес представляют многочисленные упоминания ^(D)Kur-ša-aš E «дом (= храм) (бога) Руна»³ в древнехеттских ритуалах (№ 49 Rs 5', № 142 Vs³ 6', с. 229, прим. 773 с указанием текстов, где детерминатив отсутствует). Ценным представляется поддержанное и другими хеттологами наблюдение о чтении la-aḫ-ta-aš (а не la-aḫ-ra-aš «словоная кость») в тексте № 43, Rs IV 6'.

² Ср. к интерпретации этого места и других, с ним связанных (без учета первого упоминания бога): Siegelová J. Gewinnung und Verarbeitung von Eisen im Hethitischen Reich im 2. Jrt. v. u. Z. — In: Annals of the Napstese Museum. Praha, 1984, S. 155, Anm. 6; ср. также Арджунба В. Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982. с. 120.

³ Ср. Popko M. Kultobjekte in der hethitischen Religion (nach keilschriftlichen Quellen). Warszawa, 1978, S. 108—115.

Поскольку ремарки, описывающие ритуальные действия, в большинстве случаев не переведены с хаттского, а представляют собственно хеттские тексты, они особенно показательны для изучения истории слов. В частности, в таких текстах, как № 86 Vs 10', уже в конце древнехеттского периода (или в начале среднехеттского) засвидетельствовано употребление *pankuš* в значении «все участвующие в обряде»⁴.

Лексические и семантические данные собраны Ноем в Словаре к этим текстам, составляющем особый (26-й) том той же серии. Основная часть словаря — это список древнехеттских слов. Поскольку хеттская историческая лексикология разработана в очень малой степени⁵, даже простой перечень слов, употребляемых в древнехеттских ритуалах, имеет большую ценность. При каждом слове дается его перевод (достаточно краткий, но полезный для первоначальной ориентации; по мере издания комментариев к текстам семантика слов будет уточняться) и детальное указание всех мест ритуалов, где появляется данное слово. В многочисленных сносках разбираются и отдельные контексты. При значительной ценности подобного словаря для самостоятельной работы с текстами (здесь могут оказать большую помощь приводимые Э. Ноем грамматические конструкции типа сочетания превербов с глаголами или цепочек местоименных энклитик), словарь все же не является самостоятельным законченным исследованием, а скорее сводом материалов, образующим единое целое с самими текстами и предполагающим постоянное обращение к ним.

В качестве отдельного возможного уточнения отмечу, что хет. *NINDA ammijanteššar* 'вид хлеба' (с. 14), судя по этимологической связи с хет. *ammijant*- 'маленький' (в хеттско-хаттской билингве соответствует хат. *zip-*), означает, вероятно, 'маленькие хлебцы', ср. хат. *zippulašne* < *zi(p)-* 'маленький' + *pulašne* 'хлеб'. Хеттский суффикс *-eššar* в *ammijanteššar*, как и в некоторых других случаях, эквивалентно передает собирательное значение хаттской именной формы с префиксом множественного числа.

Вяч. Вс. Иванов

⁴ К этому значению ср. теперь: *Beckman J. The Hittite Assembly.* — *JASO*, 1982, v. 102, № 3, p. 435 ff.; *Mora C. Il ruolo politico-sociale di pankuš e tulijaš; revisione di un problema.* — In: *Studi orientalistici in ricordo di F. Pintore (Studia Mediterranea)*. Pavia, 1983, p. 172—174; *Weitenberg J. J. S. Die hethitischen U-Stämme.* Amsterdam, 1984, S. 126, § 280; *Айзенвальд А. Ю., Баян Л. С., Иванов Вяч. Вс.* Материалы к реконструкции культурно-исторического процесса в Древней Малой Азии. — В кн.: *Эпиграфические памятники Древней Малой Азии и античного Причерноморья как исторический и лингвистический источник.* М., 1985; с. 14 слл.

⁵ В недавно вышедшем словаре хеттского языка И. Пухвела, построенном по историко-этимологическому принципу, приводимые контексты не упорядочены строго хронологически.

Investigationes philologicae et comparativae. Gedenkschrift für Heinz Kronasser. Herausgegeben von E. Neu. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1982, XIX+272 p.

Сборник «Филологические и сравнительно-исторические исследования» посвящен памяти видного хеттолога Гейнца Кронассера, профессора Венского, а затем Вюрцбургского университета, трагически погибшего в автомобильной катастрофе в 1968 г. Сборник приурочен к 25-летию и 15-летию годовщинам выхода в свет двух основных трудов Г. Кронассера — «Сравнительная фонетика и морфология хеттского языка»¹ и «Этимология хеттского языка»², последний из которых, несмотря на огромный прог-

¹ *Vergleichende Laut- und Formenlehre des Hethitischen.* Heidelberg, 1956.

² *Etymologie der hethitischen Sprache.* Wiesbaden, 1966.

ресс в области изучения анатолийских языков, до настоящего времени не утратил своего значения.

Темы статей сборника, авторами которых являются крупные ученые Италии, ФРГ, США, определены тем кругом проблем, которые составляли предмет научных интересов Г. Кронассера; это прежде всего исследование словарного фонда, морфологии, фонетики хетто-лувийских языков, их связей с другими индоевропейскими языками, теоретические вопросы реконструкции праязыковых состояний.

Сборник открывается статьей О. Каррубы «Падеж на -ša в лувийском языке» (с. 1—15), посвященной одному из загадочных явлений лувийской морфологии. Суть его заключается в том, что у имен среднего рода с исходом на -г, -l или с суффиксом абстрактных имен -ḫi- в определенных контекстах появляется показатель именительного-винительного падежа -ša (-за после -l-), неизвестный другим индоевропейским языкам³. По мнению О. Каррубы, формант -ša имеет «эмоциональную» окраску, переводя неодушевленные имена в разряд «одушевленных имен среднего рода», и мог бы восходить к и.-е. активизирующему элементу *-so (хотя эта гипотеза и сопровождается оговорками), а скорее — к тому же активному показателю *-s, что и в именительном падеже. Объяснение Каррубы, однако, не описывает все случаи появления -ša, различие его функций в клинописном и иероглифическом лувийском и отсутствие его в остальных и.-е. языках (включая и другие анатолийские). Представляется целесообразным остановиться на этом подробнее, учитывая связанные с этим языковые и этнокультурные импликация.

Формант -ša появляется у лувийских клинописных имен на сонант, как это видно из немногочисленных, но весьма показательных примеров, в контекстах с определенной семантической окраской. Из сопоставления двух фрагментов лувийских ритуальных текстов: (1) adduwalza-pa-tar utarša ḫališša parattanza appa zati parni zila niš awiti (KUB XXXV 54 III 23 ff.) «злое же дело, чистота, нечистота вновь в этот дом отныне да не войдет!»⁴; (2)... DUMU-ni adduwal anniti (KUB XXXV, 88 II 11) «...сыну зло причинит» — видно, что в первом контексте у субъекта действия (adduwalza utarša «злое дело») подчеркивается активное начало. Лувийские имена с исходом на сонант и показателем -ša становятся функционально изоморфными хет.-лув. производным на -ant-, которые, будучи образованы от имен среднего рода, могут обозначать, по выражению Э. Бенвениста, «des puissances maléfiqes et redoutables» («злые силы, внушающие страх») ⁵. Что же касается лувийских имен с суффиксом -ḫi-, которые выражают такие отвлеченные понятия, как «сила», «жизнь», «зрелость» и т.п., то формант -ša конкретизирует их значение, ср., например, KUB XXXV 108: URUTakušna^D Pirwaš(a) ḫantawadaḫiša ...maršatta «в городе Такусна бога Пирвы постановление (от ḫantawadaḫi- «правление») ... нарушил».

Отсутствие параллелей форманту -ša в хет.-лув. и других и.-е. языках, своеобразие его употребления в качестве семантического модификатора имен среднего рода в роли субъекта непереходного глагола и объекта переходного глагола⁶, а также соображения исторического характера позволяют предположить, что элемент -ša мог

³ О лув. формах на -ša см., в частности, *Laroche E. Dictionnaire de la langue louvite*. P., 1959, p. 182 et passim; *Arbeitman V. Cuneiform and Hieroglyphic Luwian -za-*. — KZ, 1976, B. 90 Hft. 1/2 (точка зрения Арбайтмана отчасти совпадает с идеями Каррубы, см. ниже)

⁴ Здесь, как и в ряде других случаев, пары типа «чистота-нечистота», являясь стандартными формулами ритуального текста, не несут в себе оценочных характеристик. Вероятно, лувийскому ḫališša parattanza соответствует палайское ḫalais-ta-ni purtaḫiis-ta-ni «чистота у тебя (да) не (будет), нечистота у тебя (да) не (будет)» в гимне божеству (tiunaš).

⁵ *Benveniste E. Les substantifs en -ant du hittite*. — BSL, 1962, t. 57, p. 48 suiv.

⁶ См. подробно: *Баюл Л. С.* Об одном случае морфологической интерференции (лувийский падеж на -ša). — В кн.: Исследования по фонологии и грамматике восточных языков. М., 1978, с. 208 слд.

проникнуть в лувийский вследствие широких контактов лувийцев с неиндоевропейским хурритским населением⁷, язык которого — типичный представитель языков с эргативным строем. Хуррит. -š(a) (урарт. -šə) был показателем падежа субъекта переходного глагола, т. е. активного падежа — эргатива⁸. В лувийском -ša воспринимался первоначально, видимо, не как словоизменительный, но как деривационный элемент, обладающий способностью активизировать и конкретизировать инактивные имена и отвлеченные понятия, что привело к закреплению элемента -ša за именительным-винительным падежом среднего рода (т. е. там, где лишь дополнительными средствами удавалось показать, что имя среднего рода активно). По-видимому, в лувийских текстах неритуального характера потребность персонифицировать инактивные имена была значительно меньшей; так или иначе, в более поздний период, засвидетельствованный иероглифическими текстами преимущественно нарративного жанра, дарственными, вотивными и т.п. надписями, представлена единая форма именительного-винительного падежа среднего рода единственного числа с флексией -za/-ša⁹, противопоставленная субъективно-объективному падежу среднего рода множественного числа с нулевым показателем. Именно поэтому, учитывая ареально-хронологическую и жанровую ограниченность рассмотренного явления, все попытки обнаружить сходный с лувийским падеж на -ša в палайском и других анатолийских языках (за пределами лувийского, ср. с. 14 сл. рец. статьи) не приносит положительных результатов, а предлагаемые совпадения оказываются мнимыми.

Статья Г. Ноймана «Konstruktion s Adiectiva genitiva in luvийских языках» (с. 149—161) посвящена отыменным образованиям с суффиксом принадлежности, которые выступают в качестве именных определителей вместо парадигматического генитива. Преимущественно на ликийском материале автор дает классификацию адъективных образований и устанавливает закономерность расположения элементов в синтаксической последовательности 'определение + определяемое': при наличии у имени двух или более определений ближайший к имени адъектив (A₁) непосредственно определяет это имя; более отдаленные адъективы являются определением не к имени, но к A₁, ср. лик. bni qlahi ebijehi p̄tr̄ḡb̄nehī «мать (богиня) этого святилища Пандарова». Очевидно, что данное правило может быть использовано при интерпретации ликийских текстов, хотя оно, как представляется, не действует на материале миллийского (ликийского В) диалекта. Правило Ноймана не описывает также и лувийские последовательности типа tatarijamanaššin ħirutaššin EN-an «господина проклятия, клятвы», так как здесь налицо типичное для лувийского бессоюзное соединение одnorodных определений¹⁰.

Предлагаемая Нойманом интерпретация некоторых ликийских форм может быть уточнена. Лик. k̄iṣmē вслед за Э. Ларошэ¹¹ автор понимает как «все (что)», но до-

⁷ В результате этих контактов, особенно интенсивных во II тыс. до н. э., но, вероятно, начавшихся еще раньше, в лувийский и хеттский проникают значительное число слов и отдельные грамматические элементы хурритского языка.

⁸ Возможно, как это впервые предположил Х. Педерсен (Linguistic Science in the Nineteenth Century. Bloumington, 1962), хуррит. эргатив на -š(a) сопоставим на более глубоком хронологическом (ностратическом) уровне с и.-е. «активным» падежом на *-s, в таком случае между и.-е. *-s (< * so по Шухардту и его последователям) и лув. -ša может быть установлена отдаленная генетическая (или ареальная?) связь.

⁹ О возможных объяснениях см. также Иванов Вяч. Вс. Прус. emnes, emmens 'имя': иерогл. лув. atimaza: хет. laman. — В кн.: Балто-славянские исследования. 1982. М., 1983, с. 104—108.

¹⁰ Впрочем, нет полной уверенности, что это правило распространяется на все цепочки данного типа даже в ликийском А. Так, для лик. hrixttbili mahānahi uwehi Нойман предлагает перевод «Gottesmann der Kinder» (не согласуется с правилом) и как альтернативный (и на его взгляд, более вероятный) — «der (Diener) des Kinder-Cottes». Первый вариант перевода интересен в том плане, что позволяет сопоставить этот ликийский образ с данными о жреце-пастухе, известными из других традиций.

¹¹ Laroche E. Stèle trilingue récemment découverte an Léthoon de Xanthos. Texte lycien. — CRAI, 1973.

пускаемая Ларошем связь *kīnšē* с хет. *ḫumant-* «весь» не действительна по фонетическим соображениям — лик. *kīnšē* восходит к форме с начальным веларным смычным, а не с ларингалом. Лик. основа *kīnš-* входит в ряд производных, для которых комбинаторно устанавливается значение «культовый объект или сооружение».

В одном из фрагментов, которые отнесены к «неясным случаям» — *se ladas eb[ttel]hi ti[be] laʒʒi ebttehi sesedēḫnewe* (TL 83, 8 ff.), — граница между словами проведена не на своем месте, из-за чего возникает непонятно с чем согласуемая форма **ebttehis*. На самом деле *s(e)sesedēḫnewe* содержит начальный союз *s(e)* «и», и весь фрагмент переводится как «...и их жен, или их жениных (родителей?)¹² и родственников». Из того же раздела «Неясные случаи» надо исключить *tuminehi kerʒʒi*, так как *tuminehi* — не адъектив, а топоним *Τυμνεσσός* (= мил. *tuminesi*)¹³.

Представляют интерес наблюдения автора над историей конструкций данного типа, параллели которым есть в других индоевропейских языках. По-видимому, правильно утверждение о значительной древности данного явления (Нойман отмечает, что доказать гипотезу Лароша о его происхождении из генитива нельзя; возможны и другие объяснения в свете тохарских и других индоевропейских, в том числе славянских, параллелей). Вместе с тем следует учитывать и ареальные параллели (в частности хурритские). Указанные Нойманом хеттские конструкции (с. 152, прим. 6) могут в части случаев объясняться лувийским влиянием. Возможно, что, хотя конструкции данного типа имеют более архаичное индоевропейское происхождение, но в лувийской группе (где они всего полнее представлены в наиболее древних — клинописных лувийских текстах) они распространяются прежде всего под влиянием хурритского.

Именной морфологии хеттского языка посвящены статьи Н. Эттингера «Реликты огласовки -е- в формантах хеттских *p*-основ, включая основы с суффиксом *-umpa*» (с. 162—177) и К. Уоткинса «Заметки о формах множественного числа хеттских имен среднего рода» (с. 250—262). В первой статье автор на большом фактическом материале показывает, что в прахеттском существовало три варианта огласовки основообразующего элемента *p*-основ: *-ēn-s* в номинативе единственного числа, *-en-* в других сильных падежах, *-n-* в слабых падежах. Все три варианта — с долгой, краткой и нулевой ступенью — представлены в суффиксе хеттских этниконов *-umpa*, что свидетельствует о древности последнего.

К. Уоткинс рассмотрел хеттский именительный-винительный падеж мн. числа на *-ī, -ū*, который он возводит к формам с конечным ларингалом¹⁴, объясняя его утрату в хеттском позицией в исходе слова. Однако тот факт, что хеттский ларингал мог в *ауслауте* сохраняться (хотя в этом случае он обычно входил в состав основы или суффикса, а не флексии; ср. хет. *ṣa-al-aḫ* = *ṣalḫ* «бей», «ударь», *ša-a-aḫ* = *šanḫ* «ищи», «проси»¹⁵), а также некоторые факты хеттской именной парадигматики позволяют предложить иное объяснение формам на *-ī, -ū*. В этом языке известен особый тип

¹² Лик. *laʒʒi* букв. означает «принадлежащий (относящийся к) жене/женам» (< **lada-hi*). Так как в ликийском (и других хетто-лувийских языках) система древних терминов родства отличается своеобразием, и, в частности, нигде не засвидетельствована основа и.-е. **swēkigo-* «отец мужа/жены», в порядке гипотезы можно предположить, что лик. *laʒʒi* является обозначением родителей жены. Комбинаторно такое толкование наиболее приемлемо.

¹³ Ср. мил. TL 44 с 54—55: *xāzbi tuminesi hñtawā kridesi sebedi qirzē ziwi* «Кандиба, Тимнес личную (?) от города (?) долю направляют божеству» и лик. A TL 44b 49—50: *aḫpa tuminehi kerʒʒi ḫakbi epide* «Ксанф, Тимнес, Кандиба городское (?) (пожертвование) в благодарность отдают» (лик. *epide* — к хет. *appa ija-* «возмещать», «благодарить» и т. п.). То, что эти фрагменты на двух разных ликийских диалектах записаны на одном памятнике (Ксанфской стеле), говорит о их содержательной близости.

¹⁴ Сходной точки зрения на хеттские *u*-основы придерживаются и другие исследователи, принимающие ларингальную теорию; ср. *Weitenberg J. J. S. Die hethitischen U-Stämme. Amsterdam, 1984.*

¹⁵ *Kronasser. Etymologie...*, S. 423 f.

образования падежных форм, состоящий в растяжении конечного гласного основы, ср. дательного-местного падеж ед. числа *ud-pi-e*, *ud-ne-i* (= *udnē*) «(в) стране», именительный-винительный падеж множ. числа среднего рода на *-o (из парадигмы тематических основ). В. П. Мажюлис установил, что растяжение тематического гласного обнаруживается в балтийской, славянской, германской именных парадигмах в формах дательного падежа¹⁶. Хеттский материал, возможно, свидетельствует о том, что данное явление не было ограничено одной диалектной областью — германо-балто-славянской и имело более широкое внутрипарадигматическое распространение.

Новь обсуждаемый в статье Уоткинса вопрос о соотношении *scriptio plena* и просодических явлений в настоящее время ставится в более широком аспекте. Написание с двойной *scriptio plena*, ср. *a-aš-šu-u* «имущество, добро» (мн. ч.), могут интерпретироваться и как передача тоновых соотношений особого типа¹⁷. В этой связи существенно акцентологическое отличие др. инд. *vāsu*, сопоставляемого Уоткинсом с приведенной хеттской формой, от других прилагательных на -u, обычно имеющих конечное ударение.

В статье Э. Ноя «Исследование генитива на -uaš хеттских отглагольных имен с исходом -uag» (с. 116—148) собран языковой материал, охватывающий все возможные случаи употребления этой своеобразной глагольно-именной формы. Рассматривая хеттский генитив с показателем -uaš, который по происхождению является отглагольной формой, но употребляется в качестве именной, сохранения при этом глагольного управления, автор прослеживает, как в истории языка происходит «отрыв» имени от глагола: исходным пунктом в данном случае было появление инфинитива на -uaš с притяжательным местоимением. Э. Ной дает сводку типов синтаксических конструкций, в которые входит хеттский генитив на -uaš, и описывает его функции. Собранный автором материал может служить основой для дальнейших исследований данного архаического типа форм, имеющих соответствия в тохарском и некоторых других индоевропейских языках (индоиранских, балтийских), однако в ряде случаев, где генитив на -uaš не является определением к имени, требуется более расширенный контекст, иначе теряется смысл таких примеров, ср. в синтагме: II MUSEN re-ta-an ag-ḥa ḥa-ag-nu-ma-aš «двух птиц (для?) сжигания», где не ясно, чем управляется re-ta-an — генитивом или каким-то глаголом, который остался за пределами контекста.

В статье Й. Тишлера «О происхождении хеттского спряжения на -ḥi» (с. 235—249) кратко излагается история изучения этого типа глагольных форм от самых первых теорий, связывающих его с тематическим презенсом (Б. Грозный), до исследований недавнего времени, показавших связь этой серии форм с и.-е. перфектом и средним залогом (Й. Ясановф). Й. Тишлер рассматривает хеттские глаголы, которые могли образовывать формы по двум сериям — на -mi и -ḥi, и их отношение к залогом и категории переходности в свете идеи об и.-е. «медии-перфекте». К сожалению, автору осталась неизвестной литература на русском языке, где эта тема разрабатывается последние два десятилетия¹⁸; в ней, как и в статье Тишлера, предлагалась реконструкция исходных индоевропейских форм, отличных от постулировавшихся в традиционной индоевропеистике. В настоящее время эту точку зрения можно подтвердить и данными языков лувийской группы¹⁹.

¹⁶ *Mažiulis V. P. Baltų iŝ kitų indoeuropiejių kalbų santykiai*. Vilnius, 1970; см. также *Мажюлис В. П.* К балто-славянской форме датива множественного и двойственного числа. — В кн.: *Baltistica II*, 1966; *III*, 1967.

¹⁷ См. *Иванов Вяч. Вс.* Новый источник для установления индоевропейских акцентуационных парадигм (клинописные написания с гласными). — В кн.: *Балто-славянские исследования*. 1981. М., 1982, с. 192 слл.

¹⁸ *Иванов Вяч. Вс.* Общинеоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965; *он же.* Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки. М., 1981; см. также многочисленные статьи (библиография в последней книге).

¹⁹ См. обзорную статью: *Иванов Вяч. Вс.* Хетто-лувийские (анатолийские) языки. — В кн.: *Сравнительно-историческое изучение языков различных семей. Задачи и перспективы*. М., 1982.

В статье Г. Хоффнера «Хет. *mān* и *nuwan*» (с. 38—45) прослежено использование этих синтаксических элементов, первый из которых традиционно считался «Partikel des Irrealis und Potentialis» (Й. Фридрих), с ирреальными наклонениями. Автор приводит доказательства того, что в хеттском было два оптатива — «субъектный» (первые вводимый в хеттскую грамматику), выражающий отношение субъекта к действию, которое он собирается выполнить, и «оптатив говорящего», показывающий отношение последнего к действию, выполняемому другим лицом. В подтверждение своей идеи автор приводит конструкции с отрицанием, где, судя по всему, наблюдается следующее распределение: (а) *nuwan/nuwan* с модально-отрицательным (а не временным) значением + субъектный оптатив, (б) запретительные *lē + mān* + «оптатив говорящего». Касаясь вопроса об этимологии хет. *mān*, автор считает ее проблематичной. Однако отчетливая модальная семантика хет. (-) *mān* позволяет связать его с и.-е. **men-* «думать», «вспоминать», «желать» (ср. особенно греч. *μεῖνονα* «думаю», «желаю», «намереваюсь», тохар. В *manu* «желание»: Рок., S. 726 ff.). В таком случае расхождение между хет. *mān* и глаголами, обычно возводимыми к и.-е. **men-* (хет. *mešija-* «говорить», лув. (*šam*)*šapa-*), должно восходить к прахеттскому или даже более раннему периоду, так как уже в древнехеттском широко представлена частица *mān* с модальным значением.

Статья П. Мериджи и М. Поэтто «Заметки о свинцовых пластинах из Кулулу» (с. 97—116) содержит транслитерацию серии лувийских неоглифических надписей (с некоторыми исправлениями по сравнению с предыдущими публикациями), анализ их структуры и частичную интерпретацию. В содержательном отношении это хозяйственные надписи, включающие имена собственные (имя владельца, имя адресата), топонимы, обозначение объекта передачи или другого действия (например *NAW* «овца»).

К комментариям Мериджи-Поэтто можно сделать отдельные дополнения. Идеограмма, передаваемая знаком, 260, (фонетическое чтение и значение которой неизвестны), стоит вместе с предшествующим числительным в начале всех 65 строк 1-й пластины и служит обозначением объекта действия (передачи?), ср. ниже о глаголе *watar(i)*. Эта идеограмма примерно в половине случаев имеет фонетический комплекс — *za(-a)*, для которого авторы предлагают два возможных объяснения: нерегулярный показатель винительного падежа множественного числа (вместо обычного *-zi*, ср. аналогичные случаи в лувийском клинописном), либо именительного-винительного падежа среднего рода единственного числа. Вторая точка зрения, видимо, более правильна, так как в хетто-лувийских языках числительное сочетается с именем в единственном числе; ср. 2-ю пластину, где на месте, 260, стоит идеограмма *NAW*, также после числительного и с показателем номинатива или аккузатива общего рода единственного числа (*-s₂* или *-n*).

Еще одно уточнение касается формы *wa-tar* (1-я пласт., 9.1, 5-я колонка); по мнению авторов, это дательный падеж, согласованный с личным именем ¹*Ta-ja* в 3-й колонке. Видимо, адресатом в этой строке действительно является *Taja*, а *watar(i)*-глагол (медиопассив на *-ari* в значении «приведено?»). Этому не противоречит и понимание пер. *wa-tar* в стк. 3.1 пласт. 2: *XX NAW-s₂ ¹Nu-nu-j[a]^{ku}wa-tar* «20 овец (человеку по имени) Нуну приведено».

Содержанию хеттского термина *Lūḫipparaš* посвящена статья Р. Хаазе «Хет. *Lūḫipparaš* — *homme d'affaires?*» (с. 29—37). Автор отмечает сходство между *Lūḫipparaš* и людьми *NAM.RA* (традиционно — «депортированные») ²⁰. Как считает Хаазе, хотя проблема сходства между *ḫipparaš* и *NAM.RA* требует обстоятельного исследования, уже сейчас очевидно, что *ḫipparaš* сближается лишь с определенной частью людей

²⁰ Идея о том, что *Lūḫipparaš* — особая категория людей, выделенных из числа депортированных, высказана в явной форме уже Г. Г. Гюргадзе (Очерки по социально-экономической истории Хеттского государства. Тбилиси, 1973, с. 286).

NAM.RA — с теми, которые сидели на государственной земле, имели «дома» (т. е. недвижимость) и некоторые средства производства. Употребление *ḫirraḡaš* вместе с *ḫar-raḡ* «торгозья» в древнем тексте законов (§ XL) говорит в пользу давно высказывавшейся (и обсуждаемой в статье) гипотезы об этимологической связи, некогда существовавшей между этими словами.

Собственно этимологические исследования представлены в сборнике четырьмя статьями. О. Семереньи в вводной части к статье «Anatolica II. 8—10» (с. 215—235), описывая ситуацию, сложившуюся в хеттологии, отмечает, что хеттолог, работающий со словарем, имеет дело со значениями-фантомами, и только обращение к тексту способно выявить правомерность или фиктивность того или иного перевода слова. В качестве иллюстрации автор рассматривает хет. *ḫanti*, *ḫanza* и *ḫantezzi*, традиционно переводимые соответственно как «перед», «лоб, перед» и «передний» и которые уже более полувека (с того времени, как Курилович впервые соотнес хет. си.-е. ларингалами) связываются с греч. *ἄντι*, лат. *ante* и т. п. В статье Семереньи предлагаются отчасти новые сопоставления для этих слов. Хет. *ḫanti*, как кажется автору, контексты позволяют интерпретировать как «в другом месте», «отдельно» (к и.-е. **an-jo* «другой»; др.инд. *anua-* и т. п.). Еще менее вероятной выглядит толкование Семереньи выражения *ḫanti tiḫa* «предстать перед судом», где *ḫanti*, как он полагает, — синкопированная форма от абстрактного имени **hanati* < *ḫanna-* «суд». Но в хеттском суффикс абстрактных имен имел вид *-att(-)*, где *-a-* не редуцировалось. Удивительно выделение автором в прилагательном *ḫantezzi* (< **ḫant- et-* по Семереньи) глагольного корня **et-* со значением «идти», из-за чего эту форму пришлось бы исключить из распространенной в хеттском и некоторых других анатолийских языках словообразовательной модели прилагательных на *-(z)zi* (< **-ti-*) типа хет. *šarazzi* «верхний», *arpezzi* «задний»²¹, лик. *rgīpezi* «домочадец» и т. п. В целом идея Семереньи о различном происхождении хет. *ḫanti* и *ḫantezzi* выглядит не очень убедительно. Что касается его гипотезы о связи хет. *ḫant-* «перёд» с и.-е. **han-* «дышать», в соответствии с чем *ḫant-* понимается как «дышащий» → «нос», то, независимо от конкретной этимологической соотнесенности, представляется несомненным, что хет. *ḫant-* относится к тому же ряду пространственных обозначений с исходом на дентал, образованных от названий частей тела (и имеющих славянские параллели), что и хет. *karat-* «сердцевина», «внутренности»²².

Несколько новых хеттских этимологий предлагается в статье Г. Эйхнера (с. 16—28). В вете идеи Кронассера о «расширителях» хеттских глагольных основ автор рассматривает хет. *istark-* «болеть» и *ištarni(n)k-* «делать больным»²³, *ark-* «отделять, отрезать», *šešd-* «увеличиваться, нарастать» как основы, содержащие веларные и дентальные «расширения», и связывает их соответственно с вед. *tr̥ṣha-* «разбивать, раздавливать», лат. *ergiscere* «делить (наследство)», др.инд. *sāza* «хлеб, зерно» (при хет. *šeša-* «фрукт»).

В небольшой заметке В. Пизани (с. 173) хет. *ḫak-* (исходное значение реконструируется автором как «быть пустым»), образующее производные со значением «не хватать», «недоставать», «пропускать» и т. п., связывается с лат. *vacare*, *vacuus*.

²¹ *Kronasser. Etymologie...*, S. 97.

²² См. о них *Иванов Вяч. Вс.* Типология развития славянских и индоевропейских предлогов и послелогов. — В кн.: Структурнотипологические исследования в области грамматики славянских языков. М., 1973, с. 51 слл. Остатки соответствующего корневого имени можно было бы видеть в хет. *maḫḫan* «когда, как, как только» < *m n* (др. хет.: «когда») + *ḫan*.

²³ Более вероятной представляется этимология, высказанная и обоснованная (с учетом некоторых публикаций на эту тему в отечественной литературе) в новом словаре: *Puhvel J.* Hittite Etymological Dictionary. V. 2. Words Beginning with *E* and *I*. (Trends in Linguistics. Documentation 1). Berlin — New York — Amsterdam, 1984, p. 477.

Статья В. Мейда «*See* и *Meer*» (с. 91—96) посвящена двум и.-е. названиям «моря»: *See*, представленному в германском ареале, и *Meer*, имеющему более широкое распространение. Ранее считалось, что форма **mo/er-i-* ограничена западными и.-е. языками, но хеттский, осетинский и армянский материал, по мнению автора, говорит о ее общеиндоевропейском характере²⁴. Мейд справедливо замечает, что отнесение и.-е. **moḡi-* к **meḡ-* «мерцать» (В. Шульце) малоубедительно; против этого свидетельствуют и данные внешнего сравнения: и.-е. **meḡ-/moḡ-* «водоем, болото» выводится из ностратического *māḡ'a* «влага, влажный» при афраз. **mḡ* «влага, дождь, водоем», картв. **maḡ-(ei)* «озеро; влажная почва; облако», алт. *mōḡa-/mūRā-* «море, река; вода»²⁵.

В статье Я. Пухвела «Балто-анатолийские лексические изоглоссы» (с. 179—185) вновь поднимается вопрос об общих архаизмах, сохранных этими двумя группами и.-е. языков. Отмечается продуктивность в хеттском и литовском модели отглагольных и-основ (хотя для ряда хеттских прилагательных на -и их отглагольное происхождение весьма сомнительно²⁶). Ряд литовско-хеттских лексических параллелей автора, приведенных в статье, не принимается исследователями (например, хет. *kutruca-* «свидетель» — лит. *gudrūs* «умный, мудрый»²⁷). Список балто-анатолийских изоглосс, очевидно, можно расширить, включив в него такие новые сопоставления, как лит. *ḡūti* «гадать, колдовать», прусск. **ḡurt-* «гадание, знак» (и.-е. **bhe/or-* «резать; наносить (магические) знаки»: (лув.-)лик. *ru-bḡa-* «совершать магические действия (жертвоприношение?)», помен *auctoris ruḡḡa-*. Специального объяснения требуют и некоторые другие возможные изоглоссы, объединяющие балтийские с позднеанатолийскими языками типа лид. *seḡ-ḡa-* «небесный?» (где *s* — дентал): прусск. *daḡus* «небо»²⁸, которым предполагается посвятить отдельную работу.

Статья М. Майхофера «Некоторые материалы по индо-арийскому компоненту в Митанни...» (с. 72—90) — это работа обзорного плана, где излагается в основном старый материал, призванный доказать присутствие индо-арийцев в Передней Азии, в частности в Митанни, в первой половине II тыс. до н.э. В свое время эти идеи автора вызвали полемику, в которой высказывалась крайняя точка зрения, отрицавшая какую бы то ни было роль индо-арийцев в районе к западу от Ирана (А. Камменхубер, И. М. Дьяконов). В настоящее время признается бесспорным наличие индо-арийского компонента в переднеазиатской ономастике, в павтене Юго-Восточной Анатолии, в специальной лексике, связанной с коневодством. При объективном подходе к проблеме индо-арийский характер ряда языковых единиц действительно не вызывает сомнений, ср. имя божества (демона) *Akhi-*, восходящее к и.-е. названию «огня», о котором в текстах говорится, что он может «пожирать людей»²⁹.

В приложении к статье автор дает сводку работ, так или иначе затрагивающих данную проблему: около 15 в дополнение к библиографии за 1926—1973 гг., опубли-

²⁴ Эта идея уже высказывалась одним из авторов настоящей рецензии (Иванов Вяч. Вс. Разыскания в области анатолийского языкознания. Этимология 1976. М., 1978, с. 162; ср. также Poetto M. Due note lessicale etee. — Paideia, 1973, 28, p. 178 sg.).

²⁵ Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. II. М., 1976, с. 60.

²⁶ Например, хет. *alpu-* автор считает производным от несохранившегося глагола, параллельного лит. *aḡpti*, ссылаясь на наличие в хеттском «причастной» формы *alpaḡt-*. Но в хеттском суффикс *-ant-* мог формировать и отыменные производные; см. *Kronasser. Etymologie...*, S. 202 ff.

²⁷ Более вероятно возведение к названию «4» в общеиндоевропейском, принятое и Эттингером в настоящем сборнике (с. 174, прим. 46), как и рядом других авторов; см. Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Древнеславянское право. — В кн.: Формирование раннеславянских народностей. М., 1981 (там же литература вопроса).

²⁸ Прусские формы приводятся по словарю: Топоров В. Н. Прусский язык. Словарь. А — Д. М., 1975.

²⁹ Это сопоставление отвергается (без аргументации) И. М. Дьяконовым (Арийцы на Ближнем Востоке: конец мифа. — ВДИ, 1970, № 4, с. 53, особенно прим. 74).

кованной Майрхофером раньше, а также более 80 работ, появившихся после 1973 г. Список неполон из-за больших лакун в литературе на русском языке.

Тематика ряда исследований сборника выходит за пределы тех статей, которые выше были прорецензированы более подробно. Можно отметить два подхода к остро дискуссионной проблеме индоевропейского консонантизма. С одной стороны, в связи с критикой идей Йосефсона (с. 210—212) предлагаются доказательства отражения индоевропейского противопоставления *Tenuis : Mediae* в хетто-лувийском (с. 212—214); с другой стороны, при оценке новой гипотезы Гамкрелидзе — Иванова³⁰ Т. М. Иоб предлагает ввести теоретические критерии проверки реконструкций в свете современной логики науки (с. 46—74). И. Шиндлер детально анализирует форму именительного падежа единственного числа причастий на *-nt-* в языке «Младшей Авесты» (с. 186—209).¹

При разнообразии подходов сборник отражает значительные успехи современной хеттологии и индоевропеистики, в частности в исследовании лувийской группы языков в ее отличии от хеттского и палайского.

Л. С. Баюн, Вяч. Вс. Иванов

³⁰ См. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси, 1984, т. I, с. 5—80; т. II, с. 959—963, 1317—1322 (там же новейшая литература вопроса).

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, «ПРОБЛЕМЫ АНТИЧНОГО ПОЛИСА — VI»

С 22 по 24 октября 1985 г. на историческом факультете Ленинградского государственного университета проходила конференция «Проблемы античного полиса — VI», организатором которой была кафедра истории древней Греции и Рима ЛГУ.

Проведение с 1974 г. научных конференций по актуальным проблемам античного полиса стало уже традиционной формой работы кафедры. Цель этих конференций — координация усилий исследователей в области древней истории, обмен научными достижениями и информацией о планируемых исследованиях. В конференции приняли участие преподаватели вузов, научные сотрудники институтов АН СССР и аспиранты из многих городов нашей страны.

В вступительном слове заведующий кафедрой истории древней Греции и Рима Э. Д. Фролов подчеркнул важность целенаправленных усилий по разработке проблемы античного города-государства, полиса. Он выразил уверенность, что конференция даст новый импульс к изучению общих и локальных проблем античной истории, культуры и экономики, подчиненных центральной теме, — теме античной гражданской общины.

На пяти пленарных заседаниях конференции было заслушано 29 докладов, которые тематически распадаются на несколько групп. Так, на первом заседании были заслушаны доклады, посвященные структуре и историческим судьбам классического греческого полиса. С докладом, посвященным социальному статусу особой категории афинского населения, так называемым *нотам*, выступила Л. М. Глушкина (Ленинград). Она подчеркнула, что при неразработанности гражданского права механизм кооптирования в число граждан «нотов», этой умаленной в своих правах части гражданского коллектива, носил по сути дела уже внеполисный характер. Реальная жизненная практика не укладывалась в полисные устои. Семья и фратрия в ряде случаев эти проблемы решали независимо, а иногда и вопреки существующим законам.

Проблемам социально-политических противоречий в архаической Ионии был посвящен доклад М. Ю. Лантевой (Ленинград). Она приходит к выводу, что противоречия между демосом и аристократией особенно осложнились в результате вступления в борьбу зависимого земледельческого населения на землях Милета — гергитов. Очевидно, социально-политическая смута в Милете в начале VI в. до н. э. не могла быть преодолена уже собственными усилиями. Потребовалось вмешательство паросцев, выступивших посредниками в борьбе, которая, как и в Аттике накануне реформ Солона, грозила гибелью милетской гражданской общины.

Проблемам социально-политической истории классического греческого полиса были посвящены доклады В. А. Коршункова, В. М. Строгоцкого, А. И. Юделевича и И. Р. Блохиной.

В докладе В. А. Коршункова (Киров) «Фемистокл и Ареопаг» предметом рассмотрения стал содержащийся в «Афинской политике» рассказ Аристотеля об участии Фемистокла в проведенной Эфιάльтом в 462 г. до н. э. реформе Ареопага. В самом анекдоте, при всей его абсурдности, содержится ряд вполне достоверных черт. Характерно что здесь Фемистокл по сути дела действует как доверенное лицо ареопагитов. По мне-

нию докладчика, анализ разбираемого источника не позволяет считать взаимоотношения Фемистокла и Ареопага однозначно враждебными. Этот вывод заставляет более внимательно отнестись к положению консервативного Ареопага в демократических Афинах.

В докладе *В. М. Строгоцкого* (Горький) была предпринята попытка реконструировать судебный процесс над Фемистоклом, приведший к его изгнанию. По мнению докладчика, ostracism Фемистокла был вызван прежде всего ростом противоречий между гражданским коллективом и его лидером, что выразилось, в частности, в несоответствии панэллинской внешней политики Фемистокла интересам афинского гражданства. В докладе *А. И. Юделевича* (Калининград) было показано, как последовательно подготавливался олигархами в Афинах в конце Пелопоннесской войны новый олигархический переворот. По мнению автора, важным звеном в этой подготовке был ряд судебных процессов, инспирированных вождями олигархов. Эти судебные расправы, сначала над стратегами-победителями при Эгоспотамах, а затем над лидером демократов Клеофонтом, послужили генеральной репетицией олигархического «путча» 404 г. до н. э.

На втором заседании были заслушаны доклады, посвященные проблемам истории и источниковедения эллинизма. С докладом, посвященным проблемам типологии полиса на эллинистическом Переднем Востоке, выступил *И. Ш. Шифман* (Ленинград). По его мнению, полисная организация эллинистической Передней Азии сложилась в результате искусственного преобразования доэллинистических городских общин по модели классического греческого полиса. Греко-македонское проникновение привело к глубоким изменениям всех социально-политических структур передневосточных общин: города приняли грецизированный облик, в них сложилась единообразная система управления по греческому образцу, произошла эллинизация языка, принадлежность к гражданскому коллективу стала важнейшей социальной характеристикой городского населения эллинистического Переднего Востока. Конкретно-историческим сюжетам эпохи эллинизма были посвящены доклады *Е. А. Круглова* (Уфа) «Общескарыйский койнон (некоторые аспекты происхождения)», *А. И. Попова* (Тобольск) «Власть Пирра в Сицилии» и *О. Ю. Климова* (Мурманск) «Власть первых Атталидов».

На третьем заседании рассматривался круг проблем, связанных с историей древнего Рима. В докладе *Е. В. Мавлеева* (Ленинград) была сделана попытка наметить основные элементы сходства и различия в развитии раннего Рима и Этрурии. Автор считает, что по крайней мере до конца VI в. до н. э. можно говорить о близости материальных культур, а следовательно и путей развития, Этрурии и Лациума. Расхождения намечаются позже и связаны с процессами, которые требуют специального изучения.

Исследованию перемен в политическом строе Римской империи при Флавиях был посвящен доклад *А. Б. Егорова* (Ленинград). Докладчик показал, что трансформация империи при Флавиях была органичным продолжением и развитием тенденций предшествующего периода. Вместе с тем в конце I в. н. э. процесс развития приобретает качественно иной характер и становится переходом к новой стадии, когда полисно-республиканский элемент в империи оказывается под контролем императорской власти.

Категории престижности в общественной жизни Рима конца республики и Ранней империи был посвящен доклад *Г. С. Кнабе* (Москва). По словам докладчика, в Риме этого периода существовало два типа поведения, которые пользовались общественным престижем. Первый состоял в следовании старинным заповедям традиционной римской морали, а второй — в демонстрации ловкости, способности к успеху и приобретению благодаря им богатства и могущества. Выступая против мнения о наличии одной шкалы престижности, комплекса республиканских добродетелей Г. С. Кнабе считает, что в эпоху Ранней империи вырабатывается и вторая шкала престижности, включающая такие черты, как *cultus, elegantia, coria*, и определяющая развитие культуры. Вытеснение убеждений стилизацией, а ценностных форм поведения престижными — существенная черта общественной жизни Рима в эту эпоху. По мнению автора, обе

описанные шкалы престижности существовали одна на фоне другой и были неразрывно связаны между собой.

Ряд докладов был посвящен провинциальной политике Римского государства и судьбам племен и народов, вошедших в систему Римской империи. В докладе *Ю. Б. Циркина* (Новгород) рассматривались вопросы романизации Испании и роли в этом процессе римских ветеранов. По мнению докладчика, ветераны в период Ранней империи поселялись, как правило, в глубоко романизированной зоне, преимущественно в Тарраконе, и уже в силу этого не могли быть основными носителями романизации. Материалы надписей свидетельствуют также о том, что в эпоху империи ветераны обычно не играли никакой роли в городском самоуправлении. Все это заставляет по-новому взглянуть на роль ветеранов в романизации Пиренейского полуострова. Политическому устройству галльских племен времени Цезаря был посвящен доклад *Н. С. Широковой* (Ленинград). В докладе подробно рассматривались отношения между царской властью и знатью в галльском обществе. В докладе *И. С. Свенцицкой* (Москва) на основании статистического исследования некрополей в ряде греческих полисов Малой Азии II—III вв. н. э. была выявлена система родственных связей и убедительно доказано, что для этого периода характерен был распад семейных отношений и превалирование дружеских связей над родственными.

Вопросам раннего законодательства и колонизации как варианта территориальной экспансии были посвящены доклады *А. И. Шишовой*, *Л. А. Пальцевой*, *А. Н. Щеглова*. *И. А. Шишова* (Ленинград) в докладе «Аристотель о раннем полисе», polemизируя со сторонниками гиперкритического направления в науке, показала, что традиции о древних законодателях в целом достоверны. *Л. А. Пальцева* (Ленинград) в докладе, посвященном основанию Астака, обосновала традиционную датировку возникновения этой самой ранней колонии Мегар в Пропонтиде. Основание Астака в конце VIII в. до н. э., по мнению докладчика, стало началом нового этапа мегарской колонизации. Остро дискуссионной теме — процессу и характеру территориальной экспансии Херсонеса Таврического в IV в. до н. э. — был посвящен доклад *А. Н. Щеглова* (Ленинград). По мнению автора, анализ археологических комплексов позволяет предполагать преимущественно военный характер территориальной экспансии Херсонеса. Захват и освоение обширной сельскохозяйственной хоры сопровождались формированием определенных категорий зависимого или полузависимого населения. Этот вариант территориальной экспансии, который предполагал образование особой категории рабов по типу спартанских илотов или гераклейских мариандинов, как полагает докладчик, был характерен именно для дорийских полисов. Обобщая имеющиеся данные по колонизационным потокам греков, *А. Н. Щеглов* считает, что модель дорийской колонизации, которая протекала в иных исторических условиях, чем ионийско-милетская, во многом отличалась от последней.

На заключительном заседании был заслушан ряд докладов, посвященных отдельным аспектам античной культуры и идеологии. Доклад *В. А. Гуторова* (Ленинград) «Полис и монархия в социальной утопии Евгемера» был посвящен анализу сохранившегося у Диодора отрывка из «Священной записи» Евгемера. По мнению докладчика, анализ утопии Евгемера отражает ряд исторических особенностей, характерных для греческих полисов начала III в. до н. э., прежде всего процесс утраты полисами политической независимости, часто скрытый за различными юридическими фикциями. Вместе с тем выявляется и преобладание в евгемеровском проекте утопических, своеобразно окрашенных черт, что не позволяет рассматривать его как промежуточное звено в развитии политической теории между Аристотелем и Полибием. В докладе *М. М. Шахнович* (Ленинград) «К вопросу о секуляризации религии полиса у Эпикура» отмечалось, что секуляризируя образы богов, Эпикур по-своему решал проблему соотношения религии и искусства. Считая традиционные представления о богах ложными, он тем не менее не мог отказаться от образов богов вообще. По мнению автора, важными представляются выступления Эпикура против культа обо-

жествленной личности и противопоставление этому культу почитания мудрецов. Касаясь секуляризации морали у Эпикура, докладчик подчеркнул, что Эпикур видел источник нравственности в свободном волеизъявлении человеческой личности.

В докладе «Троя и Илион» *А. И. Зайцев* (Ленинград) попытался доказать, что некоторые детали, сближающие Новый Илион с Троей, не случайны и объясняются тем, что греческие колонисты, основавшие город, ориентировались во многом на уже ставший популярным текст «Илиады». В частности, они сделали храм Афины своим главным святилищем, на что в определенной степени, по мнению докладчика, повлиял эпизод пятой песни «Илиады», рассказывающий о процессии троянских женщин в храм Афины. *А. К. Гаврилов* (Ленинград) в докладе «Аристофан и Эгина» дал оригинальное толкование тем строкам в «Ахарнянах», где говорится о связи поэта с Эгиной. *А. К. Гаврилов* считает, что нет никаких оснований предполагать, что у Аристофана не было никаких собственных интересов на Эгине, зато ярче вырисовывается роль этого острова в споре между Афинами и Спартой. В докладе *Л. В. Павленко* (Симферополь) «Рассказ Платона об Атлантиде» предание об Атлантиде трактуется как художественный миф, а сам Платон — как мастер художественной прозы. Изучение этого мифа важно и само по себе, и для лучшего понимания того, как шло развитие и оформление более общей политической идеи. Доклад *Г. С. Самохиной* (Петрозаводск) был посвящен определению жанра всеобщей истории у Полибия. В определении критериев жанра всеобщей истории докладчик видит ключ к решению многих спорных проблем творческого наследия Полибия.

В заключительном слове *И. С. Свенцицкая* отметила, что отрядным фактом является постоянное расширение научной аудитории. Она выразила благодарность кафедре истории древней Греции и Рима ЛГУ за организацию этой, шестой по счету конференции. *И. С. Свенцицкая* подчеркнула, что обсуждение докладов и личные контакты историков-антиковедов, работающих в разных городах нашей [страны], способствовали успешной работе. Плодотворность такой формы работы бесспорна, конференция дала новый импульс исследованиям по античной истории в нашей стране.

Л. Г. Печатнова

IX МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОЛЛОКВИУМ ПО АНТИЧНЫМ БРОНЗАМ

Среди международных конференций, посвященных изучению различных категорий античных памятников, в последние десятилетия все большее значение приобретают коллоквиумы по античным бронзам, которые проводятся регулярно раз в два года с 1970 г. Организация коллоквиумов явилась результатом активизации деятельности по изучению и каталогизации музейных коллекций греческих и римских бронз в ряде стран Западной Европы и США. Инициатива созыва этих совещаний принадлежала голландской исследовательнице М. ден Бостерд, которая в ноябре 1967 г. провела в Неймегене (Нидерланды) двухдневное заседание по обсуждению проблемы изучения римских бронз, на котором было принято решение об организации коллоквиумов. Деятельное участие в их организации принимали и принимают известные специалисты в области исследования античных бронз Х. Менцель и Х.-У. Нубер (ФРГ), С. Буше, К. Ролле, С. Тассинари (Франция), Й. Задокс (Нидерланды), Д. Кент Хилл, Д. Г. Миттен (США), Т. Томашевич-Бук (Швейцария), Э. Томас (ВНР). Первый международный коллоквиум по античным бронзам состоялся в 1970 г. в

Неймегене, второй — в Майнце¹, третий — в Брюсселе², четвертый — в Лионе³, пятый — в Лозанне⁴, шестой — в Западном Берлине⁵, седьмой — в Секешфехерваре (ВНР)⁶, восьмой — в 1984 г. в Стара Загора (НРБ)⁷.

Важное значение коллоквиумов заключается в том, что к их участию привлекается все более широкий круг антиковедов, а выставки античных бронз из местных музеев, приуроченные к каждому совещанию, способствуют, с одной стороны, более углубленному изучению памятников, а также популяризации произведений античного художественного ремесла. С повышением роли новейших естественнонаучных методов в изучении древних бронз связано участие в симпозиумах не только археологов и историков искусства, но и специалистов в области технических методов исследования древнего металла. Конференции привлекают внимание частных коллекционеров, стремящихся научно обработать свои коллекции, скульпторов.

IX Международный коллоквиум по античным бронзам был организован Античным собранием Венского художественно-исторического музея с 21 по 25 апреля 1986 г. В его работе приняли участие около 200 ученых из 19 стран: Австрии, Великобритании, ВНР, ГДР, Греции, Дании, Италии, НРБ, Нидерландов, Норвегии, ПНР, СРР, СССР, СФРЮ, США, ФРГ, Франции, ЧССР, Швейцарии. Было заслушано около 90 докладов и сообщений⁸. Коллоквиум сопровождался выставкой «Литье и форма (бронзы из Античного собрания Художественно-исторического музея)», на которой было представлено 316 экспонатов⁹.

Центральное место в экспозиции заняла известная монументальная статуя юноши из Магдаленберга (Австрия), до недавнего времени считавшаяся одним из лучших памятников античного бронзового литья. Однако некоторые ее особенности уже в XIX в. возбудили у ученых сомнения в ее подлинности, и с 1983 г. специалисты античного собрания Венского музея в сотрудничестве с рядом австрийских и зарубежных научных институтов начали осуществление комплексной программы изучения статуи. Хотя намеченная программа еще не доведена до конца, уже сейчас ясно, что статуя из Магдаленберга, с очень толстыми стенками (около 4,5 мм; римские бронзы обычно имеют стенки толщиной 2—3 мм), с целиком отлитыми кистями рук и ступнями ног, со своеобразными горизонтальными кольцами каркаса внутри, отлитая не частями, а целиком и к тому же не имеющая естественной патины, является ренессансной отливкой с римского оригинала, созданного в духе греческой «идеальной пластики». Этот памятник, несмотря на его неантичное происхождение, продемонстрировал одновременно высокий уровень современных научных методов исследования бронз.

Результаты исследования статуи юноши из Магдаленберга были доложены на коллоквиуме в серию выступлений, составивших специальный раздел. Программный

¹ *Menzel H.* Bericht über die Tagung «Römische Toreutik» vom 23. bis 26. Mai 1972 in Mainz.— JRGZM, 1973, Jg. 20.

² Actes des 3e journées internationales consacrées à l'étude des bronzes romains. Bruxelles, Mariemont, 27—29 mai 1974.— Bull. des Musées royaux d'art et d'histoire, 1974, v. 46.

³ Actes du 4e colloque sur les bronzes antiques, 17—21 mai 1976. Annales de l'Université Jean Moulin. Lyon, 1976.

⁴ Bronzes hellénistiques et romains. Tradition et renouveau. Actes du Ve colloque international sur les bronzes antiques, Lausanne, 8—13 mai 1978. Cahiers d'archéologie Romande, N° 17. Lausanne, 1979.

⁵ Toreutik und figürliche Bronzen römischer Zeit. Akten der 6. Tagung über antike Bronzen 13.— 17. Mai 1980 in Berlin. Hrsg. von U. Gehrig. B., 1984.

⁶ Alba Regia. Annales Musei Stephani Regis. Székesfehérvár, 1984, t. XXI.

⁷ Материалы коллоквиума находятся в печати.

⁸ Материалы венского совещания находятся в печати. Опубликованы тезисы докладов: Kunsthistorisches Museum Wien, Antikensammlung. 9 Internationale Tagung über antike Bronzen, Wien, 21.— 25. April 1986. Kurzfassung der Referate.

⁹ Издан каталог выставки: *Gschwantler K.* Sonderausstellung «Guß + Form». Bronzen aus der Antikensammlung. Wien, 1986.

доклад был прочитан инициатором изучения статуи естественнонаучными методами, секретарем Оргкомитета конференции *К. Гшвантлером*.

Работа коллоквиума шла по нескольким основным направлениям, среди которых надо выделить следующие: 1) новые данные по проблеме бронз из Риачи — самых значительных бронзовых памятников, открытых за последние десятилетия; 2) реконструкция технологии античного бронзолитейного дела; 3) естественнонаучные методы изучения античных бронз; 4) новые публикации и атрибуции античных бронз; 5) различные проблемы, связанные с древними бронзами.

О бронзах из Риачи было сообщено следующее. *С. Стукки* (Италия) уделил пристальное внимание атрибутам героев и их первоначальному виду. По мнению докладчика, обе статуи изображали людей, выдающихся своими атлетическими и воинскими заслугами. Была сделана попытка отождествить их с реальными деятелями западно-греческой истории, вошедшими позднее в легенду. В принадлежности бронз к периоду высокой классики автор не сомневается.

Наиболее общепринятая датировка бронз из Риачи серединой V в. до н. э. была подтверждена и в докладе *К. Хаузер* (США). Вопреки мнению некоторых исследователей, считающих, что серебряные зубы использовались для украшения статуй лишь в первые века нашей эры, докладчик показал, что следы серебряных зубов имеются и в греческой классической скульптуре, ярким примером чего является статуя Дельфийского возничего.

Попытка пересмотреть датировку бронз была предпринята в докладе *М. Назеле* (Австрия). Исследовательнице удалось найти очень близкую иконографическую аналогию статуям в двух штукковых рельефах с изображением кулачных бойцов времени Веспасиана, происходящих из Петраро (памятники хранятся в Антиквариуме Каstellамаре г. Стабий). Это натолкнуло ее на мысль, что бронзы были сделаны в Южной Италии и, вопреки распространенному предположению, не обязательно должны были входить в многофигурную группу. Стилистическое изучение памятников, не имеющих достаточно убедительных аналогий в греческой классике, заставило ее предположить, что статуи являются произведениями римской эклектики, вероятно времени Адриана (ближайшие аналогии — «греческие копии» на вилле Адриана в Тиволи).

Важное место на конференции было уделено докладам, посвященным реконструкции технологии изготовления греческих и римских бронз, а также применению естественнонаучных методов в изучении бронзовых изделий.

К. Маттуш (США) выступила с докладом «Древнейшие греческие бронзовые статуи и техника „утраченного воска“», показав, что техника полого литья методом «утраченного воска» не была нововведением VI в. до н. э., а заслуга Река и Феодора, вероятно, заключалась в разработке метода отливки статуй по частям. Было подчеркнуто, что греческие бронзолитейщики в VI в. до н. э. следовали традициям мастеров каменной скульптуры. Анализу литья по частям было посвящено также сообщение *В. П. Василева* (НРБ). Привлекло внимание выступление скульптора *К. ван ден Берга* (Нидерланды), озаглавленное «Бронзолитейщик еще способен оказать помощь археологу». Непосредственно сталкиваясь с проблемами бронзового литья, работая в своей мастерской, докладчик обратил внимание на, казалось бы, малозаметные детали, позволяющие по древним отливкам реконструировать форму и процесс литья. Сообщение было иллюстрировано реконструкциями формы, сделанными на основе изучения бронзового бюста Траяна из музея Неймегена. Доклад *К. Родена* (ФРГ) был посвящен описанию процесса дутья в древнегреческом бронзолитейном ремесле архаической эпохи. В культурно-историческом аспекте были проанализированы находки глиняных сопел из Олимпии. *Э. Худечек* (Австрия) сообщил о раскопанной в римском городе Флавия Сольва бронзолитейной печи, о находках глиняных форм для изготовления фибул, их полуфабрикатов. С докладом о полихромии древних бронз выступил *Х. Борн* (Западный Берлин), развивающий теорию о том, что еще

с эпохи бронзы изделия из медных сплавов украшались не только вставками из других металлов, но и инкрустацией, патиной и даже расписывались. Автор иллюстрировал сообщение примерами бронз античного времени, сохранивших следы раскраски, из Античного собрания музеев Западного Берлина¹⁰.

В ряде докладов было продемонстрировано комплексное изучение отдельных произведений бронзовой скульптуры с применением рентгенографии, спектроскопии, анализов металла. Так, *В.-Д. Хайльмайер* (Западный Берлин) рассказал о новых исследованиях бронзовой головы из Киферы, хранящейся в Музее Западного Берлина¹¹, а его коллега Г. Циммер выступил с сообщением об изучении фрагмента статуи Коры начала III в. до н. э., найденного в Кизике, из того же собрания. Комплексному обследованию бронзовых статуй из Римского национального музея были посвящены доклады *Э. Формильи* и *Р. М. Джино Санци* (Италия).

Некоторые докладчики оперировали результатами анализов состава металла древних бронз. Специально на этих проблемах остановились *Й. Ридерер* (Западный Берлин) и *А. Диумлиа-Мер* (Австрия). Й. Ридерер, применивший в комплексе термолюминесцентный и минералогический анализы остатков глиняного ядра, сохранившегося в бронзовой руке статуи римского времени, анализ бронзы на изотопы свинца и другие естественнонаучные методы, сконцентрировал свое внимание на результатах исследования состава металла. По его наблюдению, в римских бронзах в отличие от ренессансных концентрации никеля обычно не превышают 0,1% и, наоборот, в античном металле, как правило, содержатся более высокие примеси железа. Сообщение А. Диумлиа-Мер было посвящено изучению состава металла 102 бронзовых изделий из финикийского поселения в Моро де Мецавитилья (Испания) в сравнении с одновременными материалами по нимрудским, греческим и иберийским бронзам. По ее предположению проанализированные бронзы были изготовлены из местной руды.

Прикладное использование результатов анализов состава металла было продемонстрировано в докладах *Й. Вьеловойского* (ПНР), *С. Симиона* (СРР), *А. Дж. Дрэгга* (Великобритания). Польский исследователь применил спектральный анализ при выяснении подлинности статуэтки из Краковского музея и пришел к выводу, что статуэтка является современной работой, повторяющей античный оригинал. А. Дж. Дрэгг, обративший внимание на чрезвычайное сходство двух бронзовых статуэток Афины Парфенос из Британского музея и из музея Ливерпуля, на основании анализов металла и продуктов коррозии пришел к заключению, что статуэтка из Лондона — августовского времени, тогда как аналогичная ей из Ливерпуля — копия XIX в., отлитая в форме, снятой со статуэтки из Британского музея. Результаты спектрального анализа металла статуэток римского времени из Нижнего Подунавья дополняли стилистический анализ, проведенный румынским ученым¹².

Отдельным проблемам иконографии, стиля, реконструкции античных бронз была посвящена целая серия докладов.

В докладе *Ф. Фельтена* (Австрия) был поставлен вопрос о существовании самостоятельного аркадского стиля в греческой скульптуре. Дело в том, что в Аркадии

¹⁰ См. также: *Born H. Polychromie auf prähistorischen und antiken Kleinbronzen.* — In: *Archäologische Bronzen, antike Kunst, moderne Technik.* Hrsg. von H. Born. В., 1985, S. 71—84.

¹¹ Эти результаты уже частично опубликованы. См. *Heilmeyer W.-D. Neue Untersuchungen am Jüngling von Salamis im Antikenmuseum.* Berlin. — In: *Archäologische Bronzen...*, S. 137—138.

¹² Участники коллоквиума обратили внимание на чрезвычайно высокие концентрации цинка (около 30% и более) в металле статуэток греко-римского и римского стилей, что, по мнению многих, ставит под сомнение либо подлинность статуэток, либо качество анализов. Как правило, концентрации цинка в античных бронзах не превышают 28% — предела, которого можно достичь при получении латуни методом цементации, т. е. добавляя в сплав не металлический цинк, а цинкосодержащую руду. Об использовании металлического цинка в древности см., например, *Трейстер М. Ю.* Комментарий к письму X.74 Плиния Младшего. — ВДИ, 1987, № 1.

начиная с геометрической эпохи существовала непрерывная традиция создания художественных бронз, но стиль их, по мнению ряда ученых, беспомощный и грубый, не может претендовать на название стиля. Докладчик выдвинул гипотезу, что это все же стиль, но весьма специфический, обусловленный затяжным процессом переживания геометрики в позднейших эпохах аркадской скульптуры.

Проблема интерпретации греческих и южноиталийских подставок зеркал была поднята в докладе *Х. С. Робертс* (Дания). Материалом для анализа послужили многочисленные миниатюрные статуэтки, в большинстве случаев изображающие женщин, и высокого качества исполнения (середина VI — середина V в. до н. э.). Были рассмотрены различные аспекты: смысл посвячительных надписей, место находки, связи с аналогичными изображениями в других видах искусства, специфика жестов и поз и т. д. В результате докладчик пришел в выводу, что статуэтки под зеркалами изображают различных богинь — Кору-Персефону, Деметру, Афродиту, Артемиду Владычицу животных — и имеют культовое значение. Чаще всего они символизируют плодородие. Любопытно, что если в каком-то регионе в качестве божества плодородия почитался мужской персонаж, то и в качестве подставок зеркал здесь фигурируют мужские статуэтки.

В ряде докладов затрагивалась проблематика бронзовых статуй Лисиппа и в целом позднеклассических бронз. *П. Морено* (Италия) еще раз обратился к вопросу о комплексном исследовании всех документальных и художественных источников, связанных с творчеством Лисиппа: литературных свидетельств, эллинистических и римских копий, реплик и подражаний. *Дж. Калькани* (Италия) в докладе «Бронзовые конные статуэтки Лисиппа» обратила внимание на несколько статуэток IV в. до н. э. из музеев Ватикана, музея Виллы Джулия и из Неаполитанского музея, в которых, по ее мнению, присутствуют следы лисипповских композиции и стиля. Возможно, эти мелкие бронзы отражают заказанный Лисиппу памятник Александра Македонского, сделанный после битвы при Гранике (334 г. до н. э.).

В докладе *К. Ролле* (Франция) «Статуи и статуэтки эллинистических правителей: от Александра с копьем до эфеба из Агды» было уделено внимание одной иконографической особенности статуэтки из Лувра — возможной копии лисипповской статуи Александра с копьем. Это головной убор в виде диадемы со жгутом на жесткой основе. Статуя эфеба из Агды, возможно также представляющая Александра, имеет аналогичный головной убор. Докладчик обратил внимание на диадему из гробницы Филиппа II в Вергине, которая, по всей вероятности, являлась знаком царского достоинства македонских правителей.

Проблема портретности в статуе юноши из Агды, времени ее создания и отношения к Александру была рассмотрена и в докладе *В. Вольмайра* (Австрия).

Редкая статуэтка хромого Филоктета из Кельна стала предметом анализа *Р. Томас* (ФРГ). На основании аналогии с другой статуэткой из музея Чивико в Каталании и на основе стилистической близости обеих фигур принятая ранее датировка статуэтки Филоктета временем эллинизма была пересмотрена; фигура датирована периодом поздней классики.

Что касается римских бронз, они также вызвали большой интерес участников коллоквиума. *Т. Лоренц* (Австрия) была выдвинута гипотеза, что известная конная статуя Марка Аврелия не была создана единовременно: конь под всадником был изготовлен раньше статуи императора и в этой группе применен вторично. Но датировка бронзового коня пока не уточнена из-за отсутствия сравнительного материала.

В докладе *Л. Плешничар-Гец* (СФРЮ) о большой бронзовой статуе из Эмоны IV в. н. э. было обращено внимание на тот факт, что монументальные бронзы служили надгробными статуями, причем позолота не обязательно могла относиться только к императорским статуям. Памятник из Эмоны — фигура тогатуса идеального типа, в которую была вставлена отдельно изготовленная бронзовая голова с реалистическими портретными чертами.

Р. Штихель (ФРГ) посвятил свое выступление реконструкции общего вида колоссальной бронзовой статуи Юстиниана в Константинополе. В три раза превышавшая натуральную величину, эта статуя стояла на обложенной бронзой колонне рядом со св. Софией (546 г.). Средневековые материалы, уделявшие статуе значительное внимание, позволяют уточнить иконографию и смысл памятника. Жест протянутой вперед руки императора считался символом магической защиты горожан.

В докладе *Э. Томаса* (ФРГ) «Деметриос или Темейтос — позднеэллинистический или нероновский бронзолитейщик?» исходным пунктом анализа явилась фессалийская монета с изображением сидящего Аполлона Дельфиния и надписью (на другой стороне — голова Нерона). По источникам известен посвяtitель статуи Аполлона в милетский Дельфинион — Деметриос, сын Главка. Но этот же Деметриос назван и скульптором, работавшим на рубеже II—I вв. до н. э. Надпись на монете или искаженно передает имя этого мастера (Темейтос), или была заменена по каким-то соображениям.

Несколько выступлений было посвящено изучению отдельных категорий бронзовых изделий. *А. Зееберг* (Норвегия) классифицировал различные бронзы (статуэтки, маски, детали мебели), имеющие отношение к «новой комедии». *Б. Барр-Шаррар* (США) сосредоточила свое внимание на рассмотрении бронзовых аппликаций эллинистических лож в связи с эволюцией их, уделив значительное внимание бронзовой накладке ложа из Артюховского кургана, относимой исследовательницей ко второй половине III в. до н. э. *К. Браун* (Италия) обобщила материалы о бронзовых балзамариях I—III вв. н. э., украшенных рельефными сценами.

Сообщения специалистов из Болгарии (*А. Димитровой-Милчевой, Х. Буюклиева, К. Калчева* и др.), Венгрии (*Э. Томас, К. Ширмай, К. Шабо, М. Шабо*), Румынии (*А. Маринеску, К. Балюта, А. Поп*) познакомили участников коллоквиума с новыми материалами, главным образом по мелкой бронзовой пластике первых веков нашей эры, из Фракии, Нижнего Подунавья, Паннонии.

Доклады, посвященные общим проблемам античной бронзовой скульптуры не были многочисленны. Стоит выделить выступление *И. Манфрини* (Швейцария), посвященное решению вопроса, отражал ли репертуар изделий бронзолитейщиков спрос покупателей или предложение мастеров. В основе выступления лежали статистически обработанные данные по распределению некоторых типов статуэток римского времени, выделенных в капитальной работе *С. Буше*¹³, по различным музеям и коллекциям¹⁴.

Два доклада были посвящены двум различным аспектам изучения античных бронз, которым пока не уделялось внимания. В докладе *М. Ю. Трейстера* (СССР) «О бронзовой скульптуре античных городов Северного Причерноморья» предлагалась методика изучения бронзовой скульптуры для тех регионов античного мира, где она практически не сохранилась, — по небольшим фрагментам статуй, включая находки вставных глаз, следам производства скульптуры, в последнее время открытым в Пантикапее и Фанагории, а также постаментам статуй с надписями, имеющим на верхней плоскости следы крепления бронзовой скульптуры. Была выдвинута гипотеза о работе в Северном Причерноморье в IV в. до н. э. аттических бронзолитейщиков.

В докладе *Л. И. Акимовой* (СССР) «Бронзолитейное дело в контексте античного мировосприятия» была поднята проблема мифологического смысла древнейшей бронзолитейной техники — техники «утраченного воска». По ее мнению, полые бронзовые статуи, изготовление которых возникает параллельно с зарождением египетского обряда мумификации и преследует ту же цель — увековечение человека, не могут считаться «пустыми» внутри. Эта «пустота» являлась главным содержанием статуи —

¹³ *Boucher S. Recherches sur les bronzes figurés de Gaule Pre-Romaine et Romaine. Paris—Roma, 1976. (BEFAR, fasc. 228).*

¹⁴ Представляется методически неверным использование такой системы, так как, вероятно, докладчику следовало бы исходить из места находки, а не современного хранения анализируемых памятников.

вместилищем ее жизненной силы. В связи с этим был рассмотрен мифологический смысл воска, пчелы, бронзолитейного процесса и его изображений в античном искусстве.

Другая сторона античной бронзолитейной традиции была затронута в докладе Г. Хереса (ГДР) «О наблюдении античности в бронзовом литье маньеризма и раннего барокко». Воздействие античного стиля на искусство этих эпох засвидетельствовано фактом заказа, сделанного курфюрстом Иоганном Георгом II Саксонским дрезденскому архитектору В. Кленгелю (1658 г.). При изготовлении бронзовых статуй Дианы и Цезаря предписывалось «точное наблюдение античности».

На заключительном заседании были подведены итоги проделанной работы. Х.-У. Нубер объявил о том, что X Международный коллоквиум по античным бронзам состоится во Фрайбургском университете (ФРГ) в июле 1988 г. Было принято предложение Института архелогии Испании о проведении XI коллоквиума в Мадриде в 1990 г.

Л. И. Акилова, М. Ю. Трейстер

КОНФЕРЕНЦИЯ «ПРОБЛЕМЫ АНТИЧНОЙ И СКИФО-САРМАТСКОЙ АРХЕСЛОГИИ», ПОСВЯЩЕННАЯ ПАМЯТИ П. Н. ШУЛЬЦА

27—29 января 1986 г. в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР состоялась конференция по проблемам античной и скифо-сарматской археологии, посвященная памяти известного советского историка, археолога и искусствоведа Павла Николаевича Шульца (1900—1983). В конференции приняли участие специалисты из 17 учреждений Москвы, Ленинграда, Кишинева, Симферополя, Севастополя, Азова, Краснодар, Саратова и Чернигова, которые прочитали 37 докладов по различным вопросам истории и археологии Причерноморья. Хронологически тематика докладов охватила период от начала I тыс до н. э. до первых веков н. э.

Открывший конференцию Л. И. Хлобыстин отметил большое значение работ П. Н. Шульца для археологии поздней бронзы и раннего железа на юге Европейской части СССР, изучения истории местного населения и античных государств Северного Причерноморья, истории искусства древнего населения причерноморских степей, важность и актуальность проблем, решаемых исследователями в наши дни.

В докладах Т. Н. Высотской (Симферополь) «П. Н. Шульц — основоположник изучения скифской культуры Крыма» и А. Н. Щеглова (Ленинград) «П. Н. Шульц и археология Причерноморья» было подчеркнуто что П. Н. Шульц относился к тому поколению ученых, которые формировали основы современной отечественной археологии. Им была создана классификация скифских и сарматских каменных изваяний и подготовлен корпус скифских изваяний Причерноморья. Он был в числе первых исследователей поселений Нижнего Побужья. Особенно велики заслуги П. Н. Шульца в выделении и изучении позднескифской культуры, а также кизил-кобинской культуры, отождествляемой с ранними таврами. Работы его в этих областях остаются классическими. В конце 30-х годов П. Н. Шульц выдвинул интересную гипотезу о характере греко-скифских отношений в Западном Крыму. Эта гипотеза была разработана в трудах М. И. Артамонова, Б. Н. Гракова, О. Д. Дашевской, С. А. Жобелева, Э. И. Соломоник, А. И. Тюменева и до конца 50-х — начала 60-х годов оставалась общепризнанной концепцией, сыгравшей значительную роль в развитии наших представлений о характере и динамике греко-варварских отношений в этом районе Причерноморья. Большое значение имела научно-организационная деятельность П. Н. Шульца, создавшего в Симферополе Отдел археологии Крыма и в течение многих лет возглавлявшего его работу.

Доклад *И. В. Яценко* (Москва) «Поселение конца эпохи бронзы Маяк-3 в окрестностях Евпатории» был посвящен анализу материалов нового поселения, относящегося к числу наиболее поздних белозерских памятников. По мнению автора, его следует датировать IX — началом VIII в. до н. э. Керамический комплекс поселения содержит признаки, характерные для керамики белозерских и ранних кизил-кобинских памятников, что чрезвычайно важно для выяснения состава предскифского населения в равнинном Крыму и формирования кизил-кобинской культуры.

С. Н. Сенаторов (Севастополь) в докладе «Классификация орнамента керамики кизил-кобинской культуры» предпринял попытку с помощью статистических методов создать типологическую и хронологическую классификацию орнаментов. Автор предполагает, что появление в Северном Причерноморье кочевых скифов оказало определенное воздействие на развитие кизил-кобинских орнаментов середины VIII — первой половины VII в. до н. э., а возникновение сложного резного орнамента на кизил-кобинской керамике в конце VII—VI в. может быть объяснено влиянием носителей фракийской культуры, появившихся в Нижнем Побужье с середины VII в. до н. э.

Доклад *С. Л. Соловьева* (Ленинград) «Лепная керамика с резным орнаментом Березанского поселения» был посвящен одному из аспектов проблемы ранних греко-варварских взаимодействий в районе Нижнего Побужья. Керамика с резным орнаментом из греческого поселения на о-ве Березань может быть разделена на три группы, характерные для культур фракийского гальштатта, лесостепной раннескифской и кизил-кобинской. Автор считает, что последняя группа принадлежит носителям смешанного скифо-кизил-кобинского населения степного и предгорного Крыма, которые жили в составе негреческой части населения на Березанском поселении в первой половине — третьей четверти VI в. до н. э.

Значительное место на конференции было уделено скифской проблематике. *М. Н. Погребова* и *Д. С. Раевский* (Москва) в докладе „Отделившиеся скифы“ Геродота», используя предложенную Б. Н. Граковым схему расселения восточно-европейских народов по данным Геродота и археологические комплексы, сочетающие три разнокультурных компонента — скифский, кавказский и урартский, предприняли реконструкцию сообщения Геродота (IV, 22) о скифах, отколовшихся от царских скифов и переселившихся далеко на северо-восток. По мысли авторов, раскол произошел в период пребывания скифов в Передней Азии и Закавказье, откуда часть их мигрировала в район Среднего Поволжья, где влилась в местную раннеананьинскую этническую среду и постепенно растворилась в ней. Именно в раннеананьинских могильниках обнаруживается не только наибольшая концентрация скифских вещей (по сравнению с соседними областями), но и выделенное авторами доклада сочетание трех разнокультурных компонентов, совершенно идентичных тем, которые характерны для археологических комплексов Закавказья. Эта особенность исключает предположение о транзитной торговле и может быть объяснена миграцией носителей указанных компонентов.

В докладе *С. А. Тахтаджяна* (Ленинград) «Идеализация скифов: Эфос и предшествующая ему традиция» разобраны истоки идеализации скифов в древнегреческой литературе. *Е. И. Беспалый* и *И. Н. Парусимов* (Азов) в сообщении «Комплексы предскифского и раннескифского периодов на Нижнем Дону» познакомили с новейшими материалами раскопок курганов, в которых, в частности, содержится ранний греческий импорт, поступавший в Северо-Восточное Приазовье. В сообщении «К истории изучения келермесских зеркала и ритона» *И. В. Тункина* (Ленинград) привлекла внимание к неопубликованной работе С. А. Жебелева «Келермесское зеркало и ритон» и исследованиям Б. В. Фармаковского о келермесских находках. Оба автора считали зеркало и ритон произведениями греческого художественного ремесла, но С. А. Жебелев рассматривал их как чисто художественные произведения, отдельные сцены в которых не связаны общей идеей, а Б. В. Фармаковский предполагал, что это религиозные памятники, имеющие отношение к культу мертвых. Последняя точка зрения разделяется многими современными исследователями. Раскрытию смысла изображений

на предметах скифского «звериного стиля» был посвящен доклад *А. Ю. Алексеева* (Ленинград) «Значение некоторых украшений конского оголовья в Скифии VI—V вв. до н. э.». Автор приходит к выводу о том, что у скифов существовал обычай маскировки погребальных коней под другие существа. Система изображений на конских нащечниках второй половины IV в. до н. э. рассматривается им как своеобразная космограмма, фиксирующая представления о тернарной по вертикали структуре мира. Доклад *Т. М. Кузнецовой* (Москва) «К вопросу о производстве зеркал ольвийского типа» был посвящен анализу архаических зеркал с бортиком. Автор считает, что зеркала так называемого ольвийского типа были греческой продукцией. *Е. Ф. Чежина* (Ленинград) в докладе «Раннескифский псалий с надписью из Южного Приуралья» дала новую атрибуцию роговому псалию из с. Рысайкина хранящемуся в коллекции Гос. Эрмитажа и отнесенному К. Ф. Смирновым к савроматским памятникам. Она впервые обратила внимание на состоящую из семи знаков надпись на псалии, возможно, сделанную на основе арамейского алфавита.

Несколько докладов было посвящено вопросам истории и археологии сарматов. *И. П. Засецкая* (Ленинград) выделила «Зооморфные мотивы в сарматских „геометрических“ бляшках», где образы животных переданы в предельно схематичном, геометризованном виде. В основе изображений лежит художественный прием — замена целого частью. Об известняковом блоке, найденном в 1984 г., рассказала *В. И. Денисова* (Ленинград) в докладе «Памятник с сарматскими знаками из Ольвии». Она предполагает, что это был надгробный памятник, возможно, знатному сармату, захороненному близ Ольвии, и что впоследствии он был использован в городе как строительный материал.

Н. Ф. Шевченко (Краснодар) в докладе «О характере греко-сарматских отношений в Восточном Приазовье (II в. до н. э. — II в. н. э.)» на широком археологическом материале, сопоставленном с данными, известными из античных авторов, проследил развитие и характер взаимоотношений между сарматами и Боспором на протяжении почти четырех веков. *Н. Е. Берлизов* (Ленинград) в докладе «Катакомбы сарматского времени на Северном Кавказе (II в. до н. э. — III в. н. э.)» сделал попытку этнической атрибуции погребений в катакомбах. Прикубанские катакомбы он связывает с сираками, катакомбы верховьев Кубани и Центрального Предкавказья — с сагеритами, набианами и панкеанами, а подкурганные катакомбы Северо-Восточного Кавказа — с ранними аланами.

Наибольшее количество докладов было посвящено изучению различных вопросов истории и археологии греческих государств Северного Причерноморья и их взаимодействий с варварским миром.

В докладе *К. К. Марченко* (Ленинград) «Общественные постройки на поселении Старая Боглановка-2» рассмотрены два уникальных для архаических поселений ольвийской периферии сооружения, необычно больших размеров — наземного и земляночного типа, возможно, связанные с открытым здесь же святилищем. Раскрытый комплекс выделяет это поселение среди других памятников на сельскохозяйственной территории Ольвии. Возможно, он имел особое значение.

Херсонесской тематике было посвящено восемь докладов. *М. И. Золотарев* (Севастополь) сделал доклад «Архаическое поселение у Карантинной бухты и его связи с Ольвией», посвященный новым материалам, окончательно доказывающим, что в последней четверти VI—первой половине V в. до н. э. на месте Херсонеса действительно существовало небольшое поселение, которое, судя по находкам двух литых ольвийских оболов, имело связи с Ольвией. Автор разделяет предположение А. Н. Щеглова, что здесь могла быть корабельная стоянка.

О. Д. Дашевская и *А. С. Голенцов* (Москва) в докладе «Фортификация городища Беляус» рассмотрели развитие оборонительных сооружений этого поселения. Первоначально оно представляло блок из трех однобашенных усадеб. На рубеже III—II вв. до н. э. произведена перепланировка, во II в. до н. э. поселение было захваче-

но скифами, а в I в. н. э. была создана скифская система обороны, состоявшая из рва и вала, облицованных камнем, стены, построенной по верху вала и каменного моста через ров.

Ряд докладов освещал результаты исследования эталонного для Причерноморья поселения Панское 1 и его некрополя. А. Н. Щеглов (Ленинград) в сообщении «Поселение и некрополь Панское 1: некоторые итоги изучения (1969—1985)» дал общую характеристику памятника, который возник на рубеже V — IV или в начале IV в. до н. э., вероятно, в результате миграции населения из Нижнего Побужья — Ольвии и ее округи. На первом этапе поселение характеризуется преобладанием ионийских черт культуры. Во второй четверти — середине IV в. оно входит в состав Херсонеса в результате военного захвата. Не исключено, что здесь мы сталкиваемся с фактом войны между Херсонесом и Ольвией. Ионийские элементы культуры и языка сменяются дорийскими. В первой четверти — первой трети III в. до н. э. поселение подвергается внезапному и полному уничтожению, что можно связывать с тотальным опустошением Скифии сарматами, о котором сообщает Диодор. Е. Я. Рогов (Ленинград) в докладе «Сельская семья в Херсонесском государстве (по материалам могильника Панское 1)» на основании изучения погребального обряда и половозрастных показателей захороненных привел дополнительные обоснования к заключению, что курганы служили семейными усыпальницами. Он пришел к выводу, что на поселении преобладала малая семья, состоящая из двух поколений родственников, но наряду с этим существовали и расширенные семьи. В докладе А. М. Гилевич (Ленинград) «Новые материалы по нумизматике Херсонеса» были проанализированы монетные находки из поселения и некрополя Панское 1. Их состав отражает характер денежного обращения в Херсонесском государстве и выделяет особенности, присущие данному району. Уточняется время выпуска некоторых типов монет. Эти находки служат также указанием на время и характер включения Северо-Западного Крыма в состав Херсонеса. З. В. Янушевич (Кишинев) в докладе «Палеоботанические материалы из античного поселения Панское 1» пришла к заключению, что поселение являлось хозяйством, которое производило важнейшие зерновые культуры — пшеницу и ячмень. Кроме того, здесь выращивался виноград и бобовые культуры, а также миндаль и кизил, кроме того зафиксированы косточки привозных оливок.

В. И. Кац и С. Ю. Монахов (Саратов), изучив коллекцию амфор из могильника Панское 1, Херсонеса и других причерноморских центров привели в докладе «О так называемых „боспорских“ амфорах» ряд доказательств, указывающих на вероятное херсонесское происхождение амфор того типа, который И. Б. Зеест выделила как боспорский. В докладе В. Ф. Столбы (Ленинград) «К особенностям культа Геракла в Херсонесе (граффито IV в. до н. э. из поселения Панское 1)» на основании изучения граффито на канфаре с посвящением Гераклу Сотеру и нумизматических данных подкрепляется вывод о том, что Геракл в Херсонесе и на его хоре почитался прежде всего как покровитель и защитник херсонесцев, полиса и его владений. Перподоы возраста роли культа Геракла, по мнению автора, соответствуют периодам внешне- и внутривнутриполитической дестабилизации в Херсонесском государстве.

Во многих докладах рассматривались вопросы истории и археологии Боспора. Доклад Ю. Г. Виноградова (Москва) «О характере восстания Савмака» продолжает дискуссию, занимающую одно из центральных мест в историографии античного Причерноморья и продолжающую вызывать постоянный интерес исследователей. Докладчик привел важные доказательства в пользу того, что в декрете в честь Диофанта, вероятнее всего, может идти речь об узком заговоре сплотившейся вокруг Савмака верховной скифской знати, которая занимала при дворе Перисада высокие посты. Династийные связи Скифского и Боспорского царств не вызывают сомнения. Опираясь на наблюдения П. Фукара, докладчик предположил, что в установлении власти Савмака на Боспоре Херсонес видел реальную угрозу себе со стороны Скифского царства. Все это заставляет отказаться от трактовки движения Савмака как выступления ши-

роких эксплуатируемых масс боспорских скифов, не говоря уже о восстании рабов.

Э. В. Яковенко (Чернигов) сделала доклад «О дипломатических контактах Боспора и Скифии времен Атея». В нем она предположила возможность существования дипломатических отношений между Скифией и Боспором периода правления Левкона I. Контакты могли основываться на договорах о военной взаимопомощи, охране пограничной зоны и торговых путей. Косвенным свидетельством этого, по мнению докладчика, является отсутствие свидетельств о военных столкновениях, обильный боспорский импорт в Скифию, а также значительное количество шедевров торевтики в «царских» курганах. Последние можно рассматривать как «посольские дары», свидетельствующие о постоянных контактах между Скифией и Боспором.

Ю. М. Десятчиков (Москва) в докладе «Синдика в конце II в. до н. э.», отметив, что в конце II в. до н. э. в Северном Причерноморье наблюдается активизация варваров, пытавшихся захватить греческие полисы, подчеркнул, что археологические материалы из городов Синдики (Фанагории, Гермонассы, Горгиппии, Патрея, Киммерика и др.), а также сельских поселений свидетельствуют об их захвате и разрушении. Сопоставляя данные письменной традиции с археологическими свидетельствами, автор предположил, что разрушения в Синдике были связаны с историческими тохарами (сатархами), которые появились здесь между 129—124 гг. и захватили весь Азиатский Боспор. Вероятно, они и были темп «варварами», из-за которых Перисад V передал власть Митридату и натиск которых отбивал Неоптолем.

Н. Л. Грач (Ленинград) сделала доклад «О топонимическом термине Куль-Оба», в котором убедительно показала, что принятый в литературе перевод термина как «зольный холм» неправилен. Настоящий смысл его — «пещельный», т. е. он имеет цветное значение (насыпь Куль-Обы состояла из камня), а «оба» — культовое значение.

Ю. А. Виноградов (Ленинград) в докладе «Ак-Бурун (1875 г.)» заново исследовал материалы известного погребения в кургане Ак-Бурун и пришел к выводу, что в нем скорее всего был погребен знатный сармат. Это первое археологическое свидетельство о присутствии сарматского элемента на Боспоре в конце IV в. до н. э. Оно очень важно для понимания реальной исторической обстановки в связи с рассказом Диодора о борьбе сыновей Перисада за боспорский престол. В докладе «Фракийская ономастика Боспора» *С. Р. Тохтасьева* (Ленинград), выступая против концепции об автохтонном фракийском населении на Боспоре, приходит к выводу, что среди имен боспорских правителей из династии Спартокидов бесспорно фракийским является только имя Спарток. Отмечается также, что в относительно большом количестве личные имена фракийского происхождения появляются на Боспоре лишь с I в. до н. э., когда здесь происходят значительные демографические изменения.

А. А. Масленников (Москва) в докладе «Раскопки поселения I в. до н. э. на берегу Азовского моря» изложил результаты исследования одного из объектов работ Восточно-Крымской экспедиции. Для этого поселения в целом характерна иррегулярная застройка. Относительно правильная планировка при более высоком уровне строительной техники отмечается лишь в центральной его части, где найдены большой клад из 1240 боспорских медных монет середины I в. до н. э. и 35 теракотовых статуэток. Автор высказал предположение, что здесь размещались военные поселенцы из армии Митридата или его ближайших преемников.

В сообщении «Обследование боспорских валов» *К. К. Шилик* (Ленинград) изложил свои наблюдения, сделанные в ходе изучения палеогеографии Боспора. В частности, сопоставляя данные о расположении северной и южной оконечностей Узунларского вала с колебаниями уровня моря в исторический период, он относит его сооружение ко II тыс. до н. э. *Е. Г. Кастанаян* (Ленинград) в сообщении «Надгробная надпись из Пдρφμια второй половины IV в. до н. э.» отметила, что в ней впервые для ономастики Боспора представлены имена Νεμϋηϋς и Ἀραϋαδω. Доклад *В. А. Горючаровского* и *В. П. Никонова* (Ленинград) был посвящен проблеме появления катафрактов на Боспоре и развития характерной для них формы тяжелого панцирного.

доспеха. Авторы считают, что крупнопластинчатый всаднический доспех сложился, по-видимому, в восточных и северных областях Средней Азии, откуда в ходе передвижения сарматских племен попал в Северное Причерноморье. *И. Ю. Шауб* (Ленинград) в докладе «Об одном памятнике культа Афродиты на Боспоре» обратился к интерпретации хорошо известной двухголовой гермы с посвящением Афродите Уравии, найденной на Таманском полуострове, и поставил ее в связь с андрогинным аспектом культа этой богини на Боспоре.

Участники конференции были также ознакомлены с тезисами двух докладов: *В. И. Павленкова* (Евпатория) «Сарматская тамга из раскопок П. Н. Шульца на городище Кара-Тобе» и *О. Д. Чевелева* «Варварские погребения Кыз-Аульского некрополя». В первом из них высказывается предположение о генетической связи формы тамги с Кара-Тобе с аналогичными знаками из могильников Юго-Западного Крыма, что увязывается с гипотезой о переселении во II—III вв. н. э. жителей Северо-Западного Крыма в юго-восточную часть полуострова. Во втором докладе автор выделяет в Кыз-Аульском некрополе конца I в. до н. э.— III в. н. э., расположенном на юго-востоке Керченского полуострова, группы погребений, которые он связывает с сарматами и населением, близким местным жителям Прикубанья.

На заключительном заседании участники конференции отметили широту ее тематики, обусловленную кругом интересов П. Н. Шульца, и ее плодотворность. Было предложено и в будущем развивать традицию проведения конференций, посвященных памяти ученых, стоявших у истоков советской археологии.

В. А. Горючаровский, А. Н. Щеглов

ПРИЛОЖЕНИЕ

М. TULLII CICERONIS

PRO L. CORNELIO BALBO ORATIO

М. ТУЛЛИЙ ЦИЦЕРОН

РЕЧЬ В ЗАЩИТУ Л. КОРНЕЛИЯ БАЛЬБА

Перевод с латинского и примечания *В. О. Горенштейна*.

В 72 г. до н. э., в год консулата Л. Геллия Попликолы и Гн. Корнелия Лентула Клодиана, был издан закон (Геллиев — Корнелиев закон), разрешавший Гнею Помпею даровать права римского гражданства испанцам, оказавшим Римскому государству услуги во время происходивших в Испании военных действий против Кв. Сертория. Гн. Помпей предоставил права римского гражданства одному гадитанцу, который при этом получил имя Луция Корнелия Бальба. Впоследствии Л. Бальб стал доверенным лицом Цезаря и участвовал в его походе в Испанию в качестве начальника войсковых рабочих (praefectus fabrum).

На основании договора, заключенного между Гадесом и Римом в 212 г. до н. э. и подтвержденного в 78 г. в консулат М. Эмилия Лепида и Кв. Лутация Катула Капитолийского, Гадес стал *civitas foederata*; согласно Юлиеву закону 90 г., жители союзных с Римом гражданских общин могли получить права римского гражданства только с согласия своей общины; из-за несоблюдения этого условия Л. Бальб был привлечен к суду по обвинению в незаконном получении прав римского гражданства. Л. Бальба защищали Гн. Помпей, М. Лициний Красс и М. Цицерон, говоривший последним. Суд оправдал обвиняемого.

РЕЧЬ В ЗАЩИТУ Л. КОРНЕЛИЯ БАЛЬБА

(В суде, июль — август 56 г. до н. э.)

(1, 1) Если в суде оказывает действие авторитет защитника, то Луция Корнелия защищали известнейшие мужи; если оказывает действие опыт, то — весьма искушенные; если — дарование, то — весьма красноречивые; если преданность, то — лучшие друзья и люди, связанные с Луцием Корнелием и оказанными ему милостями, и теснейшей приятелью. Каково, в таком случае, может быть мое участие? Оно возможно в меру того авторитета, какой вы захотели за мною признать, моего скромного опыта и дарования, отнюдь не равного моей доброй воле. Ведь я вижу, что перед другими людьми, его защищавшими, Луций Корнелий в очень большом долгу; в каком долгу перед ним я, скажу в другом месте ¹. В начале своей речи заявляю одно: если всем, кто способствовал моему восстановлению в правах и высоком положении, я не смог вполне отплатить равной услугой, то постараюсь воздать им должное моей благодарностью и хвалой. (2) О том, сколь убедительна, судьи, была вчерашняя речь Гнея Помпея, сколь сильна, сколь богата, свидетельствовало не молчаливое ваше согласие, но открытое восхищение. Никогда, кажется, не слышал я ничего, что говорилось бы о праве с большей точностью, о примерах из прошлого с большей полнотой, о союзных договорах с большим знанием дела, о войнах с большим блеском и авторитетом, о государстве с большей убедительностью, (3) о самом себе с большей скромностью, о судебном деле и обвинении с большим красноречием. И вот мне уже кажется истинным изречение, которое в устах некоторых любителей словесности и философии выглядело неправдоподобным и которое гласит, что человеку, глубоко проникнувшемуся всеми доблестями, любое дело, за которое бы он ни взялся, удастся. Могли ли даже у Луция Красса ² с его редкостным прирожденным даром красноречия, если б он вел это дело, найтись содержательность, разнообразие, изобилие, большие, чем оказались у человека, который смог уделить этому занятию лишь столько времени, сколько ему удалось отдыхать от непрерывных войн и побед ³. (4) Тем труднее мне говорить последним: и действительно, моя речь следует за такой, которая не прошла мимо ваших ушей, но глубоко запала всем в душу, так что вы, вспоминая ту речь, можете получить большее наслаждение, чем могли бы получить не только от моей, а вообще от речи любого человека. (11) Однако я должен повиноваться желанию не только Корнелия, отказать которому в опасное для него время я никак не могу, но и Гнея Помпея, захотевшего, чтобы я был прославителем и защитником его поступка, его решения, его благодеяния, подобно тому как я недавно был таковым перед вами, судьи, в другом судебном деле ⁴.

(5) И вот что мне, по крайней мере, кажется достойным нашего государства, вот что — долгом исключительной славы этого выдающегося мужа, вот что — прямой вашей обязанностью, вот что достаточным для этого судебного дела: все должны согласиться с тем, что те действия, какие Гней Помпей, как известно, совершил, были ему дозволены. Ведь нет ничего более верного, чем сказанное вчера им самим: Луций Корнелий бьется, защищая все свое благополучие, а ни в каком преступлении не обвиняется. Ведь нет разговора ни о том, что он воровски присвоил гражданские права, ни о том, что он солгал о своем происхождении, ни о том, что он прикрылся каким-то бес-

¹ Ср. ниже, § 58.

² Л. Лициний Красс, знаменитый оратор, консул 95 г., цензор 92 г. См. *Цицерон. Об ораторе*, I, 24; III, 1; Брут, 303.

³ Имеется в виду Гн. Помпей.

⁴ Возможно, имеется в виду выступление Цицерона в защиту Публия Сестия, трибуна 57 г.

совестным обманом, ни о том, что он прокрался в цензорский список. Одним его попрекают — тем, что он родился в Гадесе. Этого и не отрицает никто. Все остальное обвинитель признает: что во время труднейшей войны в Испании ⁵ Луций Корнелий был под началом Квинта Метелла, под началом Гая Меммия — и во флоте, и в войсках; что с того времени, как Помпей прибыл в Испанию и назначил Гая Меммия своим квестором, Луций Корнелий никогда не покидал Гая Меммия; что он был осажден в Карфагене, участвовал в жесточайших и величайших сражениях — на Сукроне и на Туррии ⁶; что он был под началом Помпея до самого конца войны. (6) Вот что относится собственно к Корнелию: преданность нашему государству, труды, постоянство, самоотверженность, доблесть, которую он оказался достоин великого полководца, надежда на награды за перенесенные опасности; само же награждение не принадлежит к поступкам того, кто удостоен награды, но — только того, кто ее даровал.

(III) Таковы основания, в силу которых Корнелий получил гражданские права от Гнея Помпея. Этого обвинитель не отрицает, но порицает. Притом, применительно к Корнелию он основания одобряет, но кары требует, применительно же к Помпею основания порочит, но ни о каком наказании, кроме худой славы, не говорит. Так хотят приговором погубить благополучие невиннейшего человека, осудить деяние замечательнейшего полководца. И вот под судом права Корнелия и деяние Помпея. Ведь ты ⁷ признаешь, что Корнелий в том городе, откуда он родом, родился в весьма почтенной семье и с ранней молодости, оставив все свои дела, участвовал в наших войнах под началом наших полководцев; не было военных трудов, не было осады, не было сражения, в каких он бы не принял участия. Все это весьма похвально, притом относится к самому Корнелию и никакого основания для обвинения здесь нет. (7) Где же оно? В том, что ему Помпей даровал права гражданства. Это обвинение против Корнелия? Ничуть, если только почет не считать позорным клеймом. Так против кого же? По правде — ни против кого; по смыслу речи обвинителя — только против того, кто даровал права гражданства. Если бы он, движимый чувством расположения, вознаграждал менее подходящего человека; если бы даже он вознаграждал мужа честного, но не столь заслуженного; если бы, наконец, речь шла о каком-нибудь поступке, противоречащем не дозволенному, а должному, то вам, судьи, все-таки следовало бы отвергнуть всякий такой упрек. (8) Но что говорится теперь? Что говорит обвинитель? Что Помпей совершил то, чего ему не было дозволено совершить, а это более серьезно, чем если бы он сказал, что Помпей сделал то, чего ему делать не следовало. Ведь есть что-то, чего делать не следует, даже если это дозволено. Ну а если что-нибудь не дозволено, то этого, уж конечно, делать не следует.

(IV) Колебаться ли мне теперь, [судьи, с утверждением, что высший закон не позволяет сомневаться в том, что всем известные действия Гнея Помпея ему не только были дозволены, но и подобали?] (9) И действительно, каких он лишен качеств, наличие которых заставило бы нас признать, что эти права предоставляются ему законно? Опыта ли? Но ведь окончание его отрочества стало для него началом величайших войн и чрезвычайных командований, и большинство его сверстников совершало подходы реже, чем он справлял триумфы, а триумфов у него на счету столько, сколько существует краев и стран ⁸, столько военных побед, сколько существует родов войн. Или дарования? Но ведь даже случай и исход событий были для него не вождями, но спутниками решений, и в нем одном высшая удачливость состязалась с высшей доблестью,

⁵ Военные действия против Кв. Сертория (см. *Плутарх*. Серторий, 21).

⁶ Карфаген — Новый Карфаген (н. Картагена, Испания). Сукрон и Туррия — реки в Тарраконской Испании.

⁷ Оратор обращается к обвинителю.

⁸ Помпей справлял триумф трижды: в 81 г. после победы над африканским царьком Иарбой, сторонником Марии; в 71 г. после победы над Серторием и Перперной; в 61 г. после победы над пиратами и поитийским царем Митридатом VI Евпатором.

так что общим суждением человеку воздавалось больше, чем богине⁹. Или совестливости, неподкупности, благочестия, тщательности искали и не находили у человека, чище, умереннее, бескорыстнее которого никогда, не говорю уж — не видели, но даже в надеждах и чаяниях своих не представляли себе наши провинции, свободные народы, цари, самые далекие племена? (10) Что сказать мне о его авторитете? Который так велик, как должен быть велик при его столь больших доблестях и заслугах. О поступке человека, которому сенат и римский народ предоставили награды в виде высших почестей без его требования, а чрезвычайные полномочия — даже несмотря на его возражения¹⁰, вот о чем поступке судьи ведется такое расследование, что доискиваются, было ли ему дозволено совершить то, что он совершил, или же, не скажу «не было дозволено», но — «не было ли это нарушением божеского закона?» (ведь они говорят, что Помпей своим поступком нарушил союзный договор, а значит священное обязательство и честное слово римского народа), — не позор ли это для римского народа, не позор ли это для вас?

(V, 11) Вот что мальчиком слышал я от отца: когда Квинт Метелл, сын Луция¹¹, обвиненный в вымогательстве, отвечал перед судом, — знаменитый человек, для которого благо отечества было дороже возможности его видеть, который предпочел отказать от пребывания в государстве, только бы не отказываться от своего мнения, — итак, когда он отвечал перед судом и присутствовавшим показывали его записи, представляя возможность проверки, то среди известных римских всадников, достойнейших мужей, не нашлось ни одного судьи, который не отвел бы глаз и не отвернулся бы, чтобы не показалось, будто он сомневается, правдиво ли или ложно внесенное Метеллом в официальные записи. А мы? Станем ли мы пересматривать указ Гнея Помпея, объявленный на основании решения его совета¹², сопоставлять его с законами, с договорами, все взвешивать с суровой тщательностью? (12) По преданию, однажды в Афинах, когда некий гражданин безупречного и строгого образа жизни всенародно давал свидетельские показания и, по обычаю греков, направился к алтарям с намерением произнести клятву, то все судьи в один голос закричали ему, чтобы он не клялся¹³. Греки не хотели, чтобы доверие ко всеми уважаемому человеку показалось основанным на религиозном обряде, а не на его правдивости, а мы усомнимся в правильности действий Гнея Помпея, когда ему надо было сохранить саму святость законов и договоров? (13) Сознательно ли или же по неведению, по вашему мнению, нарушил он союзные договоры? Если сознательно, — о имя нашей державы, о великое достоинство римского народа, о заслуги Гнея Помпея, получившие такую широкую и далекую известность, что границы областей, где он славен, совпадают с пределами всей нашей державы; о племена, города, народы, цари, тетрархи¹⁴, тираны, свидетели не только доблести Гнея Помпея во времена войны, но и его совестливости во времена мира, вас, наконец, умоляю я, безмолвные края и земли стран, лежащих на краю света, вас, моря, гавани, острова, побережья! В какой стране, в каком селении, в каком месте не осталось запечатленных следов его храбрости, а особенно его человечности, как его великодушия, так и мудрости? Осмелится ли кто-нибудь сказать, что Гней

⁹ В подлиннике игра слов: Фортуна, богиня счастья и удачи, и удачливость (Помпея).

¹⁰ В 67 г. по закону Габиния Помпею были предоставлены чрезвычайные полномочия (*imperium infinitum*) для борьбы с пиратами; в 66 г. по закону Манилия Помпей получил верховное командование для войны против Митридата VI Евпатора.

¹¹ Кв. Цецилий Метелл Нумидийский, обвиненный Марием в вымогательстве, был привлечен им к суду. См. Цицерон. К Аттику, I, 16, 4; Валерий Максим. II, 10, 1.

¹² Совет при проконсуле или главнокомандующем.

¹³ Речь идет о философе Ксенократе, ученике Платона, известном своей неподкупностью. См. Цицерон. К Аттику, I, 16, 4.

¹⁴ Тетрарх (четверовластник) — установившееся в эллинистическую эпоху наименование правителя области.

Помпей, наделенный необычайными и ранее невиданными строгостью взглядов, доблестью, стойкостью, сознательно презрел, нарушил, разорвал союзные договоры?

(VI, 14) Обвинитель движением своим выражает мне свое одобрение; по неведению-де сделал это Гней Помпей— дает он понять. Как будто действительно—для человека, занятого такими важными государственными делами и ответственного за важнейшие поручения, —менее недостойно сделать что-либо заведомо недозволенное, чем совсем не знать, что именно дозволено. И впрямь, мог ли знать тот, кто завершил в Испании жесточайшую и величайшую войну, каковы права гражданской общины гадитанцев, или же он, зная права гадесского народа, не руководствовался смыслом союзного договора? Так осмелится ли кто-нибудь сказать, что Гней Помпей не знал того, с чем готовы объявить себя знакомыми обыкновенные люди, не обладающие ни опытом, ни склонностью к военному делу, и даже жалкие письмоводители? (15) Я, со своей стороны, полагаю иначе, судьи! В то время как Гней Помпей превосходит других людей во всяческих и притом разных науках и даже в таких, изучить которые нелегко, не располагая большим досугом, его особенной заслугой является редкостная осведомленность в союзных договорах, соглашениях, условиях соглашения для народов, для царей, для чужеземных племен, —словом, во всем праве войны и мира. Или, быть может, тому, чему нас в тени и на досуге учат книги, Гнея Помпея не смогли научить ни чтению, когда он отдыхал, ни сами страны, когда он действовал.

Итак, по моему мнению, судьи, дело рассмотрено. Теперь я буду говорить больше о пороках нашего времени, чем о существе судебного дела. Ведь это какое-то пятно и позор нашего времени — зависть к доблести, желание надломить самый цвет достоинства. (16) И впрямь, если бы пятьсот лет назад жил Помпей, муж, которого, когда он был еще совсем молодым человеком и только римским всадником, сенат не раз просил помочь делу всеобщего избавления, муж, чьи деяния, сопровождавшиеся блестящей победой на суше и на море, охватили все племена и чьи три триумфа свидетельствуют о том, что наша держава распространяется на весь мир, муж, которого римский народ облек невиданными и исключительными полномочиями, — то кто стал бы слушать, если бы теперь среди нас кто-нибудь сказал, что он действовал в нарушение союзного договора? Никто, конечно. Ведь после того как его смерть погасила бы ненависть, деяния его заблистали бы славой его бессмертного имени. Так что ж, его доблесть, знаем мы о ней с чужих слов, не оставила бы места сомнению, а увиденная и изведенная, она будет оскорбляема голосами хулителей?

(VII, 17) Итак, я не буду уже говорить о Помпее в оставшейся части моей речи, но вы, судьи, держите все в своем сердце и памяти. Что касается закона, союзного договора, примеров из прошлого, неизменных обычаев нашего государства, то я повторю уже сказанное мною. Ведь ни Марк Красс¹⁵, тщательно разъяснивший вам все дело в соответствии со своими способностями и добросовестностью, ни Гней Помпей, чья речь изобиловала всяческими красотоми, не оставили мне ничего такого, что я смог бы высказать как нечто новое и не затронутое ими. Но так как им обоим, несмотря на мой отказ, было угодно, чтобы некий последний труд как бы по отделке произведения был приложен именно мною, то прошу вас считать, что я взялся за него и за выполнение этой обязанности скорее из чувства долга, чем из склонности к красноречию. (18) И прежде чем приступить к рассмотрению правовой стороны дела Корнелия, я нахожу нужным для предотвращения недоброжелательности коротко упомянуть об условиях, общих для всех нас. Если бы каждый из нас, судьи, должен был сохранить до самой старости то положение в жизни, в каком он родился, или ту участь, какая была ему суждена при его появлении на свет, и если бы все те, кого либо вознесла судьба, либо прославили их личный труд и настойчивость, должны были понести наказание, то для Луция Корнелия, по-видимому, не было бы ни более сурового закона, ни более тяжелого положения, чем для многих честных и храбрых людей. Но если доблесть, даро-

¹⁵ Триумвир М. Лициний Красс (см. Цицерон. Брут, 233).

вание и человеческие качества многих людей самого низкого происхождения и самого малого достояния принесли им не только дружеские связи и огромное богатство, но и необычайную хвалу, почести, славу, общественное положение, то я не понимаю, почему зависть должна посягать на доблесть Луция Корнелия, а не ваша, судьи, справедливость — прийти на помощь его честности. (19) Поэтому того, о чем следует просить больше всего, я от вас, судьи, не прошу затем, чтобы не показалось, будто я сомневаюсь в вашей мудрости и человечности. Но я должен просить вас не относиться с ненавистью к дарованию, не быть недругами настойчивости, не считать нужным нанести удар человечности и покарать за доблесть. Прошу об одном: если вы увидите, что дело Луция Корнелия само по себе обоснованно и верно, то предпочтите, чтобы его личные достоинства помогали ему, а не были помехой.

(VIII) Дело Корнелия, судьи, связано с законом, который на основании решения сената был проведен консулами Луцием Геллием и Гнеем Корнелием. Законом этим, как мы видим, установлено, что те, кому Помпей, на основании решения своего совета, каждому в отдельности даровал гражданские права, — римские граждане. Что права эти были дарованы Луцию Корнелию, говорит присутствующий здесь Помпей, показывают официальные записи, обвинитель признает, но утверждает, что никто из народа, связанного с нами союзным договором, не может сделаться римским гражданином, если этот народ не даст своего согласия¹⁶. (20) О прекрасный истолкователь права, знаток древности, мастер исправлять и преобразовывать наше государственное устройство! Ведь он дополняет союзные договоры статьёй о каре, которая должна все наши награды и милости сделать недоступными для союзных народов! Да что же могло быть невежественнее утверждения, будто народы, связанные с нами союзным договором, должны [в таких случаях] «давать согласие»? Ведь это не в большей мере касается народов, связанных договором, чем всех свободных народов. А вообще то, о чем здесь идет речь, всегда полностью было основано на следующем правиле и замысле: после того как римский народ примет какое-либо постановление, если его одобряют союзные народы и латиняне, и если тот же самый закон, каким пользуемся мы, утвердится, как бы укоренившись, у какого-либо народа, то в таком случае этот народ должен подпадать под действие этого же закона — не с тем, чтобы сколько-нибудь ограничить наше право, но с тем, чтобы эти народы пользовались либо правом, установленным нами, либо какой-нибудь другой выгодой или милостью. (21) В старину Гаий Фурий провел закон о завещаниях¹⁷, Квинт Воконий провел закон о наследствах, оставляемых женщинам¹⁸; было издано множество других законов, относившихся к гражданскому праву. Латиняне заимствовали из них какие хотели. Наконец, согласно самому Юлиеву закону, даровавшему гражданские права союзникам и латинянам, народы, которые не стали «давшими согласие», не должны обладать гражданскими правами. При этом возник сильный спор среди жителей Гераклеи и Неаполя, поскольку в этих городах многие предпочитали римскому гражданству свободу, предоставленную им прежними договорами¹⁹. Наконец, сила соответствующего права и соответствующего выражения — в том, что народы становятся «давшими согласие» в силу нашей милости, а не собственного их права. (22) Когда римский народ примет какое-нибудь постановление и оно будет таково, что покажется нужным позволить тем или иным народам, либо связанным с нами договорами, либо же свободным, чтобы они по поводу не наших,

¹⁶ nisi is populus fundus factus esset. Буквальный перевод этой архаической правовой формулировки затруднителен, специфический ее смысл понятен из дальнейшего изложения. О слове fundus = auctor см. в латинско-русском словаре И. Х. Дворецкого (s. v. fundus, 5).

¹⁷ Фуриев закон 183 г. установил, что размер легата (дара по завещанию) не должен превышать одной тысячи ассов.

¹⁸ Вокониев закон 169 г. воспрещал завещать имущество женщинам, разрешая в их пользу легаты, не превышавшие половины стоимости наследственного имущества.

¹⁹ Договоры Рима с Гераклеей (278 г. до н. э.) и Неаполем (326 г. до н. э.) были заключены на условиях, очень выгодных для этих городов.

а их собственных дел решили, каким правом они хотят пользоваться, тогда-то, очевидно, и следует спрашивать, стали ли они «давшими согласие». Но чтобы народы становились «давшими согласие» по поводу наших государственных дел, нашей державы, наших войн, нашей победы, нашего благополучия, — этого предки наши отнюдь не хотели.

(IX) Конечно, если нашим полководцам, сенату и римскому народу не будет дозволено привлекать к себе храбрейших и честнейших людей из гражданских общин союзников и друзей, предлагая им награды, — с тем, чтобы они ради нашего благополучия соглашались подвергаться опасностям, то мы будем лишены величайших выгод, а часто и величайшей поддержки в опасные и трудные времена. (23) Но — во имя бессмертных богов! — что это за союзные отношения, что это за дружба, что это за союзный договор, при которых наше государство, находясь в опасном положении, лишается защитников в лице массилийцев, гадитанцев, сагунтинцев²⁰, и ни один человек из этих народов, если он, с опасностью для себя, помог нашим полководцам своим трудом, снабжением, не раз сражался с нашими врагами в рукопашном бою, часто грудью встречал копыя врагов, бился с ними не на жизнь, а на смерть, подвергался смертельной опасности, — ни при каких условиях не может быть награжден дарованием ему прав нашего гражданства? (24) Ведь действительно, римскому народу тяжело не иметь возможности располагать союзниками выдающейся доблести, которые согласились бы разделять с нами опасности, угрожающие нам и им самим; что же касается самих союзников и тех, о ком идет речь, — народов, связанных с нами договором, то несправедливо и оскорбительно, чтобы преданнейшие и теснейшие связанные с нами союзники были лишены возможности получать награды и почести, доступные данникам, доступные врагам, доступные часто даже рабам. Ведь права гражданства, как мы видим, дарованы многим данникам из Африки, Сицилии, Сардинии, из других провинций; дарованы, как мы знаем, врагам, которые перебежали к нашим полководцам и принесли большую пользу нашему государству; наконец, мы видим, что рабам, чьи права, участь и положение самые низкие, если у них имеются существенные заслуги перед государством, очень часто даруют свободу, то есть гражданские права.

(X, 25) Итак, ты²¹, защитник союзных договоров и народов, которые связаны с нами договорами, устанавливаешь для своих сограждан гадитанцев такое положение, чтобы то, что возможно для тех, кого мы, получив большую помощь от твоих предков, покорили оружием и подчинили своему господству, — дарование им гражданских прав с дозволения римского народа сенатом при посредстве наших полководцев, — не было возможно для самих гадитанцев? Если бы они, постановлениями или законами своими, установили, чтобы ни один из их сограждан не входил в лагерь полководца римского народа, чтобы ни один не подвергался опасности и не рисковал жизнью ради нашей державы, если бы они установили, чтобы нам, когда мы этого захотим, не дозволялось пользоваться вспомогательными войсками гадитанцев и чтобы ни один честный человек, отличающийся особенным присутствием духа и доблестью, не сражался за нашу державу, — то мы по справедливости были бы удручены тем, что уменьшается численность вспомогательных войск римского народа, что слабеет дух храбрейших мужей и что мы лишаемся преданности иноплеменников и доблести чужеземцев. (26) И нету разницы, судьи, постановят ли народы, связанные с нами договором, чтобы никому из их городов не дозволялось разделять с нами опасности наших войн, или потеряют законную силу награды, какие мы жалуем их гражданам за доблесть. Ведь с отменой наград за доблесть мы сможем пользоваться их помощью ничуть не больше, чем если бы им вообще не дозволялось участвовать в наших войнах. И действительно, коль скоро с незапамятных времен находились лишь немногие, которые

²⁰ Рано возникшие хорошие отношения между Массилией и Римом сохранялись до 49 г. (осада Массилии Ю. Цезарем), союз между Римом и Гадесом был заключен в 206 г., с Сагунтом — в 231 г.

²¹ Цицерон обращается к обвинителю.

ради собственного отечества, не рассчитывая ни на какие награды, грудью встречали копья врагов, то кто, по вашему мнению, станет подвергаться опасности ради чужого государства, когда вознаграждение не только не обещано, но даже запрещено?

(XI, 27) Но крайне невежественно не только то, что сказано обвинителем о народах, «давших согласие», и что относится также к свободным народам, а не только к народам, связанным с нами союзным договором, откуда неминуемо следует, либо что из числа союзников никто не может сделаться римским гражданином, либо что им может сделаться даже человек из народа, связанного с нами договором; нет, этот наш наставник по части перемены гражданства поистине незнаком со всем нашим правом, основанным не только на законах государства, судьи, но также и на воле частных людей. Ведь по нашим законам никто не может переменить гражданство против своей воли, но, если захочет, может его переменить только, если он будет принят тем государством, гражданином которого хочет быть. Так, если гадитанцы постановят о каком-нибудь римском гражданине, назвав его по имени, чтобы он был гражданином Гадеса, то у нашего гражданина будет полная возможность переменить гражданство, и союзный договор не будет препятствовать римскому гражданину сделаться гадитанским. (28) Быть гражданином двух общин наш гражданин, по нашему гражданскому праву, не может. Не может быть нашим гражданином тот, кто сделается гражданином другого государства. Перемена гражданства возможна не только в результате просьбы о предоставлении права гражданства, — что, как мы видели, случилось с оказавшимися в бедственном положении прославленными мужами Квинтом Максимом, Гаем Ленафом, Квинтом Филиппом в Нуцерии²², Гаем Катонем в Тарраконе²³, Квинтом Цепионом²⁴, Публием Рутилием в Смирне²⁵ (они стали гражданами этих общин, хотя не могли утратить права нашего гражданства, прежде чем ушли в изгнание), — но также и по праву возвращения на родину²⁶. Ведь не без причины о вольноотпущеннике Гнее Публиции Менандре, который некогда по желанию наших послов, отправлявшихся в Грецию, был при них переводчиком, народу было предложено принять постановление, гласившее, что этот Публиций не утратит своих гражданских прав, если возвратится на родину, а оттуда вернется в Рим. Также и в более отдаленные времена многие римские граждане добровольно, не будучи ни осуждены, ни ограничены в правах, отказавшись от нашего гражданства, переселялись в другие государства.

(XII, 29) Но если римскому гражданину дозволяется стать гадитанцем либо ввиду изгнания, либо по праву возвращения на родину, либо ввиду его отказа от нашего гражданства (обратимся к вопросу о союзном договоре, что не имеет отношения к рассматриваемому делу; ведь мы рассуждаем о праве гражданства, а не о союзных договорах), то почему гражданину Гадеса не дозволено получение прав нашего гражданства? Я-то, конечно, держусь совершенно противоположного мнения. Ведь коль скоро в наше государство путь ведет из всех гражданских общин, а нашим гражданам открыт путь в другие гражданские общины, то, разумеется, чем теснее каждая из них связана с нами союзом, дружбой, торжественным обязательством, соглашением, союзным договором, тем сильнее, мне кажется, она привязывается к нам общностью выгод, наград,

²² О Кв. Максиме и о Кв. Филиппе сведений нет. Г. Попилий Ленат во время войны с кимврами (107 г.) был окружен и отступил на позорных условиях; в Риме он был привлечен к суду, но предпочел изгнание. Нуцерия — город в Кампании.

²³ Очевидно, Г. Порций Катон, консул 114 г., впоследствии осужденный за лихоимство.

²⁴ Кв. Сервилий Цепион, консул 106 г., был в 105 г. разбит галлами; осужденный за грабежи, удалился в изгнание в Смирну.

²⁵ П. Рутилий Руф, консул 105 г., в 98 г. был в Азии легатом Кв. Муция Сцевола. Сцевола и Руф боролись с хищениями откупщиков; последние, не решившись выступить против Сцевола, обвинили Руфа в вымогательстве и в 92 г. он был осужден всадническим судом.

²⁶ *Ius postliminii* — право римского гражданина, утратившего на чужбине гражданские права, вернувшись, обрести прежнее правовое положение. Аналогичное право признавалось и за бывшими гражданами других государств.

гражданских прав. Другие гражданские общины, конечно, без колебаний предоставили бы гражданские права нашим соотечественникам, будь у нас те же законы, что и у других. Но мы не можем быть гражданами нашего государства и, сверх того, еще какого-нибудь; другим это не запрещено. (30) Поэтому в греческих городах, например в Афинах, как мы видим, к гражданским общинам приписываются родосцы, лакедемоняне и прочие, прибывшие отовсюду, и одни и те же люди принадлежат многим гражданским общинам. Я сам видел, как некоторые неискушенные люди, наши сограждане, пребывая из-за этого в заблуждении, исполняли в Афинах официальные должности судей и ареопагитов в определенной трибе и в определенном разряде, не зная, что они, получив права тамошнего гражданства, утратили права нашего, — если только не вернут себе их по праву возвращения на родину; но ни один человек, сведущий в наших обычаях и законах, который хотел сохранить за собой права нашего гражданства, никогда не объявлял себя гражданином другой общины.

(XIII) Вся эта часть моего рассуждения и моей речи, судьи, относится к всеобщему праву перемены гражданства; в ней нет ничего такого, что касалось бы именно святости союзных договоров. Ведь я отстаиваю общее положение: на всей земле нет ни одного племени, ни чуждого римскому народу из-за ненависти и раздоров, ни связанного с ним верностью и взаимным расположением, человека из которого нам было бы запрещено признать своим гражданином или даровать ему права гражданства. (31) О превосходные законы, по внушению богов установленные нашими предками уже при появлении имени римлян и гласящие, что ни один из нас не может принадлежать более чем к одной гражданской общине (ведь несходство между гражданскими общинами непременно должно сопровождаться различиями в праве), что никто не должен против своей воли менять гражданство и не должен оставаться гражданином против своей воли! Вот каковы прочнейшие основы нашей свободы: каждый волен и сохранять свое право, и отказаться от него. Уже одно, вне всяких сомнений, укрепило нашу державу и возвеличило имя римского народа: первый создатель этого города, Ромул, доказал своим договором с сабинянами ²⁷, что наше государство надо увеличивать, принимая в него даже врагов. На основании его убедительного примера предки наши никогда не упускали случая даровать и распространить права гражданства ²⁸. Поэтому многие жители Лация, как тускуланцы, как ланувийцы, а также целые племена из других областей, как племена сабинян, вольсков, герников, были приняты в число наших граждан; никаких людей из этих гражданских общин не заставили бы переменить гражданство, если бы они того не желали, а если бы кто-нибудь и получил права нашего гражданства по милости нашего народа, то никакой союзный договор не казался бы нарушенным.

(XIV, 32) Но ведь, существуют договоры, такие, как договор с ценоманами, с инсубрами, с гелльветами, с япидами и с некоторыми варварами опять-таки из Галлии ²⁹; в этих договорах прием лиц из этих народов в число наших граждан исключен. Но если оговорка это запрещает, то в случаях, когда оговорки нет, это безусловно дозволяется. Где же в союзном договоре с гадитанцами говорится, что римский народ не должен даровать права римского гражданства ни одному гадитанцу? Нигде. А если бы это где-нибудь и говорилось, то это было бы отменено Геллиевым и Корнелиевым законом, который с определенностью предоставил Помпею власть даровать права гражданства.

²⁷ Намек на соглашение между Метеллом Курцием и Ромулом (см. *Тит Ливий*, I, 13, 4; *Цицерон*. О государстве, II, 7).

²⁸ Тускул получил римское гражданство в 381 г., Ланувий — в 338 г., сабиняне — полные права римского гражданства — в 268 г.

²⁹ Ценоманы, обитавшие в области Вероны и Мантуи, и инсубры, обитавшие к северо-западу от Плаценции, возмущались при приближении Ганнибала; после 202 г. Гамилькар вызвал среди них новые волнения. Ценоманы были покорены только в 197 г., инсубры — в 196 г. Гелльветы проявили активность при вторжении кимвров и тевтонов в 113 г. и 105 г. Япиды (крайний северо-восток Адриатики) были в 129 г. покорены консулом Г. Семпронием Тудитаном.

«Это исключено, — утверждает обвинитель, — так как договор — нерушимый». Извиняю тебя, если ты не искушен в законах пунийцев³⁰ (ведь ты покинул свою гражданскую общину) и не смог разобраться в наших законах, которые осуждением по уголовному делу³¹ сами отстранили тебя от дальнейшего знакомства с ними. (33) Какая оговорка, в которой можно было бы усмотреть исключение для чего-то нерушимого, содержится в запросе, поданном консулами Геллием и Корнелием насчет Помпея? Во-первых, нерушимым может быть только то, что римский народ или плебс³² объявит священным; во-вторых, постановления должны объявляться нерушимыми или в связи с самим родом закона или же путем призвания богов и консекрации закона, когда гражданские права нарушителя обрекаются богам. Итак, что сможешь ты, в связи с этим, сказать о договоре с гадитанцами? Консекрацией ли гражданских прав объявлено это нерушимым или же призванием богов в тексте закона? Это ты утверждаешь? Я заявляю, что насчет этого договора вообще никогда не вносили предложения ни на рассмотрение народа, ни на рассмотрение плебса, и что ни закон, ни кара не были признаны священными. И вот, так как римский народ никогда и ничего не постановлял о гадитанцах, насчет которых (даже если бы был издан закон, запрещающий предоставлять права гражданства кому бы то ни было) все же оставалось бы в силе то, что постановил народ, и так как, по-видимому, не было сделано оговорки в известных выражениях: «Если что-нибудь признано нерушимым», — то осмелишься ли ты о чем-то утверждать, что это было признано нерушимым?

(XV, 34) Моя речь, уверяю вас, судьбы, направлена не на то, чтобы объявить недействительным союзный договор с гадитанцами, да я и не хочу высказываться против прав столь заслуженной гражданской общины, против мнения, основанного на давности, против авторитета сената. Некогда, в тяжелые времена для нашего государства, когда господствовавший на суше и на море Карфаген, поддерживаемый обеими Испаниями, угрожал нашей державе, и когда Гней и Публий Сципионы, две молнии нашей державы, погаснув, вдруг пали в Испании³³, центурион-примипил Луций Марций, как говорят, заключил договор с гадитанцами. Так как этот договор опирался на честность этого народа, на нашу верность слову, наконец, на давность в большей степени, чем на какое-то официальное обязательство, то гадитанцы, люди разумные и искушенные в государственном праве, в консулат Марка Лепида и Квинта Катула обратились к сенату с запросом о договоре. Вот тогда-то и был возобновлен или заключен договор с гадитанцами; насчет этого договора римский народ постановления не выносил, а без этого он никак не мог взять на себя священное обязательство.

(35) Таким образом гадитанская гражданская община достигла того, чего она могла достичь услугами, оказанными ею нашему государству, благодаря свидетельству военачальников, в силу давности, благодаря авторитету выдающегося мужа Квинта Катула, на основании решения сената, в силу договора; что могло быть публично скреплено священным обязательством, того нет; ведь народ не брал на себя никаких обязательств. И по этой причине положение гадитанцев не стало хуже: ведь их дело подкреплено важнейшими и очень многими обстоятельствами. Но здесь речь идет, конечно, о другом. А нерушимым может быть только то, что народ или плебс признали священным. (XIV) И если бы этот договор, который римский народ одобряет по предложению сената, на основании заветов и суждения древности, по своей воле и выражением

³⁰ Т. е. с законами города Гадеса, основанного пунийцами.

³¹ Намек на неизвестное нам уголовное дело, в результате которого обвинитель будучи осужден, потерпел поражение в правах.

³² Под римским народом имеются в виду куриатские комиции, под римским плебсом — трибунские комиции (concilium plebis).

³³ Гн. и П. Сципионы пали в Испании в боях с карфагенянами в 211 г., во вторую Пуническую войну. После их гибели во главе римских войск встал римский всадник Л. Марций Септимий. Примипил — центурион первой центурии первого манипула первой когорты легиона — старший офицер легиона. Гадес сдался ему в 216 г. М. Эмилий Лепид и Кв. Лутаций Катул были консулами в 78 г.

своего мнения, он же одобрил своим голосованием, то почему, в силу самого договора, не было бы дозволено принять гадитанца в нашу гражданскую общину? Ведь в договоре речь идет лишь о том, чтобы был «справедливый и вечный мир». Какое отношение имеет это к гражданским правам? Прибавлено также и то, чего нет ни в одном договоре: «Пусть они благожелательно чтут величие римского народа». Это значит, что в договорных отношениях они в подчиненном положении. (36) Прежде всего, выражение «пусть чтут», которым мы обыкновенно пользуемся в законах чаще, чем в договорах, есть приказание, а не просьба. Затем, когда велют чтить величие одного народа, а о другом народе молчат, то в более высокое положение и условия, несомненно, ставят тот народ, чье величие защищается заключительной статьей договора. Толкование, данное обвинителем по этому поводу, не заслуживало ответа; он говорил, что «благожелательно» означает «сообща»³⁴, как будто объяснялось значение какого-то древнего или необычного слова. Благожелательными называют добросердечных, доступных, приятных людей; «кто благожелательно показывает дорогу заблудившемуся»³⁵ — с добросердечием, не тяготясь; слово «сообща», очевидно, здесь не подходит. (37) Вместе с тем не имеет смысла особо оговаривать, чтобы величие римского народа оберегалось «сообща», то есть чтобы римский народ хотел, чтобы его величие было невредимо. Но если бы положение и было таким, каким оно быть не может, то все же обеспечивалось бы наше, но не их величие. Итак, могут ли гадитанцы благожелательно чтить наше величие, если мы для сохранения его не можем привлекать гадитанцев наградами? Наконец, может ли вообще существовать какое-либо величие, если нам препятствуют предоставлять при посредстве римского народа нашим полководцам право оказывать милости в награду за доблесть?

(XVII, 38) Но к чему обсуждаю я то, о чем, пожалуй, действительно стоило бы говорить, если бы гадитанцы выступали против меня? Ведь если бы они требовали назад Луция Корнелия, то я ответил бы, что римский народ издал закон о даровании прав гражданства; что на издание такого рода законов народы не «дают своего согласия»; что Гней Помпей на основании мнения своего совета даровал Луцию Корнелию права гражданства; что гадитанцы не располагают постановлением нашего народа и, таким образом, нет ничего нерушимого, что представлялось бы исключенным по закону, а если бы оно и было, то в договоре все же не предусмотрено ничего, кроме мира; что прибавлено и положение об их обязательстве чтить наше величие, а оно, несомненно, было бы умалено, если бы нам нельзя было пользоваться помощью их граждан во время войн или если бы мы не имели возможности их вознаграждать. (39) Но зачем мне именно теперь выступать против гадитанцев, когда то, что я защищаю, они одобрили добровольно, своим авторитетом и даже присылкой посольства³⁶? Ведь они с первых дней своего существования как государства, забыв всю свою преданность и сочувствие пунийцам, обратили свои помыслы к нашей державе и перешли на нашу сторону; когда карфагеняне объявляли нам величайшие войны, [лакуна] то гадитанцы не впускали их в свои города, преследовали их своими флотами, отбрасывали грудью, средствами, вооруженными силами; они всегда считали видимость старого Марциева договора более нерушимой, чем крепость, и решили, что договором, который заключил Катул, и поручительством сената они связаны с нами теснейшим образом. Как Геркулес пожелал, чтобы стены, храмы и поля гадитанцев были пределами для его странствий и трудов, так предки наши повелели, чтобы они были пределами нашей державы и власти римского народа. (40) наших умерших полководцев, чья бессмертная память и слава жива, — Сципионов, Брутов, Горацьев, Кассиев, Метеллов и присутствующего здесь Гнея Помпея, которому гадитанцы, когда он вел трудную и большую войну вдали от их стен, помогли снабжением и деньгами, а ныне и сам римский народ, чье положение при

³⁴ В латинском языке эти слова созвучны (comiter и communiter).

³⁵ Ср. Энцикл. Фр. 398; Цицерон. Об обязанностях, I, 51.

³⁶ Гадитанцы отправили в Рим представителей, чтобы они выступили в суде в защиту Бальба.

дороговизне хлеба они облегчили, доставив ему зерно, как они не раз поступали и ранее, — гадитанцы призывают в свидетели того, что они хотят следующих прав: пусть для них самих и для их детей, если кто-нибудь из них проявит исключительную доблесть, найдется место в наших военных лагерях, в ставках наших полководцев, наконец, место под нашими знаменами и в строю, и пусть они по этим ступеням поднимутся даже к правам гражданства.

(XVIII, 41) И если населению Африки, Сардинии, Испании, наказанному лишением земель и наложением дани, дозволено приобретать своей доблестью права гражданства, а гадитанцам, связанным с нами услугами, давностью отношений, верностью, опасностями, союзным договором, этого же не будет дозволено, то они сочтут, что у них с нами не договор, а навязанные им нами несправедливые законы. А что я не придумываю содержания своей речи, но выражаю мысли гадитанцев, показывает сама действительность. Я утверждаю, что много лет назад гадитанцы от имени общины установили с Луцием Корнелием отношения гостеприимства; предъявляю табличку³⁷; прошу посланцев встать; вы видите представителей — выдающихся и знатнейших людей, присланных на этот суд, чтобы отвратить опасность, грозящую Луцию Корнелию; наконец, давно, когда в Гадесе узнали о судебном деле, о том, что Луцию Корнелию угрожает опасность со стороны этого человека, — то гадитанцы постановлением в своем сенате осудили своего согражданина, упомянутого мною. (42) Если народ становится «давшим согласие» тогда, когда он своим решением одобряет постановление нашего плебса и народа, то могли ли гадитанцы стать «давшими согласие» (ведь это слово доставляет тебе особенное удовольствие) в большей мере, чем тогда, когда они установили отношения гостеприимства, признав тем самым, что Луций Корнелий переменил гражданство, что он достоин чести быть нашим гражданином? Могли ли они вмешаться, выразив свой приговор и свою волю с большей определенностью, чем сделали это тогда, когда они даже наложили пеню на его обвинителя и наказали его? Могли ли они вынести по этому делу более ясное решение, чем решение прислать своих виднейших граждан для участия в вашем суде как свидетелей прав Луция Корнелия, с хвалебным отзывом о его жизни, предстателей для отвращения опасности? (43) И впрямь, кто столь безрассуден, чтобы не понимать, что гадитанцы должны сохранять за собой такое право, дабы путь к этой наивысшей награде — правам гражданства — не оказался для них навсегда прегражденным, и что они должны особенно радоваться тому, что расположено присутствие здесь Луция Корнелия к своим согражданам остается в Гадесе, а его влияние и возможность защищать их интересы находят применение в нашем государстве? И действительно, кому из нас не стали дороже интересы этой гражданской общины благодаря его рвению, деятельности и заботам?

(XIX) Не говорю о том, сколь великими наградами Гай Цезарь, будучи в Испании претором³⁸, отличил этот народ, как он успокоил раздоры, как он, с согласия гадитанцев, определил их права, устранил черты застарелого варварства в их нравах и установлениях, с каким необычайным вниманием он, по просьбе Луция Корнелия, отнеся к этой гражданской общине и какие милости он ей оказал. Прохожу мимо многого такого, что благодаря труду и усердию Луция Корнелия изо дня в день достигается либо полностью, либо, во всяком случае, более легко. Поэтому первые люди среди их граждан присутствуют здесь и защищают Луция Корнелия из чувства приязни как своего гражданина, свидетельскими показаниями — как нашего; из чувства долга — как неприкосновенного гостя, в прошлом своего знатнейшего гражданина; из чувства преданности — как заботливейшего защитника их благополучия. (44) А чтобы сами

³⁷ Так называемая *tessera hospitalis* — пластинка из свинца или из обожженной глины с написанным именем главы дома; половину ее глава дома вручал гостю при его отъезде; ее при новом посещении дома представлял гость или его близкий как доказательство уз заключенного гостеприимства.

³⁸ Цезарь был в 68 г. квестором в Испании «Дальней», в 62 г. он был там же претором.

гидитанцы, хотя им и не наносят ущерба, если их согражданам, в уважение к их доблести, дозволено переходить в наше гражданство, все же не думали, что именно поэтому заключенный ими договор менее почитен, чем договоры с другими гражданскими общинами, я утешу и этих вот присутствующих здесь честнейших людей, и ту далекую верную и дружественную нам гражданскую общину, а заодно докажу вам, судьи, — хотя вы и сами хорошо осведомлены, — что в праве, по поводу которого назначен этот суд, вообще никогда не было сомнений.

(45) Итак, кого признаем мы мудрейшими истолкователями договоров, кого — опытнейшими людьми в праве войны, кого — внимательнейшими в изучении правового положения гражданских общин и их интересов? Конечно, тех, кто уже был обличен военной властью и вел войны. (XX) И действительно, если знаменитый авгур Квинт Сцевола ³⁹, когда с ним советовались о праве залога земель, иногда отсылал спрашивавших к скупщикам земель Фурию и Касцеллию, хотя и сам был весьма опытен в вопросах права; если я насчет своего водопровода в Тускуле советовался с Марком Тугионом, а не с Гаем Аквиллем ⁴⁰, так как постоянная деятельность, направленная на один предмет, часто имеет большее значение, чем дарование и знания, — то кто, когда дело касается договоров и всего права мира и войны, поколеблется предпочесть наших военачальников всем опытнейшим правоведам? (46) Итак, не можем ли мы представить тебе как поручителя в закономерности этого примера и этого действия, которые ты осуждаешь, самого Гая Мария? Найдешь ты человека, который был бы более строг во взглядах, более стоек, отличался бы более выдающейся доблестью, пронизательностью, добросовестностью? И вот, он даровал права гражданства игувийцу Марку Аннию Аппию, храбрейшему мужу, наделенному величайшей доблестью; он же даровал права гражданства поголовно двум когортам камеринцев, зная, что договор с Камерином ⁴¹ — священнейший и справедливейший из всех договоров. Так возможно ли, судьи, осудить Луция Корнелия без того, чтобы не осудить постука Гая Мария? (47) Да появится же на короткое время этот знаменитый муж в вашем воображении (так как появиться в действительности он не может), дабы вы взглянули на него мысленно (так как увидеть его воочию вы не можете); пусть он скажет, что он не был лишен опыта в вопросах союзного договора, что он был хорошо знаком с примерами из прошлого, искушен в военном деле, что он ученик и солдат Публия Сципиона; что он прошел обучение на военной службе и на военных должностях легата; что он — веди он столь большие войны, какие он завершил, и служи он под началом стольких консулов, сколько раз он сам был консулом, — смог бы тщательно изучить и узнать все права войны; что для него не было сомнения в том, что ни один договор не препятствует честному выполнению государственных дел; что он выбрал всех храбрейших людей из теснейше связанной с нами и весьма дружественной нам гражданской общины; что ни договором с Игувием, ни договором с Камерином не было исключено право римского народа награждать их граждан за доблесть.

(XXI, 48) Поэтому, когда на основании Лициниева и Муциева закона ⁴², было — через несколько лет после этого дарования гражданских прав — назначено строжайшее следствие по делу о гражданстве, то разве кто-нибудь из тех, кто, происходя из союзных гражданских общин, получил права гражданства, был привлечен к суду? Правда, Тит Мариний из Сполетия, единственный из тех, кому Гай Марий даровал гражданские права, отвечал перед судом; он происходил из латинской колонии, весьма

³⁹ Кв. Муций Сцевола, консул 117 г., правовед.

⁴⁰ М. Тугион — знаток законов о праве на воду; Г. Аквиллий — знаменитый правовед, коллега Цицерона по претуре 66 г.

⁴¹ Камерин — город в Юго-Восточной Умбрии. В 310 г., во время войны с самнитами, Рим заключил с ним договор.

⁴² Закон, проведенный в 95 г. консулами Л. Лицинием Крассом и Кв. Муцием Сцеволой, об удалении из Рима союзников, выдававших себя за римских граждан (см. Цицерон. Об обязанностях, III, 11, 47).

надежной и известной⁴³. Когда его обвинял красноречивейший Луций Антистий, он не говорил, что сполетинцы не сделались «давшими согласие» (он понимал, что народы обыкновенно становятся «давшими согласие», когда речь идет об их правах, но не о наших), но, так как колонии не были выведены на основании Апулея закона, в силу которого Сатурнии предоставил Гаю Маррию возможность делать римскими гражданами троих человек в каждой колонии⁴⁴, он утверждал, что эта милость не должна иметь силы, раз упразднено основание для нее. Твое обвинение не содержит ничего сходного с тем, о чем я упомянул; (49) однако все же Гай Маррий обладал таким авторитетом, что отстоял и получил одобрение своим действиям не при посредстве своего свойственника Луция Красса, необычайно красноречивого человека, но сам, без лишних слов, благодаря своему влиянию. И действительно, судьи, кто захочет, чтобы наших полководцев лишали возможности отличать доблесть, проявленную на войне, в сражении, в войске, чтобы у союзников, у союзных гражданских общин отнимали надежду на награды, заслуженные ими при защите нашего государства? Но если подействовало выражение лица Гая Мария, его голос, свойственный полководцу огонь в его глазах, его недавние триумфы, его присутствие, то пусть подействует его авторитет, пусть подействуют его подвиги, память о нем, пусть подействует вечное имя этого храбрейшего и прославленного мужа! Пусть между влиятельными и храбрыми гражданами будет следующее различие: да наслаждаются первые своим могуществом при жизни; что касается вторых, то пусть даже после их смерти — если защитник нашей державы вообще может умереть — живет их бессмертный авторитет!

(XXII, 50) Далее, не даровал ли Гней Помпей-отец⁴⁵, совершив величайшие подвиги в Италийскую войну, права гражданства честному мужу, римскому всаднику Публию Цесию, здравствующему и ныне, выходцу из союзной гражданской общины Равенны? Далее, не даровал ли их Гай Маррий поголовно двум когортам камеринцев? Далее, не даровал ли их Публий Красс, именитейший муж, Алексасу из Гераклеи, с которой во времена Пирра, в консулат Гая Фабриция⁴⁶, как считают, был заключен, пожалуй, единственный в своем роде договор? Далее, не даровал ли их Луций Сулла Аристову из Массилии? Далее, — коль скоро говорим о гадитанцах, — то не пожаловал ли Луций Сулла...⁴⁷ Далее, не даровал ли их безупречнейший в высшей степени совестливый и осторожный человек, Квинт Метелл Пий⁴⁸, Квинту Фабию из Сагунта? Далее, этот вот присутствующий здесь Марк Красс, подробнее рассмотревший все эти примеры из прошлого, которые я теперь перечисляю, не даровал ли права гражданства жителю союзной общины Авенниона? А ведь это — человек редкостной строгости взглядов и благоразумия и даже чересчур скупой на дарование прав гражданства. (51) Здесь ты пытаешься умалить милость или, скорее, решение и поступок Гнея Помпея, сделавшего то, что, как он слышал, сделали Гай Маррий, Публий Красс, Луций Сулла, Квинт Метелл, Марк Красс, что, наконец, как он видел, делал его прямой наставник — его отец. И он сделал это не по отношению к одному только Корнелию; ведь он даровал права гражданства и гадитанцу Гасдрубалу после памятной нам войны в Африке⁴⁹, и мамертинцам Овиям, и некоторым жителям Утики,

⁴³ В 241 г. в Сполетии (Южная Умбрия) была основана латинская колония.

⁴⁴ Аграрный закон, проведенный в 103 г. плебейским трибуном Л. Апулеем Сатурнином; он предоставлял ветеранам Мария (по Югуртинской войне) крупные земельные участки в Африке.

⁴⁵ Консул 89 г. Гн. Помпей Страбон, отец Помпея Великого, в Италийскую войну одержал ряд побед над пицентинцами, марсами, пренестийцами, пелигнами и др.

⁴⁶ П. Лициний Красс, консул 97 г., Г. Фабриций Лусцин, консул 282 г. О договоре с Гераклеей см. выше § 21 и прим. к нему.

⁴⁷ Текст испорчен.

⁴⁸ Кв. Метелл Пий, сын Метелла Нумидийского, консул 80 г. Сагунт поступил под покровительство римлян около 231 г.

⁴⁹ В 81 г., во время военных действий против марианца Гн. Домиция Агенобарба и нумидийского царька Иарбы.

и сагунтинцам Фабиям. И действительно, если те, кто защищает наше государство ценой лишений и опасностей, достойны других наград, то они, несомненно, вполне достойны дарования им прав того гражданства, за которое они грудью встретили опасности и копья. О, если бы бойцы за нашу державу, где бы они ни были, могли получать права нашего гражданства и, наоборот, людей, на государство пошедших войной, было позволено изгонять из гражданской общины! Ведь наш величайший поэт вовсе не хотел, чтобы знаменитое обращение Ганнибала к солдатам характеризовало этого полководца больше, чем любого другого:

Тот, кто врага поразит, для меня карфагенянин будет,
Кто б он ни был, откуда бы род свой ни вел ⁵⁰.

Последнему обстоятельству полководцы не придают и никогда не придавали значения. Поэтому они и делали согражданами мужей, храбрых во всех отношениях, и очень часто доблесть незнатных предпочитали бездеятельности знати.

(XXIII, 52) Вот как великие полководцы и мудрейшие люди, прославленные мужи толковали право и договоры. Приведу и суждение судей, рассматривавших такого рода дела; приведу суждение всего римского народа; приведу и добросовестнейшее и мудрейшее суждение сената. Когда судьи не скрывали и открыто говорили, какой приговор они, на основании Папиева закона ⁵¹, намеревались вынести Марку Кассию, чьего возвращения в их гражданство требовали мамертинцы, то мамертинцы отказались от дела, начатого ими официально. Многие лица из свободных и связанных с нами договором независимых и союзных народов были приняты в число наших граждан, но никто из них никогда не был обвинен по поводу прав гражданства — ни на основании того, что народ не «давал согласия», ни на основании того, что праву перемены гражданства препятствовал союзный договор. Осмелюсь также утверждать, что еще никогда не был осужден человек, о котором было известно, что он получил гражданство от нашего полководца.

(53) Ознакомьтесь теперь с суждением римского народа, вынесенным им во многих случаях и подтвержденным в важнейших судебных делах. Кто не знает, что в консулат Спурия Кассия и Постума Коминия был заключен союзный договор со всеми латинянами ⁵²? И даже недавно надпись с его текстом, как мы помним, вырезана на бронзовой колонне позади ростр. Каким образом, в таком случае, после осуждения Тита Целия стал римским гражданином ⁵³ Луций Коссиний из Тибура ⁵⁴, отец этого вот римского всадника, честнейшего и виднейшего человека; каким образом, после осуждения Гая Масона, стал римским гражданином происходивший из той же общины Тит Копоний, опять-таки гражданин высшей доблести и достоинства? Его внуков — Тита и Гая Копониев — вы знаете. (54) Или язык и ум могли открыть доступ к правам гражданства, а твердость руки и доблесть этого не могли? Или союзным народам дозволялось совлекать с нас доспехи, а с врагов не дозволялось? Или того, что они могли добывать себе, произносить речи, им достигать, сражаясь, не дозволялось? Или предки наши повелели, чтобы награды обвинителю были больше наград воителю? (XXIV)

⁵⁰ Элий. Фр. 280.

⁵¹ Плебисцит, проведенный в 64 г. плебейским трибуном Г. Папием, карал изгнанием чужеземцев, присвоивших себе права римского гражданства. Папиев закон был принят в развитии Плавциева-Папириева закона 89 г. и был направлен главным образом против галлов и транспаданцев.

⁵² Речь идет о договоре, заключенном в 493 г., во второй консулат Спурия Кассия Вецеллина.

⁵³ Римскими законами был установлен ряд наград для лиц, успешно выступивших обвинителями в судах по серьезным делам. В числе таких наград было и предоставление римского гражданства.

⁵⁴ Тибур оставался автономным городом до 90 г.

Но если и при суровейшем Сервилиевом законе⁵⁵ первенствовавшие мужи и строжайшие и мудрейшие граждане согласились на то, чтобы такой путь к римскому гражданству был, по повелению римского народа, открыт латинянам, то есть народам, связанным с нами договором, и если право это не было отменено законом Лициния и Муция, да еще и сам род обвинения, и название его, и награда, неразрывная с несчастьем [обвиняемого] сенатора, не могли доставить удовольствия никакому сенатору, никакому благомыслящему, — [если все это так], то следовало ли сомневаться, что там, где вопрос о наградах мог считаться решенным судьями, там и суждения полководцев [тем более] были действительными? Разве мы можем думать, что народы Лация «дали согласие» с Сервилиевым законом или с другими законами, в силу которых для отдельных латинян за то или другое была установлена награда в виде римского гражданства?

(55) Означать теперь с решением сената, которое всегда подтверждалось решением народа. Предки наши, судьи, повелели, чтобы священнодействия в честь Цереры совершались с величайшими благоговением и торжественностью. Так как они были заимствованы из Греции, то их всегда совершали жрицы-гречанки, и все называлось по-гречески. Но хотя ту, которая могла показать и совершить это греческое священнодействие, избирали в Греции, все-таки предки наши повелели, чтобы священнодействие о благополучии граждан совершала гражданка, чтобы она молила бессмертных богов, хотя и по иноземному и чужому обряду, но с образом мыслей римлянки и гражданки. Эти жрицы, как я знаю, были почти все из Неаполя или из Велии⁵⁶, несомненно, союзных гражданских общин. О давних временах я умалчиваю; утверждаю, что недавно, до дарования прав гражданства жителям Велии, городской претор Гай Валерий Флакк, на основании решения сената предложил народу сделать римской гражданкой Каллифану. Так следует ли думать, либо что жители Велии стали «давними согласие», либо что эта жрица не сделалась римской гражданкой, либо что сенат и римский народ нарушили союзный договор?

(XXV, 56) Я понимаю, судьи, что при слушании ясного и отнюдь не вызывающего сомнений дела сказано и больше, и большим числом опытнейших людей, чем требовала его суть. Но это было сделано не для того, чтобы речами доказывать вам столь очевидное, но чтобы сломить самоуверенность всех недоброжелателей, несправедливых людей, ненавистников. Обвинитель, чтобы распалить какие-нибудь толки людей, огорченных чужим благополучием, достигали и ваших ушей и распространялись даже среди судей, в каждую часть своей речи, как вы видели, с большим искусством вставлял что-нибудь такое — то об имуществе Луция Корнелия, которое и незавидное, и, каково бы оно ни было, кажется нам скорее сохраненным, чем награбленным; то о его роскошествах, которые он клеймил не каким-либо обвинением в разврате, а пошлым злословием; то о тускульской усадьбе, которая-де принадлежала ранее Квинту Метеллу и Луцию Крассу⁵⁷, это обвинитель помнил; но в его памяти не удержалось, что Красс ее купил у вольноотпущенника Сотерика Марция, что к Метеллу она перешла из имущества Веннония Виндиция⁵⁸. Вместе с тем обвинитель не знал и того, что имения сами по себе родовитыми не бывают, что в силу покупки они обычно переходят к людям чужим и часто низкородным — в силу законов, как права опеки. (57) Не избежал Луций Корнелий и упрека в том, что он вступил в Клузуминскую трибу⁵⁹; он достиг этого как награды на основании закона о домогательстве; награда эта меньше возбуждает недоброжелательность, чем предоставляемая законами награда в виде права вы-

⁵⁵ Сервилиев закон 106 г. (lex Servilia Caepionis).

⁵⁶ Велия — город в Лукании, основан около 535 г., в союзе с Римом с 272 г.

⁵⁷ Возможно, Кв. Метелл Пий и Л. Лициний Красс.

⁵⁸ См. Цицерон. К Аттику, VI, 1, 25; 3, 5.

⁵⁹ Клузуминская триба была сельской и более престижной, чем та, к которой Бальб принадлежал ранее; одна из 21 первоначальных триб.

сказывать мнение вместе с преториями и надевать тогу-претексту⁶⁰. Нападкам подверглось и его усыновление Теофаном⁶¹; благодаря этому усыновлению Корнелий не получил ничего, кроме права наследовать своим близким.

(XXVI) Впрочем, успокоить тех, кто озлоблен на самого Корнелия, — не самая трудная задача. Они злы на него, как это бывает с людьми: они терзают его на пирах, жалят в собраниях, кусают не столько зубом неприязни, сколько зубом злословия. (58) А вот тех, кто либо недруг его друзьям⁶², либо озлоблен на них, Луций Корнелий должен страшиться гораздо больше. И в самом деле, кто когда-либо оказался не другом самому Корнелию или кто, по справедливости, мог им быть? Какого честного человека он не уважал, чьей удаче и чьему высокому положению он не делал уступок? Находясь в тесных дружеских отношениях с могущественнейшим человеком⁶³, он среди величайших несчасть и разногласий никогда — ни делом, ни словом, ни, наконец, взглядом — не оскорбил ни одного человека противоположного образа мыслей и находившегося на противной стороне. Таков был рок, — мой ли или государства, — чтобы вся та перемена общего положения отразилась на мне одном⁶⁴. (59) Корнелий не только не ликовал при моих несчастьях, но всяческими услугами, своим плачем, содействием, утешением поддерживал в мое отсутствие всех моих родных. Следуя их заверениям и просьбам, воздаю ему по заслугам и, как я сказал вначале, выражаю справедливую и должную благодарность, и надеюсь, судьи, что подобно тому, как вы почитаете и относитесь с приязнью к тем, кто был зачинателем в деле охраны моего благополучия и высокого положения, так вам по сердцу и угодно то, что было сделано Луцием Корнелием в меру его возможностей и положения. Итак, его не оставляют в покое не его личные недруги, которых у него нет, а недруги его друзей⁶⁵, многочисленных и могущественных; именно им Гней Помпей вчера в своей богатой доводами и убедительной речи предложил, если они захотят, бороться с ним самим, а от нынешнего неравного состязания и неправого спора их отговаривал. (XXVII, 60) Это будет и справедливое, и чрезвычайно полезное правило — и для нас, судьи, и для тех, кто завязывает дружеские отношения с нами: враждовать только между собою, а друзей наших недругов щадить. И если бы мой авторитет в этом отношении был у них достаточно веским (тем более что я, как они понимают, очень хорошо научен перемчивостью обстоятельств и самим опытом), то я отвлел бы их от тех более серьезных распри. И действительно, я всегда полагал, что бороться из-за государственных дел, защищая то, что признаешь лучшим, — дело храбрых мужей и великих людей, и я ни разу не уклонился от этого труда, долга, бремени. Но борьба разумна только до тех пор, пока она либо приносит какую-то пользу, либо, если и не полезна, то не приносит вреда государству. (61) Мы поставили себе некую цель, вступили в борьбу, померялись силами, успеха не достигли. Скорбь испытали другие, нашим уделом были стенания и горе. Почему то, что изменить мы не можем, мы предпочитаем разрушать, а не оберегать? Сенат почтил Гая Цезаря торжественными и необычно для нас продолжительными молебствиями⁶⁶. Несмотря на скудость денежных средств, сенат выдал жалование победоносному войску, назначил полководцу десятерых легатов, постановил не назначать ему преемника в соответствии с Семпрониевым законом. Я внес эти предложения и отставлял их, считая нужным руководствоваться не своими прежними расхождениями с

⁶⁰ Речь идет о наградах за выступление обвинителем в суде (см. прим. 53). Преторий — бывший претор; сенаторы высказывались по старшинству.

⁶¹ Бальб первоначально был усыновлен Теофаном, клиентом и любимцем Помпея.

⁶² Цезарю и Помпею.

⁶³ С Цезарем.

⁶⁴ Ср. *Цицерон*. Филиппика, XIII, 30. Намек на свое изгнание в 58 г.

⁶⁵ Главным образом Помпей и Цезарь.

⁶⁶ Благодарственные молебствия богам первоначально были однодневными, затем трехдневными; от имени Марии — 10-дневными; от имени Помпея после войны с Митридатом — 12-дневными; от имени Цезаря после его действий против геллетов — 15-дневными; впоследствии они стали 20, 40 и даже 50-дневными.

ним во взглядах, а нынешним положением в государстве и наличием согласия. Другие думают по-иному. Они, пожалуй, более тверды в своем мнении. Никого не порицаю, но соглашаюсь не со всеми и не считаю проявлением нестойкости, если люди соотносят свое мнение с обстоятельствами в государстве, как путь корабля — с погодой. (62) Но если существуют люди, чья ненависть к тем, к кому они ее однажды почувствовали, безгранична (а таких, вижу я, немало), то пусть они сражаются с самими полководцами, а не с их спутниками и сторонниками. Ведь некоторые, пожалуй, назовут такую ненависть упорством, другие — доблестью, а эту несправедливость все сочтут сопряженной с какой-то жестокостью. Но если мы не можем никакими доводами умиротворить определенных людей, то я уверен, что вы, судьи, во всяком случае, умиротворены не моей речью, а собственной человечностью.

(XXVIII, 63) И в самом деле, разве дружеские отношения с Цезарем не должны были бы служить Луцию Корнелию скорее к похвале, даже самой большой, чем ко вреду, хоть самому малому? Он встретился с Цезарем юношей, он понравился проницательнейшему человеку, хотя у Цезаря было очень много друзей, Луций Корнелий сравнился с самыми близкими ему людьми. В свою претуру, в год своего консулата Цезарь сделал его начальником войсковых рабочих. Цезарю понравилась его сообразительность, его привлекла честность Луция Корнелия, он полюбил его за добросовестность и почитательность. Когда-то Луций Корнелий разделял многие труды Цезаря; теперь на его долю, быть может, выпали некоторые блага. Если все это повредило ему в ваших глазах, то что честное, скажите мне, принесет кому-нибудь пользу в мнении таких людей, как вы?

(64) Но так как Гай Цезарь очень далеко и ныне находится в местностях, которые, по местоположению своему, составляют границы мира, а благодаря его подвигам — границы державы римского народа, то — во имя бессмертных богов, судьи! — не допускайте, чтобы ему доставили это горькое известие и чтобы он узнал, что его начальник войсковых рабочих, столь дорогой и близкий ему человек, не за какой-то собственный его проступок, а за дружеские отношения с ним уничтожен поданными вами голосами. Пожалейте того, кто в суде спорит не о своей провинности, а о деянии присутствующего здесь великого и прославленного мужа; не о каком-то преступлении, а — с опасностью для себя — о публичном праве. Если права этого не знали ни Гней Помпей, ни Марк Красс, ни Квинт Метелл, ни Гней Помпей-отец, ни Луций Сулла, ни Публий Красс, ни Гай Марий, ни сенат, ни римский народ, ни те, кто выносил приговор о подобных делах, ни народы, связанные с нами договорами, ни союзники, ни древние латиняне, то подумайте, не полезнее ли и не больше ли будет для вас чести заблуждаться, следуя таким примерам, нежели просвещаться, обучаясь у такого наставника. Но если вы понимаете, что вам надо вынести соответствующее закону постановление об известном, очевидном, полезном, одобренном, решенном то остерегайтесь непривычного в приговоре о том, что уже настолько укоренилось. (65) Вместе с тем, судьи, представьте себе и такое: прежде всего обвиняемыми, да еще и посмертно, окажутся все те прославленные мужи, которые даровали права гражданства лицам из народов, связанных с нами договором, затем — сенат, который постановил такое, народ, который это повелел, судьи, которые это одобрили. Подумайте о том, что Корнелий живет и жил так, что, хотя существуют суды для рассмотрения всех и всяких провинностей, его привлекают к суду не с тем, чтобы он понес кару за свои дурные деяния, а с тем, чтобы он оправдывался в получении награды за свою доблесть. Кроме того, приговором своим вы определите, что, по вашему мнению, впрямь должна приносить людям дружба прославленных мужей: несчастье или славу? Наконец, судьи, вы должны твердо помнить, что в этом деле вам предстоит вынести приговор не о злодеянии Луция Корнелия, а о благодеянии Гнея Помпея.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- КБН — Корпус боспорских надписей. М.— Л., 1965
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
 КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
 ПППИКНВ — Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока
 ПС — Палестинский сборник
 УЗТУ — Ученые записки Тартуского государственного университета
 ААФВМР — *Brunner H.* Die Anlagen der ägyptischen Felsgräber bis zum Mittlern Reich. Glückstadt, etc., 1936
 АНН — American Historical Review
 АЖФ — The American Journal of Philology
 АКАВ — Anzeiger der philosophisch-historische Klasse der Keiserlichen Akademie der Wissenschaften, Wien
 Anag. — Anagennesis. Athens
 АННВ — Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt
 АОАВ — Anzeiger der Osterreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse. Wien
 АФВ — Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete. Leipzig—Berlin
 АрОр — Archiv Orientalní. Praha
 АС — Ancient Society. Louvain
 АСАЕ — Annales du Service des antiquités de l'Egypte, Le Caire
 АСП — American Studies in Papyrology. New Haven — Toronto — Chico
 АТЛ — Athenian Tribute Lists
 ВАСР — The Bulletin of the American Society of Papyrologists. New York—Toronto — Chico
 ВСН — Bulletin de correspondance hellénique. Athènes — Paris
 ВЕ — Bibliothèque égyptologique. Paris
 ВЕФАР — Bibliothèque des écoles françaises d'Athènes et de Rome
 ВГУ — Ägyptische Urkunden aus den Staatlichen Museen zu Berlin
 ВИФАО — Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale du Caire
 ВРГК — Berichte der Römisch-Germanischen Kommission
 ВСАС — Bulletin de la Société d'archéologie copte. Le Caire
 САН — Cambridge Ancient History
 СдЕ — Chronique d'Egypte. Bruxelles
 СИФ — Classical Philology
 Сohen — *Cohen H.* Description historique des monnaies frappées sous l'empire romain communément appelées médailles impériales. T. 4, 1884; T. 5, 1885; T. 6, 1886; T. 7, 1888, Paris
 СРЖуд. — Corpus Papyrorum Judaicarum. I—III. Cambridge Mass.
 ДАÄ — *Lepsius R.* Denkmäler aus Ägypten und Äthiopien. 2. Abt. Berlin, circa 1850
 ЕР — Études de Papyrologie. Le Caire
 Гиза — *Junker H.* Giza I—XII. Wien — Leipzig, 1929—1955
 ГРВС — Greek, Roman and Bisantine Studies
 Hill — Sources for Greek History between the Persians and Peloponnesian Wars. Collect. and Arrang. by G. F. Hill. A New Edit. by R. Meiggs and A. Andrewes. Oxford, 1951
 ИОСПЕ — Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini. Petropoli, 1916.
 ЖЕА — Journal of the Egyptian Archaeology
 ЖНС — Journal of Hellenic Studies
 ЖЖР — Journal of Juristic Papyrology
 ЖРГЗМ — Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz

- JRS — Journal of Roman Studies
 LÄ — Lexicon der Ägyptologie. Wiesbaden
 MAE — *Mariette A.* Les mastabas de l' Ancien Empire. Paris, 1889
 MBPAR — Münchener Beiträge zur Papyrusforschung und antiken Rechtsgeschichte
 MDAIK — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Abt. Kairo. Mainz
 MIFAO — Mémoires publiés par les membres de l' Institut français d' archéologie orientale du Caire. Le Caire
 MKAWLSK — Mededelingen van de K. Vlaamse Akademie vóór wetenschappen letteren en schone kunsten van België. Kl. der letteren. Brussel
 MPSÖNB — Mitteilungen aus der Papyrussammlung der Österreichischen Nationalbibliothek (Papyrus Erzherzog Rainer). Wien
 OLP — Orientalia Lovanensia Periodica. Louvain
 Pap. Brux. — Papyrologica Bruxellensia. Bruxelles
 Phil. Stud. — Philologische Studien. Louvain
 RBPhH — Revue belge de philologie et d' histoire. Bruxelles
 REA — Revue des études anciennes. Paris
 REG — Revue des études grecques. Paris
 RhM — Rheinisches Museum
 RHR — Revue d' histoire des religions. Paris
 RIL — Rendiconti dell' Istituto Lombardo di scienze e lettere. Milano
 RL — Reallexikon der germanischen Altertumskunde. 2 Aufl.
 RP — Recherches de Papyrologie. Paris
 RPh — Revue de Philologie, de littérature et d' histoire ancienne. Paris
 RT — Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l' archéologie égyptiennes et assyriennes. Paris
 RTS — *Capart J.* Une rue de tombeaux à Saqqarah. Bruxelles, 1907
 SB — Sammelbuch griechischer Urkunden aus Ägypten. Strassburg — Berlin
 SBDaw — Sitzungsberichte der Deutschen Ak. d. Wiss. zu Berlin. Kl. für Sprachen, Literatur und Kunst. Berlin
 SEG — Supplementum Epigraphicum Graecum
 Sel. Pap. — Select Papyri I — II. London, 1932—1934
 SEP — Studien zur Epigraphik und Papyrologie. Leipzig
 SKBAW — Sitzungsberichte der Königlich-Bayerischen Akademie der Wissenschaften, philologisch-philosophische und historische Klasse. München
 SKPAW — Sitzungsberichte der Königlich-Preussischen Akademie der Wissenschaften, philosophisch-historische Klasse. Berlin
 St. Hell. — Studia Hellenistica. Louvain
 St. P. — Studia Papyrologica. Barcelona
 Stud. Pal. — *Wessely C.* Studien zur Palaeographie und Papyruskunde. Leipzig
 TDSA — Testi e documenti per lo studio dell' antichità. Milano
 TG — Tijdschrift voor Geschiedenis. Groningen
 VMP — Veröffentlichungen des Museums für Ur- und Frühgeschichte Potsdam
 Wb — *Erman A., Grapow H.* Wörterbuch der ägyptischen Sprache, Neudruck. Bd I—V. Berlin, 1955
 W. Chrest. — *Mitteis L., Wilken U.* Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde. 1, 2. Leipzig — Berlin, 1912
 W. Grundz. — *Mitteis L., Wilken U.* Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde. I, 1. Leipzig — Berlin, 1912
 ZAS — Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde
 ZfA — Zeitschrift für Archäologie
 ZfG — Zeitschrift für Geschichtswissenschaft
 ZPE — Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Большаков А. О.</i> (Ленинград) — Представление о Двойнике в Египте Старого царства	3
<i>Строгецкий В. М.</i> (Горький) — Особенности внешней политики Афин и Спарты в начальный период первой Пелопоннесской войны (460—455 годы)	37
<i>Глушанин Е. П.</i> (Барнаул) — Военные реформы Диоклетиана и Константина	51

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Нестеренко Н. Д.</i> (Анапа) — Заметки по денежному обращению меди Боспора последней четверти II в. до н. э.	74
<i>Кастанаян Е. Г.</i> (Ленинград) — Надгробная надпись из Порфмия	85
<i>Кизгурдзе Н. Ш.</i> , <i>Лордкипанидзе Г. А.</i> , <i>Тодуа Т. Т.</i> (Тбилиси) — Клейма XV легиона из Пицундского городища	88

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Россиус А. А.</i> (Москва) — Polemika Исократa с Академией Платона	93
<i>Шаршина А. Б.</i> (Ленинград) — Союзы технитов Диониса в эллинистических полисах	102
<i>Зубарь В. М.</i> (Киев) — Из истории Херсонеса Таврического на рубеже нашей эры	118
<i>Ланина Т. А.</i> (Москва) — Некоторые источниковедческие проблемы географических книг Плиния Старшего	130
<i>Попова Е. А.</i> (Москва) — Роспись склепа № 1 некрополя позднескифской столицы	139
<i>Дряглов В. Н.</i> (Киров) — Войны германских племен с Римом в III в. и их влияние на развитие древнегерманского общества на Рейне	151
<i>Фигман И. Ф.</i> (Ленинград) — Проблемы изучения ономастики эллинистического, римского и позднеримского Египта	169

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Рубан В. В.</i> (Николаев) — И. Р. П и ч и к я н. Малая Азия — Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. М.: Наука, 1984	180
<i>Высотский А. М.</i> (Москва) — И. Р. П и ч и к я н. Малая Азия — Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. М.: Наука, 1984	186
<i>Богословский Е. С.</i> (Ленинград) — Bernadette M e n u. Recherches sur l'histoire juridique, économique et sociale de l'ancienne Egypte. Brassac-les-Mines, 1982; Bernadette M e n u. Droit-économie-société de l'Egypte ancienne. Aurillac, 1984.	190
<i>Шкунаев С. В.</i> (Москва) — M. J. Green. The Wheel as a Cult-Symbol in the Romano-Celtic World. Bruxelles, 1984	194
<i>Кошелевко Г. А.</i> (Москва) — P. B e r n a r d. Fouilles d'Ai Khanoum. IV. Les monnaies hors trésors. Questions d'histoire gréco-bactrienne. Paris, 1985	199
<i>Иванов Вяч. Вс.</i> (Москва) — E. N e u. Althethitische Ritualtexte in Umschrift. Studien zu den Bogazköy-Texten, Heft 25. Wiesbaden, 1980; E. N e u. Glos-sar zu den althethitischen Ritualtexten Studien zu den Bogazköy-Texten. Heft 26. Wiesbaden, 1983	208
<i>Баюн Л. С.</i> , <i>Иванов Вяч. Вс.</i> (Москва) — Investigations philologicae et comparativae. Wiesbaden, 1982	211

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Печатнова Л. Г.</i> (Ленинград) — Научная конференция «Проблемы античного полиса — VI»	220
<i>Акимов Л. И.</i> , <i>Трейстер М. Ю.</i> (Москва) — IX Международный коллоквиум по античным бронзам	223
<i>Горончаровский В. А.</i> , <i>Щеглов А. Н.</i> (Ленинград) — Конференция «Проблемы античной и скифо-сарматской археологии», посвященная памяти П. Н. Шульца	229

ПРИЛОЖЕНИЕ

М. Туллий Цицерон. Речь в защиту Л. Корнелия Бальба. Перевод с латинского и примечания В. О. Горенштейна	235
--	-----